

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИМ. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

1 86-10 / 214-9

К. М. Байпаков

**Средневековая
городская
культура
Южного Казахстана
и Семиречья**

(VI-начало XIII в.)

Издательство „Наука“ Казахской ССР

АЛМА-АТА-1986

Байпаков К. М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI — начало XIII в.). — Алма-Ата: Наука, 1986. — 256 с.

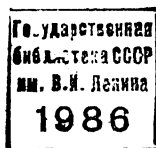
На базе большого археологического материала исследуется типология городищ юга Казахстана, юго-западного и северо-восточного Семиречья; характеризуется структура городов; выявляется характер квартальной застройки, развитие городского жилища. На материале раскопок ряда городищ исследуются социальная структура города и вопросы демографии, развитие городской культуры и ремесел, роль торговли в городской жизни.

Книга рассчитана на научных работников, преподавателей и студентов исторических специальностей; рекомендуется также краоведам.

Ответственный редактор

кандидат исторических наук

К. А. АКИШЕВ

Б 0507000000—006
407(05)—86 6.85

© Издательство «Наука» Казахской ССР, 1986

ОТ АВТОРА

Последняя четверть века отмечена возросшим интересом к изучению городской тематики. Соответственно с этим все большее значение приобретает проблема города, его структуры, внутреннего содержания, динамики развития. Важное место в общем русле исследований города занимает вопрос о городской жизни на Востоке.

Интерес к городской проблематике всегда был в центре внимания отечественного востоковедения и археологии. База исследования города заложена в трудах В. А. Жуковского, П. П. Лерха, В. В. Бартольда. Организация крупных археологических экспедиций, руководимых М. Е. Массоном, А. Ю. Якубовским, М. М. Дьяконовым, А. М. Беленицким, С. П. Толстовым, В. А. Шишкиным, А. Н. Бернштамом, А. Х. Маргуланом, позволила в сравнительно короткое время обследовать всю территорию Средней Азии и юга Казахстана.

Постоянно расширяются археологические работы на средневековых городищах, в том числе в Мерве, Афрасиабе, Бухаре, Ходженте, Ташкенте, Пенджикенте, Отраре, Талгаре и Краснореченском.

Нарастающий объем материала раскопок, рост количества публикаций сделали необходимым координирование исследований, выработку общих методических установок как в вопросах полевых раскопок, так и в области исторической интерпретации.

В 1969 г. Научный совет по проблемам археологии Средней Азии и Казахстана провел совещание в г. Фрунзе, посвященное средневековому городу Средней Азии и Казахстана. В качестве первоочередных были названы такие задачи археологической медиевистики, как историческая

география, особенно в областях Мавераннахра, Ферганы и Южного Казахстана; выявление динамики развития отдельных городов и историко-культурных областей; исследование городов как социальных организмов [Средневековые города..., 1970].

В 1977 г. в Пенджикенте состоялась конференция, посвященная проблемам развития культуры раннесредневековой Средней Азии и Казахстана эпохи доарабского завоевания. Рассматривались вопросы хронологии керамических комплексов, социологической и культурологической интерпретации памятников, культурно-экологических связей регионов. Были отмечены достижения в изучении раннесредневековых городов, особенно Пенджикента, а также наметившееся отставание в изучении домусульманского города Семиречья и юга Казахстана [Раннесредневековая культура, 1977].

В 1981 г. в Алма-Ате на конференции, посвященной изучению городской культуры XIII—XVIII вв., рассматривались характер городской жизни в постмонгольское время, динамика развития структуры и функции позднесредневековых городов, социальная стратификация городского населения, роль городов в сложении государственности [Савельева, 1982].

В 1973 г. вышел обобщающий труд «Средневековый город Средней Азии», написанный А. М. Беленицким, И. Б. Бентович, О. Г. Большаковым. В книге по-новому была представлена внутренняя структура домусульманского города, где высокого уровня развития достигли ремесла и денежная торговля. Иной, нежели считалось раньше, оказалась городская застройка, характер занятий населения шахристана. В книге раскрыты такие аспекты проблемы, как количество городов и их колебание в регионе вообще и по отдельным областям; демографическая ситуация; развитие ремесел, торговля; государственно-правовое положение города; классовое расслоение горожан, объединение горожан, классовая борьба.

Монография, бесспорно, послужила своеобразным ориентиром для исследователей этой темы, стимулировала появление обобщающих работ [Давидович, 1978, 1979; Байпаков, Ерзакович, 1976; Буряков, 1982; Филианович, 1983].

Назрела необходимость создания сводной работы по средневековой городской культуре одной из крупных культурно-исторических областей — Южного Казахстана и Семиречья. В отличие от других историко-культурных областей Средней Азии городская культура здесь развивалась в тесном взаимодействии с кочевниками, ибо города находились в окружении кочевого мира, что определило своеобразие города и городской культуры области, придало им определенную специфику.

Кроме того, после выхода обобщающих работ по отдельным вопросам городской культуры области прошло около 30 лет [Чуйская долина, 1950; Маргулан, 1950; Кожемяко, 1959; Агеева, Пацевич, 1958].

За прошедшие годы были накоплены новые материалы. Объем их по сравнению с предыдущим временем резко увеличился и в первую

очередь за счет широких раскопок памятников области — Отрара, Куйрук-тобе, Кок-Мардана, Краснореченского и Луговского городищ, Талгара, Жаксылыка, а также благодаря тщательным разведкам отдельных районов. Этот материал был обобщен в отдельных статьях, посвященных частным вопросам археологии, и в работах по отдельным городским центрам области — Отрару [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972, 1981], Таразу [Сенигова, 1972].

Сводных же работ, где на современном методическом уровне систематизировался бы накопленный материал, ставилась и решалась проблема генезиса средневековой городской культуры Южного Казахстана и Семиречья, до сих пор не было.

Значительно пополнились представления о развитии городской культуры в соседних областях, полученные на основе археологических работ последних лет, что заставляет зачастую пересматривать традиционные представления о городе Южного Казахстана и Семиречья, по-новому подходить к решению многих проблем развития городской культуры области.

Задачей настоящей работы является прежде всего систематизация и обобщение всего известного и нового материала по городской культуре Южного Казахстана и Семиречья. На этой фактологической базе осуществляется изучение развития средневековой городской культуры и ее особенностей в Южном Казахстане и Семиречье, а также в отдельных районах области в динамике. Решение ее позволяет проследить судьбы городов на двух этапах — от начала их формирования в VI — первой половине IX в. до максимального развития в X — начале XIII в. в условиях взаимосвязи с кочевой степью. Поставленная задача разрабатывается в следующих аспектах: отождествление городов, известных по письменным источникам, с обследованными городищами; выделение археологических комплексов; выявление числа городов по двум этапам; разработка типологии городищ; исследование городской структуры; изучение эволюции городского жилища; определение численности населения; характеристика функций города — ремесла, торговли, культуры. Столь широкая проблематика впервые разрабатывается в историографии по средневековой урбанизации Южного Казахстана и Семиречья.

Начальная хронологическая дата исследования определена VI в. — временем образования Западнотюркского каганата, центром которого были Семиречье и юг Казахстана. Это событие можно считать переломным в процессе феодализации, и с этого времени здесь ведется отсчет феодальной общественно-экономической формации.

Конечная хронологическая дата работы приходится на первые два десятилетия XIII в., когда процесс поступательного развития городской культуры Южного Казахстана и Семиречья был прерван татаро-монгольским нашествием. В результате сократилось количество городов, были нарушены экономические связи города и степи. Лишь постепенно восстанавливается городская жизнь на юге Казахстана. В Семиречье последствия монгольских завоеваний оказались необратимыми, и город-

ская культура гибнет в Илийской долине в конце XIII в., в Чуйской и Таласской долинах в XIV — начале XV в.

Для решения поставленных задач потребовалось выйти за пределы региона и привлечь для сравнения сведения о городской культуре Средней и Центральной Азии.

Автор благодарит В. М. Массона, А. М. Беленицкого, Б. И. Маршака, С. Г. Кляшторного, В. И. Распопову за консультации, сотрудников сектора археологии ИИАЭ АН Казахской ССР — за помощь в процессе работы над книгой, Р. Бектурееву — за перевод краткого изложения содержания книги на английский язык.

Глава I.

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАЙОНИРОВАНИЕ ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА И СЕМИРЕЧЬЯ. ИСТОРИОГРАФИЯ АРХЕОЛОГИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Историко-географическое районирование

Южный Казахстан и Семиречье составляют единую в естественно-географическом и историко-культурном отношениях область [Аболин, с. 57—61; Казахстан..., с. 400—405]. Она включает территорию от Аральского моря на западе до озера Алакуль на востоке и от озера Балхаш, пустынного плато Бетпак-Дала и Кызыл-Кумов на севере до горных цепей Тянь-Шаня на юге (рис. 1). На равнинах здесь, как и в Средней Азии, достаточно тепла, но мало атмосферных осадков. В то же время в горах и предгорьях достаточная естественная увлажненность.

Для жизни наиболее благоприятна предгорная полоса, расположенная на высоте 500—1000 м над уровнем моря. В подгорно-предгорном поясе с сероземами и светло-каштановыми почвами, обилием воды имеются все условия для орошаемого земледелия, садоводства и виноградарства. Низкогорный степной пояс и высокогорное плато пригодны для богарного земледелия.

Наибольшая часть Южного Казахстана и Семиречья приходится на зоны степей, полупустынь и пустынь. При условии орошения эти земли исключительно плодородны, поэтому земледелие здесь развивалось в долинах рек.

Вся территория области используется под весенне-осенние, летние, зимние или круглогодичные пастбища. Скот можно содержать на под-

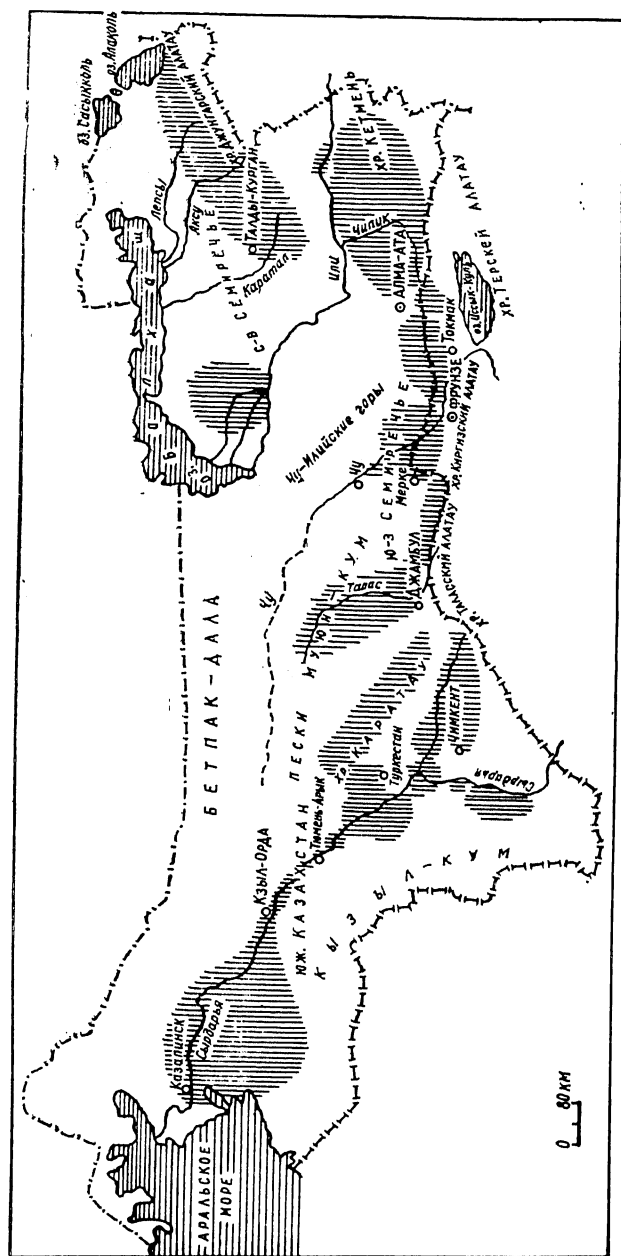

Рис. 1. Южный Казахстан и Семипалачье: ареал распространения городской культуры

ножном корму почти круглый год [Казахстан..., с. 400—404]. Такая специфика природных условий исследуемой области определила раннее развитие обществ в долинах рек, в предгорьях. Она же создала возможность длительного сосуществования оседлых и кочевых обществ, которое К. Маркс считал одной из важнейших специфических черт Востока [Маркс, Энгельс, т. 28, с. 214].

Несмотря на сходство по природным условиям со Средней Азией, исследуемая область отличается более резкими перепадами температур зимой и летом, меньшей продолжительностью безморозного периода. Разнятся растительный и животный мир [Россия..., с. 180—272; Аболин, 1930, с. 57—61; Средняя Азия, с. 17—23].

Южный Казахстан и Семиречье занимают промежуточное положение между Средней Азией и Сибирью, с одной стороны, между Средней Азией и Уралом — с другой и представляют собой контактную зону оазисов и степи. Этим объясняется и многообразие типов хозяйства [Народы Средней Азии..., т. 1, с. 32—37; Хозяйство казахов...].

Внутри области выделяются крупные районы со своими природными особенностями. В Южном Казахстане и Таласской долине Семиречья имеются предгорные и долинские районы, причем последние преобладают, тогда как в Чуйской долине и особенно в Илийской значительная часть территории приходится на горные районы. Это накладывало определенный отпечаток на развитие культуры в каждом из них. Эволюция общества в целом и производственных отношений в них определялась уровнем и темпами развития производительных сил. Последние, в свою очередь, во многом зависят от естественно-географической обстановки. Именно природная среда в условиях докапиталистических формаций обуславливала и типы хозяйства, и направление его развития [Новосельцев, Пашуто, Черепнин, 1972, с. 18—19].

В зависимости от районов обитания внутри одной крупной области менялось соотношение двух основных традиционных отраслей хозяйства — скотоводства и земледелия, и это сказывалось на развитии земледелия, оседлости, городской жизни [Жданко, 1975, с. 8—9].

На основании исследований географов, историков, археологов и этнографов [Казахстан..., с. 299—382; Чупахин, 1964, 1970; Толстов, 1962; Андрианов, 1969; Акишев, 1972; Хозяйство казахов...; Народы Средней Азии..., с. 32] в Южном Казахстане и Семиречье можно выделить три крупных района: Южный Казахстан, юго-западное Семиречье (Таласская и Чуйская долины), северо-восточное Семиречье (Илийская долина). Каждый характеризуется своеобразием естественно-географических условий и исторического развития культуры, в том числе городской.

Южный Казахстан, или Присырдарьинская географическая провинция, ограничивается на севере полупустынями, на юге — Таласским Алатау; на востоке — Джувалинским плоскогорьем, на западе — песками Кызыл-Кум [Чупахин, 1970, с. 186—188, 339—349]. Наиболее удобная для жизни и развития земледелия полоса расположена в предгорной зоне Таласского Алатау с многочисленными горными реками и речками, среди

которых наиболее полноводны Бадам, Арысь и Аксу. Этот район по своим природным условиям во многом сходен с северными районами Средней Азии и прежде всего с Ташкентским оазисом. Здесь развито горно-долинное поливное земледелие, богарное земледелие в сочетании со стойловым скотоводством, горно-пастбищное скотоводство. Самотечное орошение базировалось на горных речках [Хозяйство казахов..., с. 175, 177, 180—181].

В пределах Южного Казахстана проходит хребет Каратау. Юго-западные (южные) склоны хребта на всем протяжении орошены многочисленными речками. Среди них наиболее крупные Боролдай, Чаян, Бугунь, Баялдыр, Икансу. Северо-восточные (северные) склоны изрезаны многочисленными ущельями и орошены реками и ручьями. Природная зона Каратау характеризуется близостью к зоне Таласского Алатау, но отличается, особенно на северных склонах, обедненной растительностью и более резкими перепадами температур. Земледелие здесь сочеталось с различными типами скотоводства.

Особое место в Южном Казахстане занимает долина Сырдарьи. Древнее название Сырдарьи, переданное греками в форме Яксарт, сохранялось вплоть до арабских завоеваний. В средневековье она именуется в письменных источниках Сейхун, Кангар (Канкар), Гюль-Зариун, Иинчу-угуз и лишь в XVI в. приобретает первоначальное название Сыр [Кляшторный, 1964, с. 74—76]. Здесь долго сохранялись традиции комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства [Андрианов, 1969, с. 227].

В последние столетия до н. э. — первые века н. э. на Сырдарье находился центр государственного объединения Кангюй, а в средние века здесь формируется несколько крупных центров городской культуры [Кляшторный, 1964, с. 167—175; Бартольд, т. 1, с. 232—237]. В предгорьях Таласского Алатау и верховьях р. Арысь в средневековье находился округ Испиджаб — столица Южного Казахстана в IX—XII вв. В среднем течении Арыси локализуется средневековый округ Кенджида. Отрарский оазис, расположенный на Средней Сырдарье, соответствует средневековому округу Фараб [Бартольд, т. 1, с. 233].

Туркестанский оазис занимал часть среднего течения Сырдарьи. Нарративные источники указывают, что в этом районе в раннем средневековье располагался округ Шавгар [Бартольд, т. 1, с. 234]. В позднее средневековье здесь находился главный город Южного Казахстана — Туркестан [Пишулица, 1969, с. 19—21].

В низовьях Сырдарьи в IX—X вв. располагались центры государства огузов, а в XI — начале XIII в. — столица кипчакского государства, в XIV в. — столица Ак-Орды [Агаджанов, 1969; Бартольд, т. 1, с. 235—237; История Казахской ССР, т. 2, с. 141—152].

Второй крупный район — юго-западное Семиречье занимает междуречье Таласа и Чу. Северной границей его служит пустыня Муонкум, южной — горы Таласского и Киргизского Алатау, на западе граница проходит по Джувалинскому плато, на востоке — по Чу-Илийским горам. В работах, посвященных физико-географическому районированию

Тянь-Шаня, этот район выделен в так называемую Таласско-Киргизскую подпровинцию Северо-Тянь-Шаньской провинции [Чупахин, 1964, с. 244—247]. Наиболее крупными реками этого района являются Талас и Чу.

Долина Таласа (Таласская впадина) окружена с трех сторон хребтами—Таласским, Киргизским и Каратау. Она имеет форму треугольника, основание которого обращено на северо-запад. Длина впадины около 70 км, ширина 30—35 км. Благоприятные природные условия позволяют заниматься хлебопашеством, садоводством и виноградарством, выращиванием технических культур, разведением скота [Чупахин, 1964, с. 246—266].

В Чуйской долине наиболее удобна для земледелия ее левобережная часть, которую прорезают многочисленные речки, стекающие с Киргизского хребта. Предгорная часть долины представляет собой увлажненную местность с сероземными почвами. Климат, плодородные почвы, наличие воды благоприятствуют возделыванию зерновых и технических культур, развитию плодородства и виноградарства.

Однако большую часть всех сельскохозяйственных угодий (82%) здесь, как и в Таласской долине, составляют пастбища, используемые главным образом для выпаса лошадей и мелкого рогатого скота [Квитко, 1981, с. 38—40].

Долина Таласа упоминается уже в письменных источниках последних веков н. э. [Зуев, 1960, с. 21]. Юго-западное Семиречье входило в состав Усуньского государственного объединения [Бартольд, т. 2, ч. 1, с. 25—30]. В средневековье здесь находились ставки тюркских, тюркешских, карлукских владетелей и Караханидов [Бартольд, т. 4, с. 31—47]. Все это не могло не сказаться на развитии городской культуры.

В этом районе можно выделить несколько центров средневековой городской культуры.

Верховья Таласа, где в средневековье находилась рудничная область Шельджи [Бартольд, т. 4, с. 34].

Долинная часть Таласа, ее среднее течение и низовья. Центром Таласской долины являлся город Тараз [Бартольд, т. 4, с. 33—34, 115]. Чуйская долина, где в средневековье находились центры Суяб и Бала-сагун.

Северо-восточное Семиречье отделяется от юго-западного Чу-Илийскими горами и Заилийским Алатау. На северо-востоке его граница проходит по берегу озера Алакуль, на севере — по озеру Балхаш, на юге — по Джунгарскому хребту.

Предгорья Заилийского Алатау, начиная с района Узун-Агача, обильно орошены горными реками, среди которых наиболее крупные Каскелен, Большая и Малая Алматинки, Талгар, Иссык, Чилик. Реки Коксу, Каратал, Аксу, Кызыл-Агач, Лепсы, Тентек берут начало в горах Джунгарского Алатау.

Долина р. Или представляет собой хорошо выраженную котловину, ограниченную высокими горными хребтами. Наиболее удобна для земледелия древняя дельта реки, расположенная в Прибалхашье. Если

предгорья и долины горных рек удобны для земледелия, то пойма и низовья Или, а также низовья рек, впадающих в Или, используются под зимние пастбища, а горные склоны и ущелья — под круглогодичные и летние пастбища. Климат северо-восточного Семиречья характеризуется большой инсоляцией, резкой континентальностью, контрастной увлажненностью в отдельные сезоны года [Илийская долина..., 1963].

Северо-восточное Семиречье издревле было районом комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства [Акишев, 1969, с. 35—44]. Скотоводство здесь носило вертикально-полукошечевой характер, поскольку кочевание происходило на небольшой территории, на близко расположенных пастбищах.

В конце I тысячелетия до н. э. — первые века н. э. в Илийской долине находились владения усуней, а в средние века — владения карлуков с центром в Каялыке [Бартольд, т. 4, с. 77—87].

В северо-восточном Семиречье выделяются два центра городской культуры: левобережная часть Илийской долины, прежде всего в предгорьях Заилийского Алатау и Кетменьтау; правобережье р. Или, ее низовья и предгорья Джунгарского Алатау.

Историография средневековой археологии Казахстана

В истории развития средневековой археологии Казахстана, историографии городской культуры выделяются два периода — дореволюционный и советский. В первом мы вычленили два этапа: начальный, охватывающий время с XVI в. до 1870 г., и второй, начинающийся с 1870 г., когда появилось первое научное сообщение П. И. Лерха о средневековой истории и археологии Южного Казахстана, и продолжающийся до 1917 г. Последний этап отмечен исследованиями В. В. Бартольда. Во втором периоде нами выделено четыре этапа: 1917—1935 гг.; 1936—1945 гг.; 1946—1959 гг. и с 1960 г. по наши дни.

Начальный этап накопления исторических знаний о древностях южных районов Казахстана охватывает XVI — первую половину XIX столетия. В это время усиливаются торговые, дипломатические и экономические связи России с Казахским ханством и среднеазиатскими владениями. В дошедших до нас записках, дневниках, донесениях довольно обстоятельно описываются обычаи, нравы, хозяйство народов Казахстана и Средней Азии [Масанов, 1966] и в меньшей мере дана историческая информация. Наиболее ценны конкретные описания памятников. Такого рода сведения чаще встречаются у русских топографов, геодезистов, картографов, инженеров. Одним из первых сочинений, где дается описание исторических памятников, является «Книга Большому Чертежу» (1950).

В 20-е годы XVIII в. создаются подробные карты Каспийского моря, Средней Азии и Кавказа. В рукописной «Карте описания Каспийского моря и Узбекской страны с подле лежащими провинциями с точно означены путешествия Царя и другие примечания достойные вещи» изображены Средняя Азия и Казахстан с указанием рек, озер, дорог и городов.

На Сырдарье помещены города Аскент, Фараб, Испиджаб, Арал [Федчина, 1967, с. 52—53]. Часть их уже не существовала, а названия были заимствованы авторами из средневековых источников.

Одна из первых попыток объяснить возникновение городов Тюркстана (Туркестана), Утра (Отрара) и Саурана сделана П. И. Рычковым в 1755 г. [1887]. Некоторые сведения о развалинах городов на юге Казахстана можно найти в записках Филиппа Назарова, русского переводчика, посланного в Коканд в 1813—1814 гг. [1968]. Первое упоминание о развалинах известного города Джанкента принадлежит Е. К. Мейендорфу [1975]. Во второй половине XIX в. в связи с присоединением Средней Азии и южных районов Казахстана к России и образованием Туркестанского генерал-губернаторства, включившего Сырдарьинскую (Туркестанскую) и Семиреченскую области, усиливается интерес к новому краю, к его прошлому.

В заметке С. О. Гуляева [1853], где описываются древности Киргизского края, содержатся отрывочные упоминания о семиреченских средневековых памятниках. Сообщения о древностях содержит дневник поездки на Иссык-Куль Ч. Ч. Валиханова [1958]. В нем приводится характеристика талгарских древностей, упоминаются Чингильдинское и Чиликское городища.

Интерес представляют статьи Н. А. Абрамова [1867а, 1867б, 1876], в которых содержатся сведения о древностях в долине Или и в Приджунгарье.

Первые упоминания о развалинах поселений и о следах древней ирригации в Прибалхашье относятся к 1884 г. [Фишер, 1884]. Впоследствии Л. С. Берг [1960] дал краткое описание ирригационной системы и памятников этого района.

Сводка памятников северо-восточного Семиречья, открытых до 90-х гг. XIX в., была издана В. М. Флоринским [1889].

В 1868 г. востоковед П. И. Пашино по пути в Ташкент осмотрел развалины Саурана и составил краткое описание городища [1868].

Интересную страницу в казахстанской археологии представляют материалы о развалинах древнего Джанкента [Чабров, 1957]. Сведения о следах города впервые появились на страницах печати в 1867 г. [Макшеев, 1867; Григорьев, 1867]. Эти заметки вызвали в просвещенных кругах русского общества самый живой интерес к прошлому восточных районов. «Санкт-Петербургские ведомости» печатают заметку В. В. Стасова «Неучи и доки» [1894], в которой автор настаивает на организации охраны и изучения памятника. В одной из своих статей он ставит археологические памятники Казахстана и Средней Азии в один ряд с выдающимися памятниками мировой культуры [1883].

Осенью 1867 г. Джанкент посетил В. В. Верещагин. Он произвел здесь небольшие раскопки, описал топографию городища, охарактеризовал керамику и монетный материал, найденный в ходе исследований [1874].

Несколько раньше, весной того же года, для изучения Джанкента был отправлен известный русский ориенталист П. И. Лерх. Он обследо-

вал городища Сауран, Туркестан, Сыгнак. Итогом его поездки явился небольшой по объему отчет, который, однако, послужил основой историко-топографического изучения средневековых памятников [Лерх, 1870].

Второй период археологического изучения средневековых древностей Семиречья и юга Казахстана связан с именем выдающегося русского востоковеда В. В. Бартольда. Его «Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894 гг.» не только является наиболее полной сводкой исторических данных, но и до сих пор определяет некоторые направления археологического изучения описанных районов [Бартольд, т. 4, с. 21—91]. Этой работе близки по тематике статья «К вопросу об археологических исследованиях в Туркестане» [Там же, с. 95—109] и «Очерк истории Семиречья» [т. 2, ч. 1, с. 23—106]. Последний прочно сохраняет свое научное значение, поскольку содержит наиболее полный и систематический обзор политической истории Семиречья с древнейших времен до позднего средневековья.

Важное значение в развитии востоковедения и средневековой археологии Средней Азии и Казахстана имеет сочинение В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» [т. 1]. Значительное место в нем уделено городам Казахстана. В. В. Бартольд первым заметил особенности топографии памятников разных районов Южного Казахстана и Семиречья. В частности, он обратил внимание на длинные стены городищ Чуйской долины. Исследователю принадлежит постановка вопроса о роли «согдийской колонизации» в развитии городской культуры Семиречья. Много внимания он уделял локализации городов [Бартольд, т. 2, ч. 2, с. 265—302; Петровский, 1894а, 1894б].

Не располагая археологическим материалом, В. В. Бартольд несколько упростил решение проблемы, связав происхождение земледельческой и городской культуры Семиречья только с согдийцами. Однако важна сама постановка проблемы, интерес к которой не угасает до сих пор. Большое внимание В. В. Бартольд уделил изучению истории ирригации и сельского хозяйства Средней Азии и Казахстана на основе данных археологии. Его классический труд «К истории орошения Туркестана» [т. 3, с. 97—233] является отправной точкой большинства современных разработок по ирригации, в том числе в Казахстане.

С именем В. В. Бартольда тесно связана деятельность Туркестанского кружка любителей археологии, организованного в 1895 г. в Ташкенте [Лунин, 1958]. Наиболее деятельными его членами от Семиречья и юга Казахстана были Н. Н. Пантусов и В. А. Каллаур.

Н. Н. Пантусов [1880, 1910] принимал самое деятельное участие в изучении памятников северо-восточного Семиречья. По его инициативе семиреченский губернский начальник предпринял меры по охране древностей.

В. А. Каллауру принадлежит большое число статей и заметок, посвященных главным образом средневековым памятникам Таласской долины и юга Казахстана [1896а, 1896б, 1897а, 1897б, 1900а, 1900б, 1901, 1903, 1904, 1905, 1908].

Сведения о городищах Таласской долины приводят и другие члены кружка. Трудно переоценить работу В. Лаврентьева [1900], составившего перечень городищ (бургов) в черте города Аулие-Ата. Городища левого берега Сырдарьи в ее среднем течении были осмотрены Н. Рудневым [1900]. Его сведения дополняются информацией Д. Н. Люшина [1913], обследовавшего в 1911 г. левобережье Сырдарьи от Чиназа до Перовска. Интересна характеристика памятников в урочище Джеты-Асар, приведенная А. Симоновым [1900].

Внимание исследователей привлекал Джанкент. Опубликовано несколько статей о нем, дана библиография исследований на городище [Аничков, 1898, с. 51—55; Спиридонов, 1898, с. 68—72]. Членом кружка В. Колосовским [1901] были описаны городища на северных склонах Каратау — Кумкент, Саудакент и Баба-Ата.

В 1893 г. на вершине сторожевого храма Караул-тобе на р. Арысь был найден клад монет в глиняном сосуде [Боронин, 1896, с. 17—18; Остроумов, 1899, с. 118—137]. Часть монет была определена А. К. Марковым [1896]; оказалось, что большинство из них выпущено в Отраре [Лунин, 1969, с. 175—178].

В 1898 г. городище Отрар-тобе посетил И. Т. Пославский [1898]. Он дал описание развалин, привел известные для того времени сообщения письменных источников о городе Отраре, выступил с инициативой организации раскопок. В 1899 г. Н. С. Лыкошин [1899] опубликовал статью, в которой дал историческую справку об Отраре.

В 1902 г. А. К. Кларе и А. А. Черкасов сняли топографический план Отрара [Черкасов, 1903], а в 1904 г. произвели раскопки на городище [Кларе, Черкасов, 1904]. При всем несовершенстве археологических раскопок в то время эти работы дали новый источник информации.

Проводится регистрация случайных находок, кладов [ОАК, 1901, 1902, 1906]. Большое внимание уделяется изучению памятников архитектуры. В. А. Каллаур [1901а, 1901б, 1908] описал, сделал зарисовки и снял планы мавзолеев Сарлытам и Кок-Кесене. Совместно с И. В. Аничковым он опубликовал колонну из селения Беш-Агач [Каллаур, 1896а].

Большое число заметок о средневековой архитектуре Казахстана принадлежит А. А. Диваеву [1897, 1905, 1909]. Он, в частности, описал мавзолей Коркут-Ата на Сырдарье.

Описание архитектуры мавзолея Ходжи Ахмеда Ясеви в Туркестане принадлежит С. Г. Маллицкому. К работе [1908] прилагался план мавзолея, выполненный А. В. Печенкиным.

Таким образом, в дореволюционный период специалистами-востоковедами, энтузиастами археологии, членами Туркестанского кружка любителей археологии, деятельность которого протекала при научной поддержке В. В. Бартольда, была проделана большая работа, прежде всего в отношении фиксации, описания памятников, небольших раскопок на них. Нельзя не отметить усилий, направленных на охрану древностей, организацию хранения коллекций, дело пропаганды прошлого Средней Азии и Казахстана.

Недостатком русской дореволюционной археологии был ее отрыв от исторической науки. Отсутствие социологической направленности приводило к тому, что в лучшем случае археологами публиковались отдельные вещи, материалы из раскопов. Широкие же археологические работы до революции в Казахстане почти не проводились. Большинство средневековых городищ и поселений оставалось неизвестным. Не случайно В. В. Бартольд в предисловии к «Очерку истории Семиречья» указывал, что только будущие археологические исследования смогут дополнить отрывочные сведения письменных источников об исторической жизни Семиречья.

Положение коренным образом изменилось после Великой Октябрьской революции. Уже в 1919 г. В. И. Ленин подписал декрет о создании Российской (вскоре Государственной) академии истории материальной культуры. В конце 1920 г. В. В. Бартольд выступил в Ташкенте с докладом «Ближайшие задачи изучения Туркестана», в котором сформулировал первоочередные задачи в области изучения археологии Средней Азии [Бартольд, т. 9, с. 546—555]. Однако в первые годы Советской власти исследователи археологических памятников фактически продолжали краеведческие традиции Туркестанского кружка любителей археологии. Такое положение, впрочем, было характерно и для центральных археологических учреждений [Каргер, 1969].

В этот период небольшие по объему работы, связанные в основном с регистрацией памятников и описанием их, проводит организованный в 1921 г. Туркомстарис, позднее преобразованный в Средазкомстарис [Миронов, 1926; Массон М. Е., 1928]. Туркомстарис явился первой научной организацией Средней Азии и Казахстана. Основными его задачами в области археологии были охрана памятников старины, искусства и археологии, музейное дело [Савельева, 1976].

В конце 20-х — начале 30-х гг. оживляется археологическая работа в Алма-Ате. Появляются отдельные статьи, в частности К. Ходжикова [1935], в которых предпринята попытка отождествить известный средневековый город Каялык с городищем на р. Коксу в Придзунгарье, охарактеризовать памятники Семиречья. Н. Н. Пальгов во время своей поездки в глубь пустыни Сары-Ишик-Отрау (Южное Прибалхашье) осмотрел и описал три городища под общим названием Актам [1930, с. 481—483].

Начиная с 1928 г. Центральный музей Казахстана собирает и фиксирует случайные находки, организует археологический надзор за памятниками [Дублицкий, Рукопись, № 161]. В 1936 г. экспедиция Музея, возглавляемая Б. Н. Дублицким, провела небольшие раскопки на территории городища Алматы [Дублицкий, Рукопись, № 162].

В конце 20-х — начале 30-х гг. большую работу по составлению реестра всех древностей Семиречья (Джетысу) проводит В. Д. Городецкий [Рукопись, № 3].

Переломным моментом в развитии археологии Средней Азии и Казахстана явилась сессия ГАИМК, состоявшаяся в марте 1936 г. На ней с творческими докладами выступили С. П. Толстов, А. Ю. Якубовский,

А. Н. Бернштам, М. Е. Массон. Участники сессии наметили пути развития археологии, ее основные методологические установки, характер полевых исследований [Бернштам, 1949, с. 8—10].

Сессия открыла второй этап в изучении средневековых памятников Казахстана, который охватывает 1936—1946 гг. Для него характерно превращение археологии в самостоятельный раздел исторической науки. Были преодолены опорные положения буржуазной археологии и созрели основные предпосылки развития марксистских концепций и диалектического взгляда на историю человечества как на закономерный и прогрессивный процесс, а на социально-экономические формации — как на основные этапы этого процесса. В науку включается большой отряд археологов, взгляды которых сформировались уже в советское время. Со второй половины 30-х гг. принципиально по-новому решаются важнейшие задачи в области археологии. Этому способствуют широкие рекогносцировочные и стационарные исследования, давшие большой археологический материал; проведение историко-археологической классификации с учетом полевых наблюдений; рассмотрение археологических памятников и комплексов находок в культурно-исторической взаимосвязи с сопредельными территориями, а также превращение археологического материала в один из источников познания исторического развития общества Средней Азии.

Второй этап развития средневековой археологии Казахстана связан в основном с работами Семиреченской археологической экспедиции, возглавляемой А. Н. Бернштамом. За четыре предвоенных полевых сезона экспедиция провела широкую разведку в сочетании с шурфовой и стационарными раскопками на ряде наиболее интересных в историко-археологическом отношении городищ. В частности, значительные по объему раскопочные работы велись на городище средневекового Тараза и памятниках его окружи. В результате была предложена периодизация археологического материала, намечены основные этапы развития города, определены пути сложения его культуры. Для археологии Казахстана это был первый опыт комплексного историко-археологического изучения средневекового города [Бернштам, 1941].

Интенсивно обследовалась Чуйская долина в районах, где проходила трасса строящегося тогда Большого Чуйского канала.

Разработанные на основе археологических материалов классификация и периодизация истории Семиречья выдержали испытание временем, хотя и подверглись ряду дополнений и уточнений.

В 1939 г. началось изучение средневековых памятников Илийской долины. Наряду с их широкой фиксацией экспедиция провела шурфовку городищ Талгар и Дунгене. Эти исследования явились отправной точкой дальнейшего изучения средневековой культуры северо-восточного Семиречья. В статье, посвященной итогам работ экспедиции, А. Н. Бернштам [1948б] высказал ряд положений о путях развития здесь оседло-земледельческой культуры. Целевые установки на изучение древней и средневековой археологии Семиречья дали возможность экспедиции в сжатые сроки проделать большой объем разведывательных и раскопочных ра-

бот. Систематизация новых материалов позволила более обоснованно решать вопросы исторической географии средневековых городов, культурных взаимоотношений согдийцев и тюрков, генезиса города [Бернштам, 1952]. Так, открытие новых памятников, их более точная датировка позволили А. Н. Бернштаму более убедительно отождествить ряд городов и городищ. С учетом археологических данных решались вопросы согдийской колонизации [Бернштам, 1940а, с. 34—43]. Однако незначительность материалов из самого Согда сказалась на преувеличении, как нам кажется, роли согдийской колонизации в развитии городской культуры области. Некоторым схематизмом отличается и вывод о формировании семиреченского города из совокупности усадеб согдийских переселенцев [Бернштам, 1940а, с. 36—37]. Неоправданно принижалась роль городов Илийской долины. Последняя, по мнению исследователя, являлась своеобразной сельской округой чуйских городов [Бернштам, 1948, с. 91]. Такие выводы обусловлены тем, что археологические работы носили предварительный характер, не был накоплен достаточный материал.

Определенную роль в развитии археологии Казахстана сыграл созданный в 1939 г. Джамбулский археологический пункт [Пацевич, 1940, 1940а, 1948; Ремпель, 1952, 1956].

Третий этап в развитии средневековой археологии начинается с 1946 г., когда была образована Академия наук Казахской ССР и в ее составе Институт истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова. Академический отдел археологии становится ведущим научным и организационным центром исследований. Готовятся археологические кадры, складывается казахстанская археологическая школа [Акишев, 1967].

В это время четко определились основные направления работ в области средневековой археологии. Главное внимание должно было уделяться выяснению особенностей городской жизни, исторической топографии городов, развитию ремесла и торговли, а также взаимосвязи с миром кочевого скотоводства [Маргулан, 1948].

Южно-Казахстанская археологическая экспедиция, руководимая А. Н. Бернштамом, в течение 1948—1951 гг. вела исследования в Южном Казахстане. Изучение топографии городищ и классификация керамики позволили судить об узловых культурно-исторических этапах, об уровне развития ремесла, а следовательно, и всей городской культуры Казахстана [Бернштам, 1951; Агеева, 1949, 1951; Агеева, Пацевич, 1958].

Одним из интересных начинаний в работах ЮКАЭ следует считать комплексное изучение городища Джуван-тобе и Бурджарского могильника, позволившее подойти к решению вопроса о связях города и степи [Агеева, Пацевич, 1956, с. 33—60].

Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция, руководимая А. Х. Маргуланом, помимо изучения памятников эпохи бронзы большое внимание уделяла вопросам возникновения и развития городской культуры в районах с преобладающими кочевническими традициями. С этими целями исследовались города северных склонов Каратау, ни-

зовьев рек Сарысу, Кенгир, Джезды, предгорьев Улутау [Маргулан, 1948, 1949, 1951]. Удалось установить наличие городов в районах, находящихся далеко к северу от сырдарьинских очагов городской средневековой культуры.

Широкое обследование различных районов оседло-земледельческой культуры сделало возможным появление обобщающих работ, в частности книги А. Х. Маргулана «Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана».

Материалы, собранные экспедицией в последующие годы, значительно дополнили представления об оседло-земледельческих поселениях и городах Центрального Казахстана [Маргулан, 1973, 1978].

Параллельно с Семиреченской и Центрально-Казахстанской экспедициями в 1945 г. начала работать Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР, руководимая С. П. Толстовым. Экспедиция провела большие разведывательные и раскопочные работы в Кызыл-Ординской области, ею зарегистрированы десятки археологических памятников, а в 1948 г. начались стационарные раскопки на городище Алтын-Асар [Толстов, 1948, 1948а, 1949; Сенигова, 1959]. На основе широких аналогий керамики наметились пути распространения джетыясарской культуры и ее связи с культурой Каунчи, афригидским Хорезмом, Согдом и Семиречьем [Левина, 1966].

Интересные данные получены в результате обследования группы городищ в низовьях Сырдарьи, связанных с огузами. Удалось установить, что жители их на протяжении всего периода средневековья сохраняли традиции полуоседлого комплексного хозяйства [Толстов, 1947].

На протяжении 1953—1959 гг. Южно-Казахстанской археологической экспедицией во главе с Е. И. Агеевой исследовались памятники оседлой культуры северных склонов Каратау. Основным стационарным объектом исследования было выбрано городище Баба-Ата. Раскопки его позволили выявить процесс постепенного превращения (VI—VII вв.) оседлого поселения типа укрепленной усадьбы в раннефеодальный город [Археологические исследования..., 1962].

Археологические исследования А. Н. Бернштама в киргизской части юго-западного Семиречья продолжил П. Н. Кожемяко. Обобщив весь собранный археологический материал, он дал типологию городищ, выделил городища с «длинными стенами», торткули, а также предложил хронологическую классификацию керамики [Кожемяко, 1959].

В это же время в Чуйской долине проводились раскопки на городище Ак-Бешим. Полная раскопка буддийского храма VI—X вв. позволила впервые поставить проблему о роли буддизма в Семиречье [Кызласов, 1959]. Вскоре на Ак-Бешиме был раскопан еще один буддийский храм [Зяблин, 1961].

Керамические комплексы из раскопок на Ак-Бешиме впервые были сопоставлены с керамикой Согда [Распопова, 1960]. В итоге в керамике Ак-Бешима был выделен комплекс согдийской керамики, что позволило судить о конкретном участии согдийцев в формировании городов Семиречья.

Третий этап развития казахстанской археологии завершается в 1960 г. созданием «Археологической карты Казахстана». Она явилась итогом многолетнего изучения древностей на территории Казахстана, в ней систематизированы и описаны все известные памятники, охарактеризованы исследования на них.

Четвертый этап исследований характеризуется более высоким уровнем организации, увеличением масштаба археологических работ, дальнейшим совершенствованием методики раскопок. Расширяется отдел археологии, в нем выделяется сектор средневековой археологии.

Растет число публикаций на страницах периодических изданий Академии наук Казахской ССР. С 1968 г. начинает выходить археологический ежегодник Казахстана, в котором большое место занимают статьи и заметки по средневековой тематике. Появляются монографические исследования, посвященные средневековым городам [Савельева, 1974].

Расширение исследований происходило также за счет развертывания работ кафедры археологии и этнографии Казахского государственного университета и педагогических институтов Алма-Аты и Чимкента. Проблематика и задачи исследований в основном остаются теми же, но меняется подход к изучению памятников. Разведки и шурфовки в сочетании с небольшими раскопками к этому времени уже почти исчерпали возможность получения новой информации. Поэтому на первое место выдвигаются задачи широкомасштабных многолетних раскопочных работ на отдельных памятниках. Материалы таких раскопок, систематизированные и хорошо датированные, становятся своеобразными эталонами для изучения остальных памятников. В сферу исследования включаются памятники позднего средневековья.

Исследования Тараза и его округа, а также памятников, тяготеющих к Таразу, позволили выявить динамику развития города [Сенигова, 1972].

В 1961—1963 гг. в зоне строящегося водохранилища Чардаринской ГЭС работала Чардаринская археологическая экспедиция. Работы были сосредоточены на памятниках оседло-земледельческой культуры I—IV вв. (поселение Актобе 2), VI—VII вв. (городище Шаушукум) и IV—XII вв. (Актобе 1). Раскопки Актобе и Шаушукума дали интересные сведения о возникновении земледельческой культуры, о строительных традициях и керамическом ремесле [Максимова, Мерцнев, Вайнберг, Левина, 1968].

Итоги изучения раннеземледельческих поселений в долине Сырдарьи нашли отражение в монографии Л. М. Левиной [1971], посвященной исследованию массового археологического материала — керамики нижнего и среднего течения Сырдарьи.

В 1963—1965 гг. в составе Семиреченской археологической экспедиции работали два отряда, один из которых занимался обследованием северо-восточной части Семиречья, а второй — изучением памятников XIII—XVIII вв. Чуйской долины и северных склонов Каратау.

В северо-восточном Семиречье были обследованы городища в Южном Прибалхашье, расположенные на землях древнего орошения; в Приджунгарье открыты и изучены свыше 30 новых городищ. На основе

накопленных материалов была предложена типология городищ, периодизация керамического материала, обосновано время возникновения поселений и городов [Байпаков, 1966б, с. 61—66; 1968, с. 68—84; 1968а, с. 21—25; 1978, с. 80—97].

В юго-западном Семиречье были организованы стационарные раскопки на городище Луговое и памятниках его окружи [Байпаков, 1966].

На основе сравнительного изучения городищ двух районов Семиречья удалось сделать важный вывод: несмотря на то, что оба они тесно связаны между собой экономически и этнополитически, каждый из них характеризуется своеобразными признаками развития городской культуры [Байпаков, 1966б, с. 72—84], но в целом пути ее развития лежат в общем русле средневековой городской культуры всего среднеазиатско-казахстанского региона.

Начиная с 1977 г. работы в Чуйской долине возобновились. Исследования проводились Семиреченским отрядом АН КазССР на городище Актобе Степнинское [Акишев, Байпаков, 1978]. С 1974 г. здесь работает экспедиция кафедры археологии Казахского государственного университета [Шалекенов, Елеуов, Алдабергенов, 1978].

С 1978 г. казахские и киргизские археологи ведут совместные исследования на крупнейшем городище Чуйской долины — Красной Речке [Байпаков, Горячева, 1980, 1982]. Цель этих работ — изучение крупного средневекового города района, процесса его формирования и развития, выявление структуры и функций.

В Илийской долине в качестве основного объекта масштабных раскопок было выбрано городище Талгар [Байпаков, 1973, 1982].

Материальная культура городов Казахстана после монгольского времени была малоизвестна [Арзютов, 1949; Пацевич, 1956]. Материалы, полученные при изучении городищ XIII—XVIII вв. в Чуйской долине и на юге Казахстана, в значительной мере восполнили этот пробел [Ерзакович, 1965, 1966, 1966а, 1972].

Многолетние исследования Хорезмской археологической экспедиции в междуречье Амударьи и Сырдарьи, на Сырдарье были обобщены С. П. Толстовым [1962] и Б. В. Андриановым [1969].

С конца 60-х гг. вновь разворачиваются работы на юге Казахстана. В долине реки Арысь ведутся раскопки Борижарского могильника и параллельно исследуются оседло-земледельческие поселения и городища в среднем течении реки. На небольшой площади здесь было открыто свыше двух десятков памятников, датируемых первыми веками н. э. — XV—XVI вв. [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1969]. В это же время здесь работает археологическая экспедиция Чимкентского педагогического института [Подушкин, 1970, 1970а].

В 1969 г. начинает работы Отрарская археологическая экспедиция, спустя два года переименованная в Южно-Казахстанскую комплексную археологическую (ЮККАЭ). Задачей экспедиции являлось топографическое и стратиграфическое изучение городища Отрар-тобе, составление археологической карты оазиса. Результаты исследований опубликованы [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972].

Начиная с 1971 г. на Отраре проводились крупномасштабные раскопки верхнего слоя, датированные концом XVI—XVIII вв. Собраны уникальный материал, рассказывающий о развитии ремесел, древней ирригации, коллекция монет [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1975, 1976, 1981; Бурнашева, 1976, 1977; Грошев, 1978].

Кроме Отрара раскапывались позднесредневековые городища на северных склонах Каратау — Ран, Куль-тобе, Таскора [Жолдасбаев, 1975, 1976]. Значительные работы проведены на городище Туркестан, где вскрывался участок городской застройки XVII—XIX вв. [Сенигова, 1978].

Изучалась ирригация позднесредневекового Саурана [Акишев, Байпаков, 1973]. Были собраны данные о топографии и местонахождении позднесредневековых городищ, многие из них открыты впервые. Это позволило локализовать почти все города, известные в источниках XVI—XVIII вв., составить карту их размещения на юге Казахстана [Байпаков, 1977, с. 201—209].

Параллельно с изучением позднесредневекового города проводились раскопки памятников раннеземледельческих культур, раннесредневековых и средневековых памятников. В течение ряда лет начиная с 1977 г. раскапывались верхние слои городища Кок-Мардан, относящиеся к периоду раннего средневековья.

С 1980 г. начаты и проводятся широкомасштабные раскопки городища Куйрук-тобе, где были получены синхронные срезы по уровню слоев VI—VIII вв., IX—X и XI—XII вв. Вскрыты кварталы жилой застройки, мечеть. Уникальные материалы получены при раскопках цитадели городища, где были обнаружены остатки горелого резного дерева от перекрытия дворцового комплекса и резные доски от подпотолочного фриза, украшавшего парадный зал жилого комплекса цитадели во второй половине VII — первой половине IX в. Новые материалы были частично опубликованы, на основании их анализа были поставлены вопросы о квартальной застройке средневекового города Южного Казахстана, об эволюции структуры города на протяжении всего средневековья, о типологии городищ, некоторых аспектах этнической географии и идеологии городского населения [Байпаков, 1980, 1981, 1983].

Фактологическая база, созданная интенсивными археологическими исследованиями, проведенными на новом методическом уровне, с использованием аэрофотосъемки в сочетании с инструментальной съемкой памятников, широкие разведки всей области и микроразведки отдельных районов и оазисов, многолетние раскопки широкими площадями позволили впервые подготовить обобщающую работу по проблеме генезиса урбанизации Южного Казахстана и Семиречья в VI — начале XIII в.

Глава II.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ГОРОДОВ

Локализация городов Южного Казахстана

Вопросы локализации городов, отождествления их с археологическими памятниками всегда были в центре внимания исследователей, занимающихся изучением средневековой городской культуры Южного Казахстана и Семиречья. Общепринята локализация таких крупных центров, как Отрар, Испиджаб, Тараз, городов Мирки, Талгар. Однако в отношении отождествления многих городов существуют разные точки зрения. Накопление нового археологического материала, новые датировки уже известных памятников, открытие ранее не известных городищ заставляют вновь вернуться к этой проблеме и сделать попытку разместить на исторической карте те города, местоположение которых или неизвестно, или вызывает противоречивые заключения.

В предгорном районе Южного Казахстана крупнейшим городским центром был Испиджаб [Бартольд, т. 1, с. 232—233]. Впервые он упоминается в маршрунике Сюань Цзяня 629 г. как «город на Белой реке» [Зуев, 1960, с. 91]. Позднее Махмуд Кашгарский сообщает: «Сайрам название белого города (Ал-Мединат ал-Байда), который называется Испиджаб. Про него говорят также Сайрам» [Волин, 1961, с. 78, 80].

Этимология топонима Испиджаб в значении «белая вода» на основе согдийского языка предложена В. К. Шуховцовым [1978, с. 152—154]. Город под названием Сайрам дожил до настоящего времени, и нет сомнения в том, что городище на его территории соответствует средневековому Испиджабу.

Вблизи Испиджаба находились города Газгирд, Джумишлагу, Хурлуг, Манкент. Отождествление последнего города не вызывает трудностей: Манкенту соответствует городище Булак-Ковал, расположенное рядом с современным поселком Манкент.

О локализации Газгирда, расположенного на караванном пути из Шаша в Испиджаб, можно судить по направлению средневекового пути, который не совпадал с современной трассой из Ташкента в Чимкент, а проходил восточнее, через перевал Турбат и шел на Сайрам [Бартольд, т. 4, с. 27]. На территории села Шарапхана обнаружено существовавшее в VII—X вв. городище, которое может быть отождествлено с Газгирдом. Древний топоним Газгирд, на наш взгляд, сохранился в современном названии Казы-Курт. Так называется горная гряда между Ташкентом и Чимкентом [Россия..., с. 52, 604, 606], у подножия которой находятся развалины городища.

Город Джумишлагу, названный ал-Макдиси «большим и обширным» [Волин, 1960, с. 81], должен соответствовать крупному городищу с материалами X в. Обнаруженное в 20 км севернее Сайрама в долине р. Кумуш (Кумиш) городище Актобе, вероятно, и соответствует Джумишлагу, тем более что наблюдается известное фонетическое сходство названий города и реки.

Пока не удастся локализовать Хурлуг. У городища, которое ему соответствует, должна быть необычная топография. Ал-Макдиси писал про Хурлуг: «...нет вокруг него стен, и нет у него ни шатадси, ни рустака...» [Волин, 1960, с. 81]. Городище со столь специфическими признаками пока не обнаружено. Возможно, оно находилось на месте Чимкента. На территории Чимкента, как известно, найдены керамика и металлические изделия (бронзовые ступки и пестик), относящиеся к IX—XII вв. [Археологическая карта Казахстана..., № 3683—3687].

Восточнее Испиджаба на Шелковом пути находились города и населенные пункты Шараб, Будухкет, Тамтадж, Абарджадж и Джувикат, причем источники указывают расстояние между ними [Волин, 1960, с. 76]. Два первых города соответствуют городищам, расстояние между которыми в километрах от Сайрама и между собой соответствует указанному в источниках расстоянию в фарсах. Шарабу соответствует городище Тортколь Балыкчи, а Будухкету — городище Казатлык [Агеева, Пацевич, 1958, с. 134—135, 143]. Уточненные на основе шурфовок датировки городищ соответствуют времени сообщений средневековых авторов.

Тамтадж и Абарджадж, видимо, служили караван-сараями. Тамтадж мы вслед за Е. И. Агеевой и Г. И. Пацевичем [1958] склопны отождествить с городищем Кырк-Крюз-тортколь. Абарджадж довольно точно привязывается к местности: так назывался «большой холм, вокруг которого тысяча источников» [Волин, 1960, с. 77]. Название Мымбулак (тысяча ключей) сохранилось до сих пор. Здесь есть лишь один памятник — городище в районе села Бурно-Октябрьское. Оно датируется VI—XII вв. и может быть идентифицировано с Абарджаджем.

В двух дневных переходах севернее Испиджаба находился округ Кенджида, центром которого был город Усбаникет (Саникес, Субаникет, Арсубаникет) [Волин, 1960, с. 78]. Название Арсубаникет бесспорно связано с р. Арысь (Арсу соответствует Арысь).

В письменных источниках послемонгольского времени название Усбаникет не упоминается, но название округа Кенджида встречается на монетах чекана джагатаидов [Давидович, 1972, с. 73—83]. В. В. Бартольд локализовал округ Кенджида в среднем течении Арыси [т. 1, с. 233]. Е. И. Агеева и Г. И. Пацевич отождествляли столицу округа Усбаникет с городищем Джуван-тобе [1956, с. 57]. Новые раскопки на Джуван-тобе, однако, показали, что это городище прекратило свое существование в VIII в., т. е. за два столетия до упоминания Арсубаникета в письменных источниках, и поэтому никак не может быть сопоставлено со столицей области. Усбаникет, на наш взгляд, следует отождествить с городищем Шортобе (Караспан II), расположенным между селами Тамерлановка и Мамаевка. Это самое крупное городище в среднем течении Арыси, датируемое VI—XIV вв.

В низовьях Арыси находился округ Фараб (Отрар) с центром в городе Отраре. В письменных источниках название Отрар появляется в VIII в. Одновременно стало известно и другое название города — Фараб. Источники позволяют проследить его историю с VIII по XIX в. Идентичность Отрара с городищем Отрар-тобе не вызывает сомнений [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972, с. 26—43].

Однако до сих пор не все ясно в локализации находившегося здесь города Тарбанд (Тарбан), упоминавшегося в древнетюркских надписях и арабских исторических сочинениях. С. Г. Кляшторный отождествляет Тарбанд (Тарбан) с городищем Отрар-тобе, опираясь на сведения из географического сочинения Якута (XIII в.): «Турарбанд, город за Сейхуном, из самых отдаленных городов Шаша, примыкающих к Мавераннахру. Народ этой страны по-разному произносит это имя, и они говорят Турар и Отрар» [1964, с. 155—161]. Раскопки Отрара по уровню слоев VI—VIII вв. и памятников оазиса этого же периода дали нумизматический материал, который также подтверждает тождество Тарбанд — Отрар [Бурнашева, 1973, с. 162]. Было бы крайне интересно выяснить этимологию всех трех названий. Пока бесспорно лишь, что Фараб можно объяснить как согдийское название «заречного», «берегового» места [Шуховцов, 1978, с. 152].

Этимологию топонима Отрар предложил в свое время Н. С. Лыкошин. По его мнению, ее можно объяснить исходя из тюркского «ут» в значении «огонь», «пепелище» [1899, с. 170—174]. Возможны и другие толкования. Так, в языке огузов существовали понятия, связанные с длительными остановками, стоянками. Среди них «тураси йер», напоминающее по значению Турар и Отрар [Агаджанов, 1969, с. 88].

В X в. главным городом округа Фараб становится Кедер. Причем источники подчеркивали, что Кедер был новым городом и устройство в нем соборной мечети вызвало междоусобные войны [Бартольд, т. 1, с. 233]. На основании близкого сходства керамики X—XII вв. из Отрара и городища Куйрук-тобе высказано мнение, что Кедер был новым городом по отношению к старому — Отрару и что переселение ремесленников из старого центра в новый могло вызвать столь близкое сходство материалов [Байпаков, 1964а, с. 105—110]. Сейчас получены новые дока-

зательства в пользу тождества Кедер — Куйрук-тобе. Раскопки на городище открыли пока единственную в Южном Казахстане соборную мечеть X—XII вв., из-за которой, видимо, и произошла междоусобица в округе [Байпаков, 1983, с. 433].

Название Кедер исчезает со страниц арабо-персидской литературы в XI в. Как свидетельствуют археологические данные, именно к этому времени относится упадок Куйрук-тобе. В начале XII в. столица вновь перемещается в Отрар. Об этом говорят легенды монет с именем Мухаммеда б. Ткеша, найденных при раскопках Отрара. Они были выпущены в 1216—1218 гг. в Отраре [Байпаков, Нاستич, 1978, с. 47—48].

В округе Отрар — Фараб находились еще два города. На левом берегу Сырдарьи в двух фарсах ниже Кедера стоял город Весидж. Его локализация на месте городища Оксус наиболее вероятна, ибо другого крупного городища со слоями IX—XI вв. здесь нет [Агеева, Пацевич, 1958, с. 124].

По нашему мнению, к Фарабу — Отрару следует причислить город Бурух. Согласно ал-Макдиси, «Бурух — старый (большой) город, соборная мечеть на рынке» [Волин, 1960, с. 81]. В 30 км северо-восточнее Отрара находится городище Бузук. Оно возникло в первые века н. э. и существовало до XV в. [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972, с. 165—170]. Думается, что аргументом в пользу их идентичности может служить и сходство названий Бурух — Бузук.

Ниже Отрара по Сырдарье находился округ Шавгар с одноименным центром. В. В. Бартольд помещал Шавгар в районе Туркестана [т. 3, с. 225]. Город Шавгар был отождествлен в свое время с городищем Чуйтобе, расположенным в 8 км юго-восточнее Туркестана [Агеева, Пацевич, 1958, с. 94]. В переводе с согдийского Шавгар означает «Черная гора» [Шуховцов, 1978, с. 153]. Расположение городища в предгорьях Каратау (Черных гор) может служить дополнительным аргументом в пользу тождества Чуйтобе — Шавгар.

В XII в. центром Шавгара становится город Ясы [Бартольд, т. 3, с. 225]. Данные источников подтверждаются находками монет, чеканенных от имени хорезмшаха Мухаммеда б. Текеша в городе Ясы [Настич, 1983, с. 144—145]. Ясы локализуется на месте городища, расположенного на территории современного Туркестана.

В округе Туркестана находились города Шагильджан, Карнак, Карачук. Название Шагильджан до сих пор сохранилось в названии современного села Шага, расположенного в 20 км северо-восточнее Туркестана. Городище, которое находится здесь, датируется IX—XVIII вв.

Карнак впервые назван Махмудом Кашгарским в списке городов огузов [МИТТ, с. 311]. Он прославился как город, связанный с выплавкой цветных металлов. В свое время его отождествляли с городищем Садык (Сейдак) — Ататобе у села Чорнак [Агеева, Пацевич, 1958, с. 104—105]. Нами установлено, что городище дожило лишь до VIII в. и, следовательно, никак не могло соответствовать Карнаку. Город бес-

«спорно локализовался на месте городища Ишкан в селе Атабай, которое до недавнего времени сохраняло свое древнее название Карнак.

Карачук тоже впервые назван Махмудом Кашгарским: «Карачук — название Фараба, а это название города гузов» [МИТТ, с. 312]. Позднее город упоминается в разных источниках [Гандзакеци Киракос, 1976, с. 224; МИКХ, с. 269; МИУТТ, с. 104]. Локализовать город позволяет сохранившееся до сих пор название речки Карачик, на берегу которой расположено два крупных городища — Тортколь I и Тортколь II, первое из которых датируется VI—XII вв., второе — XIII—XIX вв. [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972, с. 172—176]. Первое мы отождествили с раннесредневековым Карачуком, а второе — с Карачуком XIII—XVIII вв.

В 35 км северо-западнее Туркестана находится городище, которое сохранило название Сауран, т. е. одного из наиболее известных городов средневекового Казахстана. Город Сауран появляется в источниках X в. [Волин, 1960, с. 78; МИТТ, с. 216]. Судьба города в период монгольского нашествия неизвестна, но уже в середине XIII в. о нем пишет Гетум I [Гандзакеци Киракос, 1976, с. 224]. До середины XVIII в. Сауран играет важную роль в истории Туркестана [Болдырев, 1957, с. 160—161; Пищулина, 1969, с. 17—18; МИУТТ, с. 262].

Сохранившееся древнее название городища как будто бы не вызывает сомнения, что Сауран был именно на этом месте. Но более детальное обследование памятника свидетельствует о том, что он не имеет слоев раньше XIII в. Значит, домонгольский Сауран следует искать в другом месте. На это наталкивает и еще одно обстоятельство. Город, как ни один другой, судя по описаниям ал-Макдиси, имел сложную систему фортификации: «Сауран — большой (город), окруженный семью стенами, одна за другой...» [МИТТ, с. 185]. В топографии же городища Сауран отмечена лишь одна стена.

В данной связи представляет интерес эпизод из сочинения ибн ал-Асира о борьбе сельджукидов и караханидов, где сообщается о походе Али-Арслана на Дженд и Сауран [МИТТ, с. 374]. Из этого эпизода явствует, что Сауран и Дженд находились на одном берегу Сырдарьи — левом. Наиболее подходящим пунктом для локализации Саурана является городище Мейрам-тобе. Городище находится точно напротив Саурана, в 15 км к западу. Топография его отлична от других сырдарьинских городищ. Центральная часть — четырехугольное в плане укрепление размером 200×210 м с башнями по углам и периметру. Она как бы вписана в следующие один за другим на расстоянии 200, 400 и 500 м четырехугольники из валов с башнями. Вокруг каждого четырехугольника прослеживаются глубокие рвы. Сложная система укрепления, состоящая из четырех стен и такого же числа рвов, иллюстрирует описание Саурана как «пограничной крепости против гузов и кимаков» [МИТТ, с. 185]. Датируется городище первыми веками н. э. — XIII—XV вв. Таким образом, представляется возможным локализовать Сауран домонгольского времени на левом берегу Сырдарьи и идентифицировать его с городищем Мейрам-тобе, тогда как Сауран XIII—XVIII вв. соответствует одноименному памятнику.

В низовьях Сырдарьи источники помещают группу городов, в большинстве своем легко отождествляемых с конкретными памятниками. Это Сыгнак, которому соответствует городище Сунак-Ата, Узгент — Кыр-Узгент, Дженд — Джан-кала, Аснас — Асанас, Янгикент — Джанкент [Лерх, 1870; Толстов, 1962; Вактурская, 1979].

До сих пор нет точности лишь в идентификации городов Джувары (Хоры) и Барчынлыкента (Барчкента). Нашими исследованиями выявлено сильно разрушенное городище вблизи станции Хоркут-Ата с материалами IX—XV вв., которое, видимо, и является остатками Хоры.

Барчкент мы вслед за А. Х. Маргуланом [1950, с. 78] склонны отождествить с городищем Кыз-Кала, которое полностью уничтожено. Название города в народном эпосе связывается с именем девы Барчин — героини сказания «Алпамыс» [Жирмунский, 1962, с. 210—211]. Вполне вероятно изменение названия города «девы Барчин» в Кыз-Кала (девичий город).

На северных склонах Каратау средневековые источники помещают большую группу городов, из которых наиболее ранние Баладж и Берукет. Оба названы в реестре ал-Макдиси. Большинство исследователей располагает их на северных склонах Каратау без конкретной привязки к памятникам [Агаджанов, 1969, с. 68; Большаков, 1973, с. 194—195].

Наши исследования позволяют отождествить Берукет с городищем Тамды, а Баладж — с городищем Баба-Ата. Ни одно другое городище этого района не может соответствовать этим городам, поскольку все они достаточно уверенно идентифицируются. Так, городище Сузак сохранило название средневекового города до наших дней, городище Кумкент, датируемое VI—XV вв., отождествляется с Койканом — Кумкентом, Саудакент — с Сулханом (Сугулханом) [Маргулан, 1950, с. 55; Агеева, Пасевич, 1958, с. 112—114].

Локализация городов юго-западного Семиречья

В отличие от Южного Казахстана, где многие из городищ сохраняют свои средневековые названия, в юго-западном Семиречье сохранились лишь единичные старые названия, но и это значительно облегчает локализацию городов, так как на карте есть несколько опорных топонимов. Это реки Талас, Барскаун, городища Мирки и Аспара.

В долинной части Таласа крупнейшим городским центром был Тараз. Город впервые упоминается в 568 г. [Византийские историки, 1860, с. 380]. Для первой половины VIII в. засвидетельствованы другие названия города — Аргу-Талас, Алтун-Талас-улуш, Талас-улуш [Кляшторный, 1964, с. 131]. Отрывочные описания с указанием его размеров и положения на торговых путях многочисленны. Местоположение средневекового Тараза устанавливается точно — на территории г. Джамбула [Бартольд, т. 4, с. 115]. Неподалеку находился город Хамукат (Джамукат), основанный, как сообщает Мухаммед Нершахи, в VI в. выходцами из Буха-

ры [Таласская долина, Рукопись, с. 178]. Известность в связи с сражением между арабами и китайцами в 751 г. приобрел еще один город Таласской долины — Атлах [Волин, 1960, с. 79—80; Большаков, 1980, с. 132—134]. Оба города были отождествлены соответственно с городищами Майтобе и Джуван-тобе, датированными VI—XII вв. [Бернштам, 1941, с. 43; Кожемяко, 1963, с. 171—177]. Недавно идентичность Атлаха и Джуван-тобе была подтверждена находкой на городище обломка каменной поделки с прорезанной тюркской рунической надписью «Атлах»¹.

Не вызывает сомнений локализация Нижнего Барсхана, расположенного восточнее Тараза на расстоянии 3 фарсахов [Волин, 1960, с. 82]. В 20 км восточнее Джамбула находится городище Тортколь-тобе, которое отождествляется с Нижним Барсханом [Сенигова, 1972, с. 68].

Три города, расположенные рядом с Таразом, — Джувикат, Джикиль и Балу точно не локализуются. Первый, видимо, можно сопоставить с городищем Бектобе [Археологическая карта Казахстана..., с. 262]. Второй отождествляется с городищем Джалпак-тобе [Сенигова, 1972, с. 71], третий — с городищем Бешагач [Бернштам, 1941, с. 44]. Можно добавить, что датировки городищ не расходятся со временем упоминания их в письменных источниках.

Сейчас имеется возможность уточнить направление Шелкового пути на участке от Абарджаджа, который вслед за Г. И. Пацевичем [Рукопись, с. 157—158] сопоставляем с безымянным городищем в местности Мынбулак вблизи с. Кремневка, до Тараза. Следующим населенным пунктом за Абарджаджем была «станция на Баркуабе» [Волин, 1960, с. 74, 77].

В свое время В. В. Бартольд отождествил Баркуаб («обратнотекущая вода») с рекой Терс [т. 4, с. 28]. На Терсе в районе села Бурно-Октябрьское расположены три небольших городища, существовавших в VII—XII вв., каждое из которых может соответствовать «станции на Баркуабе».

Из района села Бурно-Октябрьское древний караванный путь шел не по нынешней автомобильной трассе Чимкент — Джамбул через Куюкский перевал, а южнее, по берегу Асы. Именно здесь проходила и старая почтовая дорога [Россия..., с. 757]. Кудама в своем дорожнике пишет, что после переправы через Баркуаб «до Шавгара, горы точильного камня, от Шавгара до Джувиката 2 фарсаха по пустыне... от Джувиката до города Тараза... 2 фарсаха» [Волин, 1960, с. 77]. Это описание соответствует и современному характеру местности: узкий каньон Асы прорезает хребет Каратау (Шавгар — «Черные горы»), который подходит своим юго-восточным концом к Таласскому Алатау. Долина реки богата выходами черных сланцевых пород — «точильного камня». В более подробном переводе Кудама есть даже упоминание о каменоломнях Шавгара [Бартольд, т. 4, с. 28].

¹Прочитана С. Г. Кляшторным. Поделка хранится в Джамбулском областном историко-краеведческом музее.

От берегов Асы путь шел по каменистой безводной местности до Джувиката. Единственное крупное городище здесь — Бектобе находится в 15 км западнее Джамбула. По общему мнению, оно соответствует городу Джувикату [Каллаур, 1904, с. 53; Бернштам, 1941, с. 44].

Иначе, чем раньше [Ремпель, 1956, с. 72], мы предлагаем локализовать города Дех-Нуджикес и Адахкет, расположенные в местности Кевакет (Кевакиб), в 7 фарсах от Тараза [Волин, 1960, с. 74, 75, 77]. Они соответственно отождествляются со средневековыми городищами Тоймакент и Оххум. Датируются оба VII—XII вв. В пользу такого отождествления свидетельствует, во-первых, расстояние городищ от Тараза — Джамбула (35—55 км), во-вторых, их расположение на границе с Муонкумами, где находились зимние пастбища. Именно пограничный характер этих городов подчеркивает ал-Макдиси, сообщая о том, что в Дех-Нуджикесе велась торговля продуктами скотоводства [Волин, 1960, с. 81].

В долинной части Тараза находился город Кенджак-Сенгир, названный впервые в XI в. Махмудом Кашгарским [Волин, 1960, с. 84]. После монгольского нашествия город продолжал существовать под названием Кенджак. Источники сообщают: «Янги — это четыре города. Между каждым из них и другим один фарсах, каждый город имеет свое название. Один — Янги, другой Янги-Балык, третий — Кенджак, последний — Тараз» [Волин, 1960, с. 91]. Кенджак находился севернее Тараза, судя по данным Рубрука: «...на седьмой день к югу от нас стали видны очень высокие горы и мы выехали на равнину, которая орошалась, как сад, и нашли возделанные земли... Мы въехали в саррацинский город по имени Кинчат... На следующий день мы прибыли к другому поселку, более близкому к горам... Я спросил о городе Талас, в котором были немцы-рабы Бури» [1911, с. 68—69]. Скорее всего, Кенджаку соответствует городище Шарвашлык, а селению, которого Рубрук достиг на следующий день, — Оххум. Оба городища имеют слои XIII—XIV вв.

В горной части Таласской долины располагались, судя по письменным источникам, города, связанные с горнодобывающим и горно-металлургическим производством [Бубнова, 1963а], — Шельджи, Куль, Текабкет и Сус [Волин, 1960, с. 82].

Среди исследователей нет противоречий относительно местонахождения городов. Единодношно Шельджи идентифицируется с городищем Садыр-Курган, Куль — с Актобе Орловским, Текабкет — с Актобе Таласским и Сус — с городищем Чалдовар [Кожемяко, 1963, с. 145—171, 191—196; Бубнова, 1963, с. 125—144; Сенигова, 1972, с. 143—147].

Первым населенным пунктом на пути из Таласской долины в Чуйскую был Касрабас. Он отождествляется нами с городищем Ахыр-таш. Их идентичность подтверждается интерпретацией Ахыр-таша как «города-рабата, города-караван-сарая». Планировка Ахыр-тобе свидетельствует о типе постройки, которая более всего подходит к рабату или замку [Маньковская, 1980, с. 65—67].

Правильность этого отождествления подтверждается и сообщением ибн Хордадбега о Касрабасе: «Это теплое место, где зимуют карлуки, а

поблизости от него зимовье халаджей» [Волин, 1960, с. 7], а также тюркскими могильниками, сконцентрированными вблизи Ахыр-таша [Максимова, 1968, с. 146—158].

От Касрабаса насчитывалось 4 фарсаха до Куль-Шуба и еще 4 — до Джуль-Шуба. Замечание Кудамы о том, что «Куль-Шуб такой же, как Касрабас» [Волин, 1960, с. 77], позволяет считать и Джуль-Шуб постройками типа рабатов или караван-сараев. Отождествляются они с городищами Ахыр-тобе и Молдыбай, которые по своей топографии напоминают остатки караван-сараев [Археологическая карта..., с. 267].

Три города, стоящие один за другим, — Кулан, Мирки и Аспара — локализируются достаточно уверенно. Мирки и Аспара сохранили свои названия до сих пор, а городище возле села Луговое является единственным крупным памятником между Таразом и Мирки и бесспорно соответствует Кулану. Почти совпадает и расстояние в километрах от Джамбула до Лугового (110 км) и в фарсах от Тараза до Кулана (14 фарсахов).

В 8 фарсах восточнее Аспары находился город Нузкет, а еще в 4 фарсах от Нузкета — город Харанджуван [Волин, 1960, с. 74, 77, 80].

В. В. Бартольд отождествлял Нузкет с городищем вблизи с. Беловодское, отмечая, что здесь сохранились аналогичные топонимы [т. 2, ч. 2, с. 282]. А. Н. Бернштам локализовал город на месте городища Шиштобе [Чуйская долина, с. 24—25]. Харанджуван исследователи идентифицировали с городищем Актобе Степнинское [Агеева, Пацевич, 1958, с. 205].

Нам представляется более обоснованным отождествление Нузкета с городищем Шиштобе. Нузкет в источниках — «крупное селение» и «город», поэтому ему должно соответствовать значительное городище, а на отрезке в 8 фарсах, или 55—60 км, именно Шиштобе является наиболее крупным памятником.

Харанджуван источники характеризуют как сильно укрепленный город: «...вокруг него стена, в ней цитадель, в которой живет дихкан» [Волин, 1960, с. 80]. Поэтому ему, на наш взгляд, должно соответствовать Беловодское городище, расположенное на естественных возвышенностях и характеризующееся остатками мощных оборонительных стен. Не случайно другое название памятника — Беловодская крепость.

В 4 фарсах от Харанджувана находился город Джуль [Волин, 1960, с. 76, 77]. Джуль в свое время локализовали в районе Фрунзе [Бартольд, т. 2, ч. 1, с. 282], отождествляли с городищем Чола-казах [Чуйская долина, с. 24—25]. Для более уверенной локализации города важную роль играет то, что Джуль существовал в XIV в. У ал-Омари он назван Джуюль [Волин, 1960, с. 74, 77]. Поэтому ему должно соответствовать городище, имеющее слои XIII—XIV вв. Городище Чола-казах не может быть Джулем, поскольку прекращает существование в XII в. На наш взгляд, Джулю — Джуюлю более всего соответствует городище Сокулук. П. Н. Кожемяко отмечал следы обживания на нем в XIII в. [1959, с. 94]. Нами обнаружены здесь материалы XIII—XIV вв., что является важным аргументом в пользу предложенного отождествления.

За Джулем через 7 фарсахов был Сарыг, еще через 4 фарсаха — «селение тюркского кагана», от которого 2 фарсаха до Кирмирау и еще два — до Навакета. От Навакета до Бунджикета 2 фарсаха [Волин, 1960, с. 74, 77].

Таким образом, на участке от Джуля до Навакета протяженностью 13 фарсахов расположено 5 городов. Локализация их затруднена тем, что городищ, которые могут быть сопоставлены с этими городами, шесть. Поэтому существует известное разночтение в локализации этих населенных пунктов. Так, Сарыг отождествляли с городищем Красная Речка [Чуйская долина, с. 21], Навакет — с Кысмычи [Байпаков, 1966, с. 9].

Новые материалы позволяют предложить иную локализацию, прежде всего Навакета.

Навакет — «новый город» известен в китайских дорожниках уже в VII в. [Бартольд, т. 2, с. 269]. Как согдийская колония Навакет упоминается в одном из документов начала VIII в. с горы Муг [Лившиц, 1960, с. 80—84]. Город наряду с Суябом известен как ставка тюркских каганов [Волин, 1960, с. 76]. В составленном в начале XIII в. каталоге Амра кашгарский митрополит именуется митрополитом Кашгара и Навакета [Бартольд, т. 2, ч. 2, с. 294]. Из кратких описаний достаточно ясно вырисовывается столичный характер города, которому должно соответствовать одно из наиболее крупных городищ Чуйской долины. Мы предложили считать таковым Краснореченское городище. Это подтвердили широко-масштабные раскопки. Здесь открыты согдийская архитектура VII—VIII вв., буддийские храмы, многочисленные согдийские надписи, несторианские кайраки [Байпаков, Горячева, 1983, с. 74—75].

Определение местоположения Навакета позволяет иначе локализовать и другие названные выше города.

Из Джуля Шелковый путь проходил несколько севернее современного Фрунзе и через 7 фарсахов (50 км) приводил к Сарыгу, которому соответствует городище Грозненское, расположенное в долине р. Аларчи, в 15 км севернее г. Фрунзе. Из Сарыга путь шел на «селение тюркского кагана». Оно отождествляется с Чумышским городищем. П. И. Кожемяко отмечал, что «чрезвычайно мощные оборонительные сооружения внешней стены Чумышских развалин ставят их в особое положение среди городищ с длинными стенами... Они своей монументальностью напрашиваются на отождествление их с важным военно-административным центром» [1959, с. 112]. В свете этих особенностей топографии городища сопоставление его с «селением тюркского кагана» приобретает большую достоверность.

В 2 фарсахах восточнее находилось селение Кирмирау. Локализации Кирмирау помогает раскрытие этимологии этого слова. Оно означает буквально «Красная вода», «Красная речка», где «кирмир» — «красный», а дифтонг «ау» равнозначен «аб» (вода, река)². Логично в этом

² Такая этимология Кирмирау предложена В. А. Ромодиным в устной беседе с автором.

случае Кирмирау сопоставить с городищем Красная Речка. Однако оно получило свое название не от реки (городище находится на Чу). Ближе к Красной Речке находится Покровское городище, которое мы отождествляем с Кирмирау.

Локализация Бунджикета, находившегося в 2 фарсах от Навакета, не представляет трудностей, поскольку в 12 км от городища Красная Речка, на правом берегу р. Чу расположено городище Кысмычи, которое и должно соответствовать Бунджикету.

Из Бунджикета шла дорога в Суяб, до которого было два фарсеха [Волин, 1960, с. 77].

Суяб являлся столицей западных тюрков, тюргешей, карлуков [Бартольд, т. 2, ч. 1; Зуев, 1960]. В X в. название Суяб исчезает, а вместо него на роль столичного города выдвинулся Баласагун [Бартольд, т. 3, с. 355—357; Волин, 1960, с. 38—85]. Город доживает до XIV в., и под названием Карбалыг он был известен Рашид ад-Дину [Таласская долина, с. 190].

До недавнего времени крупные центры не были точно локализованы. В. В. Бартольд предлагал искать Суяб западнее Иссык-Куля, а Баласагун отождествлял с городищем Бурана [т. 4, с. 56—57], затем — с развалинами городища Ак-Бешим [т. 3, с. 357]. А. Н. Бернштам отождествил Суяб с городищем у с. Новорийское в долине Чонг-Кемина, а Баласагун локализовал на месте городища Ак-Бешим [Чуйская долина, с. 21—22, 12—14, 148]. Г. Клаусон отождествлял Суяб с Ак-Бешимом [Clauson, 1965, p. 126—127].

Раскопками Ак-Бешима установлено, что город возник в V—VI вв. и продолжал существовать до X в. [Кызласов, 1959, с. 237]. И хотя впоследствии были выявлены отдельные участки городища, обживаемые до XII в. [Кожемяко, 1959], тождество Ак-Бешим — Баласагун оказалось поколебленным.

Недавние открытия монументальных мусульманских архитектурных сооружений на городище Бурана явились дополнительным аргументом в пользу сопоставления Баласагуна именно с этим городищем [Горячева, 1975, с. 130—141].

Таким образом, наиболее вероятными городищами, которые могут соответствовать этим городам, являются Ак-Бешим и Бурана. Более того, Суяб должен локализоваться на месте Ак-Бешима, а Баласагун — на месте Бураны. В подтверждение этого приведем некоторые дополнительные доводы.

Суяб со страниц письменных источников исчезает в конце X в. В подробном реестре ал-Макдиси городов Южного Казахстана и Семиречья Суяба нет. Но это, на наш взгляд, не означает, что Суяб перестал существовать. Изменилось, вернее, видоизменилось, его название. У ал-Макдиси есть город Шуй, который соответствует Суябу (переход звука «ч» в звук «с» или «ш» вполне оправдан в тюркских языках) [Бартольд, т. 4, с. 47, примеч.].

Интересно в данном аспекте сообщение Махмуда Кашгарского, в котором он приводит легенду о крепости Шу (ср. Шуй), построенной

тюркским царем Шу близ Баласагуна [Волин, 1960, с. 85]. Далее Махмуд Кашгарский пишет: «Урду — город поблизости от Баласагуна. А Баласагун от этого называется Куз-Урду». «Урду, — объясняет он, — город царя» [Волин, 1960, с. 83]. Логично предположить, что город, основанный царем Шу, и есть Урду. Под названием Урду-Ордакент Суяб выступает в манихейском сочинении из Ходжо (Турфанский оазис), датированном первой половиной VIII в. В нем среди городов Семиречья перечислены Иаканкент, Ордукент, Чигильбалык, Кашу [Кляшторный, 1964, с. 131]. Отсутствие в этом ряду широко известного в то время Суяба позволяет думать, что он как столичный город назывался Ордукент. Можно считать, что Суяб, он же Ордукент, в позднее время был известен под названиями Шуй, Шу, Урду.

В VIII в. Гардизи в «Худуд ал-Алеме» в числе селений Семиречья упоминает Беклик (Беклелик), которое у согдийцев называлось Семекна. Владелец его носил титул Бадан-Сангу, или по-тюркски Йинал-Тегин [Бартольд, т. 2, ч. 1, с. 36—38]. Этимологически ойконим Беклиг сопоставляется со словом «балык», которое пишется «балиг» [Бартольд, т. 3, с. 362]. Оно употребляется в тюркских языках в значении «город» [Толстов, 1947, с. 72]. Анализ слова сделан С. П. Толстовым. Баласагун, по его мнению, также монгольская форма (балгасун—город), которая произошла от тюркского «балык» — город.

Возможно и другое толкование ойконима Баласагун. Это двусоставное слово, где «бала» является усеченной формой «балык—беклиг», а «сагун (сенгун, сянгун)» — военно-административный титул, распространенный как у тюрков среди знати, так и у других народов Центральной и Средней Азии [Кляшторный, 1964, с. 132].

Особую ценность представляет тот факт, что владелец города Беклига носил титул Бадан-Сангу, где Бадан являлся распространенным в среде согдийской аристократии именем. С. Г. Кляшторный убедительно показал, что титул Сенгун (Сангу) был наследственным, поскольку в 731 г. посольство согдийских городов Семиречья возглавлял Нек-Сенгун и Огул-Тархан [1964, с. 132]. Первый мог быть предшественником Бадана-Сангу.

Следовательно, тождество Беклига и Баласагуна возможно. Первое название означает просто «город», второе осмысливалось как город Сангуна — Сенгуна. По-согдийски Беклиг назывался Семекна. В. В. Бартольд считал этот город согдийской колонией [т. 2, ч. 2, с. 466]. В пользу такого мнения свидетельствуют также 51 и 53 строки рунической надписи в честь Кюль-Тегина, где говорится о посольстве согдийских городов, одним из руководителей которого был Нек-Сенгун. На наш взгляд, он являлся владельцем именно Беклига (Семекны), Баласагуна.

Согдийское население в Баласагуне сохранялось еще в XI в., и не случайно Махмуд Кашгарский писал, что «сугдак — люди, живущие в Баласагуне» [Волин, 1960, с. 84]. Это еще одно подтверждение тождества согдийской колонии Беклика — Семекны и города Баласагуна, где проживали ассимилированные тюрками согдийцы.

Таким образом, Суяб и Баласагун возникли и существовали одновременно, но играли в те или иные периоды истории Семиречья различную роль. В VII—VIII вв. столицей был Суяб — Ордукент, а Баласагун, известный как Беклиг или Семекна, являлся крупным селением. В IX в. главенствующее положение переходит к Баласагуну (Куз-Орду — Куз-Улушу), а Суяб, теперь известный как Шуй-Шу, превращается в небольшой городок, все еще по традиции называемый Урду.

В числе городов, названных ал-Макдиси и привязываемых к Семиречью, названы Яг (Йаг), Якалыг (Йакалиг), Джакаркан [Волин, 1960, с. 80]. Якалыг исследователи отождествляли с городищами Кысмычи [Чуйская долина, с. 27] или Ташуткулем [Байпаков, 1966, с. 9]. Однако раскопки городища Актобе на Аксу, проведенные в последние годы, заставляют сопоставить Якалык именно с этим городищем. Пока предположительно возможны еще два сопоставления: Джакаркана — с городищем Сретенское и города Яга (Йага) — с городищем Толекское, расположенным в долине р. Аксу.

Локализация городов северо-восточного Семиречья

Наиболее ранние сведения о городах Илийской долины содержит анонимное сочинение «Худуд ал-Алем». В нем названо селение Тальхиз, расположенное среди гор на границе джикилей и карлуков, вблизи озера Иссык-Куль [Бартольд, т. 2, ч. 1, с. 60].

Тальхиз локализуется в долине р. Талгар на месте городища с таким же названием [Маргулан, 1950, с. 60; Байпаков, 19686, с. 21].

В XIII в. Тальхизом, видимо, назывался город Чжимуэрр, который находился к западу от Алмалыка [Bretschneider, 1910, p. 127]. В других источниках этого же времени город фигурирует как «небольшой городок по северную сторону большой горы» [Си-ю-цзи, 1866, с. 306—307].

«Большая гора» — примечательный ориентир, скорее всего, это вершина Талгара, самая высокая точка Заилийского Алатау.

В источниках X в. упоминается город Лабан, владелец которого именовался Кутегин-лабан [Таласская долина, с. 115]. Город назван ал-Макдиси в списке городов [Волин, 1960, с. 84]. Существует предположение, что Лабан — искаженное произношение Албан. В таком случае Лабан (Албан) следует отождествить с городищем Сумбе на северных склонах Кетменьтау, где обитало племя албан [Востров, Муканов, 1968, с. 129—132].

Ики-Огуз впервые показан на карте Махмуда Кашгарского (Hudūd al-'Ālam, 1937, p. 277). Позднее, в XIII в., город был назван Рубруком Эквиус. Рубрук писал, достигнув предгорьев Заилийского Алатау: «Через несколько дней мы въехали в горы, в которых обычно живут каракитай,

и нашли там большую реку, через которую надлежало переправиться на судне. После этого мы въехали в одну долину, где увидели какой-то разрушенный замок, стены которого были только из глины, и земля там была возделана. После этого мы нашли некий хороший город по имени Эквиус, в котором жили сарацины, говорящие по-персидски, хотя они были очень далеко от Персии» [1911, с. 105, 134]. Вслед за В. В. Бартольд [т. 4, с. 85] А. Н. Бернштам отождествлял Эквиус с городищем Чингильды [1948б, с. 83].

Археологические исследования в Илийской долине заставили пересмотреть локализацию Эквиуса. Городище Чингильды не может соответствовать Эквиусу прежде всего потому, что здесь отсутствует материал XIII в. Кроме того, размеры городища никак не соответствуют крупному поселению, каким был Эквиус. Это торткуль размерами 75×75 м, который в прошлом был поселением либо караван-сараям [Байпаков, 1966, с. 12]. Эквиус, на наш взгляд, следует отождествить с городищем Дунгене, расположенным в долине Коксу, неподалеку от современного Талды-Кургана.

Крупнейшим городом Илийской долины был Каялык — столица карлукского джабгу [Бартольд, т. 4, с. 105]. Каялык несомненно тождествен Кайлаку Рубрука. Последний так описывает свой путь после Эквиуса: «На следующий день, переправившись через те горы, которые составляли отроги больших гор, находившихся к югу, мы въехали на очень красивую равнину, имеющую справа высокие горы, а слева некое море или озеро, тянувшееся на двадцать пять дней пути в окружности. И эта равнина была прекрасно орошена стекающими с гор водами, которые все впадают в упомянутое море. Летом мы возвращались с северного бока этого моря, где, главным образом, были высокие горы. На вышеупомянутой равнине было много городков, но по большей части они были разрушены татарами, чтобы иметь возможность пасти скот, так как там были наилучшие пастбища. Мы нашли там большой город Кайлак, в котором был базар, и его посещали многие купцы» [1911, с. 125].

По мнению В. В. Бартольда, Каялык находился в районе Канала [т. 4, с. 105]. А. Н. Бернштам предлагал локализовать город на месте городища Дунгене [1948, с. 88]. Сейчас возможно другое решение, основанное на дополнительных данных археологических изысканий. Долина, где, по сведениям Рубрука, было много городов, соответствует междуречью Сарканд — Лепсы. Здесь обнаружено несколько десятков городищ и среди них крупнейшее в Илийской долине — Антоновское. Оно может быть отождествлено с Каялыком (Кайлаком) [Байпаков, 1968а, с. 24].

«В трех лье от Кайлака находилось «несторианское селение» с церковью, а дальше мы добрались до «столицы этой области» в начале выше-названного моря, которое показалось нам столь бурным, как океан. И мы видели на нем большой остров». Затем Рубрук красочно описывает ветры, которые дуют в этой местности [1911, с. 112]. «Несторианское селение» отождествляется с городищем Лепсы, расположенным в 8 км северо-восточнее Антоновского. В море, которое упоминает путешествен-

ник, нетрудно узнать Алакуль. Остров, который видел Рубрук,— Улькан Аралтобе. Вершина его на 200 м выше уровня моря. «Аралтобе виден издалека и его черная одинокая масса, возвышающаяся над зеленой поверхностью Алаколя еще более увеличивает мрачность пустынного ландшафта» [Голубев, 1867, с. 359]. Для Алакуля типичны сильные ветры. «Ветер Эбе выходит из недр, которые несколько раз пытались засыпать камнями, но всякий раз ветер разрушал преграды и вырывался с новой силой» [Там же, с. 356]. Почти так же звучит легенда об алакульском ветре в рассказе Плано Карпини, побывавшего здесь незадолго до Рубрука [Карпини, 1911, с. 51].

«Столица области» может быть локализована на месте городища Кок-Тума, которое в настоящее время почти полностью смыто Алакулем. Находки с городища свидетельствуют о Кок-Туме как о крупном торговом-ремесленном и культурном центре. Находки с городища — поливная керамика, стекло, жженные кирпичи, на одном из которых имелся оттиск стилизованной фигуры льва, свидетельствуют о значимости этого города.

В маршрутке армянского царя Гетума I упоминается еще один город Илийской долины — Иланбалех, известный в других источниках как Илибали [Гандзакеци Киракос, 1976, с. 224]. Он находился западнее Алмалыка, местонахождение которого установлено [Пантусов, 1910, с. 161—188]. По мнению А. Х. Маргулана, Иланбалык локализуется на правом берегу Или, ниже Капчагайской теснины [1950, с. 58—59]. Город отождествляли также с городищем в районе населенного пункта Басчи. Однако вблизи Капчагая городищ нет, а городище Басчи датируется XI—XII вв. и представляет собой небольшое поселение — торткуль. Иланбалык следует локализовать между Кокталом и Панфиловым, где обнаружены остатки средневекового городища Учарал.

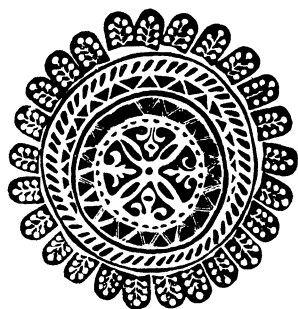
В Илийской долине находился Алмалык (Алмату). У Шараф ад-дина Йазди Алмалык упоминается при описании похода Тимура в Монголистан в 1390 г. Войско шло через Иссык-Куль, через горный проход Арджату и Алмалык, через Или и Каратал [МИКК, 1973, с. 143]. Упомянутый в этом отрывке горный проход Арджату (букв. место теплых ключей) можно сопоставить с Арасанским ущельем вблизи Алма-Аты, где до сих пор функционируют горячие целебные источники. Кроме того, названия рек Или и Каратала являются ориентирами для уточнения маршрута движения войска, который проходил вблизи современной Алма-Аты, в северо-восточном направлении, через реку Или в сторону озера Алакуль и Джунгарских ворот.

В начале XVI в. Алмалык (Алмату) лежал в развалинах. Город можно отождествить с одним из городищ на территории современной Алма-Аты. Исторические источники и наши материалы и наблюдения дали возможность достаточно обоснованно локализовать, и идентифицировать с конкретными городищами почти 90% всех названных городов Южного Казахстана и Семиречья. Столь высокий результат получен благодаря тому, что многие города сохраняли свои прежние названия вплоть до

нового времени, а некоторые носят прежние наименования и поныне. Подавляющее большинство городов региона четко привязывается к трассам торговых путей, в первую очередь к Великому шелковому пути, и поэтому их положение на караванных путях конкретизируется и корректируется большим числом дорожников и маршрутчиков.

Такое положение стало возможным благодаря большой многолетней работе, особенно в последние годы, по выявлению, изучению и хронологии средневековых городищ и поселений.

Глава III.

ГОРОДА В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Политическая обстановка

В середине I тысячелетия н. э. политическая ситуация на юге Казахстана и в Семиречье характеризовалась ослаблением ранее могущественных объединений кангюев и усуней. Во второй половине III в. объединение Кангюй, главную силу которого составляли племена Средней Сырдарьи, распалось на несколько владений, каждое из которых имело самостоятельного правителя [Mcgovern, 1939, p. 400].

Усуньские племена, населявшие Семиречье в V в., уже не играли прежней роли. Неоднократные набеги жужан подорвали силу усуньского объединения. Однако усуньские гуньмо сохранили некоторую самостоятельность, могли вести дипломатические переговоры и заключать договоры [Бичурин, т. 2, с. 258].

В VI в. на обширной территории Азии происходила консолидация племен в государственное объединение раннефеодального типа — Тюркский каганат. К концу 60-х гг. VI в. Тюркский каганат включается в систему политических и экономических отношений крупнейших государств того времени — Византии, Сасанидского Ирана, Китая. Становление раннефеодальных отношений привело к обострению социальных противоречий в Тюркском каганате, росту богатства и влияния тюркской аристократии, обеднению массы рядовых общинников. Усугубленные междоусобицами, военными поражениями, джугами и голодом, эти противоречия привели к распаду каганата в начале VII в. на два самостоятельных — Восточный и Западный.

Западнотюркский каганат занимал древние земли усуней и кангюев, всю территорию Семиречья и Южного Казахстана от Джунгарии до Каратау. Здесь в Суябе на р. Чу находилась ставка западнотюркского ка-

гана [Кляшторный, 1964, с. 21—22]. Западные тюрки выступили наследниками всех завоеваний Тюркского каганата в Средней Азии, подчинив себе Согд, Маймург, Кеш, Нахшеб, Бухару, Усрушану и другие владения. Первоначально тюрки оставили в завоеванных областях прежних владетелей и сохранили старые порядки, довольствуясь данью. Постепенно они осваиваются с системой административного управления в среднеазиатских владениях, и при кагане Туншеху местные среднеазиатские правители были превращены в наместников кагана и получили соответствующую титулатуру [Бичурин, т. 1, с. 238].

Но вскоре внутренние и внешние события привели к развалу и гибели Западнотюркского каганата и образованию на его развалинах в конце VII в. каганата тюркешей [Кляшторный, 1964, с. 139—140].

В начале VIII в. арабы, укрепившись на территории Хорасана, начинают захват Мавераннахра. В условиях внешней опасности оформляется союз тюркешей и согдийцев, объединенные силы их наносят поражение арабским войскам, и лишь с трудом арабам удается добиться успеха и занять Бухару, а затем Самарканд.

В 712—713 гг. против арабов выступили объединенные силы тюрков, согдийцев, шашцев и ферганцев. Эта коалиция превращается в главного противника арабов, и то, что ни Средняя Сырдарья, ни Фергана, ни Семиречье не были завоеваны арабами и включены в состав халифата, заслуга, как полагают исследователи, этой коалиции [Кляшторный, 1964, с. 152—155].

Борьба тюркешей с арабами ослаблялась междоусобицами в каганате, чем не замедлили воспользоваться китайцы, которые, однако, не смогли укрепиться в Суябе. В Таласской битве китайская армия потерпела поражение от арабов и карлуков [Волин, 1960, с. 80; Большаков 1980, с. 132—136]. В 766 г. власть в Семиречье захватили карлуки.

Карлуки активно поддерживали антиарабские и антимусульманские мятежи в Средней Азии, что вызывало со стороны арабов ответные действия. Так исторически засвидетельствованы походы арабов на Среднюю Сырдарью, когда они под предводительством Фалла б. Сахля вторглись в область Отрара, убили начальника пограничной крепости и взяли в плен сыновей карлукского джабгу [Михайлова, 1951, с. 11—12].

В 806 г., подавив мятеж в Согде, поддержанный тюрками, арабы организовали поход в карлукские владения и дошли до города Кулапа [Бартольд, т. 1, с. 260].

Более успешно с целью подчинения своему влиянию южных районов Казахстана действовали Саманиды. В 839—840 гг. Нух ибн Асад совершил поход против владетеля Испиджаба, подчинил город и построил стену вокруг виноградников и поσεων жителей [Волин, 1960, с. 75]. В начале второй половины IX в. Наср I Ахмед завоевал Шавгар [Бартольд, т. 1, с. 268]. И лишь во второй половине IX в. Саманиды распространили свое влияние до Таласа [Волин, 1960, с. 76; Бартольд, т. 5, с. 46]. Таким образом, юг Казахстана и Семиречье по крайней мере в первой половине IX в. сохраняли известную самостоятельность и как следствие ее позже других областей Средней Азии втянулись в процесс исламизации

культуры, сохраняя традиции раннесредневековой или, как ее называют, «домусульманской» культуры еще в IX в.

Даже этот краткий обзор основных политических событий в регионе свидетельствует о том, что население Южного Казахстана и Семиречья принимало деятельное участие в основных политических явлениях, происходивших на Востоке. На фоне их в условиях становления феодальных отношений на территории Южного Казахстана и Семиречья формировалась и развивалась раннесредневековая городская культура.

Вопросы хронологии, выделение археологических комплексов

Раскопки раннесредневековых памятников Южного Казахстана и Семиречья затруднены отсутствием «чистых» памятников, таких, где слои VI—VIII вв. не перекрывались бы более поздними. В настоящее время на юге Казахстана известно несколько городищ — Кок-Мардан, Сейид-тобе, Чардара, Байкум, где раннесредневековый слой лежит сверху. На всех других он перекрыт, и дойти до него можно лишь при помощи глубоких шурфов. Поэтому не удивительно, что комплексы раннесредневековой керамики Южного Казахстана до недавнего времени выделялись на основе подъемного материала [Агеева, Пацевич, 1958] и материалов стратиграфических шурфов [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972].

Такая же ситуация характерна и для юго-западного Семиречья. Однако здесь, обычно в пределах окруженной стенами территории, находятся храмовые сооружения, замки и усадьбы. Раскопки их дали важные материалы для изучения и решения круга вопросов, связанных с хронологией памятников и археологических комплексов [Кызласов, 1959; Распопова, 1960; Байпаков, 1966]. Видимо, топография городища тоже может быть включена в археологический комплекс. Накопленный материал позволяет выделить в Южном Казахстане в рамках VI — первой половины IX в. два комплекса: VI — первой половины VII в. и второй половины VII — первой половины IX в.

Первый из них получен при раскопках верхних слоев городища Кок-Мардан (рис. 2). Центральная часть городища представляет собой вытянутый с севера на юг овальный бугор площадью 3,2 га и высотой 15 м. Северная часть городища, являющаяся остатками цитадели, наиболее высокая — 16 м, размеры площадки на ее верху 25×25 м. От остальной части городища, шахристана она отделена незастроенной полосой в виде ложбины шириной 8 м. Она окружена рвами — протоками Арысы. Въезд единственный, по узкой дамбе (рис. 3, 2). Вокруг центрального бугра прослеживается застройка в виде подпрямоугольных площадок площадью 4 га (рис. 4). Это городище, одно из немногих не перекрытое наслоениями более позднего времени, дает общее представление о топографии раннесредневековых городищ.

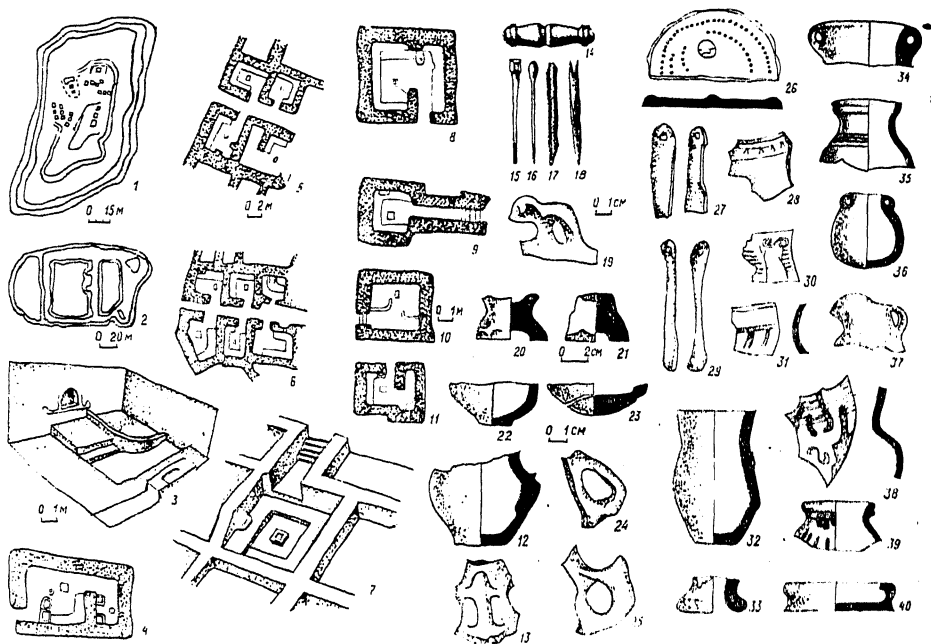

Рис. 2. Археологический комплекс Южного Казахстана VI — первой половины VII в.

Еще до начала раскопок прослеживалась уличная сеть. От въезда шла «центральная» улица, пересекающая городище с востока на запад. «Диагональная» улица пересекала городище с ЮВ на СЗ. Отмечена «кольцевая» улица, которая опоясывала шахристан на расстоянии 7—15 м от края, упираясь в незастроенную полосу, отделяющую от шахристана цитадель. Топография городища с трехчастным делением на цитадель, шахристан, пригороды, его размеры, а также центральное положение в группе памятников урочища Кок-Мардан позволили отнести Кок-Мардан к категории городов [Акишев, Байнаков, Ерзакович, 1972, с. 123].

Важным признаком, позволяющим отнести городище к категории городов, является соотношение размеров цитадели и остальной территории. В сельских поселениях цитадель, как показывают исследования, занимает свыше 20% площади [Заднепровский, 1954, с. 12; Распопова, 1979, с. 22—26].

Раскопками вскрыты жилые массивы, состоящие из отдельных домовладений, группирующихся вдоль тупиковых улочек. Дома одно- и двухкомнатные, состоящие из одной жилой либо из жилой комнаты и кладовой, сооружены из серого кирпича размерами 40—42×20×8—10 см. В жилых помещениях г- и п-образные суфы, на полах открытого типа очаги, прямоугольные в плане, с глиняными бортиками.

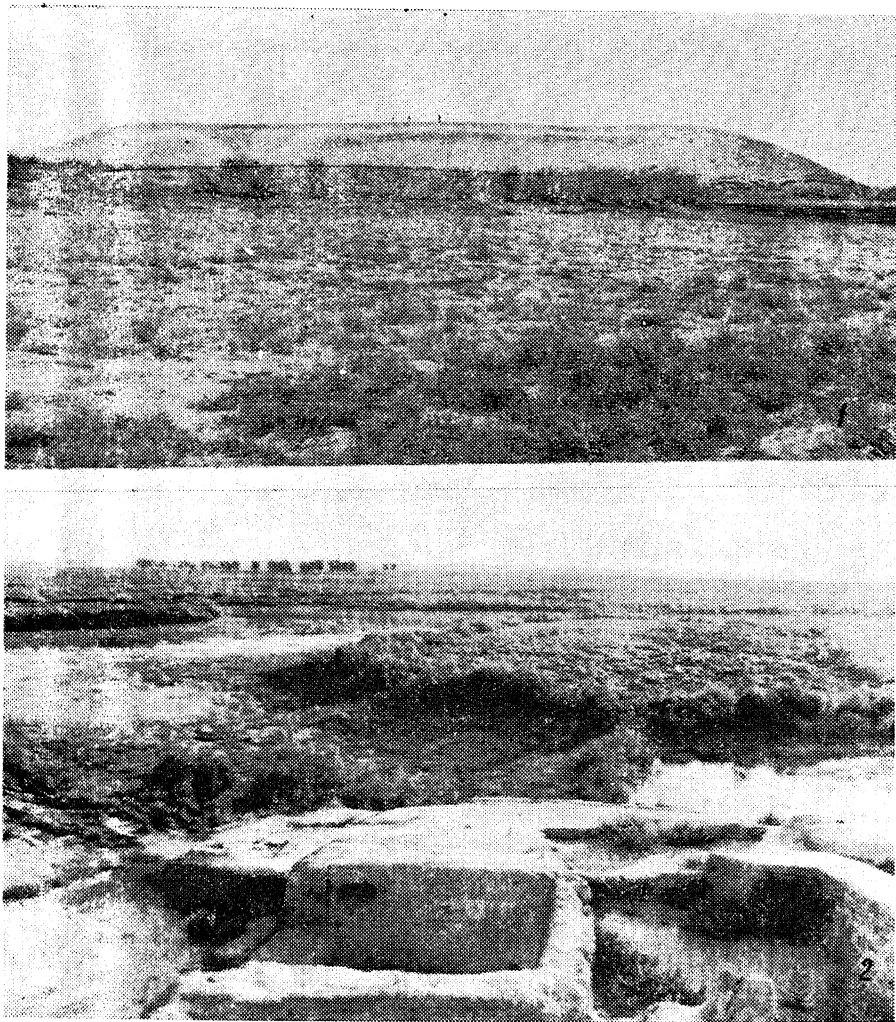

Рис. 3. Городище Кок-Мардан: 1 — общий вид с востока; 2 — вид на восточный рабад с цитадели

Устойчив набор изделий из камня — зернотерки, терочники, различного размера ядрища, кольцевые утяжелители мотыг. Распространенной находкой являются амулеты из просверленных фаланг диких животных и птиц.

Керамические комплексы представлены в основном лепной керамикой (87%) (рис. 5). Керамика делится на кухонную — котлы, горшки, крышки, сковороды, подставки; посуду, предназначенную для хранения продуктов, их транспортировки, — хумы, хумчи, горшки, кувшины, крин-

Рис. 4. План городища Кок-Мардан и раскопанных участков

ки и столовую посуду — кувшины, миски, кружки. Отдельную группу керамических изделий составляют светильники, детские игрушки, грузики ткацких станков, пряслица.

В кухонной керамике преобладают горшки. Это приземистые сосуды с округлым туловом, невысоким горлом, со слегка отогнутым наружу венчиком. Диаметр горла обычно меньше размера дна. Ручки горшков петлевидные, вертикальные и наклепанные в виде полукруглого или зубчатого выступа. Часто по форме такой выступ напоминает копыта лошади. Встречаются горшки, у которых по две ручки — одна петлевидная, вертикальная, другая наклепная полукруглая, горизонтальная.

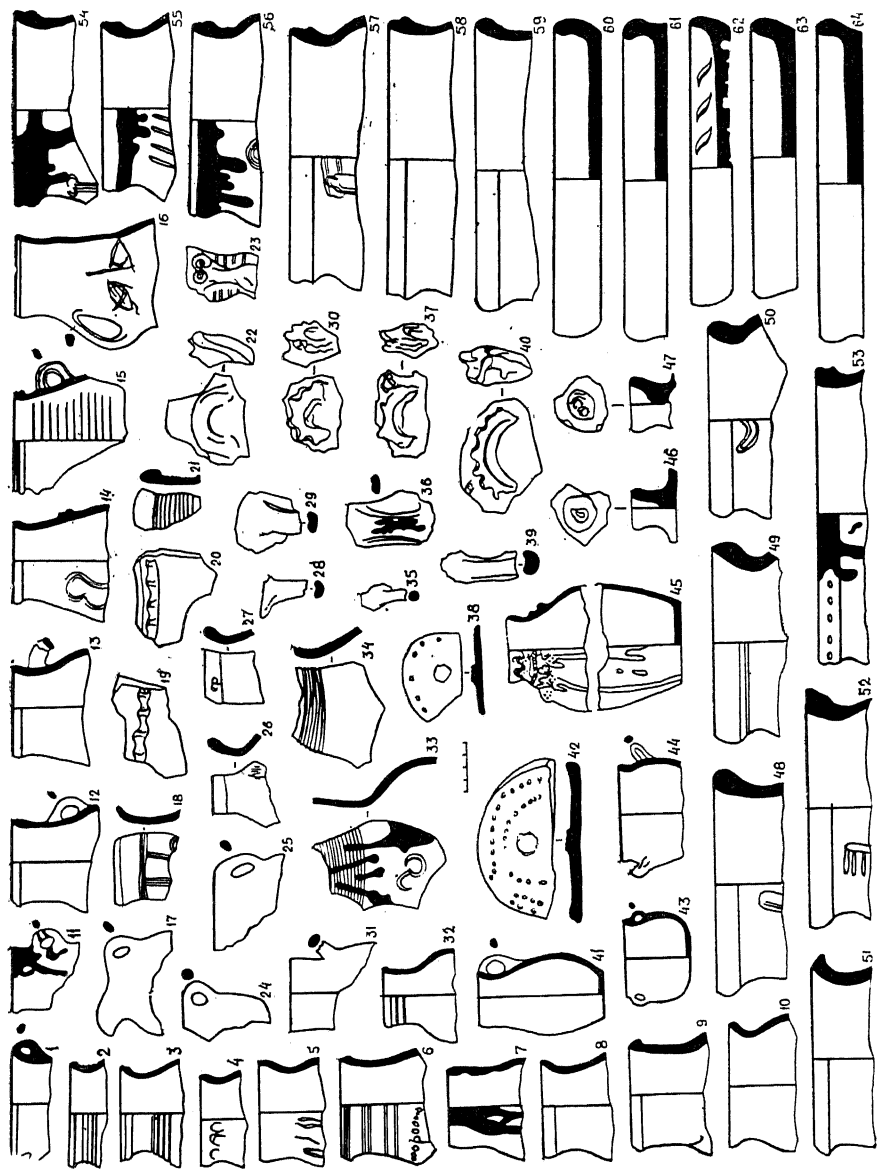

Рис. 5. Керамика верхнего горизонта городища Кок-Мардан

Крышки различных диаметров — от небольших, диаметром 10—12 см, до крупных, диаметром 25—30 см. Есть крышки с петлевидной ручкой в центре или сбоку, с овальным отверстием для выхода пара. Края крышек иногда украшены насечками, вдавлениями, на поверхности имеются украшения в виде прочерченных кружков (рис. 5, 38, 42).

Группу керамических изделий составляют подставки в виде стилизованных изображений головы быка с подчеркнуто массивными рогами. Поверхность таких подставок украшалась ямочными вдавлениями.

Посуда для хранения и транспортировки воды и продуктов питания сделана техникой ручной лепки или при помощи подставки. Преобладают хумы и хумчи. Для хумов характерны массивные прямоугольные в сечении венчики с валиком посередине. Есть венчики подквадратные и подтреугольные в сечении. Овальное яйцевидное тулово с выделенной шейкой переходит в плоское дно, зачастую с отпечатками грубой ткани типа мешковины.

Хумчи имеют удлиненное асимметричное тулово, венчики прямоугольные или овальные в сечении.

Большинство хумов покрыто светло-коричневым, розовым, реже — светлым ангобом, поверх которого ангобом более темного цвета, иногда почти черным, начиная с венчика наносились потеки, брызги. На плечиках хумов встречаются прочерченные до обжига знаки — овалы, зигзаги, кресты, параллельные линии, проведенные пальцами (рис. 5, 54—59).

Большую группу составляют горшковидные сосуды. Они в большинстве своем сверху покрывались белым ангобом, а также розовым и красным. На тулове, как правило, видны следы заглаживания каким-то округлым предметом, видимо черепком.

Ручки у горшков двух видов — вертикальные и горизонтальные. Первые соединяют край венчика и тулово. Они обычно овальные и круглые в сечении. Реже встречаются уплощенные, подпрямоугольные в сечении.

Горизонтальные ручки налеплялись на плечики сосудов; они овальные в сечении, снизу уплощены. Орнамент на сосудах однообразен. Он располагается обычно на шейке и состоит из продавленных концентрических линий разной степени частоты, круглых отисков палочки на шейке и ручках, горизонтальных и вертикальных борозд в простейших сочетаниях, а также из волнистых и зигзагообразных линий на тулове.

Водоносные кувшины имеют широкое короткое горло диаметром 12—20 см, переходящее в заостренный, слегка отогнутый наружу венчик, ромбический в сечении. Тулово с покатыми и обвислыми плечиками (длина тулова соотносится с длиной горла как 3 и 1 или 4 и 1) заканчивается широким плоским дном, которое в полтора-два раза шире диаметра устья. Тулово сосудов покрывалось розовым, красноватым или коричневым ангобом, снаружи затиралось пучком травы, мокрой тряпкой или специальным инструментом, оставлявшим тонкие частые бороздки. Ручки овальные в сечении, прямоугольные, с желобком. Они соединяют венчик с плечиками, иногда их верхний конец закреплен чуть ниже венчика.

Особый тип представляют водоносные кувшины, для которых характерно сочетание коричневого ангоба и рифления горла. Зачастую это не рифление, а зона частых резных или вдавленных концентрических линий (рис. 5, 2, 3, 6).

Сосуды украшались потеками или пятнами ангоба и вдавленными концентрическими линиями, отпечатками гребенчатого штампа, налепами.

На горло одного из кувшинов был нанесен ряд наклонных линий гребенчатого штампа, рамка из двух резных линий, а на тулово — волнистый узор, проведенный тем же гребенчатым штампом.

Налепы обычно встречаются на ручке или тулове. На ручке наклепывали выступ или элементы, придававшие ручке зооморфный вид. Одна из ручек имеет на верхней площадке налепы в виде ушей и глаз животного. Под ручкой сделаны налепы в виде знаков *s* и *v*, имитирующие рога барана (рис. 5, 23), налепы в виде кружка, иногда обрамленного шариками в виде шишечек. На тулове некоторых кувшинов имеются прочерченные тамгообразные знаки (рис. 5, 14, 16).

Столовая посуда в основном представлена красноангобированными кувшинами и кружками. Красный ангоб сочетается с лощением. Часть этой керамики сделана на круге. Формы краснолощенной столовой посуды разнообразны. Это кувшины со сливом, обычно лепленные от руки. У них короткое горло раструбом, раздутое тулово, ручка соединяет край венчика и плечики. Ангоб красный или темно-вишневый.

Кувшины с носиками. Большой объем, как правило, до 10 литров, сближает их с водоносными сосудами, использовавшимися в качестве тары.

Горшочки бывают с одной, двумя ручками или без ручек, емкостью от 0,5 до 3—5 л. Ручки соединяют венчик и тулово. В основном они овальные и круглые, но встречаются в виде стилизованных изображений животных с треугольным выступом на месте головы и ребром, имитирующим хребет.

Кружки нескольких типов, но наиболее распространены сосуды изящных пропорций, с прямой шейкой, отогнутым венчиком и округлым туловом. Ручка соединяет тулово с краем венчика. Другой тип кружек характеризуется ручкой, наклепленной посередине, с выраженной кольцеватостью.

Группу бытовых изделий из керамики составляют светильники, изготовленные из рыхлого с шамотом теста. Резервуар с расширяющимися стенками опирается на короткую коническую ножку на кольцевидном поддоне.

Керамику исследуемого района первого тысячелетия как особый комплекс Л. М. Левина отнесла к отарско-каратауской культуре и выделила в ней три хронологические группы в пределах с I в. до VIII в. н. э. Наиболее поздняя группа отнесена ею к VI—VIII вв. [1971, с. 233—234]. Для керамики этого периода характерны, по ее мнению, орнамент в виде насечек, ямок, наклепных шишечек, наклепной валик на горле или тулове, распространение хумов с подквадратными в сечении венчиками.

Мы в свое время приняли периодизацию Л. М. Левиной и согласились с хронологической классификацией керамики, выделением южноказахстанской керамики в особый комплекс, добавив к перечисленным исследователем признакам характерное только для Отрарского оазиса разнообразие цветов ангобного покрытия и так называемое «псевдорифление» сосудов [Байпаков, 1974, с. 182—185]. Однако сейчас представляется возможным более четко различать комплексы керамики — не по рубежу VI в., а по середине VII в. Основанием для этого служит тот факт, что в VII в. на юге Казахстана и, в частности, в Отрарском оазисе появляются элементы нового стиля в керамике.

В целом для «кокмардановского» археологического комплекса характерна керамика третьего этапа отрарско-каратауской культуры. Но есть и новые типы посуды. Это энохоевидные красноощенные кувшины, аналогичные кувшинам из Борижарского некрополя и могильника Шага (рис. 5, 17). Первый памятник находится в среднем течении р. Арысь, а второй — на южных склонах Каратау, в округе Шавгар (Туркестан), оба датируются в пределах VI—VIII вв. [Агеева, Пацевич, 1956, с. 56; Максимова, 1975, с. 107; Левина, 1971, с. 217]. В группе столовой керамики встречены красноощенные кружки с кольцевыми ручками ребристых очертаний с признаками подражания тюркской торевтике, которые появились в керамике Средней Азии в VII—VIII вв. [Маршак, 1965, с. 25].

Имеются в материалах комплекса сосуды с резным растительным орнаментом, находящие аналогии в комплексах посуды Кескен-Куюккала VII—VIII вв. из низовьев Сырдарьи [Левина, 1971, с. 80—81, рис. 20, 85, 86, 111].

Появление новых признаков дает основание для того, чтобы датировать керамический комплекс Кок-Мардана VI—VII вв., скорее всего первой половиной VII в., поскольку во второй половине VII в. новые признаки в керамике получают широкое распространение, что отмечено при анализе куйрукского археологического комплекса (рис. 6).

Городище Куйрук-тобе состоит из шахристана, цитадели и неукрепленного рабада. Общая площадь городища около 30 га (рис. 7, 8).

Раскопки цитадели Куйрук-тобе выявили архитектуру замкового типа с парадным залом в центре. Комплекс построек сооружен из пахсовых блоков размерами $0,9 \times 0,75$ — $1,1$ и $0,85 \times 0,85 \times 0,7$ м и длинномерного сырцового кирпича размером 42 — 44×20 — 24×8 — 10 см. Характер строительных приемов, наличие платформ, комбинированная кладка из длинномерного сырцового кирпича и пахсовых блоков, размеры кирпича, наличие коробовых сводов, планировка постройки находят самое близкое сходство в раннесредневековых городах Шаша, Согда, Усрушаны [Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973, с. 40—42].

При расчистке помещений цитадели были сделаны находки, дающие наряду с архитектурой постройки представление об археологическом комплексе. Собрано 11 бронзовых литых монет двух типов. Они найдены на полах помещений, в обмазках стен. У монет первого типа на одной из сторон изображен идущий вправо лев на подставке в обрамлении круга из перлов, на обратной — руническая монограмма «н+уш» (рис. 6,

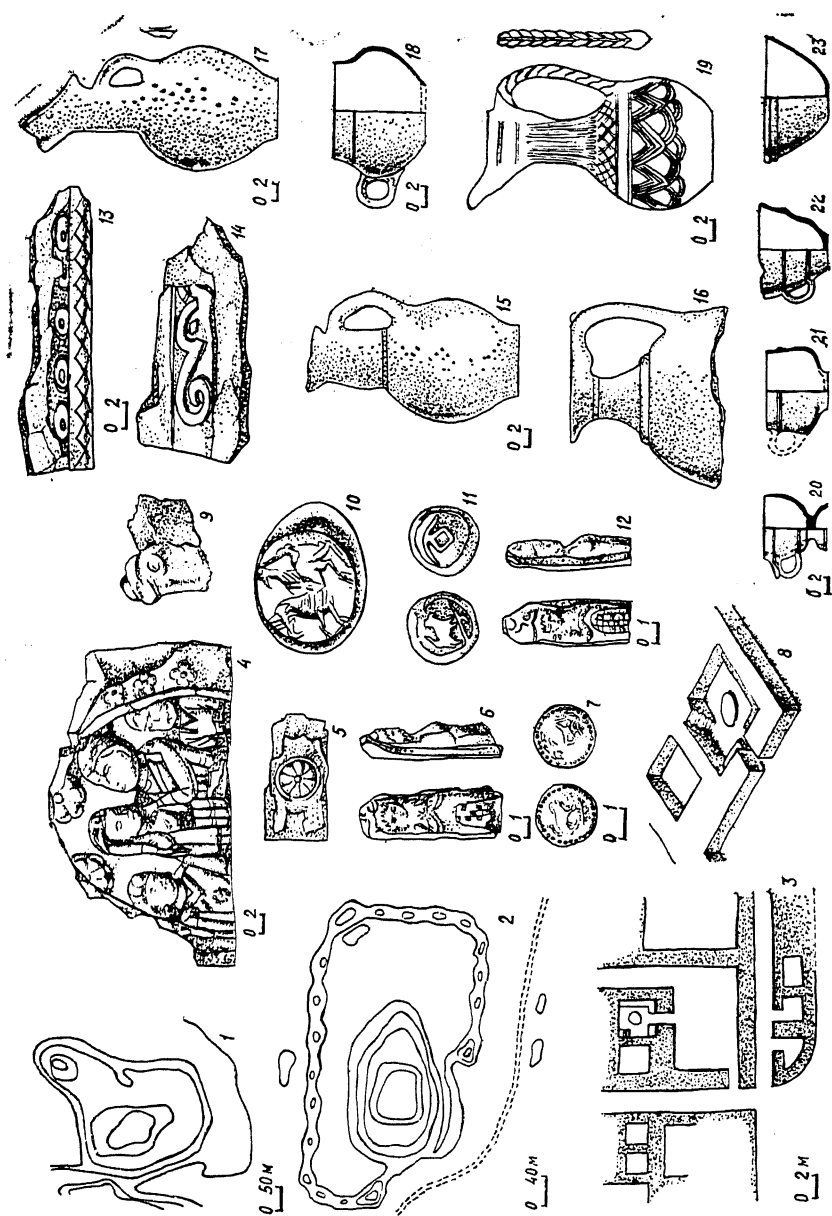

Рис. 6. Археологический комплекс Южного Казахстана второй половины VII — первой половины IX в.

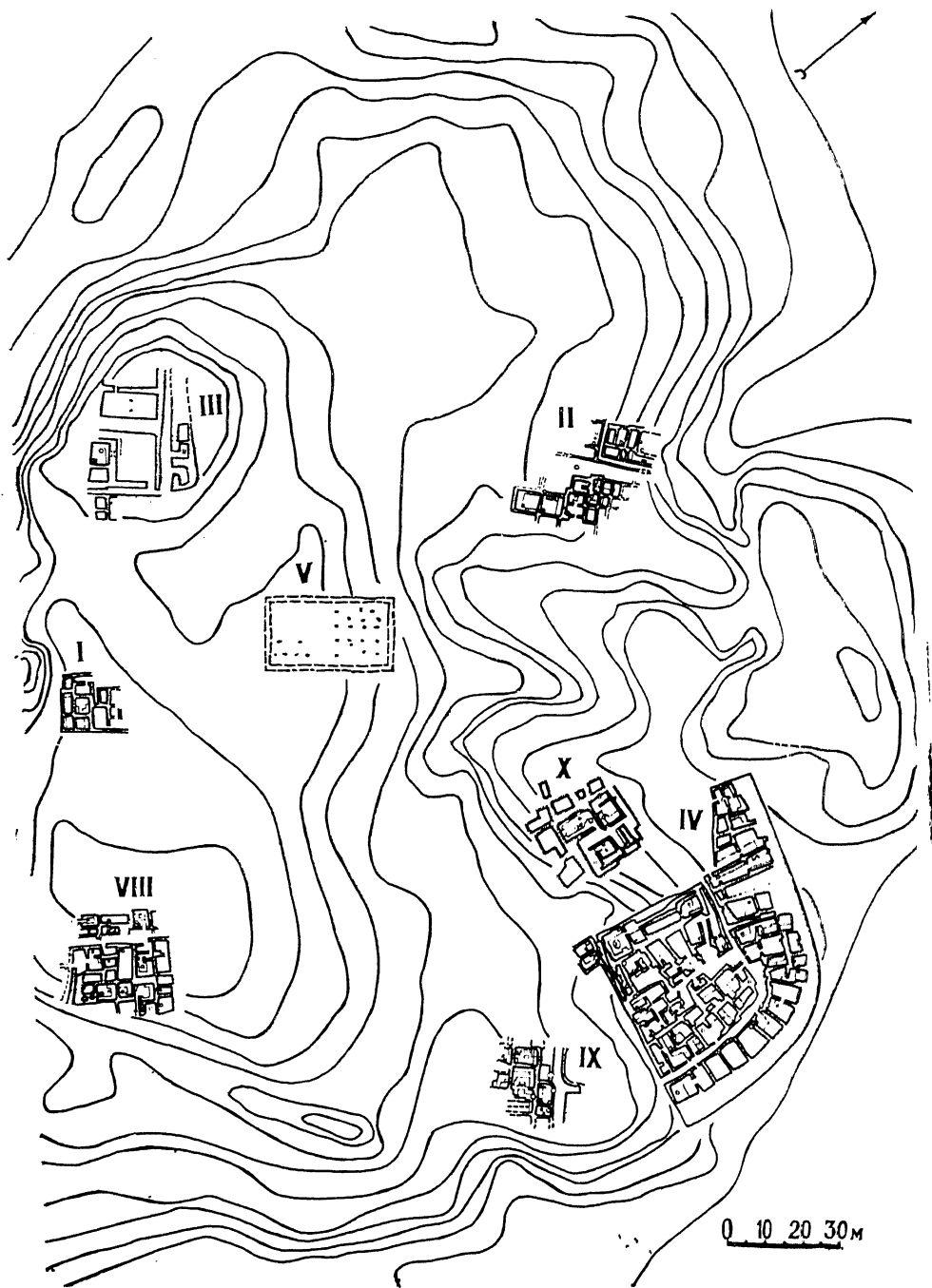

Рис. 7. План центральной части городища Куйрук-тобе (цифрами обозначены раскопы)

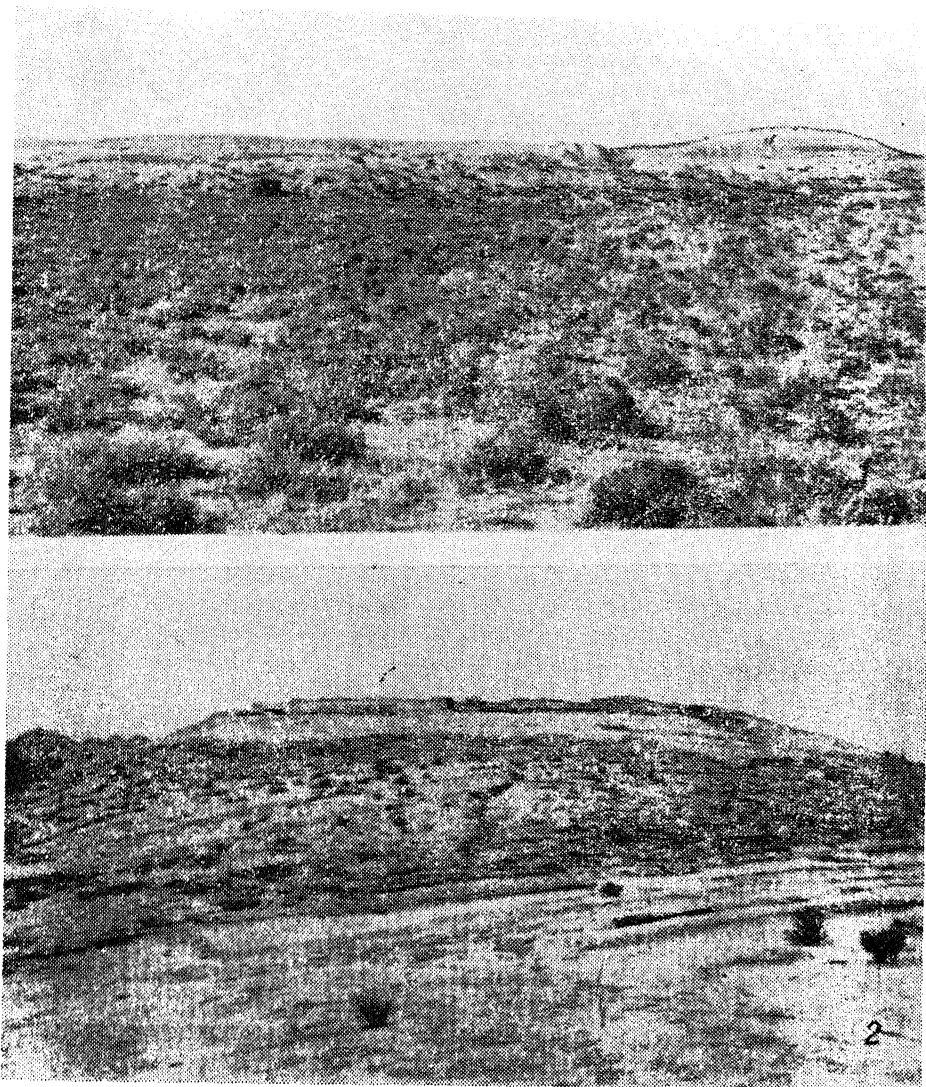

Рис. 8. Куйрук-тобе: 1 — общий вид городища; 2 — общий вид цитадели

7). Монеты второго типа имеют на одной стороне изображение льва, идущего вправо, на другой — монограмму «ат», представляющую собой родовую тамгу правящего рода тюркешей (рис. 6, 11). Такие монеты известны из раскопок Отрара (стратиграфический шурф) и в качестве случайных находок. В общей сложности их около пятидесяти. Чеканка таких монет производилась в VII—VIII вв. [Смирнова, 1981, с. 56—58; Бурнашева, 1973, с. 81—87].

Найдены две терракотовые женские фигурки, оттиснутые в формах. Лица горбоносые, с миндалевидными глазами под дугообразными бровями. Зрачки глаз даны легкими проколами. Голову венчает коронообразный убор, в ушах серьги с подвесками. Фигуры одеты в пластинчатый доспех, руки скрещены на груди (рис. 6, 6, 12). Аналогичные фигурки найдены в Самарканде и датируются VII—VIII вв.³

Ближние аналоги фигуркам обнаружены в Семиречье: на оссуарии VII—VIII вв. из Краснореченского городища имеются налепы фравашей со скрещенными руками [Горячева, Береналиев, 1979, с. 591]. Оссуарий с налепами фигур фравашей происходит из Тараза [Сенигова, 1972, табл. IV].

К этому же комплексу относится сердоликовая печать (инталия) с резным изображением фантастического существа — конегрифона (рис. 6, 10). На юге Казахстана и в Семиречье находки таких изделий единичны. Нам известна лишь одна сердоликовая печать с изображением козла, происходящая из некрополя VI—IX вв. Беловодского городища⁴.

В Средней Азии находки печатей-инталей нередки. Сасанидская печать с углубленным изображением Гопат-шаха найдена в Пенджикенте в слое VII в. [Беленицкий, Маршак, Распопова, 1981, с. 484—485]. Печать из сердолика с изображением существа, похожего на изображение с печати из Куйрука, имеется в коллекции Музея истории Узбекистана. Г. А. Пугаченкова называет это существо орловидным грифоном и датирует изделия последними веками до н. э. — ранним средневековьем [Пугаченкова, 1963, с. 68, 82, рис. 7].

При расчистке парадного зала постройки на цитадели собрано большое количество остатков сгоревшего деревянного перекрытия и деталей интерьера (расчистка зала продолжается). Дерево было покрыто художественной резьбой. Это четырех- и восьмилепестковые розетки с округленными и сердцевидными лепестками, побеги вьющихся растений, ряды овалов, кресты, ромбические сетки (рис. 6, 13, 14).

Ближайшие аналогии куйрукскому резному дереву имеются в материалах Согда и Усрушаны. Такие мотивы, как четырехлепестковые розетки и сетка с ромбическими выступами, кресты, тождественны мотивам резьбы по дереву из Пенджикента, Шахристана и Уртакурмана [Воронина, 1959, рис. 16, 17, 18, 26a; Негматов и др., 1966, табл. X; 1973, рис. 32—34]. Однако на Куйрук-тобе известны местные разновидности растительных мотивов, например, ряды крупных девятилепестковых розеток в медаллонах и семилепестковых розеток с сердцевидными лепестками.

Уникальной является прямоугольная доска размером 125×35 см с рельефными погрудными изображениями людей (рис. 9). Она, видимо, является деталью подпотолочного фриза. В центре вполоборота друг к другу стоят мужчина и женщина, безусловно, знатные особы. У женщины (она стоит слева) округлое лицо с широким плоским носом, миндалевидные глаза. На голове плоская шапочка, на лбу — диадема. Из-под ша-

³ Устное сообщение В. Л. Мешкерис.

⁴ Хранится в фондах Отдела археологии АН КиргССР.

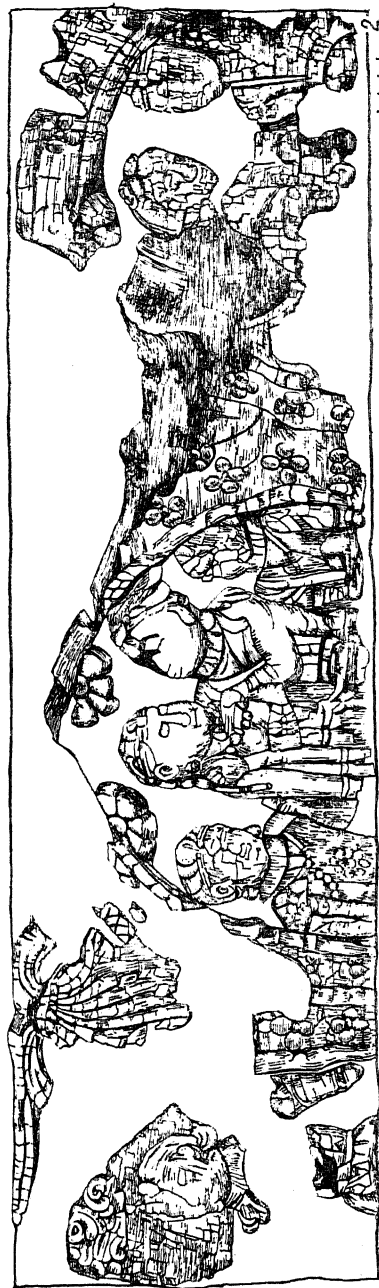

Рис. 9. Доска с изображениями людей из Куйрук-тобе

почки на правое плечо спускается косичка, перехваченная через равные промежутки завязками. В правом ухе — серьга в виде овального шарика на подвеске, на шее — ожерелье из крупных неправильной формы бус. Сверху на женщине накидка.

Лицо мужчины сохранилось плохо. На голове у него шапочка с околышем, одет он в халат с запахом на левую сторону (правая пола наверху). Под халатом видна рубаха со стоячим воротником. Правой рукой мужчина обнимает женщину, кисть его руки лежит на плече женщины, а левая, поднятая ладонью вверх, поднесена к лицу женщины. На ладони лежит круглый предмет. Женщина правой рукой сжимает левую руку мужчины у локтя.

Персонаж, стоящий слева от пары, изображен в фас, у него округлое лицо с плоским носом, на голове нечто вроде тюрбана, на лбу — узкая повязка. В мочки ушей продеты серьги в виде овального шарика на подвеске, на груди — гривна с шариками на концах. Одет он в халат, на груди которого орнамент в виде розетки из перлов. Под халатом была рубаха со стоячим воротником. В левой согнутой руке персонаж держит какой-то предмет.

Фигура, помещенная справа от знатной четы, тоже изображена в фас. Голова и лицо разрушены. Персонаж одет в халат, из-под которого видна рубаха со стоячим воротником, в руках он держит что-то похожее на поднос или блюдо.

Справа от центральной группы были изображены еще две фигуры, но от них сохранились лишь контуры: слева от группы прослеживается силуэт одиночной фигуры. Фигуры находятся в арках. Межарочное пространство заполнено четырехлепестковыми розетками и пальметтами с листьями, обращенными лицевой стороной вниз.

Отдельные детали резьбы на доске — арки, четырехлепестковые розетки известны широко. Пяти- и семилепестковые розетки, пальметты с изогнутыми боковыми листьями, выполненными «головой вниз», встречены на резном дереве из Пенджикента [Воронина, 1959, рис. 25с] и Шахристана [Негматов и др., 1966, с. 149]. Мотив такой пальметты известен в росписях Балалык-тепа [Альбаум, 1960, рис. 122, 123], резном ганче Варахши [Шишкин, 1963, с. 169, рис. 78], в глиняной пластике Акбешимского храма [Кызласов, 1959, с. 199, рис. 33, 1]. Аналогов композиции с листьями среди находок резного дерева из других памятников нет. Некоторое сходство обнаруживает сцена в росписях из Афрасиаба, на северной стене зала 1. Среди изображенных персонажей привлекают внимание три женщины в лодке. Одна из женщин поддерживает кисть правой руки сидящей с ней рядом женщины, которая, в свою очередь, положила левую руку на плечо первой [Альбаум, 1975, с. 69, рис. 21]. Аналогичная сцена встречена в живописи Балалык-тепа [Альбаум, 1960, с. 128—129, рис. 97, 98], где изображены двое мужчин и сидящая на заднем плане женщина. По мнению Л. И. Альбаума, такие сюжеты с характерными «жестами рук» связаны с обрядовыми сценами сговора между сватами жениха и невесты [Альбаум, 1975, с. 72]. Возможно, и на резной доске из Куйрук-тобе изображена аналогичная сцена.

Кроме доски со светской сценой «сватовства» обнаружены фрагменты фриз с изображениями божеств. Лучшее других сохранилась доска с изображениями божеств на зооморфных тронах. Ее длина 122 см, ширина 25 см (рис. 10, 1). В арках показаны восседающие на тронах божества. Слева мужское божество на троне в виде фигур двух крылатых верблюдов (?). Сохранилась морда одного из верблюдов с характерной удлинненностью и торчащим ухом, напоминающая голову птицы. Мордами верблюды повернуты друг к другу за счет поворотов шей. Божество изображено в фас, в правой руке, согнутой в локте, с кистью на уровне груди, бог держит предмет с тремя изогнутыми побегам (?). В левой руке у него чаша с зубцами по краю. На голове зубчатая корона. Божество справа, видимо супруга, сидит на троне из двух горных баранов. В правой руке, согнутой в локте и поднятой вверх, треугольный предмет, в левой—жезл, на голове—повязка с бантом на лбу и развевающимися концами.

Сохранился фрагмент еще одной доски фриз, которая стыковалась снизу. На ней изображения подножий тронов. У верблюдов имелись крылья. Видны изображения ковров или попон, которыми были покрыты троны. У подножия трона с горными баранами изображены маленькие фигуры двух коленопреклонных адорантов, возможно, хозяев куйрукского замка (рис. 10, 2).

Арки внутри заполнены четырехлепестковыми розетками, в межарочных пространствах — изображения сидящих персонажей.

Изображения богов на тронах известны в росписях Согда. В Варахше на стенах Восточного зала дворца бухар-худатов центральная фигура восседает на троне с опорами в виде крылатых верблюдов. Они, как и куйрукские, похожи на грифонов, и не случайно В. А. Шишкин называет их «желтыми грифонами с верблюжьими головами, шеями и ногами» [1963, с. 159]. У подножия трона также даны коленопреклоненные персонажи [Там же, с. 160]. Еще одно изображение лежащего верблюда с сидящей на нем персоной обнаружено на жертвеннике, нарисованном на стене зала [Там же, с. 161, табл. XIV].

Близки куйрукским сцены в росписях из Пенджикента (объект XXIV). Здесь показана чета божеств. Мужское божество сидит на троне, опора которого оформлена в виде верблюда. Супруга его сидит на троне с опорой в виде горного барана. Бог держит в поднятой руке фигурку верблюда [Беленицкий, Маршак, 1976, с. 81].

В Пенджикенте найден терракотовый образок с божеством, которое сидит на лежащем верблюде и держит в поднятой руке фигурку верблюда [Беленицкий, Маршак, 1976, с. 81].

Почитание бога с верблюдом отмечено и в Семиречье. Отсюда происходят бляхи, найденные при раскопках буддийского храма Ак-Бешима, на которых изображена супружеская чета богов с фигуркой верблюда в поднятых руках [Кызласов, 1959, с. 201—209, рис. 29].

Еще одна доска от фриз со сценой «осады замка» (рис. 11) сохранилась фрагментарно; ее длина 93 см, ширина 23 см.

Центральная часть доски занята композицией, где в арке, украшен-

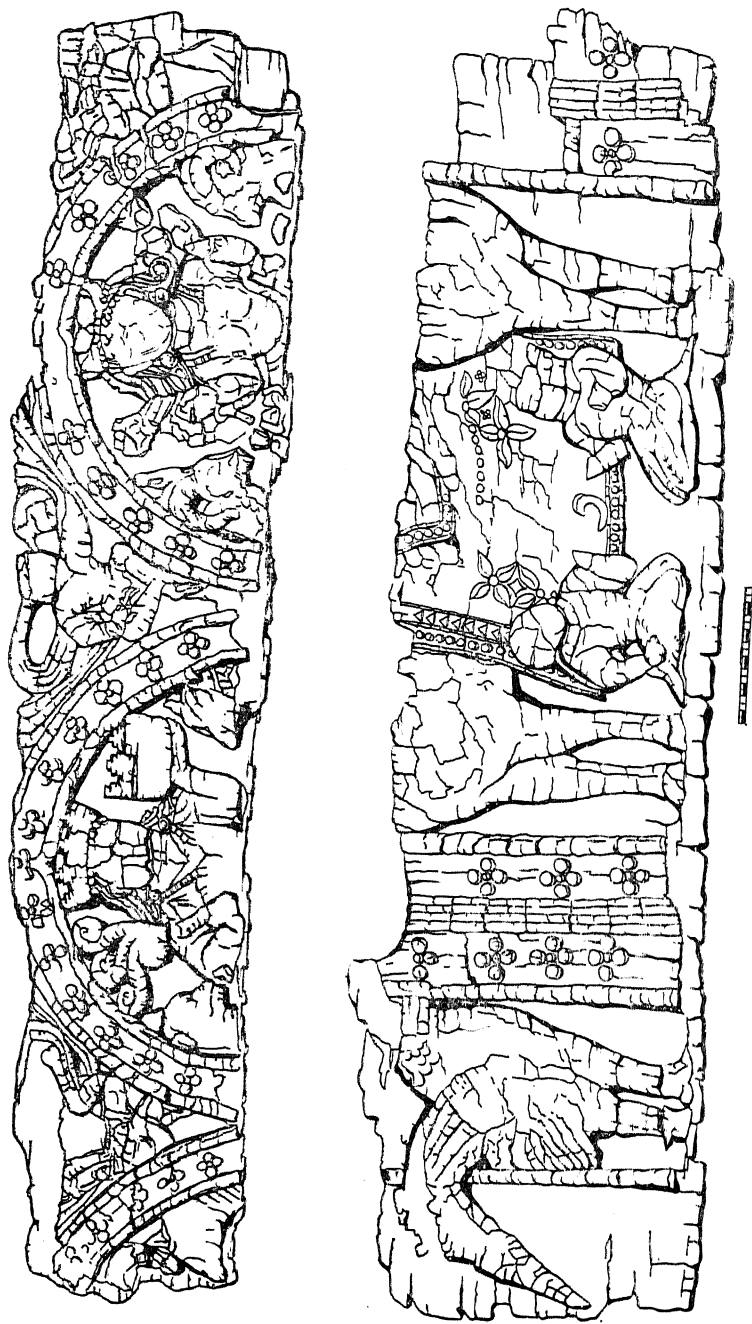

Рис. 10. Куйрук-тобе: доска с изображением богов и доска с изображением адорантов у трона

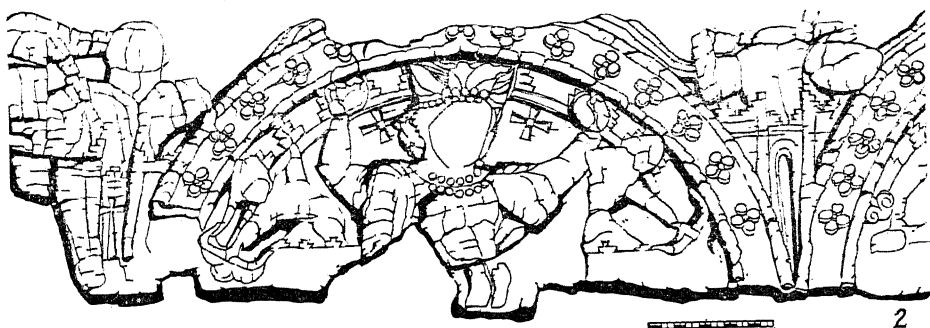
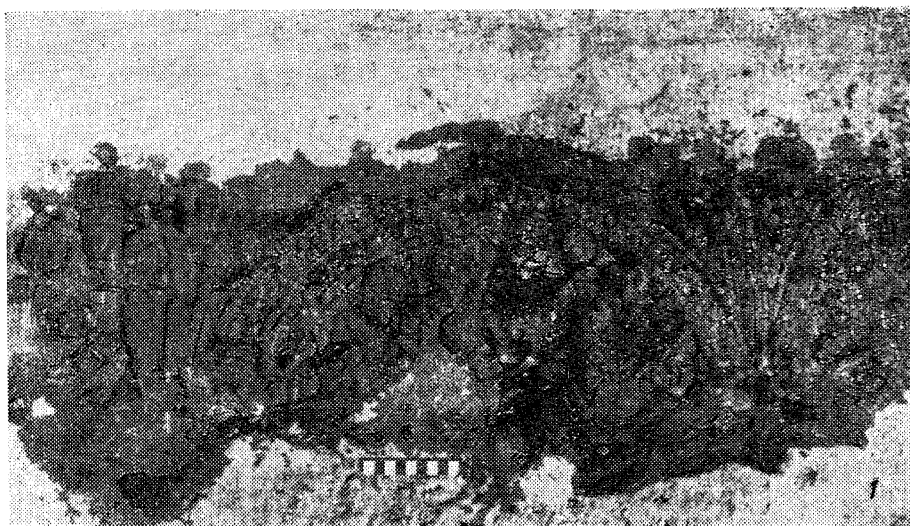

Рис. 11. Доска со сценой «осады замка» из Куйрук-тобе.

ной четырехлепестковыми розетками на стенах, видимо, замка или города, увенчанной пирамидальными зубцами, изображены два лучника. Здесь же на переднем плане изображено божество с поднятыми руками, в одной из которых имелся круглый предмет. На голове божества корона с крыльями. Межарочные пространства заполнены изображениями стоящих персонажей, сохранность которых крайне плохая. Божество, судя по сохранившимся деталям, имело четыре руки, две из них, как отмечалось, были подняты вверх, вторая пара рук опущена. Возможно, сцену осады замка или города следует сопоставить с изданным В. Б. Хенингом отрывочным согдо-манихейским текстом, в котором рассказывается о падении города, осажденного врагами. В нем упоминается имя «Наны-госпожи». По мнению В. Б. Хенинга, это имя богини Анахиты. Анализ культа Наны (Анахиты) в Согде, предприня-

тый Н. В. Дьяконовой и О. И. Смирновой [1967], приводит исследователей к выводу о том, что Нана—Анахита была одним из основных божеств Согда, а в Пенджикенте культ Наны — богини-матери, бывшей покровительницей города, был, вероятно, главным.

Керамика, собранная на полах и напольном слое, смешанная. Она представлена посудой, бытовавшей в предшествующее время и хорошо известной по раскопкам верхнего слоя Кок-Мардана, и посудой согдийского облика, находящей прямые параллели в материалах Пенджикента и Чача VII—VIII вв. Это кувшины грушевидной формы с массивным треугольным сливом устья, «пузатые» кружки с наклепной ручкой, кружки и чаши с волнистым краем (рис. 6, 18, 22). В Согде такая керамика распространяется в VII—VIII вв. [Беленицкий, Маршак, Распопова, 1981, рис. 3], в Чаче она присутствует в мингурюкском керамическом комплексе, датированном VI—VIII вв. [Буряков, 1982, с. 86, рис. 9]. Выделяется еще одна группа керамики — местного производства, с чертами нового стиля. Это кувшины, кружки с одной-двумя зубчатыми ручками, покрытые темно-красным, вишневым и черным ангобом и геометрическим орнаментом в виде сетки, вписанных треугольников, гирлянд из полуovalов. Эта группа керамики получила название «кангарской» (рис. 12) и датируется на основании материалов стратиграфического шурфа Отрара VII — первой половиной IX в. [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972, с. 189—190, рис. 42, 16, 17, 43, 10, 11].

Раскопки на рабде Отрара и на шахристане Куйрук-тобе свидетельствуют о том, что такая посуда доживает в Отрарском оазисе до конца IX — начала X в. Что касается параллелей такой посуде, то они есть в позднем комплексе джетыасарской керамики, датированном VIII—IX вв. [Левина, 1971, с. 86, рис. 22, 23].

В отношении смешанности куйрукский археологический комплекс аналогичен комплексу хорошо известного Борижарского (Буржарского) могильника. При раскопках здесь были найдены железные мечи, украшения и поясные наборы гунно-аварского типа. Керамика из захоронений в основном представлена кувшинами с носиками, кружками, характерными для каунчинской культуры. Кроме того, есть посуда «согдийского облика» [Левина, 1971, с. 217]. На расположенном рядом городище Джуван-тобе в шурфе, вскрывшем верхний строительный горизонт, были найдены горшок и кувшин, покрытые ярко-красным лощением и резным геометрическим орнаментом [Агеева, Пацевич, 1956, рис. 24], идентичные местной группе керамики с чертами нового стиля из раскопок Куйрук-тобе.

Смешанность материала послужила причиной противоречий в датировках могильника. Е. И. Агеева и Г. И. Пацевич датировали его VIII—X вв., затем VI—VIII вв. [1956, с. 56; 1958, с. 176]. Второй датировки придерживается Л. М. Левина [1971, с. 217]. В. И. Распопова относит могильник к VI—VII вв. [1965, с. 88]. На наш взгляд, могильник следует датировать второй половиной VII—VIII вв. Верхнюю дату куйрукского комплекса (первая половина IX в.) мы связываем с пожаром в цитадели и ее разрушением. Видимо, гибель цитадели можно со-

Рис. 12. Кангарская керамика

поставить с походом в пределы Отрарского оазиса арабского отряда Фадла ибн Сахля, который «убил начальника пограничной местности и взял в плен сыновей карлукского джабгу с их женами...» [Михайлова, 1951, с. 11—12], либо с походом саманида Насра I ибн Ахмада на Шавгар в начале второй половины IX в. [Бартольд, т. 1, с. 268]. Таким образом, археологические рамки куйрукского археологического комплекса охватывают вторую половину VII — первую половину IX в.

Археологический комплекс раннесредневекового города юго-западного Семиречья известен достаточно хорошо (рис. 13). Архитектурный

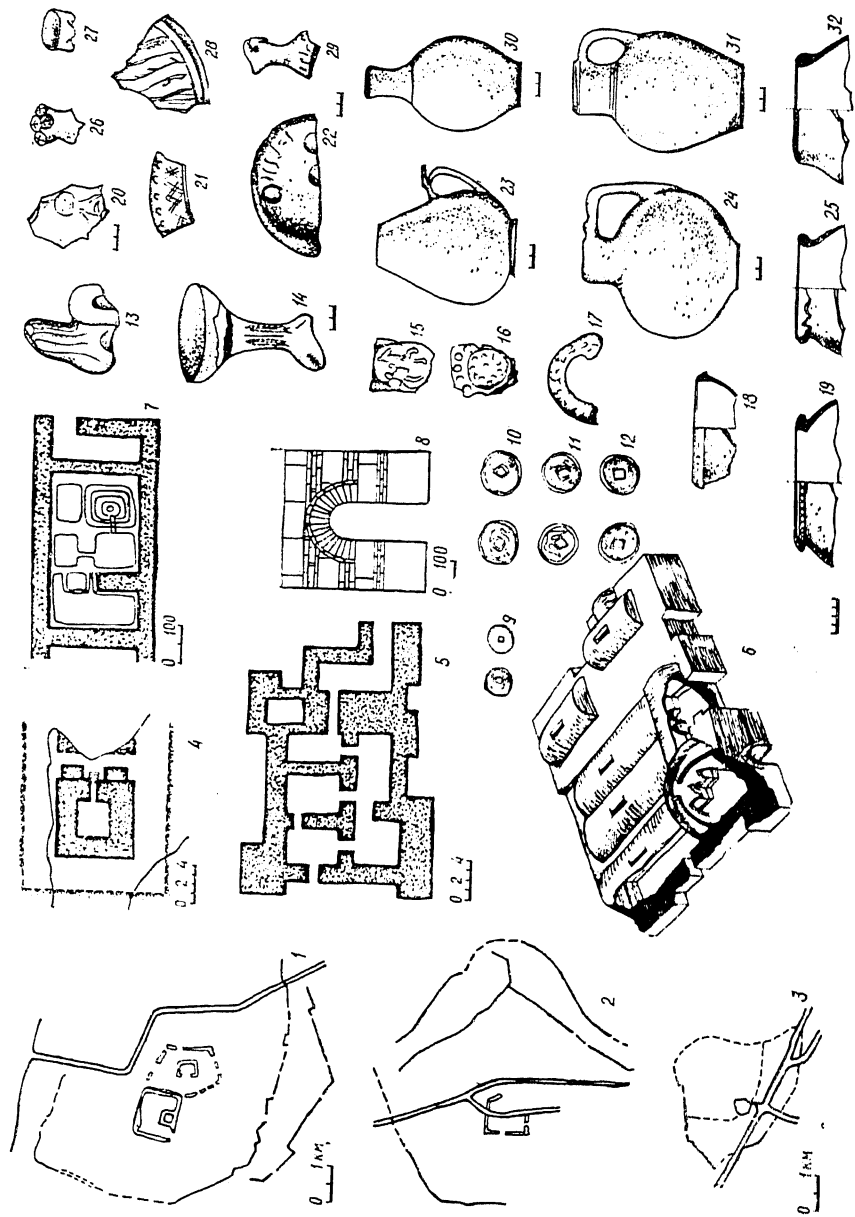

Рис. 13. Археологический комплекс юго-западного Семиречья VII — первой половины IX в.

канон его представлен материалами из раскопок Краснореченского и Луговского замков [Чуйская долина, с. 30—36; Байпаков, 1966а, с. 61—66], Акбешимских храмов [Кызласов, 1959, с. 193—198; Зяблин, 1961]. В комплексе представлены монеты тюркшей и тухусов [Смирнова, 1963, с. 25]. Мелкая пластика опубликована [Бернштам, 1948а, с. 61—65], надписи на керамике приведены в ряде публикаций [Чуйская долина, табл. XXVII; Байпаков, 1972, рис. 1]. Керамические комплексы подробно рассмотрены [Распопова, 1960, с. 138—163; Байпаков, 1972, с. 77—89; Сенигова, 1972, с. 81—98; Кожемяко, 1959, с. 20—38; 1963, с. 145—224; Бубнова, 1963, с. 137—140]. Новые раскопки в этом районе и прежде всего на цитадели городища Красная Речка дают дополнительные сведения.

Раскопки Краснореченской цитадели показали, что в основе ее лежит раннесредневековый замок VII—VIII вв. Стены его сложены длинномерным сырцовым кирпичом (42—40×22—20×18—10 см). В конструкциях стен использовались деревянные вертикальные столбы, вмонтированные для жесткости кладок и опор перекрытий. В центре комплекса располагались помещения парадного и хозяйственного назначения.

При раскопках собрана коллекция бронзовых монет тюркшей [Смирнова, 1981, с. 61—62]. Среди них редкая монета с согдийской надписью «Монета божественного Чаглана (?) Билга та... и (?)» (чтение В. Н. Насича). Отдельную группу составляют монеты тухусов. Надпись на них содержит согдийский титул главы рода тухусов, начало и конец надписи разделяет знак в виде трезубца.

Керамический комплекс из цитадели Краснореченского городища и раскопок замка и усадьбы Луговое А и Б (рис. 14) небольшой, но достаточно выразительный. Для него характерно преобладание керамики, сделанной от руки (75%).

Кухонная керамика представлена котлами со сферическим туловом и широким устьем. Венчик обычно загнут внутрь или прямой. Тулово украшено налепными жгутами, манжетообразными накладками, рядами кольцевых вдавлений. Ручки в основном петлеобразные, но встречаются и в виде выступа полулунной формы. Украшения в виде жгутиков. Полулунные ручки котлов аналогичны таким же элементам на котлах и горшках кокмардановского комплекса из Южного Казахстана (рис. 14, 24—26, 29—31).

С котлами идут в комплексе массивные подставки (рис. 14, 32). Однако на памятниках Семиречья не обнаружено подставок в виде стилизованной головы быка, распространенных в керамике Сырдарьи.

Крышки плоские либо слегка выпуклые, асимметричной формы, с невыразительными украшениями в виде наколов, защипов по краю (рис. 14, 4, 6, 15—17).

Хумы этого периода обычно имеют яйцевидное тулово с венчиками разных типов — подквадратными, запятовидными в разрезе. Аналогии им есть в Чаче и Пенджикенте [Тереножкин, 1948, с. 112—113; Бентович, 1964, с. 266, рис. 1].

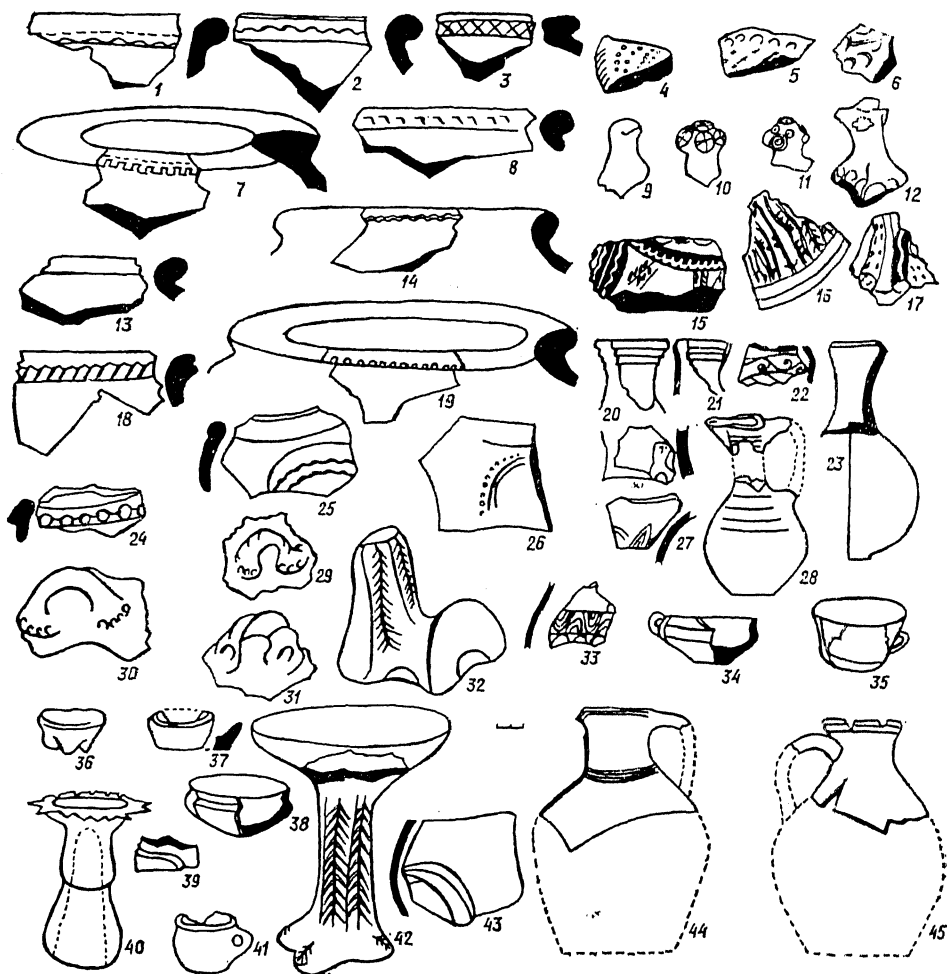

Рис. 14. Керамика юго-западного Семиречья VII—VIII вв.

Водоносные кувшины имеют яйцевидное тулово и короткую шейку, расширяющуюся к горловине. Коленчатая ручка соединяет всничик и плечики. Различаются два типа кувшинов — со сливом и без него (рис. 14, 44, 45). Кувшины обоих типов имеют аналогии в Пенджикенте [Бентович, 1964, с. 269—271, рис. 6].

В Семиречье водоносные кувшины — одна из наиболее распространенных форм керамики, их много в коллекции керамики VII—VIII вв. из Ак-Бешима. На горле одного из кувшинов, найденных в Луговом А, имелся налеп в виде стилизованной фигурки человека [Байпаков, 1966а, рис. 3]. Аналогичные налепы встречены на керамике Нижней

Сырдарьи. По мнению Л. М. Левиной, они, как и другие элементы на керамике джетысарской культуры, характеризуют тесные связи этого района с Семиречьем [1971, с. 69].

Столовая керамика представлена кувшинами и кружками в основном двух типов. Кружки первого типа имеют биконическую форму и маленькие ручки на ребре, второго типа — широкое приземистое тулово с широким устьем и вдвое меньшим дном (рис. 14, 34, 35).

Встречены кружки с «раздутым» туловом, со слегка расходящимися кверху стенками, покрытые красным ангобом и украшенные налепами в виде человеческой головки. Точно такие же кружки есть в керамике верхнего слоя Пенджикента [Бентович, 1964, с. 281, рис. 21, 1]. Есть кружки с волнистым краем и кружки с плоским налепом на ручке.

Кувшины нескольких типов, но наиболее распространены грушевидные сосуды с массивными треугольными сливами, характерными для керамики Пенджикента, несущей черты нового стиля [Маршак, 1965, с. 24].

Светильники в виде массивных, выполненных из грубого теста столбообразных подставок с резервуаром наверху, похожи на светильники из Кок-Мардана (рис. 14, 42). Другой тип светильников — на высокой полый ножке с зубчатой чашей-резервуаром (рис. 14, 40), покрытый красным ангобом и лощением, — находит аналогии в материалах Пенджикента [Бентович, 1964, с. 288, рис. 28].

Керамический комплекс из юго-западного Семиречья датируется VII — первой половиной IX в. Керамики, которую можно датировать раньше VII в., здесь нет. Отдельные ее формы (котлы, водоносные кувшины) можно было бы датировать и более ранним временем, если бы керамика, характерная для Согда V—VI вв., в семиреченских городах, в частности, в Ак-Бешиме, не бытовала в VII—VIII вв. [Распопова, 1960, с. 162—163; 1972]. Сейчас можно довести верхнюю границу существования согдийской керамики в юго-западном Семиречье до IX в.

Количество городов, топография и типология

Согласно письменным источникам, на юге Казахстана в период раннего средневековья было шесть городов. Это «город на Белой реке» — Испиджаб (Сайрам) и еще три города на Шелковом пути — Газгирд, Шараб и Будухкет. Города Отрар и Шавгар являлись центрами отдельных оазисов.

Однако городища, которые имеют слои VI — первой половины IX в., гораздо больше, чем названо источниками и отождествлено с конкретными памятниками (рис. 15). Е. И. Агеева и Г. И. Пацевич насчитывали 22 городища, существовавших до VII в., и 61, существовавший с VII по IX в. [1958, с. 212]. Это число было преувеличено из-за нечетких датировок и занесения в разряд городов всех памятников, независимо от их размера и структуры.

Бесспорно, к числу городов следует отнести городища, которые идентифицируются с городами письменных источников, т. е. с той моделью города, которая сложилась в представлении современников [Большаков, 1973, с. 165]. Однако этот путь приемлем только для тех районов, где имеются достаточно подробные списки городов. В основном отличить город от сельского поселения бывает трудно, поскольку понятия города и деревни часто сливались. Зачастую разница между ними определялась не уровнем развития ремесла и торговли, а только наличием административной власти, как это было в мусульманском мире VIII — начала XIII в. [Большаков, 1973, с. 165] и относительно недавно в Средней Азии и Казахстане [Сухарева, Турсунов, 1982, с. 10—47].

В археологической литературе было традиционным определять типологию городищ на основании следующих данных: топографических признаков, в частности форм и размеров, сведений письменных источников; хронологических сведений; географического положения памятника и взаимодействия с окружающей территорией; особенностей архитектуры, использования тех или иных строительных материалов, планировочных приемов.

В среднеазиатской археологии были выработаны особые приемы изучения городищ с целью максимального использования содержащейся в них информации для исторических реконструкций. Определился подход к изучению микрорельефа, отражающий особенности скрытых под ним элементов городского организма [Массон М. Е., 1956а; 1966, с. 6—7].

Особое значение приобретает использование количественных методов при рассмотрении развития среднеазиатского города от начала его появления до средневековья. Например, изучение динамики городских поселений Ферганы за весь период существования показывает, что типы поселений изменялись медленно, городское население было стабильным [Заднепровский, 1973, с. 17—20]. По мнению Ю. А. Заднепровского, важную роль в типологических построениях играет соотношение цитадели и всей площади городища. В сельских поселениях цитадель, как правило, занимает больше 25% всей территории [Заднепровский, 1954, с. 12]. На материалах Согда установлено, что в селе на цитадель приходится большая часть площади [Распопова, 1979, с. 22—26]. Этот признак был использован при типологии городищ Шаша [Буряков, 1982, с. 62].

Большую роль играет типологизация поселений и рассмотрение групп поселений или древних оазисов как своего рода макросистем с иерархической внутренней структурой. Так, кушанские поселения площадью более 5 га В. М. Массон относит к городам. Четкий геометрический план городищ, по его мнению, указывает на возможность какого-то централизующего начала [1976, с. 3, 8].

Э. В. Ртвеладзе при выделении поселений городского типа пользовался такими признаками, как размер, форма, трехчастное деление, наличие фортификационных сооружений [1973, с. 24—25]. Трехчастность городища и по мнению других исследователей является важным признаком его отнесения к городу [Соловьев, 1979, с. 60—62]. Аналогичные

принципы использовались при классификации оседлых памятников эпохи Сасанидов в Южном Туркменистане [Губаев, 1978, с. 263].

По мнению исследователей, значительные размеры памятника сами по себе уже отражают сложность выполнявшихся им функций. Если тип поселения рассматривать как устойчивое сочетание определенных признаков, связанных в первую очередь с выполняемыми этими поселениями функциями, то функции находят отражение и в размерах памятника, его внутренней структуре, и в составе находок [Johnson, 1972, p. 766—791].

Типологическое изучение конкретных памятников будет способствовать более углубленному пониманию закономерностей исторического процесса. «Типология — очень плодотворный метод, позволяющий определить наряду с известными и какие-то новые существенные стороны конкретного, т. е. единичного, а затем и общего. Типологический метод предлагает доведение в историческом познании сравнительного метода до его полного и наиболее результативного выражения» [Люблинская, 1968, с. 9].

При определении типологии раннесредневековых городищ Южного Казахстана и Семиречья мы использовали совокупность следующих признаков: хронология; структура городища, размеры городища и соотношение его частей (цитадель и вся площадь или цитадель и шахристан); фортификация; толщина культурного слоя; археологический комплекс, если он получен; керамика и материалы из шурфов и сборов. Но большинство городищ можно классифицировать по таким признакам, как общая площадь и соотношение площадей отдельных его частей, площадь сельскохозяйственной округи, длина стен. Таким образом в низовьях Сырдарьи выявлена группа раннесредневековых городов, в том числе Сунак-Ата и Куюк-Кескен.

На северных склонах Каратау зафиксированы два городища — Кумкент и Баба-Ата, которые соответствовали городам. На Средней Сырдарье обнаружено пять городищ. Всего на юге Казахстана в это время насчитывалось 30 городов, из которых только 6 названы в письменных источниках.

В юго-западном Семиречье из 36 городищ 22 отождествляются с городами, упомянутыми средневековыми авторами, а слои VI — первой половины IX в. зафиксированы на 29 городищах (рис. 16). По количеству городов эти районы близки хорошо обследованному Ташкентскому оазису [Буряков, 1982, с. 126] и другим густозаселенным областям Средней Азии [Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973, с. 5—6].

Классификация городищ Южного Казахстана по размерам будет необоснованной, ибо площади их в VI—VIII вв., за редким исключением, неизвестны. В юго-западном Семиречье, где размеры центральных частей городищ стабильны, типология по размерам возможна. Причем здесь можно выделить три группы памятников.

К первой относятся Джамбул, Ак-Бешим, Красная Речка, Шиштобе. Ко второй — Актобе Таласское, Чалдовар, Мерке, Аспара, Сокулук, Беловодская крепость, Толекское, Грозненское, Кысмычи (рис. 17).

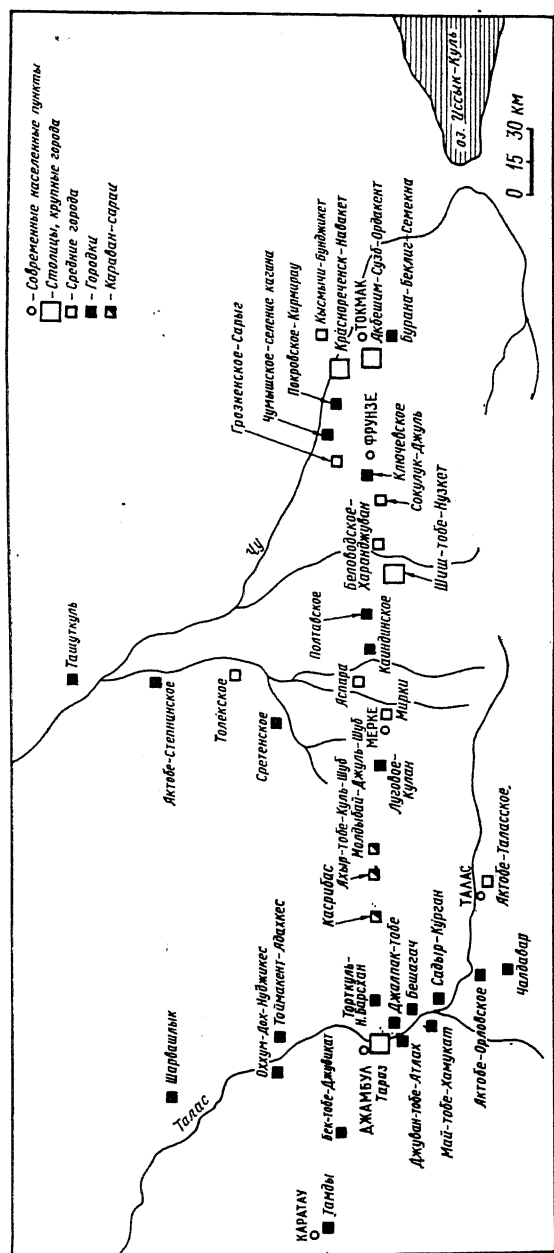

Рис. 16. Расположение городов юго-западного Семиречья в VII — первой половине IX в.

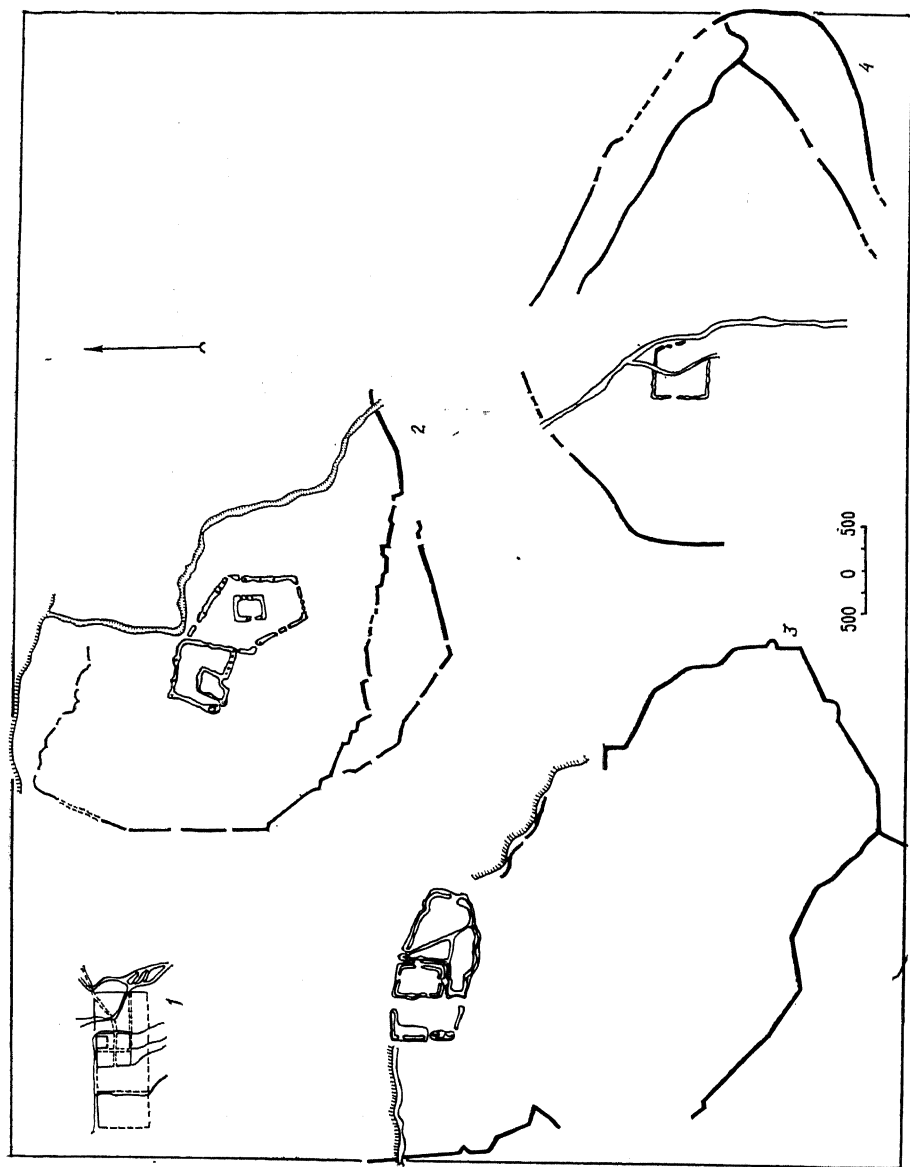

Рис. 17. Планы столицных центров и крупных городов юго-западного Семиречья

Третья включает Актобе Орловское, Джуван-тобе, Тортколь-тобе, Тоймакент, Оххум, Садыр-Курган, Фрунзенское, Шекерское, Луговое, Каиндинское, Александровское, Актобе Степнинское, Ключевское, Покровское, Чумышское, Полтавское (рис. 18, 1).

Площадь центральных развалин городищ первой группы исчисляется несколькими десятками гектаров (от 30 у городища Бурана до 85 у Красной Речки). Большими размерами отличаются и территории, окруженные длинными стенами. Эти городища сопоставляются со столичными и крупными городами региона: Джамбул — с Таразом, Ак-Бешим — с Суябом, Бурана — с Баласагуном, Красная Речка — с Навакатом, Шиштобе — с Нузкетом. В Таразе и Суябе чеканилась монета. Монументальные замки, буддийские храмы свидетельствуют о столичном характере памятников.

Городища второй группы отождествляются так: Актобе Таласское — с Текабкетом, Чалдовар — с Сусом, Мерке — с Мирки, Аспара — с Аспарой, Сокулук — с Джулем, Беловодская крепость — с Харанджуваном, Толекское — с Иага, Грозненское — с Сарыгом, Кысмычи — с Бунджикетом. Согласно ал-Макдиси, Текабкет и Сус «большие города». Ибн-Хордадбек и Кудама называют Мирки, Аспару, Харанджуван, Джуль «большими селениями». Для этой группы городищ характерны развитые ремесла, в первую очередь гончарное, о котором можно судить по характеру керамики, наличие монет, расположение на торговых путях. Эти города следует отнести к категории средних.

Часть городищ третьей группы тоже отождествляется с городами, названными в источниках: Джуван-тобе — с Атлахом, Тортколь-тобе — с Нижним Барсханом, Тоймакент — с Адахкетом, Оххум — с Дех-Нуджикесом, Луговое — с Куланом, Чумышское — с «селением тюркского кагана», Покровское — с Кирмирау.

Ал-Макдиси характеризует Адахкет как «большой город», а Дех-Нуджикес как «маленький город». Таким образом, источники не проводят четкой градации между средними и небольшими городами. На наш взгляд, городища, площадь которых меньше 10 га, следует отнести к городкам.

На юге Казахстана городища аналогичны среднеазиатским и состоят из трех частей — цитадели, шахристана и рабада, окруженного стеной либо нет. В большинстве своем (62%) они округлые в плане, остальные прямоугольные. Последние преобладают в предгорной полосе и низовьях Сырдарьи. Топография памятников, расположенных в предгорной зоне Таласского Алатау, близка топографии юго-западного Семиречья. В долине Сырдарьи города располагаются группами. В предгорной зоне они располагались у горных рек на расстоянии 15—20 км друг от друга.

Для городищ юго-западного Семиречья характерно наличие центральной части (собственно городища). Выделяется холм цитадели, расположенной в углу, реже — в центре развалин, и остатки шахристана в виде прямоугольного, пятиугольного, трапециевидного, многогранного в плане бугра. Въездов от одного до четырех. Рабады сливаются с

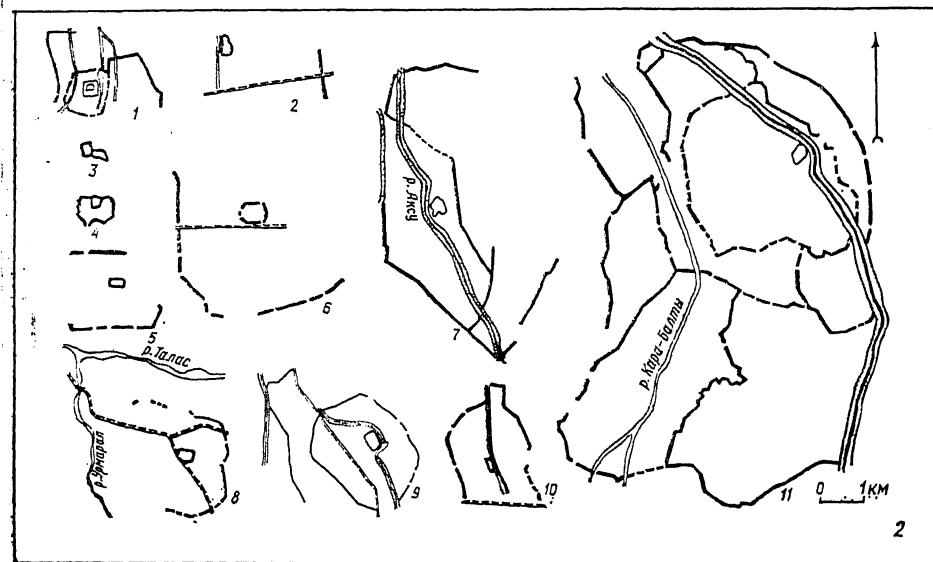
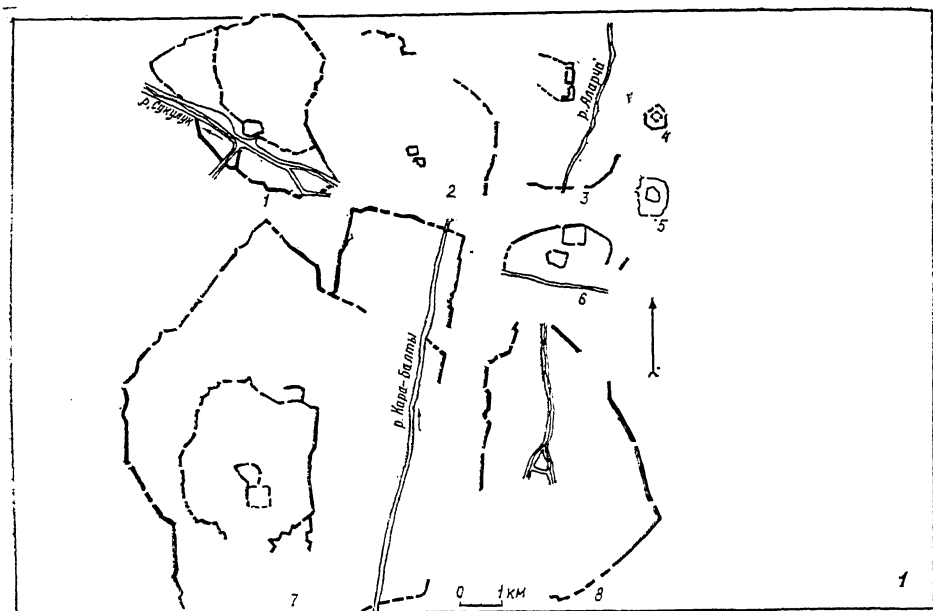

Рис. 18. Планы городов юго-западного Семиречья: 1 — средних; 2 — мелких

сельской округой, и границу между двумя частями застройки провести практически невозможно.

К центральным развалинам примыкает территория, окруженная стеной, протяженностью от трех до нескольких десятков километров. Кроме внешнего вала встречаются участки оплывших стен внутри.

В расположении городищ с длинными стенами намечается строгая закономерность. В долине Таласа они находятся на расстоянии 15—20 км друг от друга в наиболее удобных участках долины, обычно в местах впадения в Талас мелких горных речек. В Чуйской долине закономерность расположения городищ еще более четкая — тринадцать городищ расположены в предгорной зоне на месте конуса выноса горных речек на расстоянии 15—35 км одно от другого; остальные образуют северную внешнюю цепь в местах впадения горных речек в Чу.

Топография городищ, их структура и застройка стали более понятными после проведения раскопочных работ.

Структура городов

Цитадели являются обязательным элементом города. Это была наиболее укрепленная его часть. Так, цитадель Куйрук-тобе в VII—VIII вв. представляла собой постройку замкового типа, поднятую на паховую платформу высотой 10 м. Планировка цитадели ввиду сильной разрушенности и последующих перепланировок до конца не выявлена (рис. 19). В центре находился зал, вытянутый длинной стороной по линии СЗ — ЮВ на 15 м, короткая его сторона равна 10,5 м, общая площадь составляет 157,5 кв. м. Стены построек сложены из паховых блоков и длинномерного сырцового кирпича (рис. 20). Хорошо сохранившееся помещение (9) имело размеры 5,2×5,5 м. В центре его — круглая тумба диаметром 2 м и высотой 0,4 м, предназначенная, видимо, для стационарного светильника (рис. 21, 2). Такие тумбы характерны для дворцовых построек Средней Азии периода раннего средневековья [Нильсен, 1966, с. 155].

С северо-западной стороны зала находилась группа помещений, от которых сохранились лишь наружные стены.

С северо-восточной, северо-западной и юго-западной сторон парадного зала и группировавшихся вокруг него помещений проходил обводной коридор шириной 2,8 м. Из него вел вход в парадный зал и группу помещений, расположенных северо-восточнее. Западный участок галереи при помощи длинного коридора (8) тоже соединялся с залом. В этом коридоре, перекрытом коробовым сводом [Агеева, Пацевич, 1958, с. 50, рис. 19], находилась лестница, которая вела на крышу дворца.

Позднее комплекс был расширен с восточной стороны за счет пространства между северной и восточной башнями. К платформе была сделана приставка шириной 5 м и длиной 12,5 м и на ней выстроены два дополнительных помещения 6 и 7.

Комплекс построек датируется второй половиной VII — первой половиной IX в. Погиб в результате пожара.

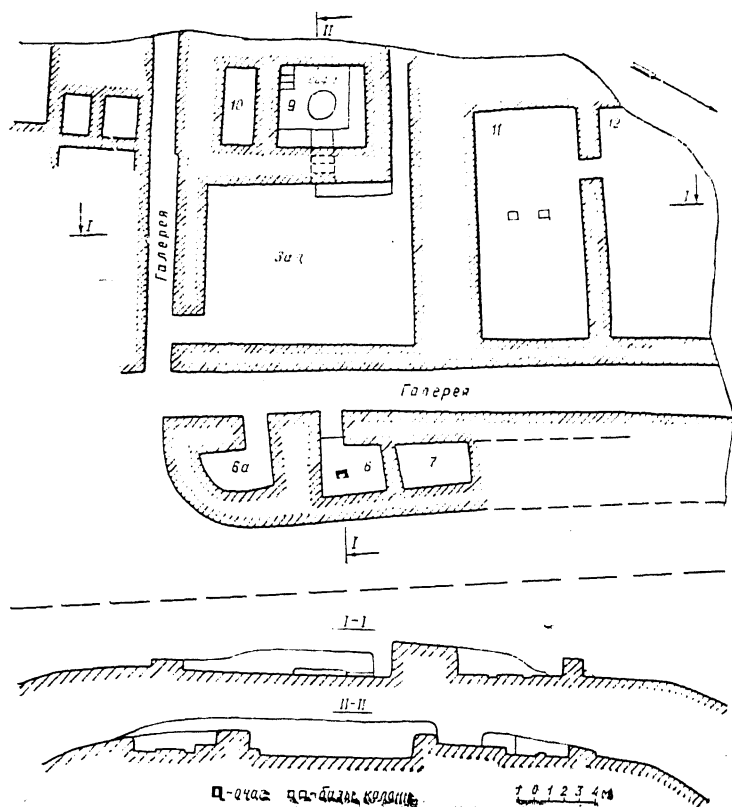

Рис. 19. План и разрезы конструкций нижнего строительного горизонта цитадели Куйрук-тобе. VII — первая половина IX в.

Наличие парадного зала, находки резного дерева подчеркивают репрезентативный характер постройки, бывшей местом пребывания правителя города.

Раскопками на цитадели городища Баба-Ата установлено, что здесь в VI—VIII вв. находилась двухэтажная постройка площадью 240 кв. м. На первом, цокольном, этаже располагался парадный зал диаметром 5,8 м, перекрытый куполом. Второй этаж был занят шестью помещениями с коробовыми перекрытиями. Фасадом постройка была обращена на западную сторону. Отсюда внутрь вел коридорообразный вход, который соединял парадный зал с лестницей, ведущей на второй этаж. Из шести помещений на втором этаже три находились на одной оси вдоль северной стены здания. Центральное помещение имеет размеры $3,2 \times 3,2$ м, крайние — $3,7 \times 3,7$ м. Перекрыты помещения куполами, которые опирались на арочно-ступенчатые тромпы (Агсеева, 1962, с. 117—153).

Рис. 20. Пахсовая кладка стен цитадели Куйрук-тобе. VII — первая половина IX в.

В цитадели городища Актобе I в VI — первой половине VIII в. тоже находился двухэтажный замок, возведенный на трехметровой платформе из слоев битой глины [Мершиев, 1968а, с. 121—131]. Аналогичным образом были возведены цитадели городов юго-западного Семиречья. Раскопками Краснореченского городища обнаружена укрепленная постройка замкового типа с обводными коридорами вокруг. Она была поставлена на стилобат, который вместе с естественным возвышением мыса имеет высоту не менее 16 м (рис. 22, 1).

В Таразской цитадели в VII—VIII вв. располагался замок, три помещения которого расчищены.

Раскопки на цитадели Лугового частично выявили и здесь остатки постройки замкового типа VII—VIII вв. [Байпаков, 1966б, с. 74].

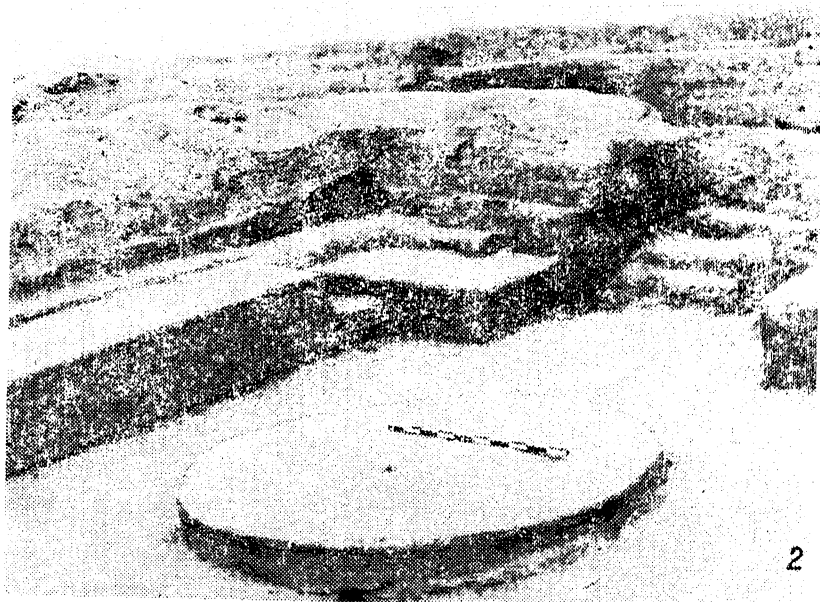
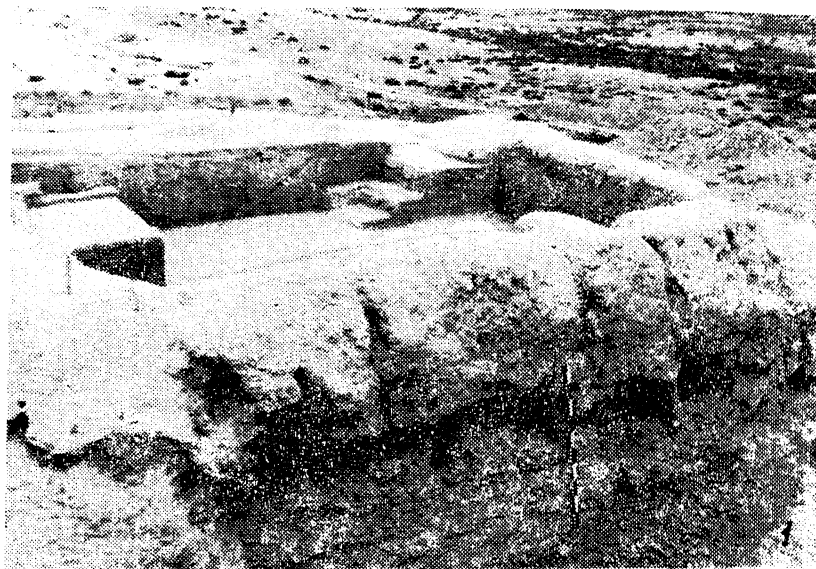

Рис. 21. Куйрук-тобе: 1 — характер кладки стен конструкций нижнего строительного горизонта; 2 — интерьер помещения

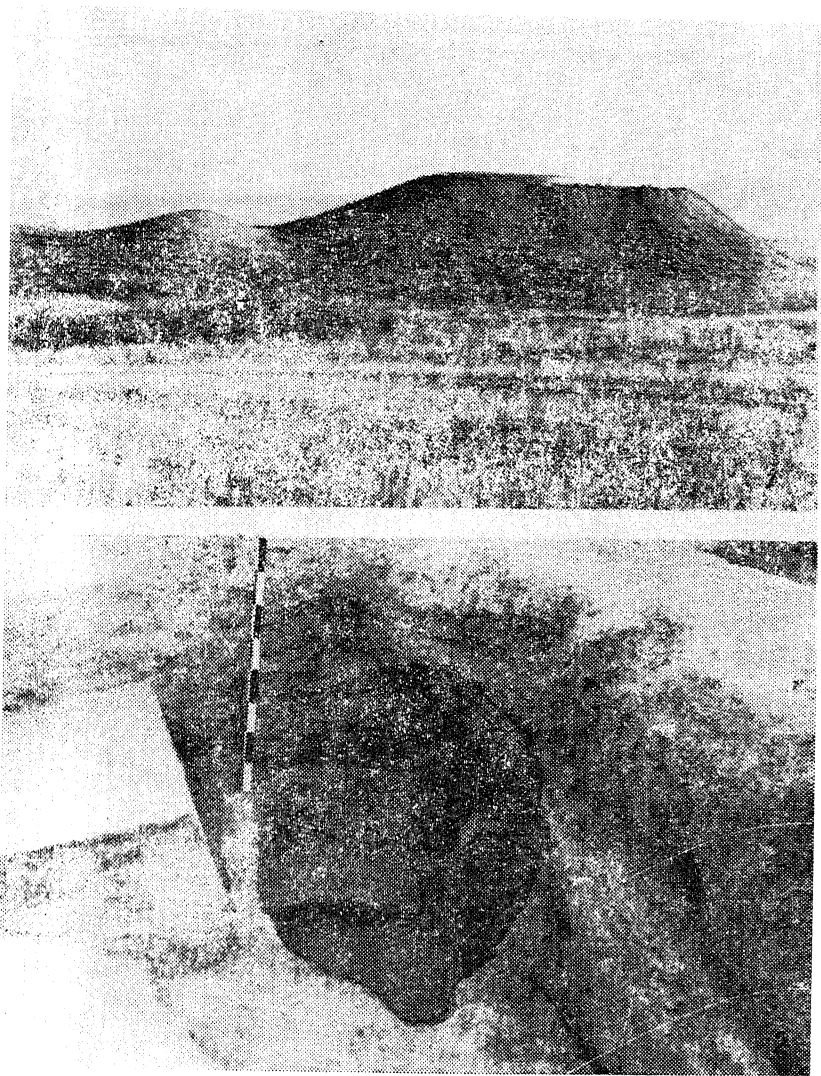

Рис. 22. Юго-западное Семиречье: 1 — раскопки цитадели на городище Красная Речка; 2 — тандыр с дымоходом в помещении IX—X вв. на городище Красная Речка

Городской квартал и его формирование. Членение городов на кварталы было закономерным для феодального общества. Оно обусловлено свойственным этому обществу замыканием людей, связанных родственными узами, общей профессией, религией, в группах. Уже у Нершахи в «Истории Бухары» были встречены термины «ку» и «махалла (махаллат)», обозначавшие кварталы Бухары (Нершахи, 1897, с. 69). Широко оперируют понятием «квартал» исследователи средневековых городищ

[Кабанов, 1956; Князев, 1945; Лунина, 1962; Массон М. Е., 1940, 1949; Вактурская, 1955; Шишкина, 1970; Федоров-Давыдов, 1958; Стужина, 1979].

Однако, несмотря на широкое использование в археологической литературе термина «квартал», до сих пор единого толкования этого понятия не существует. Как правило, под кварталом подразумевается городская застройка в ее современном понимании, восходящая к античной традиции, когда прямоугольная сетка улиц сочетается с регулярно распланированными жилыми массивами [ВИА, 1958, с. 121—122, рис. 119; Грушка, 1963, с. 65].

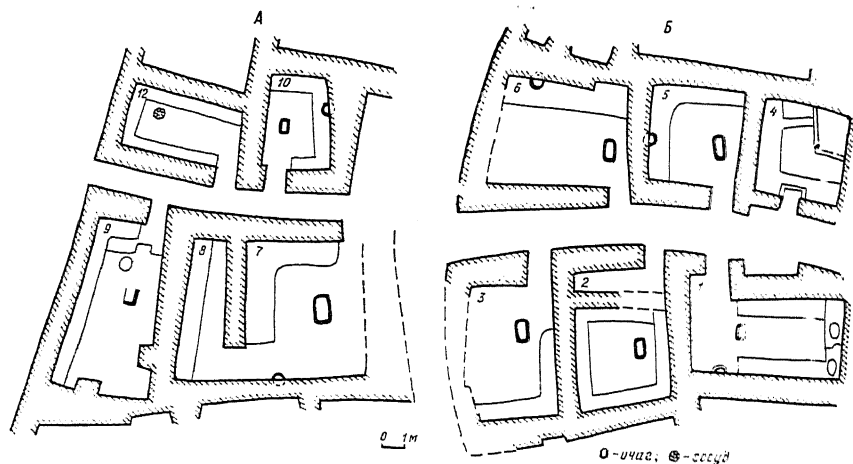

Рис. 23. Планы кварталов «А» и «Б» городища Кок-Мардан, VI — первая половина VII в.

По мнению А. М. Беленицкого, кварталы Пенджикента представляли собой жилые массивы, ограниченные улицами, сеть которых в городе была регулярной и прямоугольной [1965, с. 195]. В. Л. Воронина кварталом считает группу домов, объединенных внутриквартальной, отходящей от общегородской, улочкой. Со всех сторон квартал замкнут, границы его проходят по задним стенам домовладений. Аналогичное определение квартала дают другие исследователи [Лавров, 1950, с. 93; Неразик, 1981, с. 140; Сухарева, 1976, с. 326—327].

Раскопки казахстанских городов позволили выделить отдельные кварталы, их границы и предложить такое определение: квартал — это массив городской застройки, состоящий из нескольких домовладений, объединенных внутриквартальной улочкой или же отрезком магистральной улицы. Фасад квартала глухой, границы с соседними кварталами проходят по задним стенам всех домов и боковым стенам крайних домов.

Кварталы VI — первой половины VII в. выявлены при раскопках городища Кок-Мардан. Кварталами можно считать три группы домовладений на раскопе II. Каждый из таких кварталов объединен тупиком,

отходящим от магистральной «северной» улицы и упиравшимся в крепостную стену. Длина тупиков 15, 12 и 10 м, площади кварталов 370, 350 и 300 кв. м. В квартале «А» выявлено пять домовладений и одно культовое здание, в кварталах «Б» и «В» — по 4 домовладения (рис. 23).

Городской квартал второй половины VII — первой половины IX в. («Т») был открыт раскопками на городище Куйрук-тобе. Он находится в восточной части шахристана и представлял собой до раскопок куполовидный бугор диаметром около 30 м. Верхние слои, вплоть до построек VII — первой половины IX в., были смыты. Разрушенными оказались и периферийные участки квартала, но центральная его часть сохранилась достаточно хорошо. Размеры сохранившейся части квартала составляют 306 кв. м (17×18 м). В составе квартала насчитывается 4 дома, расположенных слева и справа от внутриквартальной улочки. Три домовладения сохранились полностью, а от четвертого — лишь одно помещение. Отдельные дома выделяются благодаря наличию в них помещения с очагом. Из трех полностью сохранившихся домов один однокомнатный и два двухкомнатных.

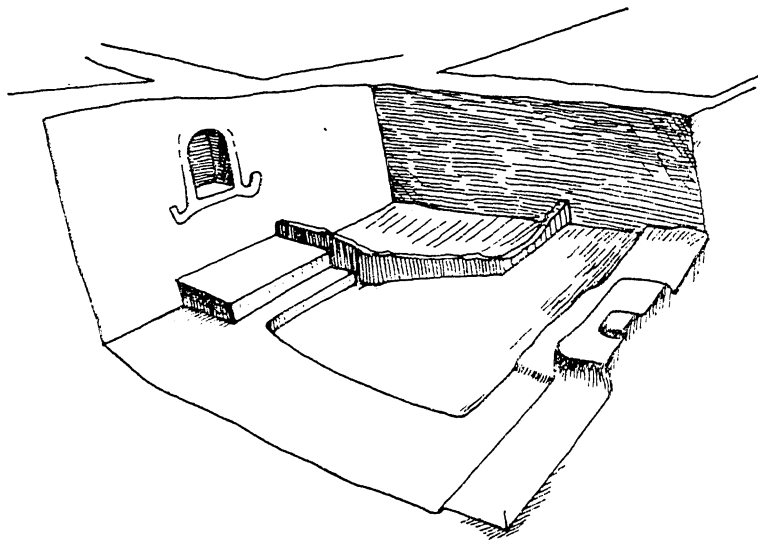
Внутриквартальная улочка закрывалась калиткой, в месте соединения ее с магистральной улицей сохранились остатки пазов от порогов. Западной стороной квартал примыкал к городской стене, южная стена отделяла его от городской застройки, восточная часть квартала разрушена.

По своей планировке и характеру застройки квартал не отличается от более ранних кварталов VI—VII вв. на Кок-Мардане.

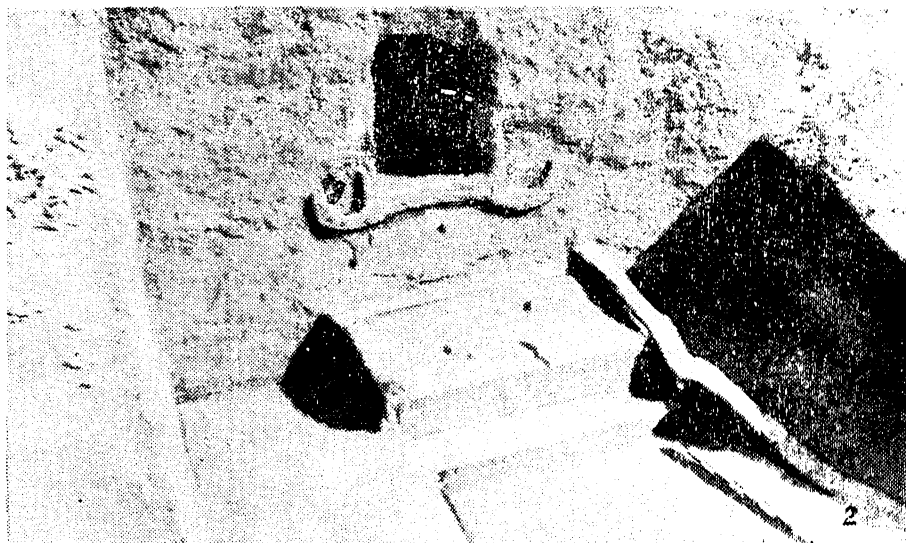
Арханческий уклад быта жилых кварталов XIX — начала XX в., по мнению ряда исследователей, не отличался существенно от быта горожан начальных стадий феодализма [Сухарева, 1976, с. 338]. Середина I тысячелетия у народов Средней Азии и Казахстана была переломным моментом в переходе от патриархальных семейных общин к малой семье [Кисляков, 1969, с. 17]. Для него характерно сложение своего рода переходной формы семьи. Она состояла уже не из трех или более поколений, а из двух. Старшее поколение представлено отцом и матерью, с которыми жили все женатые сыновья [Сухарева, Бикжанова, 1955, с. 173—177].

У полуседлых и оседлых каракалпаков семейно-родственные группы именовались «коше». Во главе каждой группы стоял старшина — «коше бий» или «коткуда» из числа наиболее богатых или влиятельных стариков. Обычно кош составлял аул, иногда несколько кошей объединялись в более крупные селения, выделяясь в них компактными группами. Семьи совместно пасли скот, вместе отмечали семейные события, сообща выполняли обряды.

Отчетливо прослеживаются семейно-родственные группы у оседлого населения. У таджиков они назывались «кавн» или «каун». Как правило, каждая такая группа проживала в одном квартале. Каждая семья группы владела индивидуальным приусадебным и пахотным участком земли, но все семьи объединялись для пастьбы скота, оказывали друг другу по-

1

2

Рис. 24. Кок-Мардан. Интерьер квартального святилища VI — первой половины VII в. мощь в уборке урожая, в строительстве, вместе справляли общие и семейные праздники, имели общую мечеть и общее кладбище [Кисляков, 1969, с. 18].

У кочевников и полукочевников наряду с малой семьей появилось и более широкое объединение с признаками экономического и территориального единства. Группы состояли из семей, находившихся в родстве и связанных сознанием общего происхождения. Каждая группа называла

себя «детьми одного отца»: ата баласы — у казахов, бир аталык балдары — у киргизов, бир ата — у туркмен. Количество семей в группе колебалось от 2—5 до 10—15. Они кочевали одним аулом, на зимовках селились рядом, скот выпасали совместно, по очереди, практиковали трудовую взаимопомощь, устраивали совместные праздники, совместно готовили ритуальную пищу. Однако каждая семья имела свое тавро для скота [Абрамзон, 1957, с. 32—34; Соколовский, 1926, с. 6—14; Курылев, 1978, с. 132—143].

Население кварталов Кок-Мардана, видимо, составляли семейно-родственные группы. В квартале насчитывается от 4 до 6 домовладений, принадлежащих отдельным родственным семьям. Логично предположить, что известный по этнографическим данным «коше бий», «коткуда» — глава семейно-родственной группы — соответствует средневековому раису (старшина, староста) квартала [Большаков, 1973, с. 334] и аксакалу квартала позднесредневековой Бухары [Сухарева, 1976, с. 33].

Обычно семейно-родственные группы имели свои места религиозных культов, кладбища [Сухарева, 1976, с. 23]. В Кок-Мардане в квартале «А» отмечена такая культовая постройка.

Пока мало данных для того, чтобы судить об общественно-социальном характере отдельных кварталов, можно лишь констатировать, что для всех раскопанных кварталов характерна социальная однородность.

Святылища, храмы. В городах Южного Казахстана и юго-западного Семиречья, как удалось установить, находились храмы и святылища. Значимость их в жизни горожан была различной: некоторые принадлежали жителям квартала, другие — крупным религиозным общинам города.

На Кок-Мардане было раскопано квартальное святылище. Это квадратная в плане однокомнатная постройка размером 4×4 м. Напротив входа в центре стены на высоте 0,5 м от пола находилась прямоугольная ниша, обрамленная налепом в виде рогов барана. Под ней находился подиум с толстым слоем золы. Г-образная суфа шириной 1 м расположена у юго-западной и северо-восточной стен (рис. 24). Прямых аналогий святылищу нет, но некоторое сходство с ним обнаруживает зал в постройке на Гяур-кале в Хорезме, датированный кушанским временем [Толстов, 1958, с. 193, рис. 87]. Алтари у стен и ниши с курильницами имелись в святылище усадьбы Кайрагач в юго-западной Фергане [Брыкина, 1982, с. 36—38].

В юго-западном Семиречье два буддийских храма раскопаны на городище Ак-Бешим [Кызласов, 1959, с. 155—227; Зяблин, 1961] и два открыты на городище Красная Речка. Один из краснореченских храмов состоял из целлы-святылища, обходного коридора и зала, открытого на юго-восток. На стенах отмечены следы росписей [Кожемяко, Рукопись, с. 20—21].

Второй буддийский храм находится в 500 м южнее цитадели (рис. 25). Как показали наши раскопки, он был сооружен на платформе, под которую использовалась более ранняя постройка (рис. 26). Храм существовал в VII—VIII вв., причем перестраивался. Целла-святылище представляет собой в плане квадратную постройку размером 6×6 м. Стены

святилища толщиной 2,6 м сложены из длинномерного сырцового кирпича размером $43\text{—}48 \times 23\text{—}24 \times 8\text{—}10$ см. Перекрытие купольное. Вход в целлу находился с востока. Перед входом была устроена площадка — айван. С юга, запада и севера целлу окружали галереи шириной 2,8—3 м (рис. 27).

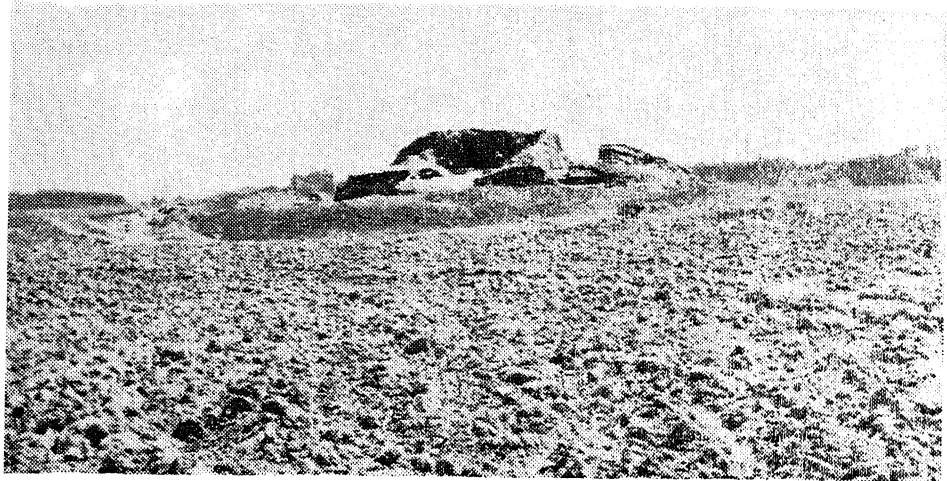

Рис. 25. Второй буддийский храм на Красной Речке. VII—VIII вв. Вид с севера

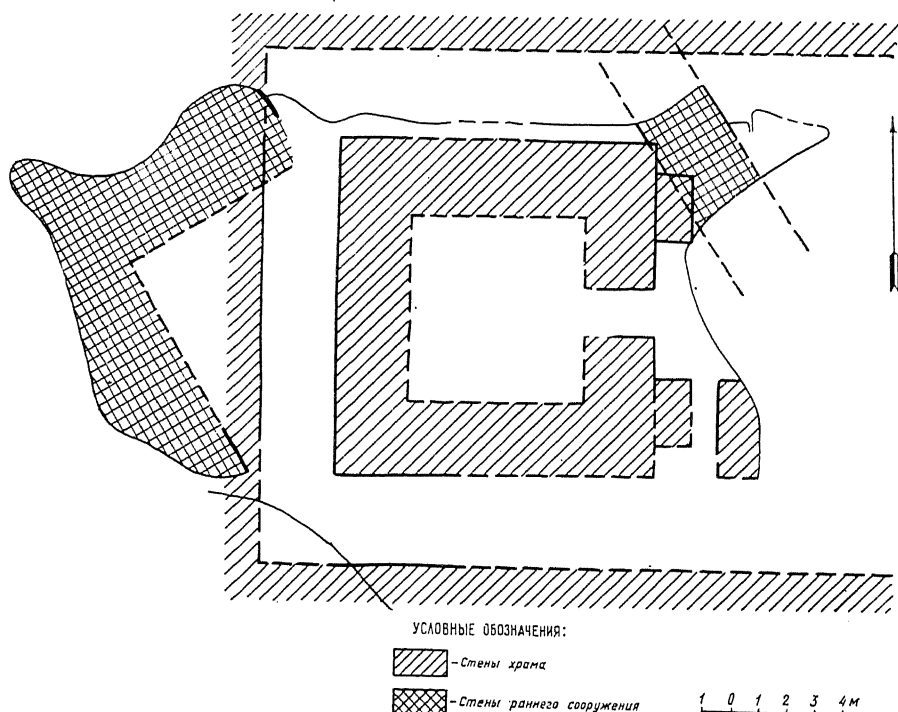

Рис. 26. Второй буддийский храм на Красной Речке. План храма и «ранней» постройки

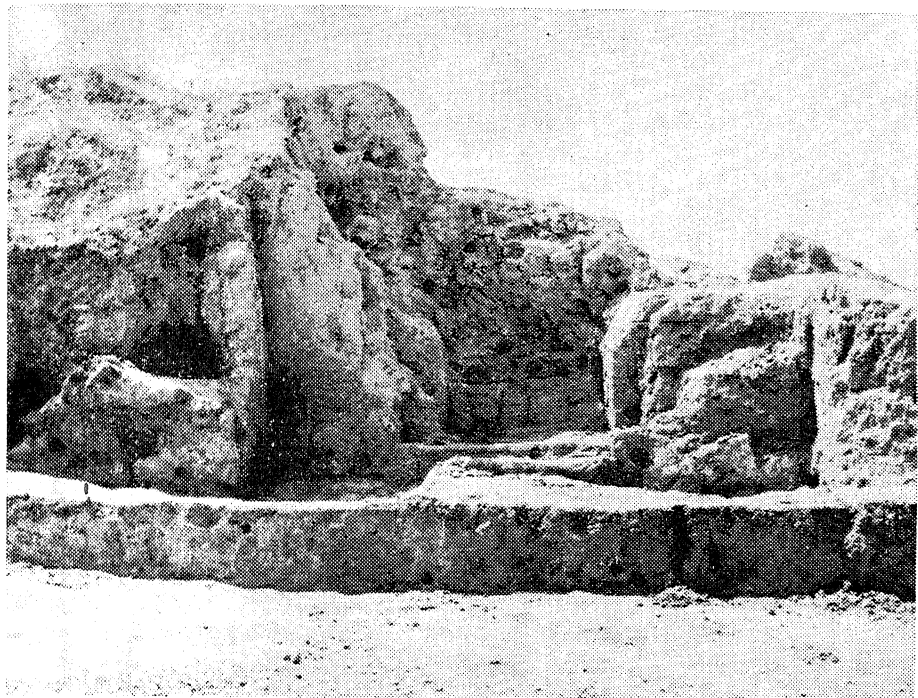

Рис. 27. Второй буддийский храм на Красной Речке. Вход в целлу

Позднее были пристроены пилоны-контрфорсы, сооружена лестница перед входом. После этого стены дважды покрывали штукатуркой, обмазывали ганчем и расписывали. Обнаруженные фрагменты росписи выполнены красками красного, черного, синего, зеленого цвета.

Обломки скульптуры, найденные в тамбуре и перед входом в святилище, относятся ко времени после перестройки. Это часть бедра, стопы, фрагменты лица и головы человека, множество глиняных налепов, украшавших одежду и головной убор.

Еще при начальных раскопках храма в западной обходной галерее была обнаружена фигура Будды в нирване, обращенная головой на север. Скульптура сохранилась частично — голова и верхняя часть туловища разрушены в древности. Сохранившаяся длина скульптуры 8 м. Скульптура и постамент, на котором она лежала, были окрашены в красный цвет. Как сейчас можно установить, скульптура относилась к периоду перестройки храма. Ближайшим аналогом ей является скульптура Будды в нирване из Аджина-тепе [Литвинский, Зеймаль, 1971, с. 81—83]. По находкам тюркешских монет храм датируется VII—IX вв.

На городище Ак-Бешим обнаружена христианская церковь. Она представляла собой постройку из трех помещений [Кызласов, 1959,

с. 231]. Одно из помещений сопоставляется с некоторыми раннесредневековыми христианскими памятниками Ирана и Сирии, имевшими центрические крестообразные или т-образные купольные постройки типа вписанного креста. Вся планировка храма напоминает средневековую христианскую постройку Хароба Кошук вблизи Мерва [Высоцкий, 1983, с. 25]. Находка 18 захоронений, совершенных по христианскому обряду, делает интерпретацию памятника как культовой христианской постройки, предложенную Л. Р. Кызласовым, достаточно убедительной. В литературе памятник датируется серединой VII — концом VIII в. Запуск храма связывается с набегом карлуков [Высоцкий, 1983, с. 26]. Думается, что это неверно, поскольку именно при карлуках христианство в Семиречье получило наибольшее развитие [Кляшторный, 1955, с. 168; Маршак, Распопова, 1983, с. 79]. Видимо, разрушение храма связано с исламизацией Семиречья при Караханидах уже в X в.

Оборонительные сооружения раннесредневековых городов региона изучены пока недостаточно, однако уже сейчас можно заключить, что это были довольно мощные постройки. В состав городских укреплений включались цитадель и оборонительные стены с башнями. В свое время С. П. Толстов, опираясь на материалы Хорезма, считал, что в раннее средневековье стены городов представляли монолитные глинобитные сооружения без внутренней стрелковой галереи и бойниц, которые заменяла площадка на верху стены, закрытая зубчатым парапетом [Толстов, 1962, с. 51]. Именно так выглядит верх стены в «сцене осады замка», изображенной на резной деревянной доске из Куйрук-тобе (см. рис. 11).

Наши материалы, собранные в Южном Казахстане и Семиречье, подтверждают эти данные. Разрез крепостной стены цитадели Куйрук-тобе показал, что стена, поставленная на платформу, сложена из пахсовых блоков и имела ширину в основании 2,7 м. По углам ее были устроены сегментовидные башни с небольшими помещениями внутри.

В Отраре стена шахристана сложена из пахсовых блоков; ширина ее 10 м, сохранившаяся высота 4,5 м. Возведение ее относится к VI—VIII вв.

В юго-западном Семиречье выявлены раннесредневековые стены шахристанов Красной Речки. Наиболее ранние стены вокруг шахристана II, сформировавшегося в VI—VII вв., возведены на лесовой платформе, образованной вырубками в материке. Блоки размером 1,2×0,5 м были положены вперевязку. Ширина стены в нижней части 12,2, сохранившаяся высота — около 0,5 м.

Менее массивна стена вокруг шахристана I, тоже сложенная из пахсовых блоков, толщина ее 6,5 м.

В Таласской долине наиболее мощными стенами был окружен Тараз. Ширина стены, возведенной из пахсовых блоков, чередующихся со слоями гальки, достигала 15—20 м [Сенигова, 1972, с. 65].

В основе конструкции стены цитадели на Актобе Таласском — пахсовая стена VI—VIII вв. В качестве наружной облицовки пахсы применялся рваный камень [Кожемяко, 1963, с. 167—171].

Разрезы длинных стен вокруг пригородной территории городищ показали, что они возводились ленточной техникой с использованием в конструкциях сырцового кирпича, слоев гальки и гравия. Параметры стен различны: ширина от 2 до 5 м и сохранившаяся высота до 5 м.

Сравнивая стены раннесредневековых городов Южного Казахстана и юго-западного Семиречья с укреплениями городов Средней Азии, обнаруживаем близость и однотипность как в устройстве стен, так и в строительной технике [Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973, с. 14—23; Воронина, 1959, с. 93—97; Нильсен, 1966, с. 224—232; Мухамедов, 1961].

Городское жилище и вопросы демографии

Благодаря широким раскопкам получено представление о ранне-средневековом городском жилище Южного Казахстана.

Жилище изучалось на городищах Кок-Мардан, Пшук-Мардан.

Для VI — первой половины VII в. характерны два типа домов (рис. 28). Дома первого типа однокомнатные, наземные, прямоугольные в плане.

Один из таких домов площадью 43 кв. м (6×7,2 м) имеет коленообразный коридор длиной до поворота в дом 4 м. Вход тамбуровидный. Вдоль западной и северной стен устроены суфы с выступами-эстрадами по центру. Ширина суф 1 м, выступов — 1,2 м, высота — 40—45 см. Напротив входа в центре устроен напольный прямоугольный очаг с глиняными бортиками, размером 1×1,5 м. Слева от входа, в тамбуре, в стене толщиной 0,3 м рядом находились два камина (стеновых очага) размером 0,2×0,2 м. Юго-восточный угол отделен глиняным бортиком — это хозяйственный отсек, своего рода кухонная площадка. В полу помещения расчищены три прямоугольные ямки — базы опорных столбов. Всего их должно быть четыре (часть пола разрушена). В потолке, видимо, было устроено световое, оно же дымовое отверстие. Дым, кроме того, выходил через дверь, именно поэтому очаг и камины приближены к выходу (рис. 28, 2).

Дома этого типа различаются формой суфы: г-образная у двух стен и п-образная по трем стенам, двухступенчатая с выступами в центре. Форма напольного очага бывает прямоугольной или с закруглением передней части. По периметру очага ооконтурены глиняным валиком (рис. 29, 2). Встречаются овальные очаги. Очаги открытого типа, служившие и для обогрева жилищ и для приготовления пищи, широко распространены в средневековом жилище Южного Казахстана и Средней Азии и как реликтовая форма дожили до настоящего времени [Писарчик, 1982, с. 72—77]. Каминны представляют собой выбитые в стенах сферические ниши, на дно которых устанавливалась на выступах жаровня с невысокими бортиками (рис. 29, 1). Функциональное назначение напольных очагов и каминов различно: первые использовались для обогрева помещения и приготовления пищи, вторые — для выпечки хлеба. В домах имелись тумбовидные подставки для зернотерок. Хумы, горшки

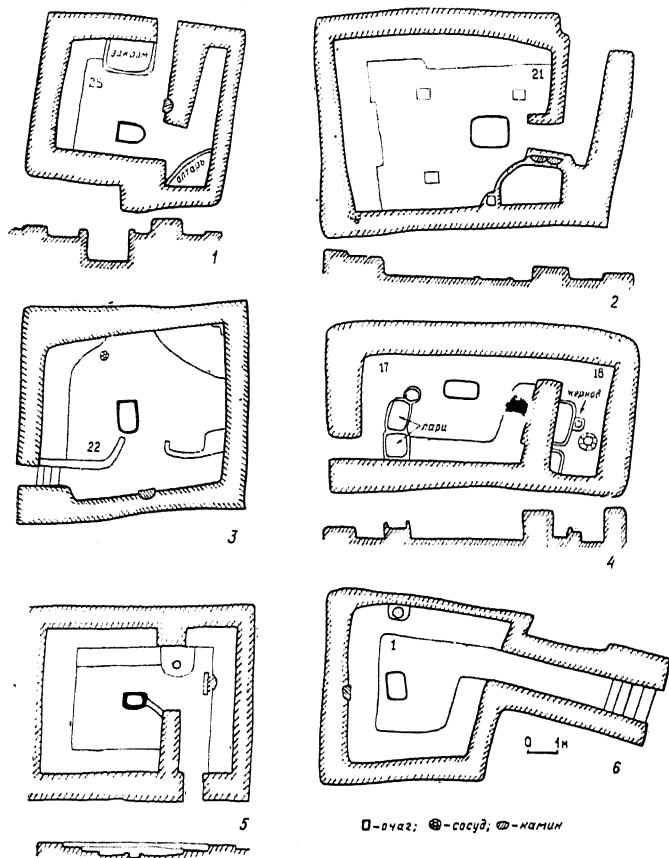

Рис. 28. Кок-Мардан. Планы домов VI — первой половины VII в.

для хранения запасов продуктов располагались в углах на суфах. Кроме того, в качестве хранилищ использовались бочкообразные сосуды из необожженной глины и корытообразные емкости, также слепленные из полос сырой глины.

В каждом доме есть угол для отправления культа. Он оснащен овальным медальоном, выполненным налепом из глины на высоте 0,5—0,6 м. Под медальоном располагался небольшой угловой подиум-алтарь, покрытый слоем золы.

Площади домов варьируют от 12 до 45 кв. м. 85% домов имеют площадь 20—35 кв. м. От размеров дома зависел характер перекрытия. В больших домах кровля опиралась на четыре столба, в средних в качестве опоры мог использоваться один столб, на который опиралась одна прогонная балка или две перекрещенные. В маленьких по площади помещениях крыша удерживалась только на стенах.

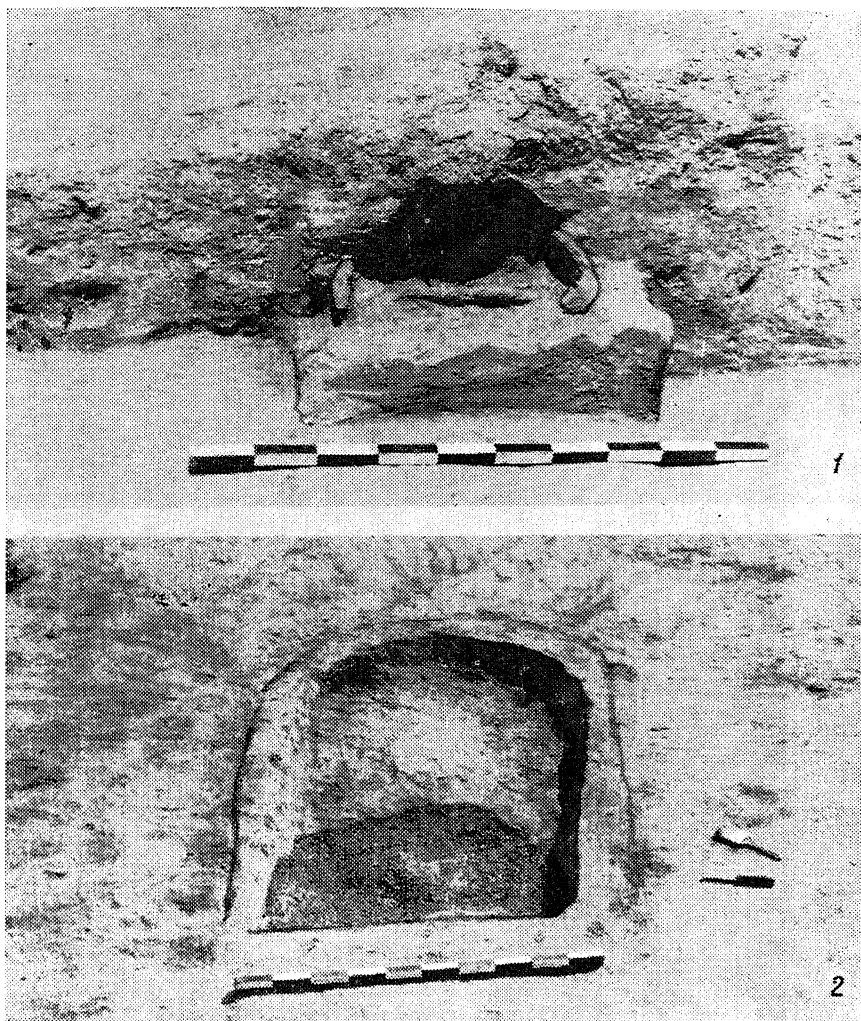

Рис. 29. Кок-Мардан. Очаги в жилищах VI — первой половины VII в.

Дома второго типа двухкомнатные, линейной планировки. Второе помещение выделено путем сегментации из первоначального помещения при помощи капитальной стены (см. рис. 28, 4). Такие дома составляют 15% от общей массы всех раскопанных жилищ. Кладовая может быть в тылу дома, впереди, изредка сбоку. Площадь кладовых не превышает 8 кв. м.

Оба типа жилища традиционны для Южного Казахстана VI—VII вв. и прослеживаются начиная с конца I тысячелетия до н. э.

На Кок-Мардане такие жилища зафиксированы в нижнем строительном горизонте (третьем), датированном III—V вв., и на расположенном рядом поселении Кос-тобе Южном (III—V вв.). Много общего прослеживается при сопоставлении кок-мардановского жилища и домов первой половины I тысячелетия н. э., раскопанных на поселении Алтын-Асар на Нижней Сырдарье. В однокомнатных домах Алтын-Асара устраивались так называемые лотковые входы, г-образные и п-образные суфы, прямоугольные очаги и камины, поставы для зернотерок. Дома сооружались, как и на Кок-Мардане, из сырцового кирпича того же формата [Толстов, 1962, с. 189—190, рис. 108, 109; Левина, 1971, с. 12—22, рис. 2].

Жилище второй половины VII — первой половины IX в. известно по раскопкам квартала «Т» на Куйрук-тобе.

Однокомнатный дом самый большой по размерам, площадь его — 63,8 кв. м (6,7×9,5 м). Вход в него вел с улочки, уровень которой выше пола, поэтому сделан он в виде пологого пандуса. В дверном проеме сохранились пазы от дверной рамы и порога.

Вход был отделен от помещения стенкой-экраном. По трем сторонам помещения устроены суфы высотой 0,4 м. Ширина суф у южной и западной стен 1 м, у северной 0,7 м. В центре западной стены имеется выступ-эстрада, ее длина 2,4 м, ширина 1,35 м.

На поверхности северной суфы имелись 4 овальные ямки. Почти в центре помещения располагался напольный очаг овальной формы с бортиком по периметру.

Двухкомнатные дома характеризуются наличием второго помещения, видимо кладовой. Площадь жилого помещения одного из таких домов квартала составляет 28 кв. м (4,5×6 м) и кладовой — 16,8 кв. м (2,8×6 м).

В жилом помещении у южной стены имеется суфа шириной 1,7 м. В центре помещения сохранилось пятно прокала от напольного очага. Интерьер кладовой не сохранился, но, видимо, в ней, как и в кладовых домов Кок-Мардана, имелись емкости и сосуды для хранения запасов зерна.

Таким образом, раннесредневековое жилище на юге Казахстана представляет собой продукт многовекового развития. Параллели жилищу есть в материалах соседних районов. Ему близки одно- и двухкомнатные дома согдийского поселения VII—VIII вв. Гардани-Хисор [Якубов, 1982, с. 115—116, рис. 1, 3, 4; 1979, с. 47—48]. Планировка сближает помещения в домах Пенджикента с домом Кок-Мардана, крыша которого опиралась на четыре колонны, а суфы имели своеобразные выступы-эстрады. Помещения с тамбуровидными входами, с суфами вдоль двух, трех или всех стен характерны для тохаристанского замка Балалык-тепе [Альбаум, 1960, с. 108, 116, рис. 62] и раннесредневековых памятников Усрушаны [Негматов, 1966, с. 55—59, рис. 24]. Известное сходство наблюдается при сопоставлении жилища Кок-Мардана с жилищем юго-западной Ферганы [Брыкина, 1982, с. 48—50], афригидского Хорезма [Неразник, 1966, с. 68—76; Гудкова, 1962, с. 50].

Этнографические параллели такому жилищу находим на Памире, в Фергане, равнинной части Зеравшана [Неразик, 1966, с. 74; Кондауров, 1940, с. 42—60; Давыдов, 1969, с. 99—101]. И все же, несмотря на сходство с раннесредневековым жилищем северных районов Средней Азии, жилище Южного Казахстана сохраняет черты, традиционные для сырдарьинских культур первой половины I тысячелетия до н. э.: линейную планировку, наиболее распространенную на юге Казахстана, прямоугольные и овальные открытые очаги, специальные хозяйственные площадки, которые использовались, на наш взгляд, для приготовления хлеба, культовые налепы с алтарями под ними. В дальнейшем планировка домов и интерьер, видоизменяясь, продолжали сохраняться и развиваться в домах средневековых городов Южного Казахстана.

Раннесредневековое городское жилище юго-западного Семиречья не изучено. Представление о нем может дать загородное жилище VII—VIII вв., известное по раскопкам Красной Речки, Лугового и других памятников. В основе его планировки лежит принцип расположения в ряд длинных узких помещений, объединенных узким коридором, через который происходит сообщение отдельных комнат, — так называемая «гребенчатая планировка». Стены возводились из длинномерного сырцового кирпича и блоков (комбинированная кладка). Своды выведены «отрезками», арки — клинчатой кладкой. Квадратные помещения перекрывались куполами. Переход к куполу осуществлялся обычно при помощи арочно-ступенчатых троппов. Примером такой постройки может служить «согдийский замок» Краснореченского городища [Чуйская долина, с. 30—36, 73, табл. XV], замок на городище Луговое (рис. 30)

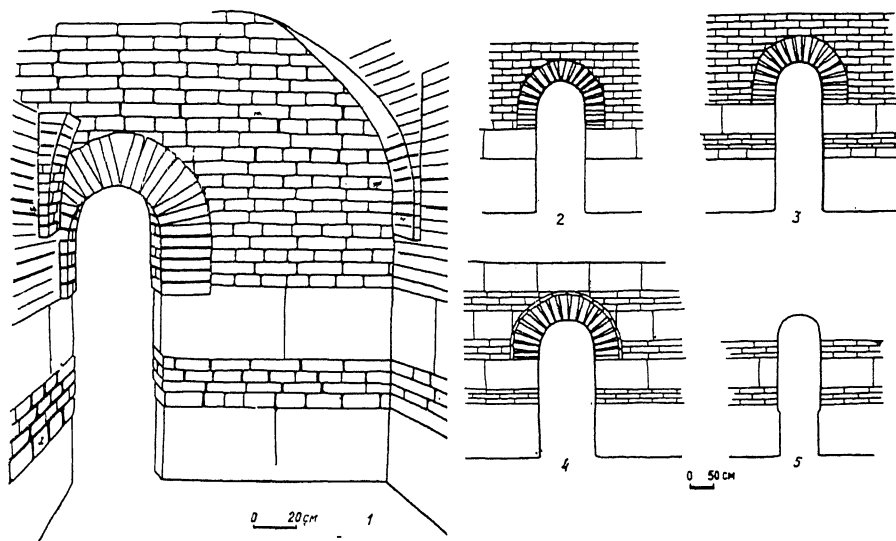

Рис. 30. Кладка стен и типы арочных проходов замка Луговое А. VII—VIII вв.

[Байпаков, 1966, с. 61—66], которые предназначались для жилья. Их планировка, строительная техника находят широкие параллели прежде всего в Согде, в загородных усадьбах Пенджикента [Большаков, Негматов, 1958, с. 155—192]. Близкое сходство с ними обнаруживает ферганский замок Карабулак [Брыкина, 1966, с. 116—122].

Жилые помещения замков отапливались очагами открытого типа. Встречены также очаги стеновые и в виде лунки на краю суфы, аналогичные очагам в синхронных постройках Согда [Якубов, 1982, с. 115, рис. 1, 3, 4; Воронина, 1964, с. 66; Негматов и др., 1966, с. 68, рис. 38].

Вопрос о степени развития городской жизни в тот или иной период существования — это в первую очередь вопрос о численности его населения [Козлов, 1969, с. 7].

Трудности исследования динамики численности древнего и средневекового населения Средней Азии и Казахстана вызваны отсутствием количественных данных. Письменные источники содержат скудные сведения о количестве населения, причем крайне противоречивые, что приводит к разным результатам [Бартольд, т. 1, с. 139; т. 3, с. 313—571; Массон М. Е., 1948, с. 140—142; 1956, с. 58; Bosworth, 1963, p. 162].

Данные в области исторической демографии основаны на результатах археологических исследований.

Решая вопросы исторической демографии средневековых городов Средней Азии, О. Г. Большаков пошел по пути установления средней плотности населения на гектар застройки разного типа. Исследователь учел неоднородность застройки шахристана и рабадов и предложил расчеты численности населения для раннесредневекового Мерва, Самарканда, Бухары, Термеза, Тараза, Пенджикента и других городов [1973, с. 256—268].

Методика выяснения демографической ситуации еще далека от совершенства, но следует признать, что демографические выкладки приближаются к реальности по мере увеличения площади раскопок памятника, выявления его квартальной застройки и характера жилища [Давидович, 1978, с. 113].

Квартал Кок-Мардана занимал площадь 350 кв. м и состоял в среднем из 5 отдельных домовладений. Если селитебная площадь городища равна 2,2 га, поскольку четвертая часть из 3 га всей площади исключается на улицы, площади, дворы [Шишкин, 1963, с. 106], то на ней должны были разместиться 65 кварталов, население каждого из которых при общепринятой численности семьи в 5—6 человек насчитывало 25—30 человек. Общее число жителей на Кок-Мардапе, следовательно, составляло 1625—1950 человек, без учета населения, проживающего за пределами центрального бугра. Плотность населения составляла 560—650 человек на гектар. Для сравнения отметим, что в раннесредневековом Пенджикенте она была ниже — 230 человек.

Плотность населения в Кок-Мардапе, видимо, не во все времена года была высокой. Это объяснялось особым укладом жизни городов Южного Казахстана и северных районов Средней Азии. В летнее время часть горожан переселялась из города в пригород, где занималась сельским хо-

зяйством, заготавливала продукты на зиму [Сухарева, 1979, с. 203—212; Распопова, 1979, с. 22—23]. Продолжительный безморозный период в регионе способствовал тому, что длительное время часть населения обитала вне города и численность городских жителей таким образом на время уменьшалась.

Высокая плотность городского населения объяснялась и тем, что город служил своеобразным убежищем в случае опасности. Такие факты отмечены П. П. Ивановым для Южного Казахстана XVIII—XIX вв. В частности, в укрепленной части Сайрама в это время от постоянных набегов кочевников укрывалось население не только города, но и его округа [Иванов, 1927, с. 160].

Время жизни Кок-Мардана также характеризовалось сложной политической ситуацией в районе, формированием новых раннефеодальных владений, притоком масс кочевого населения. Все это дает возможность сопоставить данные по позднесредневековому Сайраму и раннесредневековому Кок-Мардану.

Численность населения других городов Южного Казахстана пока установить невозможно, поскольку неизвестна их площадь в VI—VIII вв., хотя особенности городской застройки выяснены.

Функции городов

Ремесла. Развитие городов как торгово-ремесленных центров было связано с процессом отделения ремесла от сельского хозяйства и значительным расширением ремесленного производства, обслуживающего, главным образом, господствующий класс. На обусловленность процесса урбанизации от роста ремесла и торговли указывал К. Маркс: «...как только городская промышленность как таковая отделяется от земледелия, ее продукты с самого начала становятся товарами и, следовательно, для их продажи требуется посредничество торговли. Связь торговли с развитием городов и, с другой стороны, обусловленность последнего торговлей понятны таким образом сами собой» [т. 25, ч. 1, с. 365].

В нашем распоряжении пока мало данных о развитии ремесла в раннесредневековом городе области, оно известно главным образом уже по готовой продукции, дошедшей до нас. Это прежде всего керамика, изделия из металла, кости и камня. Пока не раскопано ни одной мастерской, по которой можно было бы судить об уровне ремесленного производства.

Хуже всего обстоит дело с представлением о таких ремеслах, как ткачество, производство изделий из кожи, шерсти, войлока. О продуктах этих ремесел, производимых в городах Южного Казахстана и Семиречья, есть упоминания в письменных источниках, но они относятся к несколько более позднему времени.

О производстве тканей можно судить по находкам пряслиц, число которых на Кок-Мардане приближается к 340, об изготовлении кожаной посуды — по глиняным красноощеным сосудам с рельефным орна-

ментом, подражающим тиснению на коже. Такие кувшины найдены в слоях VII—IX вв. Тараза [Сенигова, 1972, табл. VI].

Производство керамики благодаря массовым находкам изучено достаточно хорошо. Пока известна только одна печь VIII—IX вв., раскопанная на территории северного рабада Отрара. Она имеет грушевидную форму, длину 2,7 м, ширину 2,5 м. Огневая камера имеет меньшие размеры, чем обжиговая. Удалось установить, что под печи опирались на «столб», состоящий из перевернутого хума без дна, обложенного сырцовым кирпичом. Венчиком он стоял на трех «рогатых» подставках. Через него жар поступал внутрь обжиговой камеры.

Комплексы кузнечных мастерских, исследованных в Пенджикенте [Распопова, 1980], дают представление о распространенности этого ремесла в городе. Видимо, аналогичное производство имело в городах Южного Казахстана и Семиречья.

При раскопках Кок-Мардана, в слоях Куйрук-тобе и Отрара VII—VIII вв. собраны чоты, ножи, серпы. Обнаружены железные крицы, свидетельствующие о выплавке железа на месте.

Изделия из железа — ножи, накладки на дверь — найдены при исследовании буддийского храма на Красной Речке, замка Лугового А.

Меднолитейное производство и серебрение известны по находкам бронзовых блях и пряжек от наборного пояса в верхних слоях городища Джеты-Асар [Левина, 1966, рис. 19, 23, 24], по находкам серебряных блях в Борижарском могильнике [Нурмуханбетов, 1970, табл. II].

Искусство ювелиров известно по находкам ажурных бронзовых блях с позолотой, на которых изображены мужчина и женщина в коронах и парадных одеждах с фигурками верблюдов на поднятых ладонях, а также по находкам браслетов [Кызласов, 1959, с. 207—209, рис. 29, 3].

Найдены подделки из кости — накладки на лук, просверленные амулеты из косточек животных, заготовки из рога маралов со спилами.

Из камня делались жернова, терочки.

Высокого уровня в городе достигли архитектура, строительство, ремесло художественной резьбы по дереву. В. И. Распопова предполагает наличие в раннем средневековье профессиональных групп строителей, которые принимали участие в сооружении монументальных жилых и культовых построек в разных областях Средней Азии [Распопова, 1983, с. 73—74].

Близкое сходство орнаментальных мотивов в резьбе по дереву из Согда и Усрушаны Н. Н. Негматов объяснял тем, что и там, и здесь могли работать одни и те же резчики по дереву [1966, с. 149—150]. Сходство в архитектуре, строительных приемах, в оформлении интерьеров дворцов, буддийских храмов Южного Казахстана и Семиречья и среднеазиатских областей, в первую очередь Согда, можно объяснить и тем, что в строительстве их наряду с местными принимали участие и приглашенные мастера, что способствовало быстрому распространению достижений в строительстве, нивелированию вкусов и запросов горожан разных историко-культурных областей Средней Азии, Южного Казахстана и Семиречья.

Торговля была одним из важнейших факторов развития города. Город не только производил, но и торговал, причем вторая его функция в глазах современников была едва ли не важнейшей. В городе сходились три основные направления товарообмена: между странами, между городом и его округой, между городом и кочевой степью.

Больше известна для этого времени международная караванная торговля, в развитии которой важная роль принадлежала согдийцам и тюркам [Кляшторный, 1964, с. 101—103].

Шелковый путь проходил через юг Казахстана и Семиречье. Известно описание его участка, который шел через города Суяб, Тараз и Испиджаб [Зуев, 1960, с. 87—96]. В Испиджабе от него отходило ответвление на северо-запад в Фараб, Шавгар и дальше в низовья Сырдарьи.

Торговля приносила тюркской аристократии значительную выгоду и, в частности, позволяла реализовать захваченную добычу. Не случайно уже в 567 г. Истеми-каган направил два посольства в Иран для налаживания торговли [Бартольд, т. 2, ч. 1, с. 31]. Посольства успеха не имели. Тогда каган направил посольство в Византию, и между двумя государствами был заключен торгово-политический союз [Пигулевская, 1951, с. 202—204].

Из Китая вывозили шелк, лаковые изделия, бумагу, зеркала. В Китай из стран Среднего и Ближнего Востока, Византии поступала краска для бровей, вавилонские ковры, драгоценные камни, кораллы и жемчуга, стекло, ткани [Пигулевская, 1951, с. 90—94; Шефер, 1981].

Большую роль в торговле и культурном воздействии Запада на Китай играли согдийцы. Они производили и продавали такие товары, как серебряные изделия, цветное стекло, лекарственные и красящие вещества, ковры [Шефер, 1981, с. 164, 270, 312; Распопова, 1974, с. 83]. В числе центров производства серебряных сосудов были города Семиречья [Даркевич, Маршак, 1974, с. 213—232; Даркевич, 1976].

Часть предметов роскоши из Византии, Согда, Китая и других стран оседала в ставках тюркской знати, в домах горожан. Среди археологических находок — серебряные кувшины с подражаниями византийским клеймам, золотые византийские монеты, китайские зеркала [Городецкий, 1926, с. 77—81; Чуйская долина, с. 48].

Обменная торговля с кочевниками осуществлялась на ярмарках, которые собирались в больших пограничных городах — Испиджабе, Отраре, Дех-Нуджикесе.

О наличии денежной торговли говорят находки монет VII—VIII вв. на Отраре, Куйрук-тобе, Бузук правобережном. Если местные монеты свидетельствуют о внутриобластной торговле, то монеты ихшидов Согда VII в., древнетюркские монеты Чача конца VII — начала VIII в., тюркских правителей Ферганы, китайской династии Тан и бухарские типа «гитрифи» [Бурнашева, 1975, с. 60—68] подтверждают важную роль городов в системе международной торговли.

Важным торговым центром юго-западного Семиречья был Тараз, о котором источники сообщают как о «городе купцов» [Волин, 1960, с. 73]. В Чуйской долине таким городом являлся Суяб, где «смешанно живут

торговцы из разных стран», а половину жителей города составляют купцы [Зуев, 1960, с. 90—91].

О развитии денежной торговли в городах Чуйской долины свидетельствуют монеты гюргешей и тухусов [Смирнова, 1981, с. 59—61], которые выпускались в VII—VIII вв., но находились в обращении и в IX в.

Сельское хозяйство играло немаловажную роль в жизни средневекового горожанина [Тихомиров, 1956, с. 67—69; Сюзюмов, 1968, с. 85].

По сообщению автора начала VII в., в Чуйской долине «тех, кто возделывает поля, и тех, кто преследует выгоду (торгует), — поровну» [Зуев, 1960, с. 90—91]. В источнике середины VIII в. характеризуется Таласская долина: «...с третьего до девятого месяца не бывает дождей, а для полива полей пользуются снеговой водой. Здесь произрастают ячмень, пшеница, рис, горох и бобы. Жители пьют виноградные и конопляные вина, айран» [Зуев, 1960, с. 93].

При раскопках Кок-Мардана, раннесредневековых слоев Отрара, Куйрук-тобе, Тараза, Краснореченского городища обнаружены косточки урюка, винограда, арбузные и дынные семечки, зерна пшеницы, проса, риса. О широком распространении виноградарства свидетельствуют остатки винодельни VII—VIII вв. в Луговом Б. Луговская винодельня находилась в одном из помещений жилого комплекса усадьбы и состояла из нескольких соединенных трубами давящих площадок, откуда виноградный сок стекал в колодец. Там он отстаивался, очищался и затем разливался по емкостям. Здесь же из сока варился бекмес (патока из виноградного сока). Размеры винодельни, большая емкость колодца свидетельствуют о развитии виноградарства в городе Кулане, отождествляемом с городищем Луговое, и, бесспорно, в других городах и поселениях [Байпаков, 1964, с. 88—91]. Так, винодельня была обнаружена и на городище Тортколь (Нижний Барсхан) в Таласской долине [Сенигова, 1972, с. 68]. Таким образом, раскопки виноделен, находки зерна, семян садовых и бахчевых культур свидетельствуют о подсобных занятиях горожан полеводством, садоводством, бахчеводством.

Городская культура: составные компоненты и проблема культурного синтеза

В свое время, основываясь на сведениях письменных источников, В. В. Бартольд считал, что городская культура на территории Семиречья появилась вследствие согдийской колонизации [Бартольд, т. 2, ч. 2, с. 265—302, 461—470]. А. Н. Бернштам, привлекая археологический материал, памятники оседлой культуры Семиречья относил к согдийцам, а памятники кочевой культуры — к тюркам [Чуйская долина, с. 145—147]. С. Г. Кляшторный пишет о федерации согдийских городов в Семиречье. По его мнению, Сюань Цзянь, называя страну Сули в границах от города Суй-е до княжества Гэшунанна (Кушания), не находил этниче-

ского различия между населением семиреченских городов и населением собственно Согда [1964, с. 123—135].

Существует и другая точка зрения на происхождение городской культуры Семиречья и Южного Казахстана. Е. И. Агеева считает, что Южный Казахстан и Семиречье «не были объектом колонизации Согда и Хорезма, а самостоятельным с особой экономикой и культурой регионом» [1962, с. 215]. По мнению Т. Н. Сениговой, Тараз и города его округа возникли на местной тюркско-карлукской основе их населения [1972, с. 205].

На наш взгляд, игнорировать роль согдийского населения в сложении городской культуры Семиречья нельзя. Есть прямые указания письменных источников на расселение согдийцев в Семиречье и дальше по трассе Шелкового пути, где ими был основан ряд городов [Нершахи, 1897, с. 12—13; Pulleyblank, 1952, p. 317—356; Pelliot, 1916, p. 116—123; Giles, 1930, p. 825—846]. Согдийцы играли значительную роль в истории Центральной Азии [Гафуров, 1972, с. 260—261], в том числе Южного Казахстана и юго-западного Семиречья. Ряд городов — Испиджаб, Шавгар, Навакет, Кирмирау, Бунджикет — носит согдийские названия. Об остатках согдийского населения в XI в. в Баласагуне, Таразе и Испиджабе сообщает Махмуд Кашгарский [Волин, 1960, с. 84]. Однако считать, что «земледельческая культура на юг Казахстана и в Семиречье была привнесена выходцами из Мавераннахра, подобно тому как в новейшее время такие же колонии были основаны жителями Кокандского ханства» [Бартольд, т. 2, ч. 1, с. 32], на наш взгляд, неверно. Неправильно также и прямолинейное решение этого вопроса, а именно, что оседлая культура в регионе была согдийской, а кочевая — тюркской [Чуйская долина, с. 72—73].

Сейчас, с накоплением новых материалов, возможен иной подход к проблеме — с позиций выделения составных компонентов в раннесредневековой культуре Южного Казахстана и Семиречья и выяснения интегрирующей роли согдийского культурного комплекса как более всего отвечающего эталонам урбанизированного общества. Такой подход к этой проблеме предлагает В. М. Массон [1979, с. 5].

В настоящее время благодаря интенсивным исследованиям в Пенджикенте, на Афрасиабе, Шахристане и других городищах отчетливо выделяется согдийский культурный комплекс, который связан с раннесредневековым городом. В согдийском культурном комплексе находит воплощение и функция города как центра административной власти, центра ремесла, торговли и сельского хозяйства. Показательно сложение городского быта, который в археологических материалах представлен устойчивыми канонами жилой архитектуры, терракотой, керамическими комплексами, надписями на керамике, монетами, погребальными сооружениями и обрядом захоронения.

Присутствие согдийского культурного комплекса отмечено в памятниках юга Казахстана и юго-западного Семиречья. Для городищ юго-западного Семиречья и отчасти Южного Казахстана характерен прямоугольный план, близкий топографии согдийских городов. По мнению

В. Л. Ворониной, это свидетельствует о единовременной регулярной застройке города [1959, с. 103]. Такая топография присуща прежде всего городищам, отождествленным с городами, носящими согдийские названия, — Испиджабу, Красной Речке — Навакету, Кысмычи — Бунджикету.

Согдийской является архитектура цитаделей Баба-Ата [Агеева, 1962, с. 120—134], Куйрук-тобе [Байпаков, 1981, с. 431—432], Красно-реченского и Луговского замков [Чуйская долина; Байпаков, 1966а, с. 61—66]. В сооружении их могли участвовать строители из Согда. Архитектура одного из буддийских храмов на Ак-Бешиме близка архитектуре пенджикентских храмов. Второй храм, по мнению исследователей, возведен согдийскими мастерами [Кызласов, 1959, с. 193—198; Зяблин, 1961, с. 59—60]. Аналогичная архитектурная традиция характерна для буддийских храмов на Красной Речке [Горячева, Байпаков, 1981, с. 484].

Широко распространена согдийская керамика с надписями [Сенигова, 1972, с. 110; Распопова, 1960, с. 138—163; Байпаков, 1966а, с. 66; 1972, с. 96].

Терракота, близкая или тождественная согдийской, обнаружена при раскопках Куйрук-тобе, Тараза, Краснореченского городища [Сенигова, 1972, табл. II; Бернштам, 1948а, с. 61—65].

По мнению исследователей, монеты тухусов и тюргешей были заимствованы тюрками у согдийцев [Смирнова, 1963, с. 54]. По-согдийски выполнены надписи на монетах Отрара.

Первым официальным письмом у тюрков было согдийское, а древнетюркская руника, видимо, сложилась на базе согдийского алфавита не позднее первой половины VII в.

Раскопки некрополей южноказахстанских и семиреченских городищ выявили группу захоронений VI—VIII вв. в погребальных сооружениях — наусах. Захоронения совершались в виде трупоположения на суфах внутри наусов [Нурмуханбетов, 1970, с. 108—120; Максимова, 1974, с. 95—118] и в виде погребений костей в оссуариях [Чуйская долина, 1950, с. 31—32; Горячева, Береналиев, 1979, с. 590—591]. Аналогичные погребальные сооружения и обряд характерны для Согда [Ставиский, Большаков, Мончадская, 1953, с. 65—95].

Распространение согдийского культурного комплекса было не только результатом непосредственного расселения согдийцев, о чем достаточно четко свидетельствуют письменные источники, оно отражало процесс культурной интеграции. Согдийским образцам как эталонам подражали в Чаче, на юге Казахстана и в Семиречье.

Одновременно с согдийским распространяется и тюркский культурный комплекс. Тюркские названия носят города Джикиль [Бартольд, т. 5, с. 585], Барсхан [Агаджанов, 1969, с. 110], Кулан [Древнетюркский словарь, с. 465], Мирки [Толстов, 1947, с. 81], Сарыг [Зуев, 1960, с. 119—120; Бартольд, т. 5, с. 395—396]. Тюркское влияние все отчетливее обнаруживается при исследовании материальной культуры не только юго-западного Семиречья и Южного Казахстана [Андрианов, Левина, 1979,

с. 96—97], но и Ферганы, Усрушаны, Тохаристана, Согда [Гафуров, 1972, с. 222—223]. Под воздействием тюрков вырабатывались новые типы вооружения, украшений и металлической посуды, которые распространялись на обширной территории Евразии в воинской, аристократической среде раннефеодального общества [Распопова, 1970, с. 86]. В росписях Пенджикента и Варахши вооружение согдийцев повторяет вооружение тюркского воина, известное по археологическим находкам, каменным изваяниям.

Тюркское влияние проявилось в согдийских металлических кружках, а через них — в керамике [Маршак, 1965, с. 25—26]. Велико было тюркское воздействие на искусство, имело место взаимовлияние тюркской поэзии и эпоса и литературы среднеазиатских народностей [Гафуров, 1972, с. 223].

В результате в VI — первой половине IX в. складывается своеобразный культурный комплекс, который можно назвать тюркско-согдийским. Одно из проявлений его сложения — единообразие городской культуры Согда, Мавераннахра, Южного Казахстана и Семиречья. Видимо, известные слова Сюань Цзяня о стране Сули (Согд) в пределах от Чу до Байсунских гор — это не столько отражение этнических границ, сколько указание на культурно-историческую область, где согдийско-тюркские эталоны играли определяющую роль [Массон В. М., 1979, с. 6].

Следует, однако, подчеркнуть, что интенсивный тюрко-согдийский культурный синтез протекал на фоне этногенетических процессов. О согдийском переселении в Семиречье писалось. Проникновение тюрков в Среднюю Азию, участие их в политической и культурной жизни хорошо известно и засвидетельствовано письменными источниками [Гафуров, 1972, с. 222—223]. С подчинением Средней Азии тюркам последние влиялись в число знати и рядового населения. Предшественник Диваштича носил тюркское имя Чакин Чур-Бильга [Лившиц, 1977, с. 44]. Правителем Усрушаны был тюрк Карабугра [Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973, с. 147]. Согдийцы Дунхуана, переселившиеся сюда из Согда в VII—VIII вв., в большинстве носили тюркские имена, причем имена они приобрели еще в метрополии [Чугуевский, 1971, с. 153].

Источники констатируют этническое смешение тюрков и согдийцев. В «брачном контракте» из Мугского архива фиксируется брак тюрка Ут-тегина и согдианки Дугдгончи, которые в документе выступают как представители общей знати [Юридические документы и письма, с. 17—45]. Известно, что вожди антикитайского восстания 755 г. Ань Лушань и Шы Са Мин были согдийцами по отцу и тюрками по матери [Кляшторный, 1964, с. 96].

В данной связи приобретает интерес находка захоронения VIII в., совершенного по тюркскому обряду, на городском некрополе Красной Речки: в могиле вместе с конем погребены тела мужчины и женщины.

Совместное участие согдийцев и тюрков в политической и культурной жизни городов подтверждается содержанием росписей Афрасиаба и Пенджикента, где изображаются и тюрки, и согдийцы [Альбаум, 1975, с. 36].

Новые археологические материалы позволяют существенно дополнить картину этнической ситуации в Южном Казахстане. Так, на резной доске из цитадели Куйрук-тобе изображены тюрки с явными монголоидными чертами: широкие безбородые лица, плоские носы, глаза с косым разрезом. Внешний облик их близко напоминает тюрков из свиты самаркандского царя Вархумана на росписях Афрасиаба и тюрков в сцене погребения из Пенджикента, сопоставляемой Л. И. Альбаумом с похоронами тюркского правителя Чакын Чур-Бильги [1975, с. 36]. Аргументом в пользу тюркской принадлежности персонажей на резной доске из Куйрук-тобе может служить и одежда — халаты с отворотами и запахом на правую сторону. Именно такую одежду «носят» древнетюркские каменные изваяния из Семиречья и Южного Казахстана, в подобные халаты одеты тюрки на росписях Афрасиаба [Шер, 1966, табл. II, III, IV; Альбаум, 1975, с. 32, рис. 7, 8, 19].

Гривна в виде прута с двумя шариками на концах на одном из персонажей аналогична гривнам на тюрках в росписях Афрасиаба [Альбаум, 1975, с. 32—33]. Серьги в виде шарика на стерженьке, украшающие уши куйрукских изображений, находят аналоги в соответствующих аксессуарах каменных изваяний Семиречья [Шер, 1966, табл. XVII].

При объяснении синкретического характера раннесредневековой культуры Южного Казахстана и Семиречья необходимо учитывать традиции культуры каунчинской, отарско-каратауской, джетыасарской, усуньской.

Топография большинства южноказахстанских городищ характеризуется округлыми в плане очертаниями, что свидетельствует об их связи с топографией более ранних поселений сырдарьинских культур. Большинство городищ как бы наследуют топографию ранних поселений первой половины I тысячелетия н. э., на которых они «стоят».

Преемственность прослеживается в характере городской застройки, интерьере жилищ. Исследование Л. М. Левиной керамики Сырдарьи позволило сделать крайне важный вывод о том, что до VIII в., а в низовьях Сырдарьи до IX в. сохранялся основной пласт населения [Левина, 1971, с. 242]. Устойчивая традиция, которая наблюдается на Сырдарье в производстве посуды с изображениями баранов и бараньих рогов в качестве ручек, тоже свидетельствует об этнической преемственности населения [Байпаков, 1980, с. 32—45].

В письменных источниках I тысячелетия н. э. население присырдарьинских районов называлось «люди Канга» — кенгересы — кангары. И. Маркварт, а вслед за ним В. В. Бартольд сопоставили название кангар с древним названием Сырдарьи (Канг). Кенгересы, по их мнению, тождественны кангарам — печенегам, упомянутым в трактате Константина Багрянородного. Кангаров они помещали в Приаралье в низовьях Сырдарьи [Бартольд, т. 4, с. 404—405]. С. Г. Кляшторный считает, что кангары — кенгересы расселились на Средней Сырдарье и что здесь в VIII в. сформировалось территориальное и политическое образование Кангу-Тарбан под общим сюзеренитетом печенежских племен. Исследователь доказывает, что Кангу-Тарбан является «наследником» государ-

ства Кангюй (Кангха), центр которого в конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э. располагался на Средней Сырдарье.

Представляется интересным мнение С. Г. Кляшторного о преемственности древнего и средневекового населения Сырдарьи в рамках Кангюя (Кангхи) — Кангу-Тарбана [Кляшторный, 1964, с. 177—178]. С этих позиций становится более понятной роль и значение традиций в сложении городского культуры Южного Казахстана.

Археологические материалы, характеризующие оседло-земледельческую линию усуньской культуры в Семиречье, пока малочисленны. Однако уже сейчас открытие поселений Кзыл-Кайнартобе и Чолтобе в Таласской долине [Мерсчиев, 1970, с. 93], выявление слоев первых веков на городище Тараз [Мерсчиев, 1968, с. 37—50] свидетельствуют о более ранних, нежели казалось раньше, традициях оседлой жизни, строительства и архитектуры. Правда, здесь местные традиции были слабыми, они не получили столь мощного развития, как на юге Казахстана и поэтому были заглушены мощным потоком инноваций, хлынувшим сюда вместе с распространением тюркско-согдийского культурного комплекса.

Синкретический характер раннесредневековой культуры Южного Казахстана и Семиречья нашел яркое отражение в религиозных верованиях городского населения. В среде его получили распространение языческие культы, наряду с которыми существовали буддизм, манихейство, христианство.

Наглядное представление о религиозной общности области и Согда дают находки резного дерева с изображениями одних и тех же божеств.

В Южном Казахстане следы распространения культа огня зафиксированы на городище Баба-Ата, где в центральном зале дворца обнаружен толстый слой стерильной золы, что позволяет предположить отправление здесь обрядов, связанных с огнем [Агеева, 1962, с. 129—131]. К элементам зороастризма можно отнести изображения барана и бараньих рогов на керамике сырдарьинского района, продолжающей традиции «керамики с зооморфными ручками» более раннего времени [Байпаков, 1980, с. 32—35]. Последняя, по мнению Б. А. Литвинского, у кангюйских племен связана с распространением зороастризма, в котором образ барана мог быть инкарнацией божества фарна [Литвинский, 1968, с. 110].

О зороастрийских оссуариях и культовых предметах, связанных с зороастризмом в Семиречье, подробно писал А. Н. Бернштам [1952, с. 132—139].

Более широкое, чем считалось раньше, распространение в Средней Азии получил буддизм [Ставиский, 1960, с. 115]. Буддийские миссионеры проникли в Семиречье вместе с потоком согдийских переселенцев. В первой половине VIII в. некоторые правители западных тюрков становятся буддистами или покровительствуют этой религии. А. Габэн связывает распространение буддизма у тюрков с переходом их к оседлости [Gabaïn, 1961, p. 506]. Б. А. Литвинский учитывает и политические причины — необходимость управлять населением, в среде которого была сильна буддийская религия [Литвинский, Зеймаль, 1971, с. 120].

Манихейство также оказало сильное влияние на тюрков и согдийцев. Хакан западных тюрков в VIII в. покровительствовал манихеям Востока [Gabaïn, 1961, p. 506—507]. Манихейская «Священная книга двух основ», написанная в первой половине VIII в. для того, чтобы «пробудить (веру) в стране десяти стрел», писалась в Аргу-Таласе (Таразе). В книге перечисляются города Семиречья, где имелись манихейские общины — Иаканкент, Ордукент, Чигильбалык [Кляшторный, 1964, с. 131].

Христианство было привнесено в семиреченские города сирийцами-несторианами, которые массами двинулись на восток — в Среднюю Азию, Монголию, Китай после того, как в 431 г. на третьем вселенском соборе несторианство было осуждено как ересь. Через сирийцев христианство было распространено в среде тюрков и согдийцев [Пигулевская, 1979, с. 14, 23—24].

Согласно источникам, на рубеже VIII—IX вв. была образована особая карлукская митрополия [Кляшторный, 1955, с. 168]. В Таразе и Мирки действовали христианские церкви [Бартольд, т. 2, ч. 2, с. 287]. Археологические материалы также свидетельствуют о христианстве в Семиречье. Христианская церковь и кладбище раскопаны на Ак-Бешиме [Кызласов, 1959, с. 231]. На Краснореченском городище найдены нательные кресты из нефрита и бронзы. В Семиречье были изготовлены серебряные блюда с сюжетами из раннехристианской иконографии [Даркевич, Маршак, 1974, с. 213—232]. В Южном Казахстане на городище Тортколь Балыкчи найден каменный сосуд с христианскими символами [Ремпель, 1983, с. 176]. Следуя за Б. А. Литвинским, который писал, что «в Средней Азии в VI — начале VII в. мы находим подлинный конгломерат религий, сражающихся за умы и души населения» [Литвинский, Зеймаль, 1971, с. 123], можно распространить это положение на Южный Казахстан и Семиречье. Следовательно, можно констатировать, что сходство городской культуры раннего средневековья Южного Казахстана, Семиречья, Согда, Усрушаны, Шаша нельзя объяснить только этногенетическими процессами — тюркизацией либо согдийской колонизацией.

На юге Казахстана и в Семиречье в раннем средневековье сложилась синкретическая культура, которая интегрировала в себе культурные достижения Согда, тюркский культурный комплекс и традиции земледельческо-скотоводческих культур каунчинского облика. Наиболее ярко это проявляется в культуре города.

Близость топографии, архитектуры, резного дерева, керамики, вооружения, украшений, монет, религиозных представлений городов Южного Казахстана и Семиречья и городов Средней Азии может быть объяснена тем, что культурные достижения Согда являлись своеобразным эталоном для горожан Южного Казахстана и Семиречья, которому подражали.

Глава IV.

РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ IX—НАЧАЛЕ XIII В.

Политическая история региона

Арабское завоевание оказало огромное влияние на жизнь Среднеазиатско-Казахстанского региона, изменило политическое и социально-правовое положение отдельных групп общества. После разгрома восстания Муканны в истории Средней Азии начинается экономический подъем, особенно усилившийся в пору наместничества ал-Мамуна в Мерве (809—818 гг.). Постепенно восстанавливается и независимость Средней Азии, вместо множества мелких княжеств, существовавших здесь в доарабское время, появляется централизованное государство Саманидов с развитым административным и фискальным аппаратом [Большаков, 1973, с. 143—162].

Районы Южного Казахстана и Семиречья не попали под власть арабов, поскольку последние ограничились лишь несколькими походами и достигли Шавгара на северо-западе и Кулана на северо-востоке.

Во второй половине VIII в. господство здесь захватили карлуки. И тем не менее арабское завоевание имело и для этих районов важные последствия. Связанные традиционными экономическими отношениями со Средней Азией, Южный Казахстан и Семиречье испытали влияние арабской культуры, которая распространялась прежде всего в среде городского населения.

Подчинение Саманидами Испиджаба, Фараба, Тараза, Шельджи во второй половине IX в. способствовало более интенсивному распространению ислама среди городского и кочевого населения области [История Казахской ССР, т. 1, с. 350—353]. Показательно, что Испиджаб назван «местом войны за веру» [Волин, 1960, с. 81]. В Таразе и Мирках христианские церкви были перестроены в мечети [Волин, 1960, с. 76, 78, 82].

В Фарабе находились отряды мусульман и тюрок-карлуков [МИТТ, т. 1, с. 144].

Несмотря на борьбу карлуков и Саманидов за власть в области, активно функционирует Шелковый путь, а южноказахстанские и семиреченские города на нем так же хорошо известны в Багдаде, как в Испиджабе Нахшеб, Самарканд и Бухара, а в Шельджи — Исфаган [Волин, 1960, с. 80, 81].

В середине X в. на территории Семиречья и юга Казахстана возникло государство Караханидов. В 999 г. Караханиды захватили Бухару и подчинили себе владения Саманидов. При Караханидах Семиречье находилось в составе Восточного, а часть Южного Казахстана — в составе Западного владения [История Казахской ССР, т. 2, с. 18]. Кроме того, внутри обоих владений имелись уделы.

Караханидские ханы стремились к централизации власти, борясь с феодалами-кочевниками и верхушкой оседлого общества [История таджикского народа, т. 2, кн. 1, с. 239]. Однако междоусобицы, войны с соседями привели к тому, что в первой половине XI в. государство Караханидов фактически сошло с исторической сцены.

Часть Южного Казахстана и прежде всего нижнее течение Сырдарьи входили в конце IX—X в. в состав державы огузов, столицей которой был город Янгикент. Огузам принадлежал ряд городов на Средней Сырдарье — Карнак, Карачук, Сюткент [Агаджанов, 1969, с. 94].

Крайние северо-восточные районы Семиречья в IX—XI вв. принадлежали кимакам, столица которых находилась на Иртыше [Кумекоев, 1972, с. 108].

В результате гибели Караханидского государства политическое главенство в области захватили каракитаи, ставка которых располагалась вблизи Баласагуна. Каракитаи, бывшие в основной своей массе кочевниками, ограничивались сбором дани с оседлого и местного кочевого населения [МИКК, с. 66].

При Караханидах и каракитаях продолжало существовать независимое владение карлукских джабгу в северо-восточном Семиречье, центром которого являлся город Каялык [Бартольд, т. 2, ч. 1, с. 53].

Усиление феодального гнета, увеличение налогов, межплеменные распри, религиозные притеснения, которые начались с середины XII в., вызвали во владениях каракитаев выступления местного мусульманского населения. Поддержанные Хорезмом, который к тому времени вышел из-под власти каракитаев, восстали жители Баласагуна. Восстание было подавлено, город взят штурмом [Бартольд, т. 2, ч. 1, с. 53—54]. Однако эти события окончательно подорвали силу каракитаев, и власть в юго-западном Семиречье перешла на короткое время к найманам, а районы Средней Сырдарьи захватил хорезмшах Мухаммед, который поставил в сырдарьинских городах своих наместников.

Города, оказавшиеся в пограничной полосе между владениями найманов и хорезмшахов, — Тараз, Сайрам, Усбаникет разрушены по приказу Мухаммеда [Волин, 1960, с. 86—87, 89].

Районы городской культуры Нижней Сырдарьи, входившие в состав

государства огузов, после распада последнего в начале XI в. вошли в состав кипчакских владений. В конце XI в. кипчаки достигли окрестностей Тараза. В северной части Таласской долины им принадлежал город Кенджак-Сенгир [Волин, 1960, с. 84]. В середине XI в. кипчакам удалось создать государственное объединение, которое имело свою правящую династию [История Казахской ССР, т. 1, с. 66—67].

Южный Казахстан и Семиречье, как и Мавераннахр, распались на ряд уделов с различной степенью зависимости от верховной власти. Единственной реальной силой являлось войско кочевников, а господствующим сословием — военная аристократия. Государственный же аппарат находился в руках чиновников из местных землевладельцев и горожан.

Политическая раздробленность, однако, не оказала существенного влияния на экономическое и культурное единство Средней Азии и Казахстана. Происходит процесс укрепления феодальных отношений, наиболее четко проявившихся в государстве Караханидов. По мнению В. В. Бартольда и А. Ю. Якубовского, в это время победила удельная система, а икта стала господствующей формой землевладения [Бартольд, т. 1, с. 330, 367; Якубовский, 1949, с. 39—40]. Большаков О. Г. считает, что икта не получила здесь широкого распространения [1973, с. 134]. Осторожно к вопросу об икте в государстве Караханидов подходит Е. А. Давидович [1983, с. 4—5].

В целом наблюдается подъем экономики, развиваются ремесла и торговля, растут города [Большаков, 1973, с. 134—135; Гафуров, 1972, с. 134—135].

Подъем и развитие городской культуры в Южном Казахстане и Семиречье подтверждаются новыми археологическими материалами.

Вопросы хронологии, археологические комплексы

Археологический комплекс Южного Казахстана второй половины IX—X вв. Развитие материальной культуры Южного Казахстана выразилось в формировании нового археологического комплекса (рис. 31).

Археологический комплекс этого времени получен при раскопках городищ Отрар-тобе и Куйрук-тобе. Датировка его основана на находках монет — саманидских фельсов конца IX — первой трети X в. из Самарканда, Усрушаны, Шаша и Бухары, а также чеканенных в Фарабе при Саманидах [Байпаков, Настич, 1978, с. 44—50; Настич, 1980, с. 163, 165].

В строительстве домов используется прямоугольный сырцовый кирпич размером 43—44×23×9—10 см, в сооружении общественных зданий впервые стал применяться жженный кирпич размером 22—24×22—24×4—5 см и прямоугольный кирпич размером 11—12×22—24×4—5 см. Появляются общественные постройки — мечети, бани. Получают распространение мусульманские захоронения в склепах.

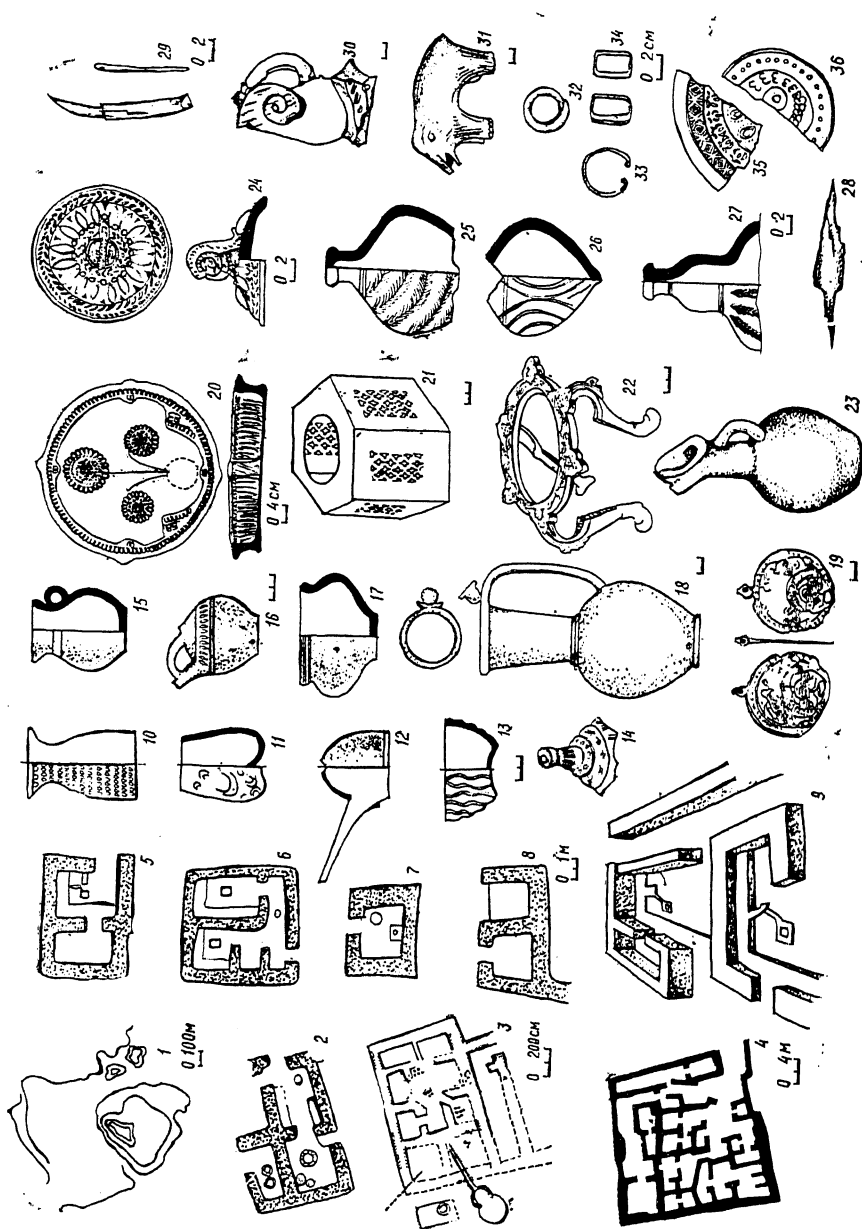

Рис. 31. Археологический комплекс IX — начала XIII в. Южного Казахстана

Керамика этого времени делится на неполивную и поливную. Около 25% всего материала составляет лепная керамика. Она представлена горшковидными и кринкообразными сосудами, кружками, крышками.

По-прежнему распространены очажные подставки с прорезанным елочным орнаментом на поверхности. Многие из них имеют зооморфный вид (рис. 32, 20).

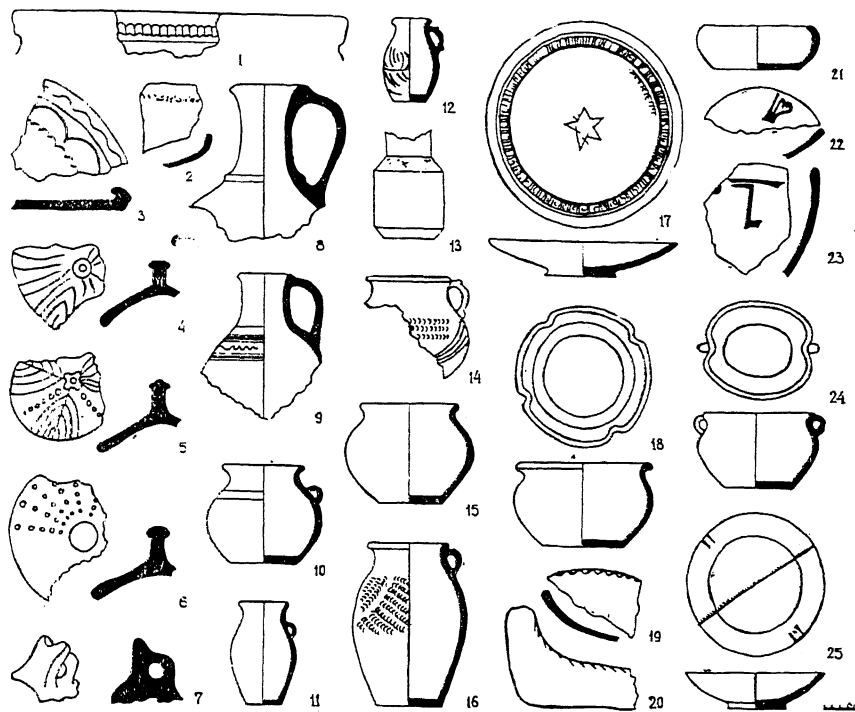

Рис. 32. Керамика Южного Казахстана IX—X вв.

Горшки и кринки сделаны из рыхлого теста, обжиг черный, темно-красный, коричневый. Тулово горшков покато, шейка выделена. На стенках наклепные ручки. Горшки и кринки украшались наклепными валиками с насечками. На кринках встречаются скобообразные насечки, покрывающие все тулово сплошь. Сосуды этой же формы использовались в качестве столовой посуды. Тулово сосудов покрывалось красноватым или светло-желтым ангобом с подлощением (рис. 32, 14, 16).

Многочисленную группу лепной керамики составляют крышки с наверхиями в виде стилизованных фигурок барана, рогатых зооморфных выступов. Сами крышки украшены резным и штампованным орнаментом. Это прорезные ветки, листья, растения, расположенные симметрично (рис. 32, 3—7).

По-прежнему бытует керамика с зубчатыми ручками, красным и черным лощением и продавленным геометрическим орнаментом.

Керамика, сделанная на круге, представлена хумами с прямой цилиндрической горловиной и прямым утолщенным венчиком с пальцевыми вдавлениями в два или три ряда. Профиль венчика подпрямоугольный.

Встречены сосуды типа ямов с суживающимися ко дну стенками и двумя налепными ручками под венчиком. Снаружи такие сосуды украшались прорезными концентрическими линиями, внутренняя поверхность покрывалась красным ангобом.

Кувшины водоносные и столовые. Водоносные кувшины крупные по размерам, высотой до 40 см, с широким горлом, имеющим слив. Коленчатая ручка соединяет горло и плечики. Столовые кувшины — узкогорлые и широкогорлые. Характерной деталью их является коленчатая ручка, овальная в сечении, с продольным ребром. Украшены кувшины прорезными концентрическими и волнистыми линиями, оттисками штампов в виде овалов, обрамленных горошинами вдавлений, в сочетании с выемчатой резьбой в виде треугольников и овалов. Кувшины покрывались снаружи светлым и красным ангобом с лощением. Известны кувшины со сливами, оформленными в виде головы быка, широко распространенные в Пенджикенте в VII—VIII вв. [Бентович, 1964, рис. 27].

Распространены миски с плавно расходящимися стенками, с переломом у венчика. Поддоны у них дисковидные, стенки иногда имеют снаружи волнистый профиль (рис. 32, 18). Встречаются миски с волнистым краем. Волнистый край имеет и группа кружек, известных по более раннему керамическому комплексу. Есть кружки с прямыми стенками и площадкой над ручкой, также распространенные в раннесредневековое время. Эти согдийские формы, исчезнувшие к этому времени в Согде и Чаче, продолжают бытовать в материалах южноказахстанских городищ.

Достижением особой важности явилось изобретение и распространение глазурованной посуды, которая стала не только показателем историко-культурных связей, но и важным датирующим материалом.

О времени появления поливной керамики в городах Средней Азии единого мнения нет. Называются VIII, середина и конц IX в. [Ташходжаев, 1967, с. 9; Вактурская, 1959, с. 268; Ахраров, 1965, с. 151—152]. О. Г. Большаков полагает, что производство глазурованной керамики было заимствовано среднеазиатскими гончарами из Ирана во второй половине VIII в. [1973, с. 275].

Поливная керамика проникла в Южный Казахстан из Средней Азии в IX—X вв. Это посуда с зеленой поташной поливой, с белым фоном и подглазурным рисунком в виде зубчатого бордюра, стилизованных цветов, аналогичная афрасиабской IX—X вв. из коллекции Эрмитажа [Большаков, 1954, с. 8]. Есть группа керамики с черным фоном под свинцовой прозрачной глазурью. В качестве орнамента используются арабские надписи (рис. 32, 17, 21—23).

В целом в керамическом комплексе этого времени уменьшается доля лепной керамики, стандартизируется производство кувшинов, чаш, ху-

мов, появляется поливная керамика. Сохраняется традиция производства «согдийских» кружек и чаш с волнистым краем.

Археологический комплекс Южного Казахстана X—XI вв. получен при раскопках жилых кварталов Куйрук-тобе и бани Отрара (рис. 33). Керамика из заполнения помещений, с полов, из мусорных ям датируется монетами «караханидского облика», близкими ферганскому чекану второй четверти XI в. и дирхемам бухархудатского типа, имевшим хождение с XI до середины XII в. [Настич, 1980, с. 165].

Жилые постройки сооружались из сырцового кирпича размером $38 \times 20 \times 10$ —12 см. При возведении общественных построек использовался жженный кирпич размером $22 \times 26 \times 4$ —6 см, его половин-

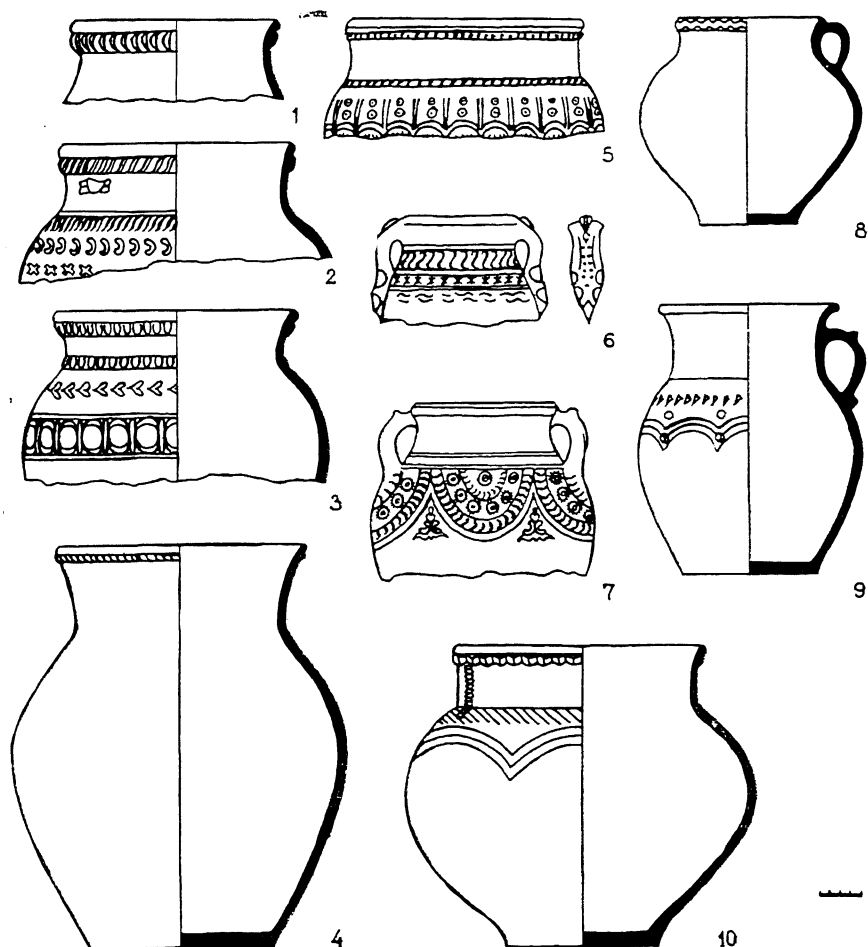

Рис. 33. Керамика X—XI вв. из Отрара, Куйрук-тобе

ный прямоугольный формат и кирпич размером 45×45×6 см. Захоронения совершались по мусульманскому обряду в склепах из сырцового кирпича. Мелкая пластика представлена фигурками баранов — наверхиями крышек. Они не стливаются от таких же изделий более раннего времени.

Многочисленную группу находок представляют изделия из стекла — графины, кувшины, чаши, бокалы, флаконы, аламбики.

Керамика характеризуется стандартными типами кувшинов, чаш, мисок, светильников. Лепной керамики нет — вся она изготавливается на гончарном круге, в том числе и сферические крышки, массивные достарханы, горшки. Много поливной посуды, теперь она становится массовым видом гончарной продукции.

Хумы имеют яйцевидное тулово и отогнутый венчик, прямоугольный в сечении. Встречены хумчи, тагоры, ямы, покрытые светлым ангобом, иногда с потеками и брызгами краски.

Кувшины водоносные и столовые. Большинство столовых кувшинов узкогорлые с удлиненным яйцевидным туловом, украшенным прорезными концентрическими или волнистыми линиями. Коленчатая ручка соединяет горло и плечики. Кувшины покрывались светлым ангобом, брызгами и потеками минеральной краски.

Выделяется группа широкогорлых крупных кружек с ручкой, соединяющей венчик и плечико, украшенных резьбой (иногда сквозной) и оттисками штампов в виде крестов, кругов, звездочек.

Наряду с полусферическими крышками появляются плоские с овальной или прямоугольной закраиной. Грибовидная ручка их украшена оттисками в виде розеток. Крышки этого типа покрывались ангобом и украшались орнаментальными мотивами, расположенными концентрическими поясами. Орнамент наносился штампом, выемчатой глубокой резьбой, налепами. Элементы его — солярные знаки, скобки, s-видные оттиски, образующие мотив вихревой розетки.

Много достарханов, богато украшенных штампованным, резным и налепным орнаментом растительного, геометрического и зооморфного содержания. Распространено изображение птиц — павлинов, голубей, птиц с хохолками.

Интересную группу составляет кухонная керамика. Это главным образом горшки, банки, покрытые резным и штампованным орнаментом. На плечиках и тулове наносились полуовалы, гирлянды, растительные мотивы (см. рис. 33). Встречены и столовые сосуды такого же типа. Керамика находит близкие аналогии в комплексах кочевнической керамики из Саркела [Плетнева, 1959, с. 231, рис. 15]. Аналогии этой своеобразной группе посуды есть в керамических комплексах огузских городищ низовьев Сырдарьи [Толстов, 1947; Неразик, 1968]. Близкая ей керамика известна из раскопок городищ северо-восточного Семиречья. На наш взгляд, описанная группа керамики принадлежит осевшему в городе кочевому и полукочевому населению.

Керамика, покрытая поливой, представлена чашами, тарелками, блюдами, кружками, крынкообразными сосудами, кувшинами, чирага-

ми. По качеству поливы и цвету фона лицевой поверхности различаются несколько ее типов.

Наиболее распространена керамика с белым ангобированным фоном под свинцовой прозрачной поливой. Для более ранней группы керамики этого типа характерны черный, красный и коричневый цвет подглазурных росписей.

Роспись построена так, что основная орнаментальная полоса, обычно неширокая, до 3 см, составляющая пятую часть всей плоскости чаши, расположена наверху, у венчика. На ней имеются арабские надписи, сделанные куфическим письмом и керамическим курсивом, по терминологии О. Г. Большакова [1954, с. 12]. Обычно вся остальная поверхность чаши свободная, лишь в самом центре расположены завиток, кружок, пятно или запятая (рис. 34, 35). Изготавливалась керамика с пятнистой

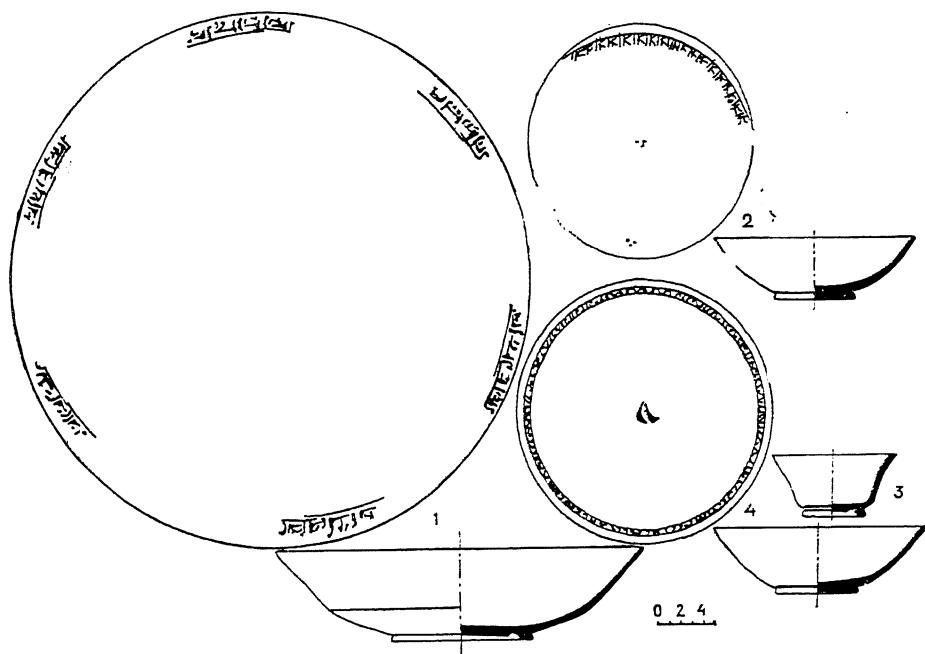

Рис. 34. Поливная керамика Южного Казахстана X—XI вв.

росписью, иногда в сочетании с гравировкой. Встречается керамика с так называемым «пропеллеровидным» орнаментом, керамика с росписью в виде расходящихся от центра пучков растений зеленого цвета.

Особую группу составляет керамика с красным фоном под прозрачной поливой. В росписи участвуют белая и черная краски. В качестве элементов орнамента используются белые точки, медальоны, заполненные надписями, простой буквенный орнамент. Встречается керамика с черным фоном под прозрачной глазурью и росписью белым, в виде рас-

тительных побегов, розеток в сочетании с геометрическим орнаментом. Встречены чаши с арабскими надписями. Есть группа посуды с глухой поливой зеленого и коричневого цвета.

Археологический комплекс Южного Казахстана XII—начала XIII в. получен при раскопках Куйрук-тобе, Оtrar, Баба-Аты, Актобе Чардаринского (см. рис. 31). Для построек этого времени характерен сырцовый кирпич размером $38 \times 20 \times 10$ —12 см, а также жженный кирпич того же формата, что и прежде. Монетный комплекс представлен монетами хорезмшаха Мухаммеда б. Текеша, посеребренными дирхемами Фараба, чеканенными в 1210—1211 гг., и медными дирхемами, битыми в Оtrarе в 1217—1218 гг. [Настич, 1980, с. 163]. Стеклопнная посуда, как и раньше, многочисленна, она не меняется.

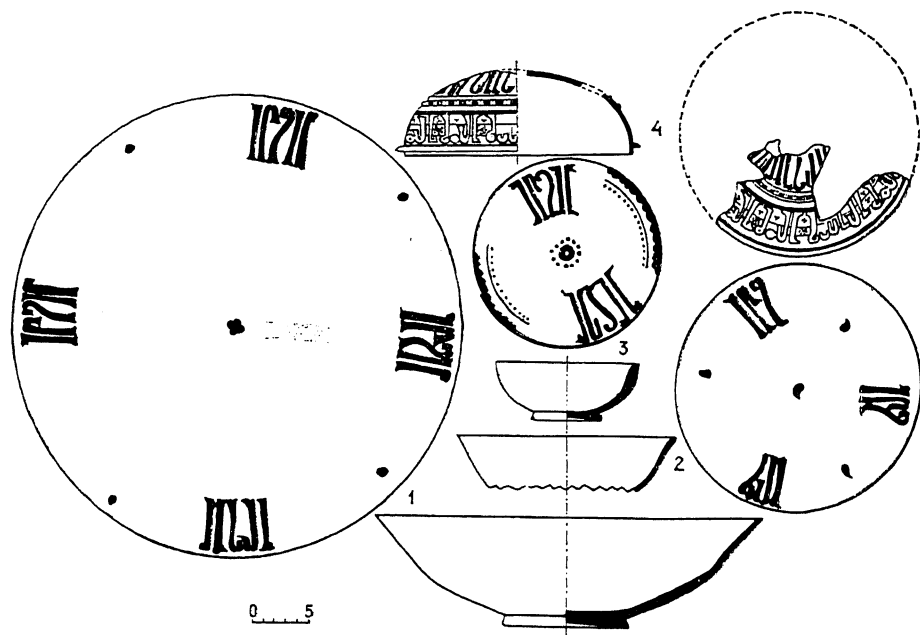

Рис. 35. Поливная керамика Южного Казахстана X—XI вв.

Изменения в неполивной керамике незначительны. Отмечается еще большая стандартизация изделий.

По-прежнему много крышек и достарханов, украшенных резьбой, налепом, оттисками штампов. Элементы орнамента — геометрические, растительные, символические, зооморфные.

Своеобразную группу керамики представляют глиняные сандалы, вмазанные в пол, переносные очажки. Сандалы имеют вид круглых или прямоугольных жаровен с невысокими бортиками (рис. 36). Внутренняя поверхность дна и стенки их украшены штампованными розетками, оттисками солярных знаков, растительным и геометрическим орнаментом,

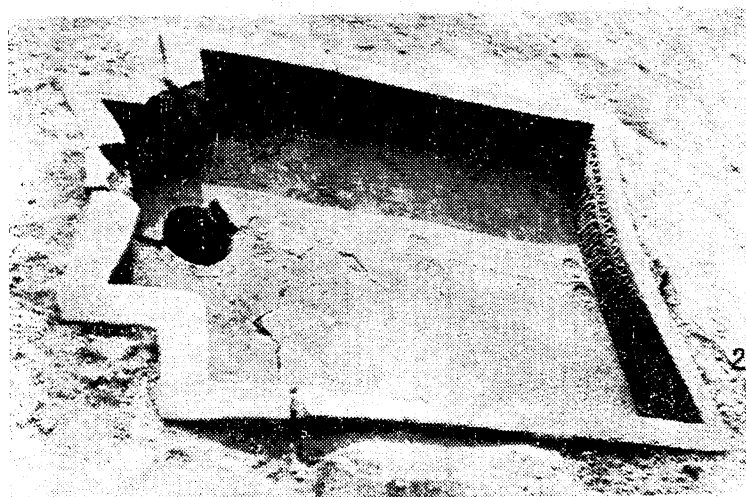
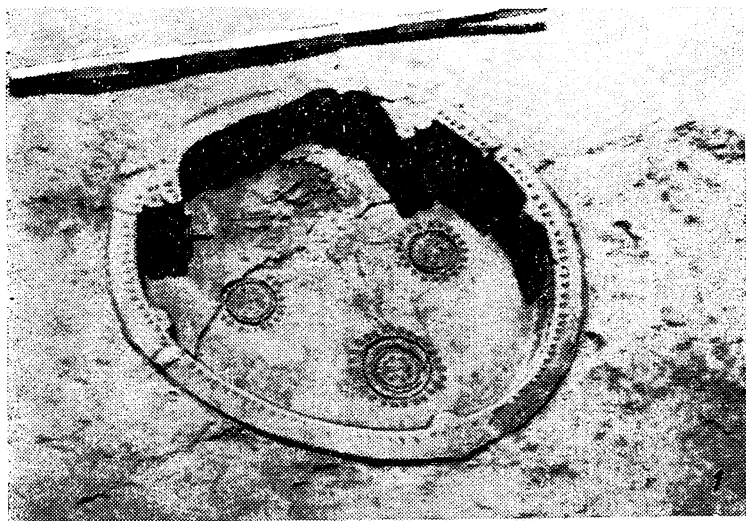

Рис. 36. Очаги XII в.: 1 — с городища Куйрук-тобе, 2 — с Отрапа

образующим в совокупности целостные композиции, несущие определенную символическую нагрузку (рис. 37, 38).

Переносные очажки двух типов: подковообразные, хорошо известные в материалах среднеазиатских городов [Пугаченкова, Ремпель, 1972, с. 206—234], и цилиндрические, в виде тазиков с прямыми стенками, но без дна, опорой им служили массивные выступы внизу. И те, и другие украшены геометрическим и растительным орнаментом.

Новым видом керамики является посуда с росписью минеральными красками — черной и красной. Мотивы орнамента самые разнообраз-

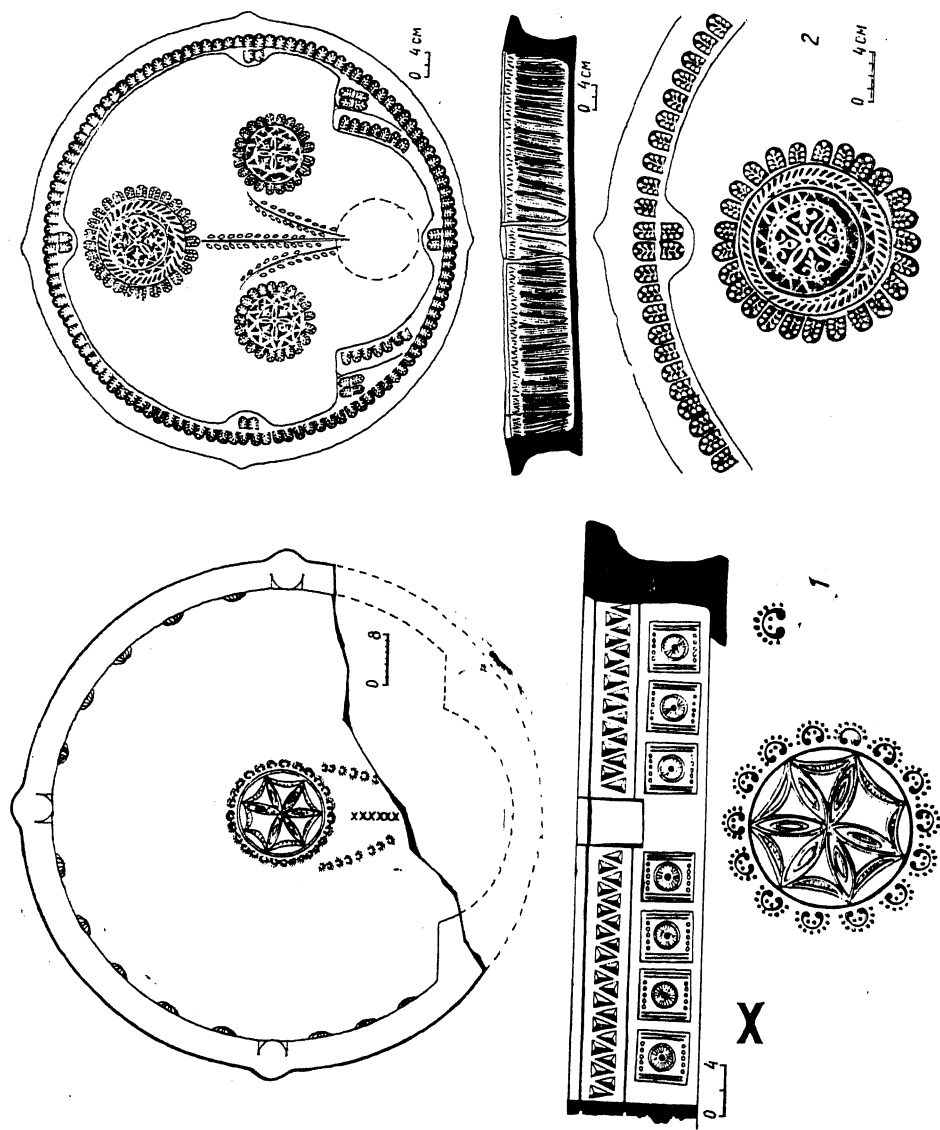

Рис. 37. Очаг-сандалы XII в. из Куйрук-тобе

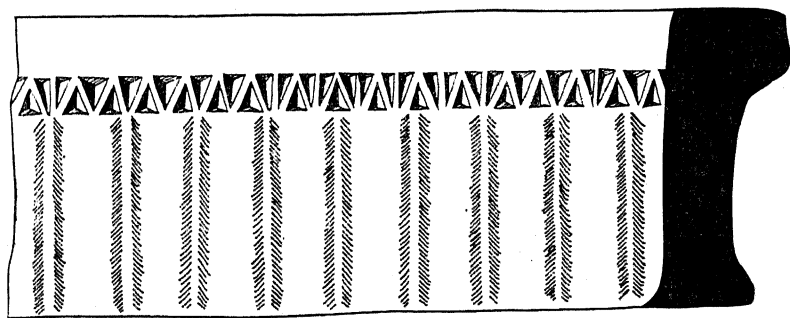
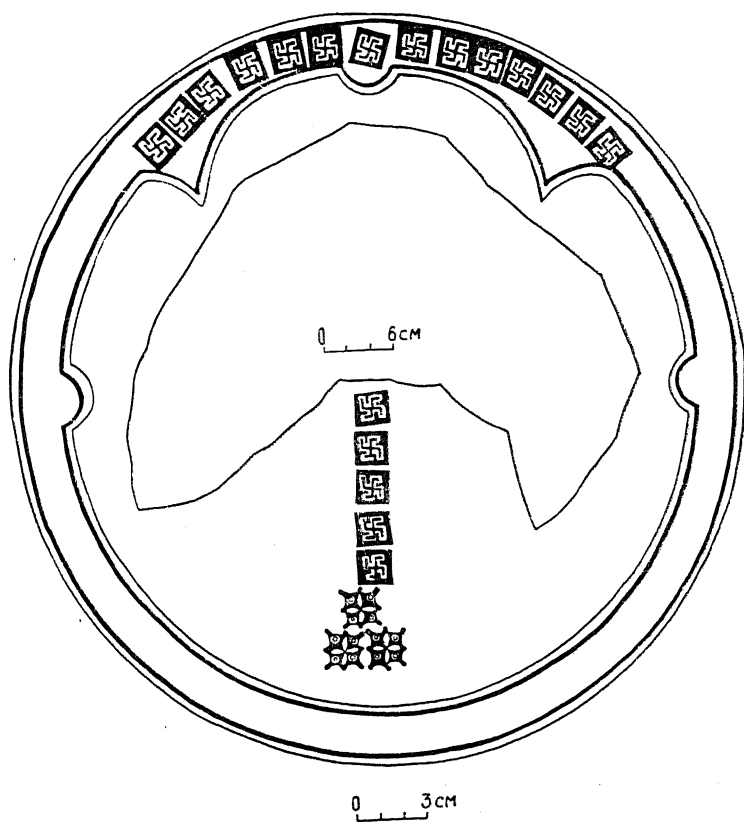

Рис. 38. Очаг-сандал XII в. из Отрара

разные: солярные знаки, струйчатые полоски на ручках кувшинов и кумганов, треугольники, стилизованный эпиграфический узор.

Для поливной керамики характерна дробность орнамента. Он покрывает теперь всю поверхность чаши, блюда, тарелки. Происходит изменение в композиции орнамента: он делится на сектора крестовидными полосами, свастикообразными линиями. Распространяется композиция из вписанных друг в друга треугольника и квадрата. Чаше применяется подглазурная гравировка.

Основным мотивом росписи белофонной керамики XII в. является вихревая розетка в центре дна, выполненная темно-коричневой краской, реже — красной и коричневой. На чашах розетка занимает центр, а иногда почти всю ее поверхность (рис. 39, 40).

Распространяется керамика, покрытая глухой зеленой и темно-коричневой блестящими поливами и росписью с использованием точек в качестве фона.

Чираги XII в. имеют граненое тулово и длинный носик. Ручка петлеvidная или с выступом, на который штампом нанесен растительный орнамент — пальметта, трилистник. Встречаются изображения животных. На пятах двух чирагов имелись изображения сайги.

Глазурованная керамика из Южного Казахстана находит аналогии в комплексах посуды среднеазиатских городов. Как отмечают исследователи, сходство поливной керамики на обширных территориях свидетельствует о тесных экономических и культурных связях и единстве вкусов горожан, ориентирующихся на эталоны ведущих культурных центров [Большаков, 1973, с. 277]. Наиболее близка южноказахстанская посуда керамики Шаша и Ферганы [Буряков, 1982, с. 96—98; Брыкина, 1974, рис. 45—52].

В целом для керамики второй половины IX — начала XIII в. из городов Южного Казахстана характерно переживание форм, бытующих здесь с VI—VIII вв., большое количество богато украшенных крышек и достарханов, которые вместе с горшками, украшенными солярными знаками, переносными и стационарными очажками составляют единый керамический комплекс. Эта керамика, видимо, заменила здесь богатую штампованную посуду городов Средней Азии. Кроме того, широко распространяется посуда, украшенная штампованным, резным, прочерченным и наlepным орнаментом. Она во многом самобытна и дает представление о локальных особенностях развития керамического производства, о вкусах и потребностях местного населения.

Выделяется группа кухонных и столовых изделий (кувшины, горшки, банкообразные сосуды) с резным и прочерченным орнаментом, появление которых связывается с осевшими в городе кочевниками.

Происходит вытеснение посуды, лепленной от руки, стандартизация изделий вследствие более высокой организации ремесла.

Археологический комплекс второй половины IX—X вв. юго-западного Семиречья (рис. 41). Раскопки на цитадели Краснореченского городища свидетельствуют об изменении стандарта сырцового кирпича. Его размеры изменяются, наиболее распространенным становится кирпич разме-

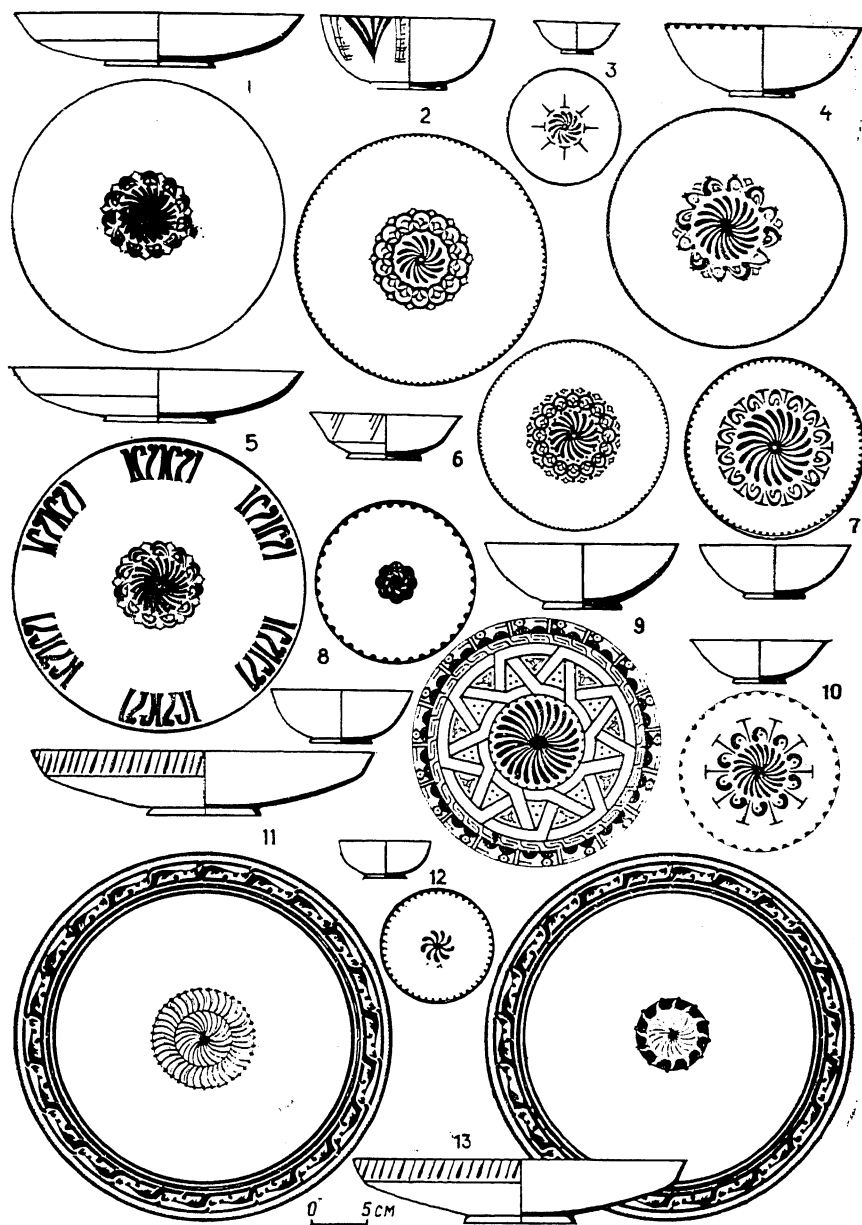

Рис. 39. Поливная керамика Южного Казахстана XII в.

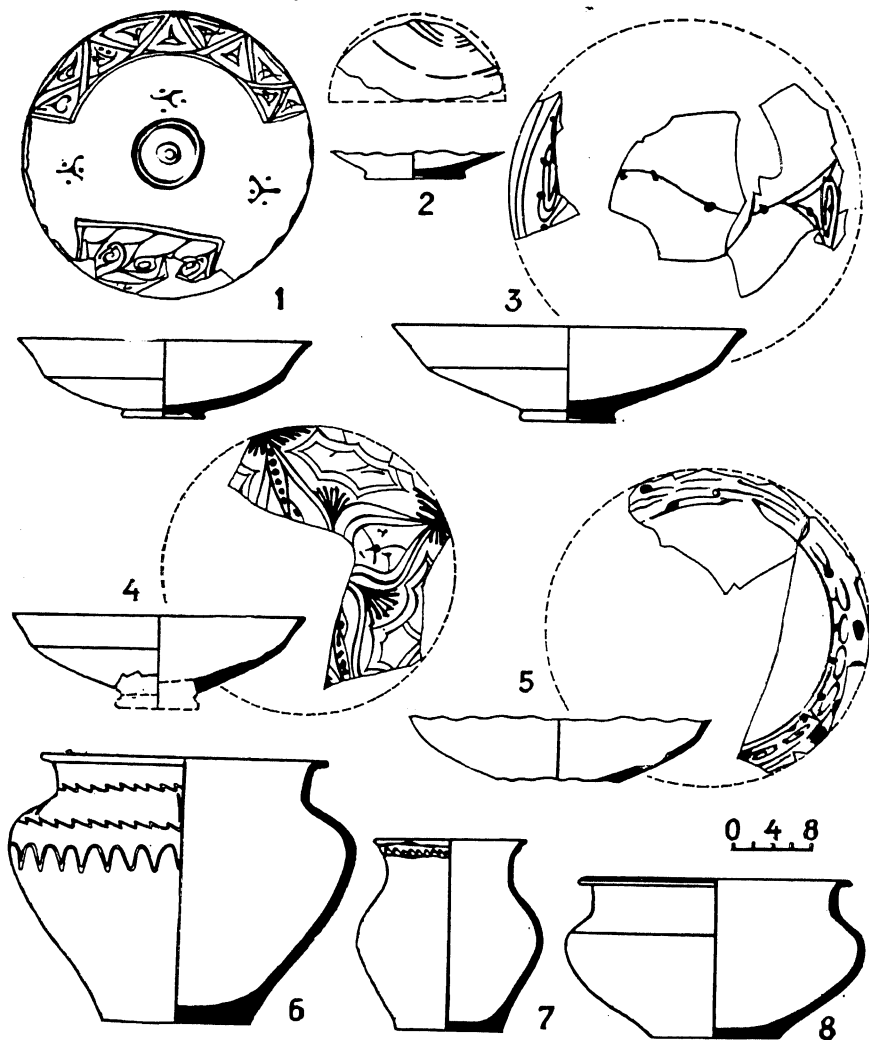

Рис. 40. Поливная керамика Южного Казахстана XII — начала XIII в.

ром 38×26×8 см. В слоях этого периода на городищах Красная Речка, замка Луговое А по-прежнему встречаются монеты тюркешей и тухусов, но известны случайные находки саманидских фельсов.

Керамика получена из верхнего слоя замка Луговое А, цитадели Краснореченского городища. Изучение Луговского керамического комплекса этого периода выявило изменение соотношения лепной и станковой групп; доля лепной посуды снижается с 35—40 до 15—20%. В группе лепной керамики преобладают котлы, достарханы, крышки; единичными

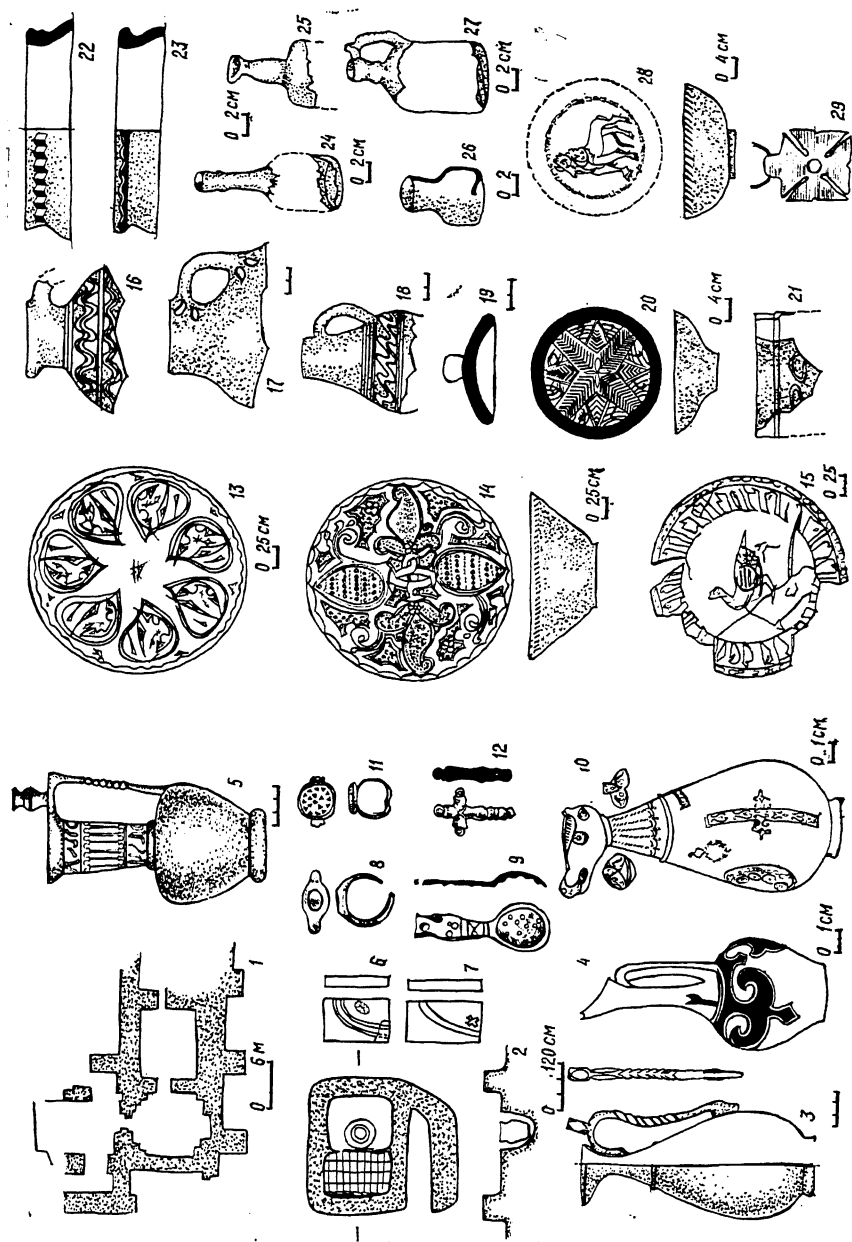

Рис. 41. Археологический комплекс юго-западного Семиречья IX — начала XIII в.

экземплярами представлены миниатюрные сосудики, т. е. те же виды посуды, что и на юге Казахстана. Ведущей формой лепной керамики являются котлы. Венчик котлов слегка утолщенный, подтреугольной в сечении формы. Ручки петлевидные, в виде жгутов, наклепные, в виде выступов. Форма котлов и их деталей не меняется (рис. 42, 24, 28, 34).

Крышки обычно сферической формы, различных размеров, имеют наверху в виде рогатого выступа, зооморфных фигурок, в которых распознается птица. «Рогатые» крышки аналогичны южноказахстанским. Внешняя поверхность крышек сплошь украшена орнаментом. Техника нанесения орнамента самая различная: резьба, штампы, налепы, оттиски пальцев. Элементы орнамента самые разнообразные: концентрические полосы и зигзагообразные прочерченные мотивы, растительная вязь или отдельные, не связанные композиционно различные стилизации цветка, расходящиеся сектора в виде вписанных друг в друга углов или кругов, сочетания прочерченных кругов и бессистемно расположенных ямок, растительный орнамент в виде цветочных розеток, штампы, образующие бугорки с орнаментальным геометрическим членением (рис. 42, 33, 35).

Достарханы семиреченских городищ аналогичны южноказахстанским. Встречаются на их орнаментальной поверхности оттиски штампов в виде овалов, медальонов, розеток в сочетании с продавленными по сырой глине линиями (рис. 42, 18—23).

Среди станковой посуды больше всего кувшинов и кружек, горшкообразных сосудов и мисок. Ближайшие аналогии керамике прослеживаются в материалах городов Южного Казахстана. Меньше, чем в VII—VIII вв., параллелей с керамикой Согда, что, видимо, связано с ослаблением связей между этими районами [Маршак, 1961, с. 200].

Столовые кувшины обычно сверху покрывали красным ангобом и лощением. Тулово круглое, длинное узкое горло переходит в энохоевидной формы слив. Поверхность кувшинов украшалась оттисками штампов — в виде клиновидных оттисков, «колеса со спицами», кружков. По-прежнему изготавливались краснолощенные изящные кувшины со сливами, кувшины, украшенные орнаментом, копирующим тиснение на коже. Много такой керамики в Таразе [Сенигова, 1972, табл. IV, 8—10, 24—27], который, видимо, был центром ее производства.

Хумы делались на круге по частям. Мало хумов с венчиками, украшенными накладками с пальцевыми вмятинами. Обычно венчик имеет форму запятой или же слегка отогнут и плоский сверху. Зеленоватый и желтый ангоб сменяется розовым и красным.

Распространяются кружки с округлым туловом и петлеобразной ручкой. Аналогичные кружки в Согде исчезают в VII—VIII вв. [Маршак, 1961, с. 200].

Горшки изготавливались из теста, содержащего примесь крупного речного песка. Толщина стенок 0,6—0,8 см, диаметр устья 12—17 см. Венчик отогнут наружу. Горшки имеют две наклепные петлеобразные ручки, которые в месте соединения с туловом украшены пальцевыми вдавлениями.

Поливная керамика представлена фрагментами чаш на дисковидном

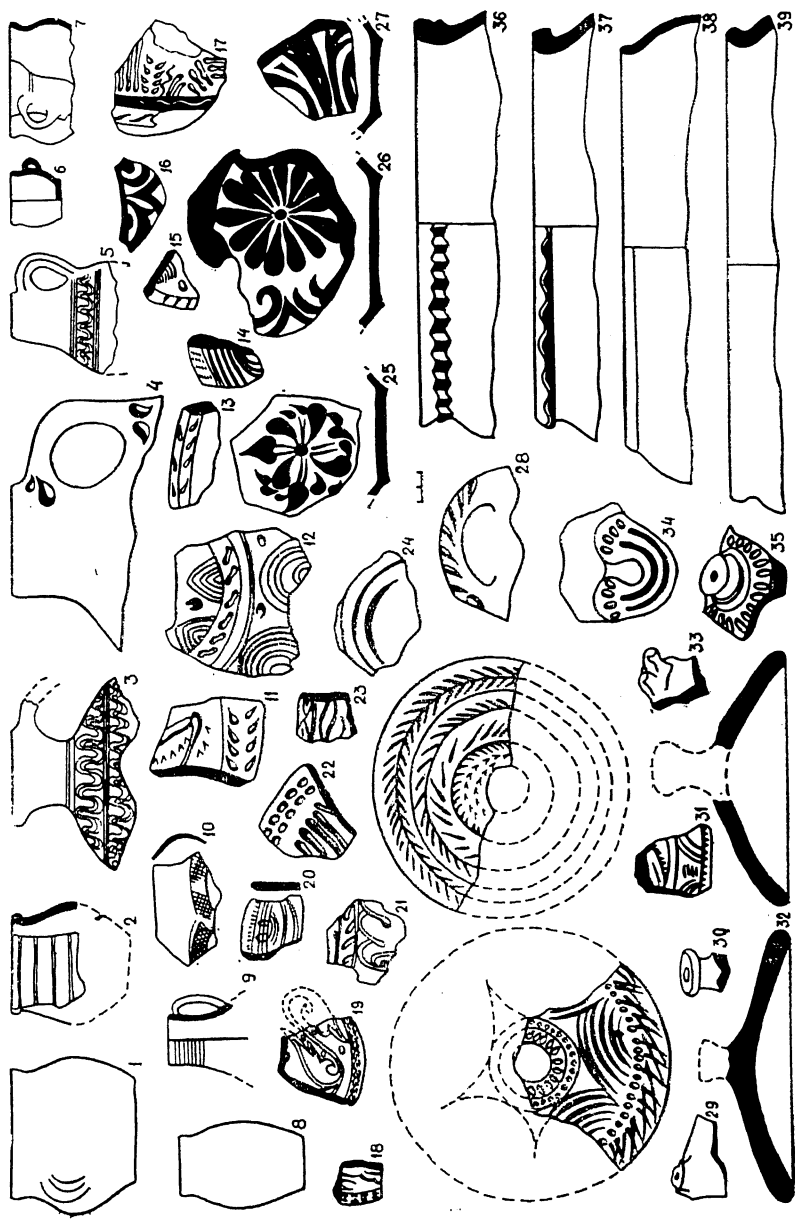

Рис. 42. Керамика юго-западного Семиречья IX—XII вв.

поддоне. Полива прозрачная, положенная на белый ангоб. Роспись коричневым, зеленым и красным. Розовым цветом черепка, мутными тонами росписи керамика резко отличается от привозной посуды, в частности, от чаш и блюд с эпиграфическим орнаментом.

Археологический комплекс юго-западного Семиречья XI — начала XIII в. известен по Таразу. Это многочисленная керамика, в том числе большая группа поливной посуды; изделия из металла — светильники, кувшины; украшения (см. рис. 41). Часть комплекса опубликована [Сенигова, 1972, с. 147—169, табл. XI]. К сожалению, большинство опубликованных материалов не связывается с культурным слоем — это случайные находки.

Достаточно хорошо датирован и может быть эталоном Краснореченский археологический комплекс. Он характеризуется устойчивыми канонами жилой архитектуры (дома горожан и загородный дворец XI в.), для которой характерно использование в интерьере жженого кирпича, резного крашеного штукатурки (резьба по сырой глине). Комплекс датируется караханидскими монетами.

Почти вся керамика теперь изготавливается на круге. Изделия, лепленные от руки, встречаются в единичных экземплярах — это детская посуда, светильники. Распространяются новые типы посуды — чаши, миски, блюда, сокращается производство лепных достарханов и крышек.

Заметные изменения наблюдаются в орнаментике. Если раньше широко применялись резьба, налеп, то теперь рисунок становится лаконичным, однообразным и менее дробным. Широко используется орнаментация оттисками штампов. Распространяется поливная керамика. Среди неполивной керамики преобладают, как и раньше, кувшины, хотя их количество несколько снижается по сравнению с предыдущим периодом. Увеличивается количество мисок, горшков. Котлы также начинают изготавливаться на гончарном круге.

Датирующими признаками для посуды XI — начала XIII в. являются треугольные в сечении скошенные наружу венчики хумов, широкое распространение штампа, который украшает не только красноангобированные кувшины, как это было в IX—X вв., но и стенки, венчики хумов, кувшинов, чаш и т. д.; появление оранжевого и серого ангоба; форма ручек котлов.

Кувшины делятся, как и раньше, на столовые и водоносные. Коленчатая с выступом ручки соединяет горло и плечики. Внешняя поверхность покрывалась слоем оранжевого ангоба.

Большая часть кувшинов украшена предельно просто — несколькими врезными концентрическими полосами либо плавной волнистой линией. Следует отметить, что и форма кувшина, и орнаментика указывают на установившуюся стандартизацию изделий, производимых для рынка. Редко в юго-западном Семиречье встречаются кувшины, раскрашенные минеральными красками.

Форма кружек стала более однообразной. Обычно это сосуды с расширяющимися стенками, на устойчивом дне. Ручки петлеобразные, плоские в сечении.

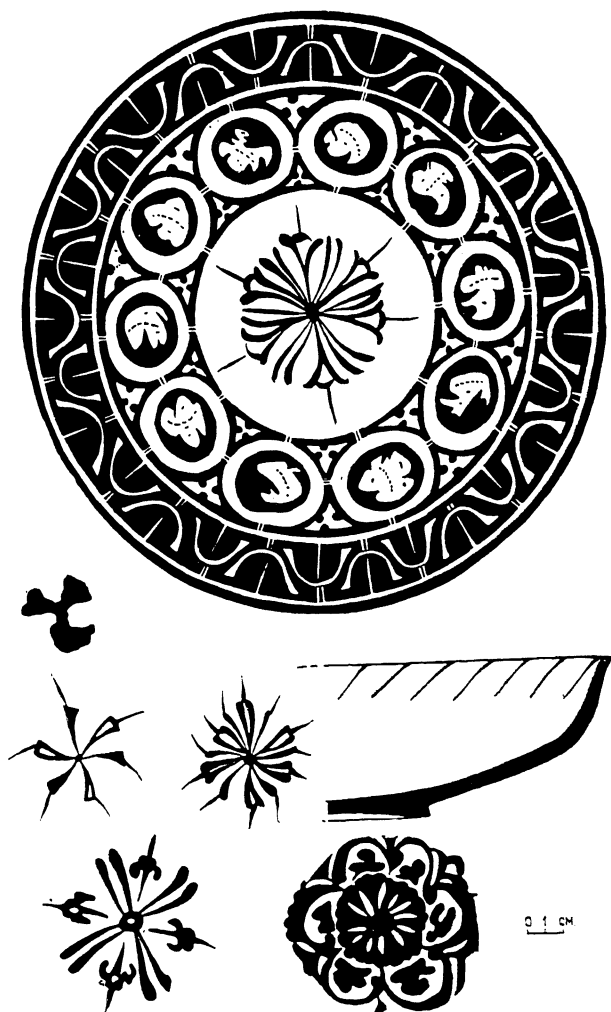

Рис. 43. Юго-западное Семиречье. Мотив вихревой розетки на поливной керамике. XII в.

Котлы имеют сферическое приземистое тулово с округлым дном и слегка отогнутый венчик. Ручки налепные, петлеобразные или в форме выступов. Появляются котлы, украшенные налепами в виде арочек, в стыке которых помещается налепная же петля с выступом.

Чаши имеют дисковидный поддон. Снаружи и изнутри стенки покрывает желтый ангоб.

Поливных изделий в общей массе посуды около 5%. Наиболее рас-

пространенными формами является чаша и блюдо на дисковидном поддоне. Поливой покрывались также чираги, банки, кувшины.

Типы поливы и манера нанесения росписи различны. Встречается керамика с прозрачной глазурью, нанесенной поверх белого, розового или желтого ангоба. Подглазурный рисунок выполнен коричневой, зеленой и желтой красками. Роспись дополняется гравировкой по ангобу. Наиболее популярны «пропеллеровидный» рисунок, многолучевая звезда, стилизованный цветок или крупная точка, вихревая розетка (рис. 43). По венчику идет ряд косых или г-образных мазков. Иногда свободные плоскости заполнены стилизованными букетами и крупными перистыми листьями. Антропо- и зооморфные изображения на семиреченской посуде встречаются редко.

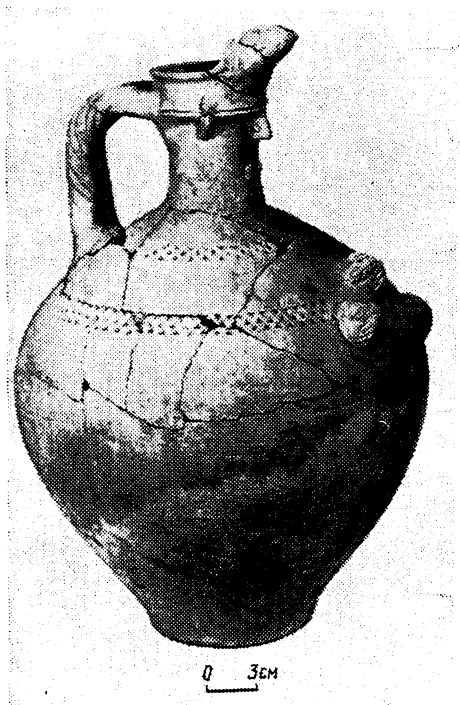

Рис. 44. Талгар. Антропоморфный кувшин
X в.

сливом обычно покрывались ангобом красного цвета. В качестве украшения применяются резьба по глине и штампы. У хумов овальное тулово и четко профилированный венчик, прямоугольный в сечении, овально-петлеvidный или запятовидный. Котлы имеют шаровидное приплюснутое сверху тулово с округлым дном.

Кувшины делятся на водоносные и столовые. Водоносные имеют округлое тулово, невысокое горло со сливом или без него. Овальная ручка соединяет плечики, венчик и тулово. Ручки не имеют четкого коленчатого перегиба. Интерес представляют кувшины с зоо- и антропоморфным оформлением горла и венчика (рис. 44).

Распространена керамика, покрытая зеленой блестящей поливой, иногда дающей оливковый отблеск. При сравнении керамики юго-западного Семиречья VI — первой половины IX в. и второй половины IX — начала XIII в. заметны существенные изменения. Это появление глазурованной посуды, стандартизация изделий, т. е. то же, что наблюдалось в развитии керамики Южного Казахстана.

Археологический комплекс северо-восточного Семиречья IX—X вв. получен при раскопках в Сумбе, Антоновском и Талгаре, Жаксылыке. Известны жилые постройки — дома из сырцового кирпича и пахсы на городище Жаксылык, изделия из металла — наконечники стрел, украшения.

В это время подавляющее количество посуды лепилось от руки. Ведущими формами являлись котлы и кувшины. Водоносные кувшины со

Столовые кувшины имеют шаровидное тулово, узкое высокое горло. Кувшины покрывались красным ангобом и украшались оттисками штампов, налепами на ручках.

Кружки имеют грушевидное тулово и наклепные петлевидные ручки. Светильники этого периода представлены чашечками с выделенным сливом.

Интересную группу составляют кувшины с наклепом в виде змей, крынки, котлы. Крышковидные сосуды украшались зубчатым штампом в виде полосок, на тулове некоторых имеются ряды кружков, выполненных тонкой трубчатой косточкой; встречаются дугообразные линии (рис. 45).

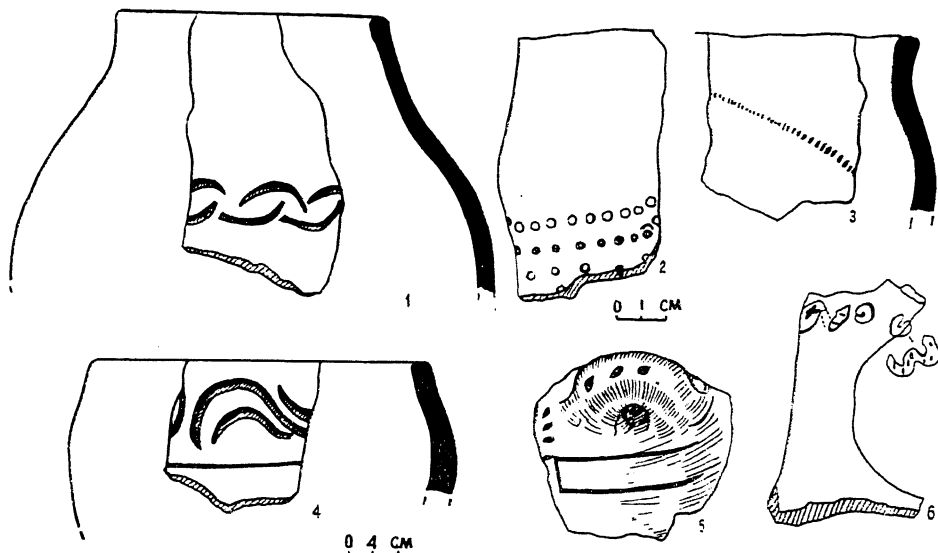

Рис. 45. Керамика северо-восточного Семиречья IX—X вв.

Параллели в формах сосудов, в характере орнаментики прослеживаются в керамике городов Нижней Сырдарьи, а также в Саркеле — Белой Веже, где она датируется VIII—IX вв. [Толстов, 1962, с. 198—200, рис. 116, 3; Плетнева, 1959, с. 231, рис. 15].

Археологический комплекс северо-восточного Семиречья XI — начала XIII в. получен при раскопках Талгара (рис. 46). В строительстве использовался булыжник, пахса и сырцовый кирпич размером $24 \times 38 \times 8$ —10 см. Употреблялся также жженный кирпич размером $22 \times 24 \times 22$ — 24×4 —5 см. Распространяются изделия из стекла. В могильнике, расположенном рядом с городищем, погребения совершались по мусульманскому обряду. Датируется комплекс монетами XI в. [Бурнашева, 1972, с. 182—186].

Керамика в отличие от посуды предыдущего времени изготовлена на круге, лепной почти нет (рис. 47). Гончары осваивают производство

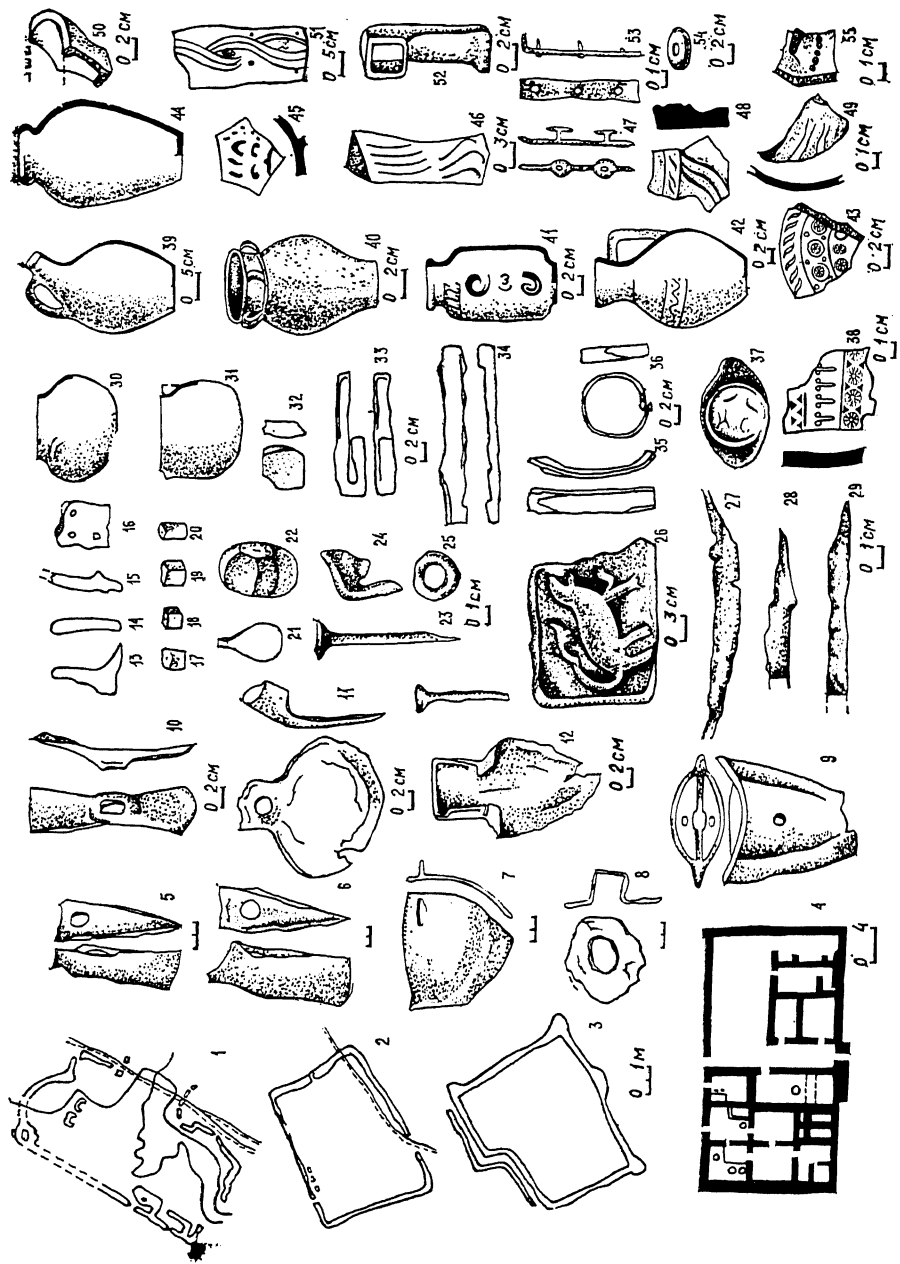

Рис. 46. Археологический комплекс северо-восточного Семирежья XI — начала XIII в.

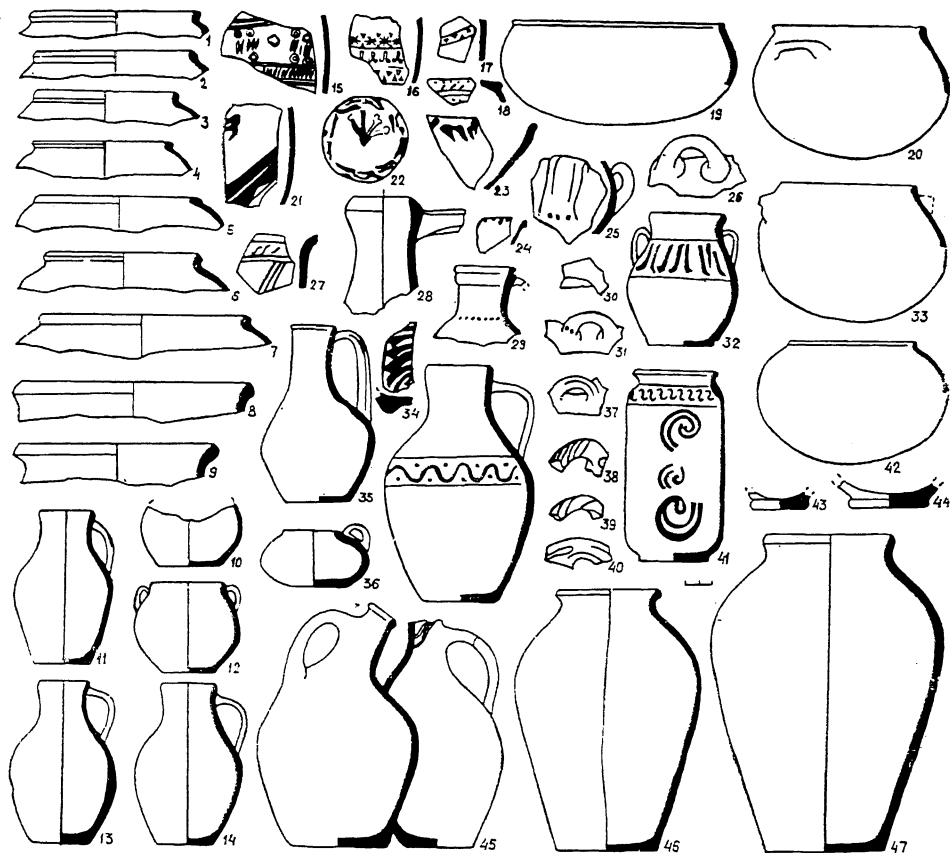

Рис. 47. Керамика северо-восточного Семиречья XI — начала XIII в.

глазурованной посуды. Находки поливной посуды становятся обычным явлением.

Хумы имеют прямоугольные в сечении, треугольные и запятовидные венчики. Появляются и распространяются шаровидные хумы. На стенках и венчиках хумов есть отиски штампов в виде решетки в круге, четырехлепестковых цветов (рис. 47, 46, 47).

Котлы, как и раньше, характеризуются стандартной формой тулова. На плечиках сосудов наклеплены ручки в виде петли, жгута из нескольких полос глины, полулунных выступов, выступов в виде петушиного гребня. Встречены котлы с носиками (рис. 47, 1—7, 20, 32).

Горшковидные сосуды имеют округлое приземистое тулово и невысокую горловину. Они бывают с двумя и четырьмя ручками. Снаружи поверхность украшалась прореченными горизонтальными либо волнистыми линиями.

Найдены водоносные кувшины со сливом, украшенные оттисками штампов (рис. 47, 15). Впервые встречены двуручные водоносные кувшины с большим овальным туловом.

Столовые кувшины имеют овальное тулово, узкое горло, составляющее от трети до половины всей высоты кувшина. Горловина и тулово соединялись коленчатой ручкой. Поверхность их тщательно замывалась или покрывалась розовым ангобом. Украшены кувшины однообразно — одной или несколькими концентрическими либо волнистыми линиями (рис. 47, 13, 14, 36).

Новым видом посуды являются тагоры с прямыми либо со слегка расходящимися наружу стенками.

Кружки, как и раньше, имеют грушевидное тулово и налепную ручку.

Распространяются чаши с плавно расходящимися стенками, на дисковидном поддоне.

Находки крышек единичны. Внешняя поверхность крышек украшена штампованным орнаментом из s-видных вдавлений, оттисков и восьмилепестковых розеток в круге.

Традиционной формой керамики являются ступки (рис. 47, 43, 44).

Светильники представляют собой вытянутую, ладьевидной формы площадку с бортиком высотой 2—4 см. Площечка имеет выделенный желобчатый слив, куда помещался фитиль. На противоположной стороне крепилась петлевидная ручка. Зачастую светильники сделаны из обломков кружек и других сосудов.

Поливная керамика представлена чашами, банками, кувшинами и светильниками. Пиалы и кесе отличаются размерами, стенки у них плавно расходятся кверху, поддон дисковидный (рис. 47, 21—23, 32—41).

Первую группу составляют изделия, покрытые прозрачной поливой, нанесенной поверх белого ангоба, положенного на красный плотный черепок. Изделия. Обычно прозрачной поливой покрывались чаши и кувшины, реже — чираги. Полива по качеству и цвету варьирует от прозрачной и гладкой, блестящей до серой, шероховатой на ощупь.

Чаши украшены подглазурной росписью по ангобу. Роспись коричневая, красная, зеленая, желтая, по сравнению с керамикой Чуйской долины и юга Казахстана однообразная. Обычно по венчику чаши изнутри или снаружи, а иногда сразу с двух сторон коричневой краской наносились пятна или запятовидные знаки. Дно чаши изнутри или совершенно свободно от росписи, или же имеет вихревую розетку. Иногда место перехода дна к стенкам окаймлено круговыми полосами разного цвета. Так, одна из чаш украшена желтой, двумя коричневыми и зеленой полосами.

Встречаются также чаши с подглазурной росписью, выполненной зеленой краской разных тонов — от бледно-зеленого до темно-зеленого.

Вторая группа поливной посуды покрыта глухой зеленой поливой. Она представлена чашами и чирагами с длинным желобчатым сливом.

Третью группу составляет посуда с прозрачной поливой поверх красного ангоба.

Четвертую группу представляет керамика, покрытая коричневой поливой. Изменения в керамическом комплексе северо-восточного Семиречья XI — начала XIII в. по сравнению с комплексом предшествующего времени разительны. Вся керамика делается на круге, появляются новые типы кувшинов, кружек. Разнообразием отличаются котлы, особенно их ручки. Распространяется поливная керамика.

При сопоставлении керамики Южного Казахстана, юго-западного и северо-восточного Семиречья при общем сходстве обнаруживаются следующие различия.

В IX—X вв. в Южном Казахстане и юго-западном Семиречье уже преобладает ремесленная посуда, в северо-восточном Семиречье лепная керамика все еще составляет подавляющее большинство. В городах двух первых районов значительный процент составляет керамика, украшенная прорезным, штампованным и наlepным орнаментом, — это крышки и достарханы. Особенно большим разнообразием отличается этот вид посуды из южноказахстанских городищ. Именно здесь распространены ручки крышек в виде фигурок баранов, птиц, зооморфных существ. Уникальными изделиями можно считать южноказахстанские очаги-сандалы и цилиндрические очажки, украшенные различным штампованным орнаментом, налeпами и резьбой.

На северо-востоке в этот период крышки и достарханы встречаются в единичных экземплярах.

Гораздо разнообразнее ассортимент изделий на юге Казахстана и в юго-западном Семиречье, выше качество. Здесь уже в IX—X вв. появляется поливная посуда, на северо-востоке Семиречья ее в этот период нет.

В то же время в керамике всех трех районов много общего. Так, керамика северо-восточного Семиречья находит самые близкие аналогии на юге Казахстана и в юго-западном Семиречье. Форма ее как бы повторяет западные образцы.

В XI—XII вв. наблюдается постепенное сближение в типах посуды, в количестве их, в орнаментике. На юге Казахстана и в Семиречье вся керамика, за исключением некоторых второстепенных форм, изготавливается на гончарном круге. Заметные изменения происходят в орнаментике. Если в IX—X вв. широко применяются резьба и налeп, реже — штамп, то теперь штамп становится излюбленным украшением керамики.

Сходство керамических комплексов всех трех районов не означает, однако, потерю каждым из них своих характерных признаков. По-прежнему керамике северо-восточного Семиречья присущи грубость и тяжеловесность форм, низкокачественная полива, краски мутных тонов. На юго-западе больше штампованной посуды, сам штамп гораздо разнообразнее. Поливная посуда здесь по качеству не уступает среднеазиатской.

Южноказахстанская керамика более богата по ассортименту, здесь гораздо шире распространена и более разнообразна поливная керамика. Она характеризуется разнообразными орнаментальными мотивами. Это геометрические фигуры, растительные побеги. На некоторых изделиях встречаются изображения животных.

Рост количества городов, типология, топография городищ

Южный Казахстан. Новые исследования и материалы дают наглядное представление об увеличении числа городов. Если в предшествующий период существовало 30 городищ, то теперь количество их возросло до 37. Важно, что и письменные источники называют теперь 37 городов. Это не только отражает большую осведомленность исторической и географической литературы о районе Южного Казахстана, но и говорит о росте значимости городов в системе экономических и культурных связей Востока.

В предгорной полосе источники называют новые города Джумишлагу и Манкент, на Средней Арыси сформировался в это время округ Кенджида с центром в Усбаникете. В округе Фараб кроме Отрара средневековые авторы называют новую столицу Кедер, города Весидж и Бурух.

В Шавгаре появляются Ясы и Шагильджан, Карнак, Карачук и Шур (Сури). Впервые становятся известными город Сауран, а в низовьях Сырдарьи — Сыгнак, Янгикент, Дженд, Асанас, Барчкент. На северных склонах Каратау находились Баладж и Берукет; на Средней Сырдарье — Сюткент (рис. 48). Наиболее интенсивно процесс формирования городищ происходил в низовьях Сырдарьи и на северных склонах Каратау.

Происходит рост территории городов. Площадь Отрара увеличивается до 170 га, тогда как раньше, судя по шурфам, давшим материал VI—IX вв., она не превышала 5—7 га. Конечно, эти цифры не могут считаться абсолютными до широких раскопок, но бесспорен факт, что в отмеченных сейчас пределах рабады сформировались именно в IX—XII вв. Это установлено для Актобе II, Баба-Аты, Куйрук-тобе, Мардан-Куюка, Испиджаба, Бузука правобережного.

Если раньше общая площадь большинства городищ была неизвестна, за исключением тех, где верхние слои относятся к VI—VIII вв., то теперь данные о размерах почти всех памятников имеются, что позволяет разработать типологию памятников городской культуры Южного Казахстана.

Сопоставление площадей городищ показало, что выделяется три группы памятников.

В первую входят городища, общая площадь которых составляет более 30 гектаров. Это Сайрам, Отрар-тобе, Шортобе (Караспан), Куйрук-тобе, Чуйтобе, Сунак-Ата, Сауран, Джанкент, Жан-Кала, Кумкент. Все города, по данным письменных источников, кроме Саурана и Сюткента, были столицами округов, а Испиджаб — главным городом всего Южного Казахстана; Янгикент являлся столицей огузов, а Дженд и Сыгнак в XII — начале XIII в. служили центрами кипчакских владений. Установлено, что в Испиджабе и Отраре чеканилась монета. Городища этой группы являются остатками центров областей, отдельных владений или просто крупными городами.

Памятники второй группы имеют площадь от 15 до 30 га. В большинстве своем они отождествляются с городами, входившими в реестр

городов Испиджаба. Характеристики этих городов, данные средневековыми авторами, скупы, но во всех них отмечается наличие мечетей и базаров — важный признак города [Большаков, 1973, с. 165]. С точки зрения исторических фактов вторую группу южноказахстанских городищ, на наш взгляд, можно интерпретировать как остатки городов средней величины.

Наиболее многочисленны городища третьей группы. Площадь их менее 10 га. Часть из них отождествляется с городами письменных источников: Шарапхана — с Газгирдом, Булак-Ковал — с Манкентом; Тамды — с Берукетом; Казатлык — с Будухкетом; Кулан-аузы-тортколь — с Тамтаджем; Кремневское — с Барджаджем; Бурно-Октябрьское — со «станцией на Баркуабе». Лишь один из этих городов — Берукет назван в источниках «большим». Эта группа памятников — остатки небольших городов. Такие же, как Тамтадж, Барджадж, «станция на Баркуабе», скорее всего, надо считать караван-сараями. Хотя они названы в географической литературе как общеизвестные населенные пункты, их размеры указывают, что они служили в первую очередь транзитными торговыми пунктами на международной торговой трассе.

Юго-западное Семиречье также характеризуется увеличением числа городов до 26. Причем все новые города возникли в Таласской долине. Это Джикиль, Балу, Шельджи, Текабкет, Куль, Кенджак (рис. 49).

Число новых городищ увеличилось всего на 2, зато возникло большое число торткулей — 36. Площади центральных развалин городищ остались прежними, но более плотной становится застройка внутри длинных стен, где формируются улицы с правильной планировкой усадеб, обращенных жилыми массивами друг к другу и дворами внутрь. Такая планировка прослеживается в топографии городищ Актобе Степнинское, Толекское, Сретенское, мало затронутых современными строительными работами.

Типология городищ, составленная для раннего средневековья, сохраняется. В группу средних городов попадают Текабкет и Сус (городища Актобе Таласское и Чалдовар), а также Кенджак — Сенгир (Шарвашлык) и Шельджи, несмотря на то, что последний в источниках фигурирует как столица одноименной области. Представляется вероятным видеть в Шельджи прежде всего административный центр, тогда как другие его функции — ремесленная, торговая не получили развития.

В Чуйской долине на роль столицы выходит город Баласагун. Город формируется в X—XII вв. как ханская ставка [Горячева, 1976, с. 10—14]. В основе его лежит городище более раннего времени, сопоставляемое нами с селением Беклиг — Семекна. Наряду со «старыми» городищами появляется около четырех десятков торткулей, интерпретированных как ставки, крепости и земледельческие поселения [Кожемяко, 1959, с. 131—184; Петров, 1981, с. 95—97]. В любом случае появление столь большого числа городищ свидетельствует о развитии оседлости и, следовательно, городской жизни в этом районе.

Северо-восточное Семиречье. В IX — начале XIII в. сформировался новый район городской культуры. Если в IX—X вв. на всей территории

северо-восточного Семиречья было 10 городищ, то в XI — начале XIII в. их число увеличилось до 70. Источники сообщают о существовании в X в. двух городов в левобережной части Илийской долины — Тальхиза (Тальхира) и Лабана, а в XI — начале XIII в. здесь, согласно сведениям средневековых авторов, было уже 4 города и 6 крупных городищ (рис. 50).

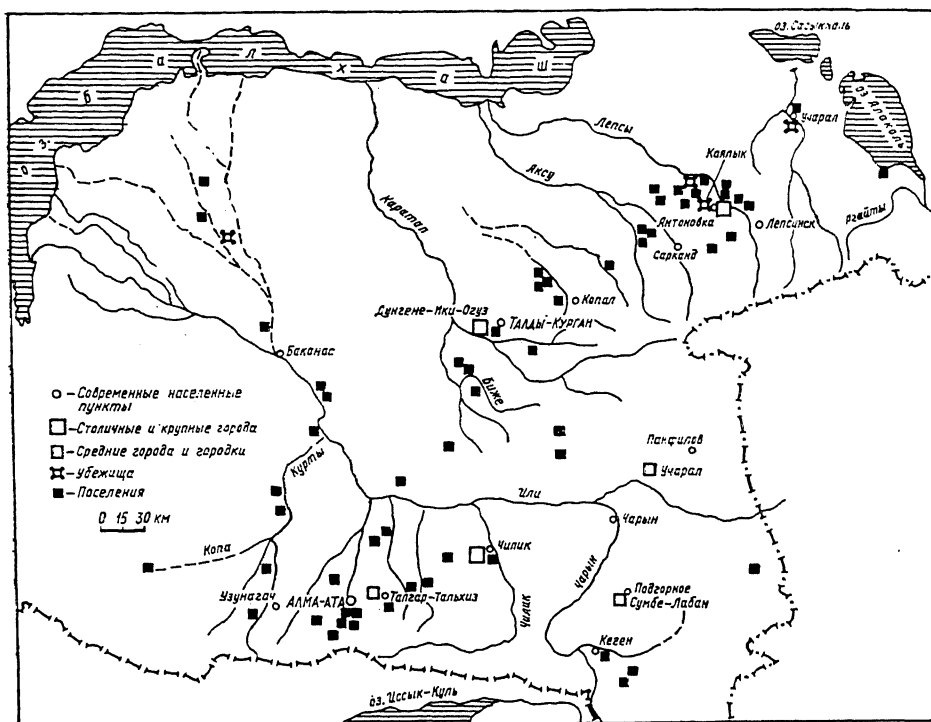

Рис. 50. Размещение городов северо-восточного Семиречья в IX — начале XIII в.

Все городища относятся к типу торткулей, или бесцитадельных, и представляют собой прямоугольный, трапециевидный или округлый в плане участок (рис. 51), слегка возвышенный над общей поверхностью и окруженный со всех сторон валом с башнями по углам и периметру. Они имеют до четырех въездов, обычно расположенных в середине стены. Все городища с некоторыми отклонениями ориентированы углами по сторонам света. Размеры торткулей различны, длина стен от 26 до 1000 м.

А. Н. Бернштам считал, что торткули являются остатками караван-сараяв и сельскими поселениями полугородского типа. Отсутствие городов в районе он объяснял тем, что Илийская долина являлась своеобразной округой чуйских городов [Бернштам, 1948, с. 91]. Эту точку зрения разделяла и Е. И. Агеева [1960, с. 68—69].

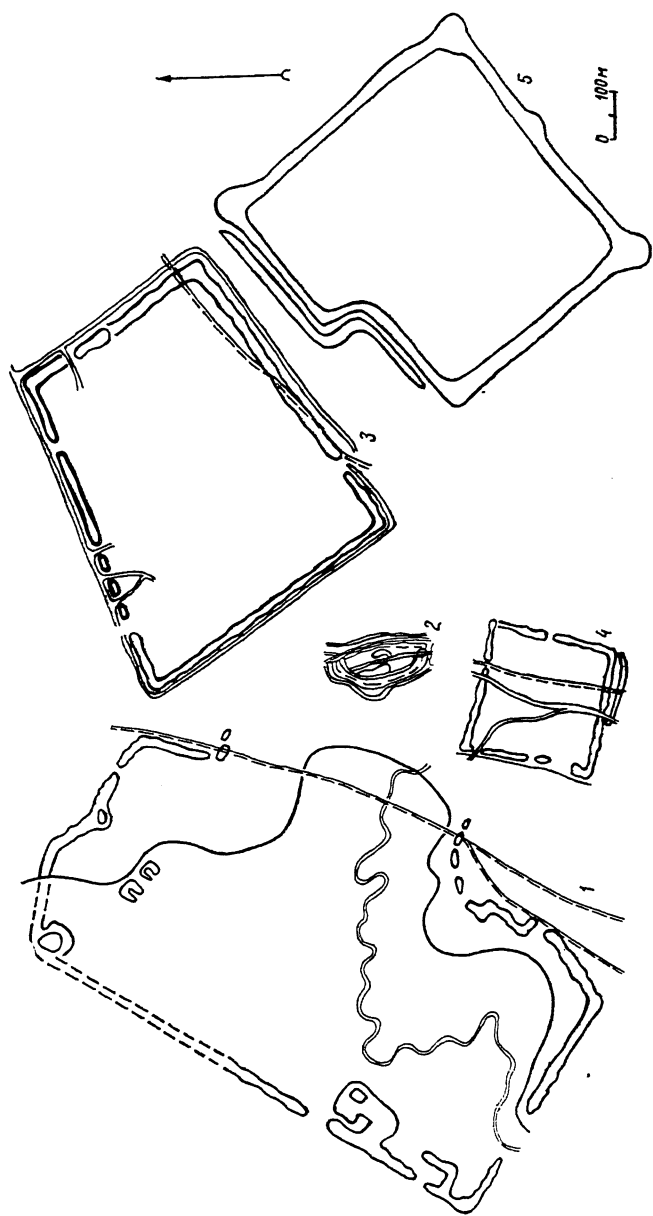

Рис. 51. Плани городищ северо-восточного Семыренья.

Сейчас установлено, что торткули распространены не только в северо-восточном, но и в юго-западном Семиречье, на Тянь-Шане, в Центральном Казахстане, в Туве и Монголии. Аналогичного типа городища такой же или несколько иной планировки известны в низовьях Сырдарьи, в Приазовье.

По поводу типологии их высказаны различные точки зрения. Крупные городища Тянь-Шаня, такие, как Кошой-Коргон и Ширдабек, считаются городами-ставками [Бернштам, 1952, с. 100—103]. Торткули Иссык-Кульской котловины, датированные XII в., интерпретируются как укрепления и сельские поселения [Винник, 1967, с. 101—110]. В низовьях Сырдарьи городища описываемого типа считаются сельскими усадьбами и поселениями городского типа [Толстов, 1962, с. 276—282].

По мнению Л. Р. Кызласова, торткули Тувы в зависимости от размеров являлись ставками феодалов, городищами-убежищами для окрестного кочевого и оседлого населения и в большинстве своем военными крепостями. В то же время они были центрами оседлости, ремесла, земледелия и торговли [Кызласов, 1959, с. 74—75; 1959а; 1965, с. 113].

В Центральном Казахстане торткули представляют собой поселения джатаков (разорившихся скотоводов), а также укрепленные ставки феодальной знати. Ряд поселений носит ярко выраженный ремесленный характер и связан с добычей руды, выплавкой металлов и изготовлением металлической продукции [Маргулан, 1951, с. 88—106; 1973, с. 3—42].

К интересным результатам пришла С. А. Плетнева, изучавшая средневековые оседлые памятники на Дону и в Приазовье. Она прослеживает развитие памятников типа торткулей (только округлых в плане) от стойбищ и поселений до городов [1967, с. 13—50].

Анализ количественных данных по торткулям северо-восточного Семиречья и в первую очередь сопоставление их площадей позволяет выделить три группы памятников.

В первую группу вошли городища площадью более 30 га (рис. 51, 1, 3, 5) — Антоновское, Дунгене, Чилик. Это памятники многослойные, толщина культурных напластований достигает 2—3 и более метров. При раскопках на городищах обнаружена разнообразная керамика, стекло, монеты, ремесленные мастерские и производственные шлаки, свидетельствующие о развитии здесь ремесел и торговли.

Одним из веских аргументов в пользу городского характера названных городищ служат сведения письменных источников, которые позволяют отождествить памятники с конкретными городами: Талгар — с Тальхизом, Антоновское — с Каялыком, Дунгене — с Икигузом. Крупнейшим из городищ было Антоновское, сопоставляемое с Каялыком, столицей карлукского джабгу. Торткули первой группы являются крупными городами и столичными центрами.

Во вторую группу входят Талгар, Сумбе и Акмола. Площадь их составляет от 10 до 30 га. Талгар отождествляется с Тальхизом, Сумбе — с Лабаном. Отмечено наличие ремесел, найдены привозные изделия. Это города среднего размера (рис. 51, 2, 4).

Исключение из этой группы составляет Акмола. Для этого памятника характерно большое число башен, сплошные въезды и тонкий культурный слой — от 20 до 40 см. На поверхности городища найдено очень мало керамики.

В третьей группе такими же признаками характеризуются городища Жаналык, Ащи-Булак, Актам, Қарабулак. Их отличает наличие предвратных укреплений, большее, чем в других городищах, количество башен и тонкий культурный слой. Этот тип городищ можно интерпретировать как убежища, или города-ставки. Укрепленная ставка, служившая и городищем-убежищем, известна у кочевых и полукочевых народов [Юсупов, 1968, с. 210—219; Галкин, 1869, с. 180—181; Вайнберг, 1959, с. 33].

Городища третьей группы имеют площадь не менее 10 га. Застройка таких городищ изучена при широких раскопках Жаксылыка. Для них характерно расположение жилья у стен изнутри, наличие внутреннего двора.

Эта группа илийских городищ аналогична городкам и сельским поселениям Тянь-Шаня, Иссык-Куля, укрепленным сельским усадьбам низовьев Сырдарьи, поселениям Центрального Казахстана, городищам с земляными стенами в Приазовье. Их можно считать сельскими поселениями бывших кочевников и полукочевников. Часть из них, видимо, могла выполнять функции небольших городков. Некоторые могли быть караван-сараями. Так, выделяется несколько городищ из двух или даже трех укреплений, расположенных неподалеку друг от друга на пересечении современных маршрутных путей, повторяющих направление средневековых, — Сарыджас, Биже и Айнабулак.

Изменения в структуре городов

В Южном Казахстане изменяется застройка цитаделей большинства городищ.

Раскопки цитадели Куйрук-тобе показали, что спустя некоторое время после пожара в первой половине IX в., в результате которого был разрушен дворцовый комплекс, происходит полная перепланировка. В границах капитальных стен строительного комплекса VII — первой половины IX в. формируется квартал рядовой застройки. В XI — начале XIII в. на этом месте складывается квартал гончаров.

Судя по материалам шурфов, перестройки коснулись в это время цитаделей многих городищ. Жилая застройка появляется на цитаделях Оксуса, Бузука правобережного в Отрарском оазисе, на городище Булак-Ковал в предгорной полосе. На ряде памятников цитадели как бы нивелируются, сливаются с общей застройкой и в топографии уже не выделяются, как, например, на городищах Байракум, Тортколь-тобе, Балыкчи. В то же время на некоторых городищах, например на Баба-Ате, постройка дворцового типа на цитадели существует и в IX — начале XIII в. [Агеева, 1962, с. 117—153].

Как свидетельствуют раскопки, город по-прежнему состоит из отдельных жилых кварталов, сохраняющих ту же замкнутость по отношению к общей застройке города, и характеризуется тем же принципом планировки: все дома одного квартала обращены на общую внутриквартальную улочку.

Два квартала второй половины IX — первой половины X в. — «Б» и «В» в восточной части городища Куйрук-тобе попали в площадь раскопа частично, полностью раскопан квартал «Г» этого же времени. Он занимал всю площадь бывшей цитадели. Размер его 35×30 м (рис. 52). Дома группировались вдоль п-образной улочки. Хорошо сохранились и четко выделяются пять домовладений. Всего же в квартале было не менее 12 домов, часть из которых смыта, часть разрушена постройками более позднего времени.

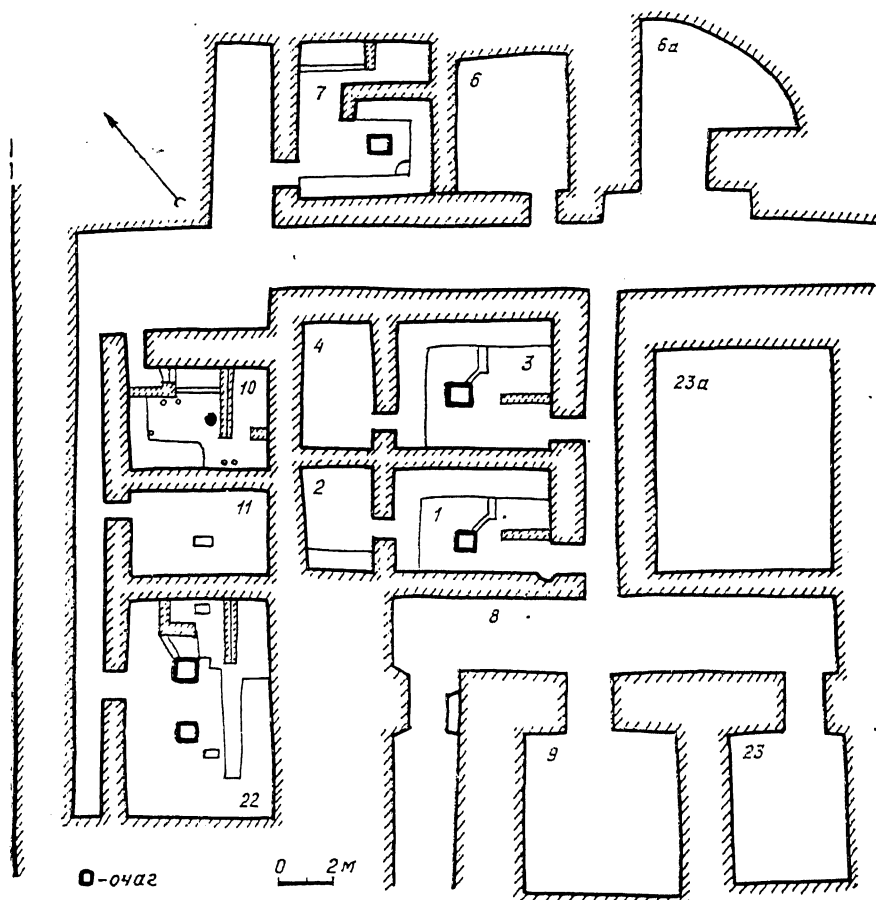

Рис. 52. Квартал «Г» IX — первой половины X в. на городище Куйрук-тобе

В южной части городища Куйрук-тобе частично вскрыты два квартала «И» и «К», состоящие из 8—10 домовладений каждый. Датируются кварталы второй половиной X—XI в.

В юго-восточной части Куйрук-тобе раскоп площадью 3200 кв. м полностью вскрыл остатки трех городских кварталов, датированных второй половиной XI — началом XII в. (рис. 53).

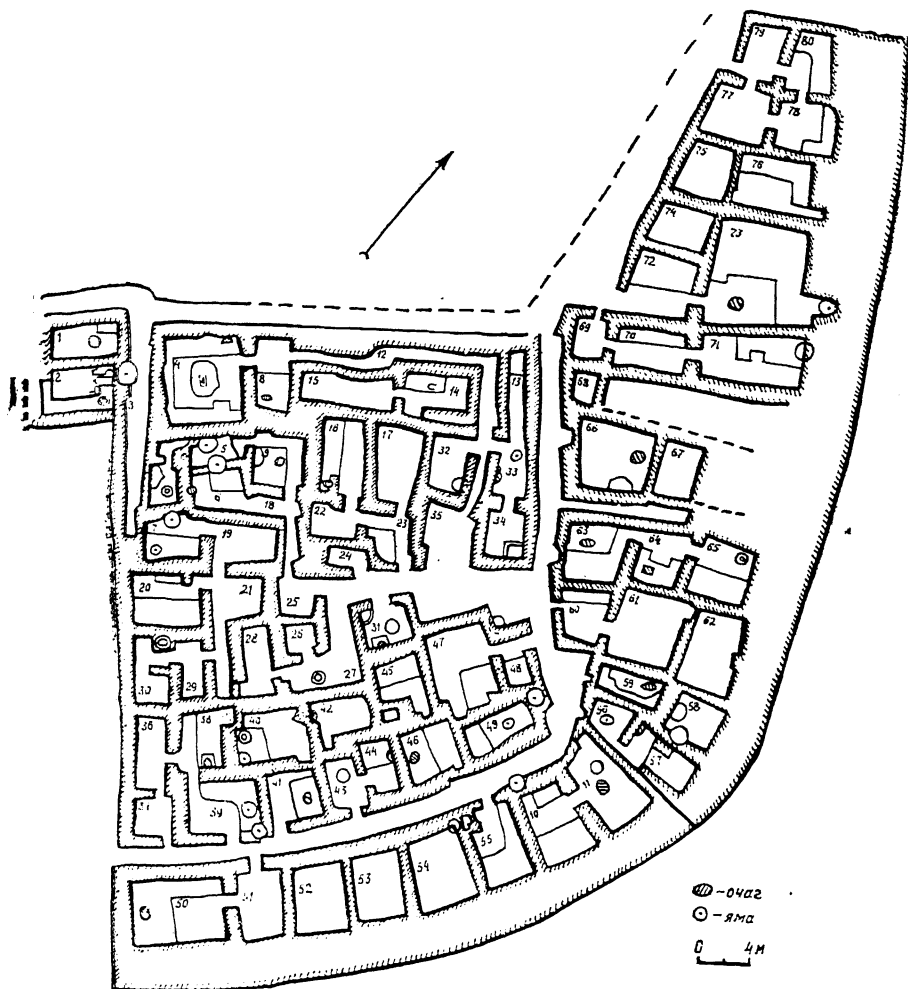

Рис. 53. Участок городской застройки XI — начала XII в. на Куйрук-тобе

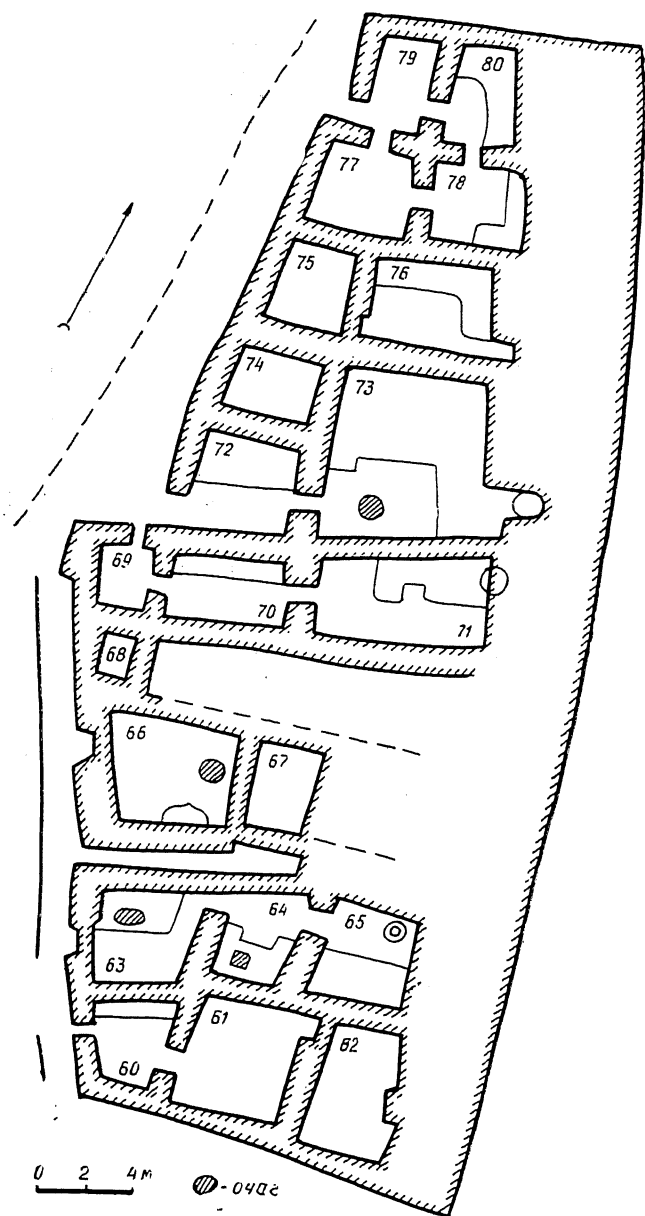

Рис. 54. Квартал «Д» XI — начала XII в. на городище Куйрук-тобе

Квартал «Д» примыкал к городской стене. В его составе 8 домовладений, выходящих на магистральную улицу. Протяженность отрезка улицы 52 м. Площадь, занимаемая кварталом, составляет 950 кв. м (рис. 54).

Квартал «Е» состоит из двух жилых комплексов, расположенных по обе стороны улочки длиной 40 м и шириной 1,5—2 м. Общая площадь квартала 704 кв. м. В квартале насчитывается 10 домов.

Квартал «Ж» занимает площадь 1050 кв. м. Шесть его домов концентрируются вокруг внутриквартальной улочки. Дома в глубине квартала соединяются с улочкой тупичками длиной до 15 м (рис. 55).

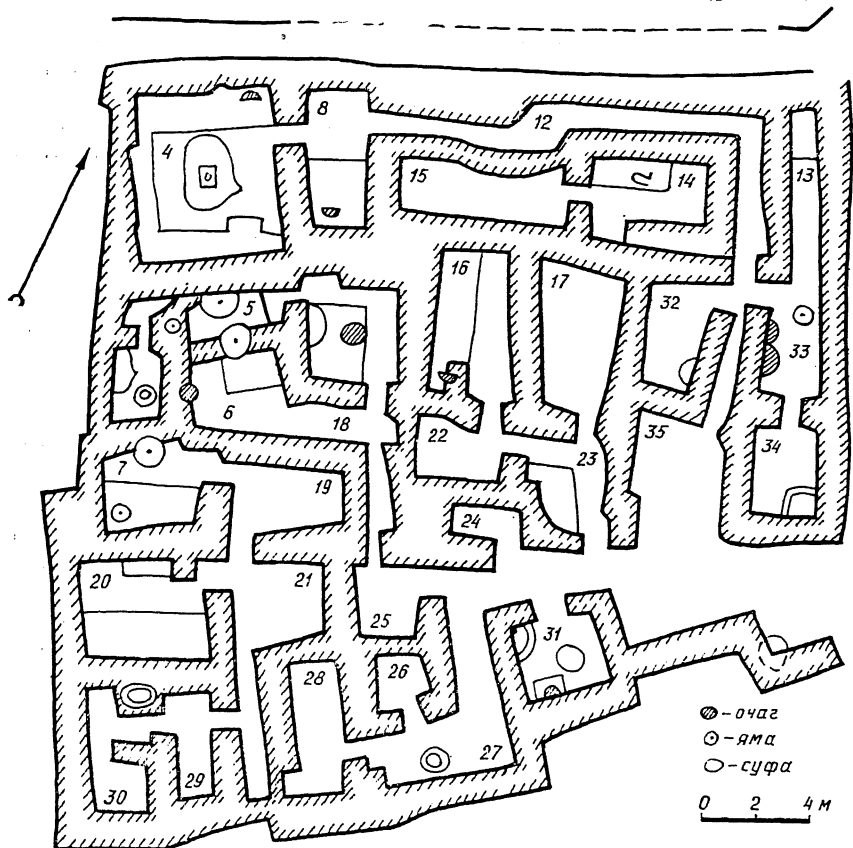

Рис. 55. План квартала «Ж» XI — начала XII в. на городище Куйрук-тобе

Часть квартала «А» XII — начала XIII в. раскопана в западной части шахристана с южной стороны цитадели. Облик его искажен мусульманским кладбищем XIII—XIV вв. Квартал был образован группой домов, объединенных внутриквартальной улицей, которая соединяет две магистральные. Длина улочки 22 м. В квартале раскопано 6 домов.

К этому же времени относится «квартал гончаров» на цитадели, на месте бывшего квартала «Г». Всего в квартале насчитывается 6 или 7 домовладений, для которых характерно совмещение жилья с мастерскими. От прежней планировки сохранилась внутриквартальная п-образная улочка. Как явствует из общей характеристики кварталов второй половины IX — начала XIII в., они, сохраняя принцип замкнутости, увеличиваются по сравнению с кварталами раннесредневекового города по площади и по числу домовладений в 2—2,5 раза.

Изучение городских кварталов, в том числе и квартала гончаров, заставляет обратиться к вопросу о ремесленной специализации кварталов.

А. Ю. Якубовский, основываясь на письменных источниках, предположил, что в домонгольское время квартальная и ремесленная организация совпадали [История народов Узбекистана, с. 245]. Согласно О. Г. Большакову, такое совпадение было редким исключением. «Хотя в письменных источниках и встречаются названия «квартал менял», «квартал плотников», «улица кожевников», «улица ювелиров», «базар сапожников», «ворота парфюмеров», это не может служить доказательством того, что ремесленники определенного профиля жили в квартале того же названия. Тем более, в источниках описываются кварталы, где оказываются и торговцы, и ремесленники разных профессий» [Большаков, 1973, с. 299—300]. Он же отмечает, что концентрация мастерских керамистов может быть объяснена с позиции необходимости изоляции производств, связанных с огнем [Там же, с. 355].

Нашими раскопками на Куйрук-тобе поквартальное сосредоточение ремесла не установлено, и лишь в одном случае можно говорить о квартале гончаров. Конечно, пока материалы изучения кварталов невелики, судить о специализации отдельных кварталов трудно.

Интересен вопрос о социальной стратификации кварталов. В ряде городов, как свидетельствуют топографические наблюдения и данные письменных источников, наблюдается деление кварталов по степени именитости и богатства населения [Массон М. Е., Пугаченкова, 1953, с. 33; Стужина, 1979, с. 16—22]. По нашим материалам пока нельзя выделить кварталы явно бедные или богатые. Для всех них характерна социальная стабильность, они ничем не отличаются друг от друга.

Новым элементом в структуре городской застройки в рассматриваемый период является мечеть. В письменных сочинениях IX—XII вв. при характеристике городов обязательно упоминается мечеть, ее расположение в городе [Волин, 1960, с. 80—81]. Если в старых городах, где селилось сравнительно немного мусульман, функции мечети выполняли небольшие здания традиционной архитектуры, то в местах концентрации верующих возник новый тип мечети — соборная мечеть [Большаков, 1982, с. 104]. Материалы исследования казахстанских городов это подтверждают. Согласно письменным источникам, в IX—X вв. под мечети приспособлялись христианские церкви, например в Таразе и Мирках [Волин, 1960, с. 82; Таласская долина, с. 178]. И лишь с ростом числа

мусульман появляются сообщения о постройке мечетей. Так, ал-Макдиси пишет о постройке соборной мечети в Кедере [Бартольд, т. 1, с. 234].

Раскопки Куйрук-тобе, отождествляемого с Кедером, обнаружили остатки, видимо, именно этой мечети. Это пока наиболее ранняя мечеть в Казахстане и первая из раскопанных построек такого рода.

Мечеть находилась в центре городища на пересечении магистральных улиц. Отмечено два периода ее существования. От ранней постройки сохранились лишь остатки стен из квадратного жженого кирпича размером $22 \times 22 \times 4$ —5 см. Более поздняя по времени мечеть, хотя и была разобрана на кирпич для мусульманских захоронений в XIII—XV вв., восстанавливается в своих основных контурах (рис. 56). Стены ее сложены техникой комбинированной кладки из жженого и сырцового кирпича, толщина стен 1,5 м. Размеры мечети по внешнему обводу стен $36,5 \times 20,5$ м. Она вытянута по линии юго-запад — северо-восток. Пол прослежен лишь на отдельных участках. В северо-западной половине, которая сохранилась лучше, на полу расчищены основания 16 баз колонн из жженого кирпича. Основания прямоугольные в плане, размером 75×100 см. Всего баз было 50; 5 в коротком ряду и 10 — в длинном. Шаг колонны колеблется от 3 до 3,2 м. Расстояние между крайними базами и стенами 1,5 м.

При раскопках мечети собран комплекс керамики, относящийся к X — началу XIII в. Ориентируясь на X в. как на время постройки соборной мечети, позднюю мечеть можно датировать XI—XII вв.

Куйрукская мечеть относится к типу столпных, или колонных, построек. Размер таких мечетей определяется числом стандартных квадратов потолка между колоннами, пролеты между которыми составляли от 3,5 до 4,6 м.

Близкое сходство с соборной мечетью Кедера обнаруживает мечеть, открытая на Сапол-тепе в Сурхандарьинской области. По размерам она несколько больше — 50×25 —30 м. Датируется она первой половиной XII в. Из поздних построек такого типа близки куйрукской Джума-мечеть XVIII в. в Хиве и Хазараспе, мечеть начала XX в. в Ургенче [Маньковская, 1980, с. 108—112, рис. 80].

В одном из кварталов Куйрук-тобе были обнаружены **торговые лавки**. Как известно, важная роль в жизни города принадлежала базару и торговым постройкам. Базары, по свидетельству средневековых авторов, могли быть и в шахристане, и на территории рабадов [Большаков, 1973, с. 297—298]. В Испиджабе, согласно ал-Истахри, рынки находились в шахристане [Волин, 1960, с. 78], а по свидетельству ибн Хаукаля — «и в медине, и в рабаде» [Там же, с. 79]. Наиболее подробно источники характеризуют лавки-дуканы.

Впервые лавки были раскопаны в Пенджикенте [Беленицкий, 1965, с. 183—184; Распопова, 1971а, с. 67—75]. Теперь известны лавки и в южноказахстанском городе. Они в отличие от пенджикентских не образуют базарчики, а находятся в некотором отдалении друг от друга. Например, одна из лавок примыкает к глухой стене дома. Размеры ее $3,3 \times 2,6$ м (8,5 кв. м). С улицей лавка соединяется проемом шириной

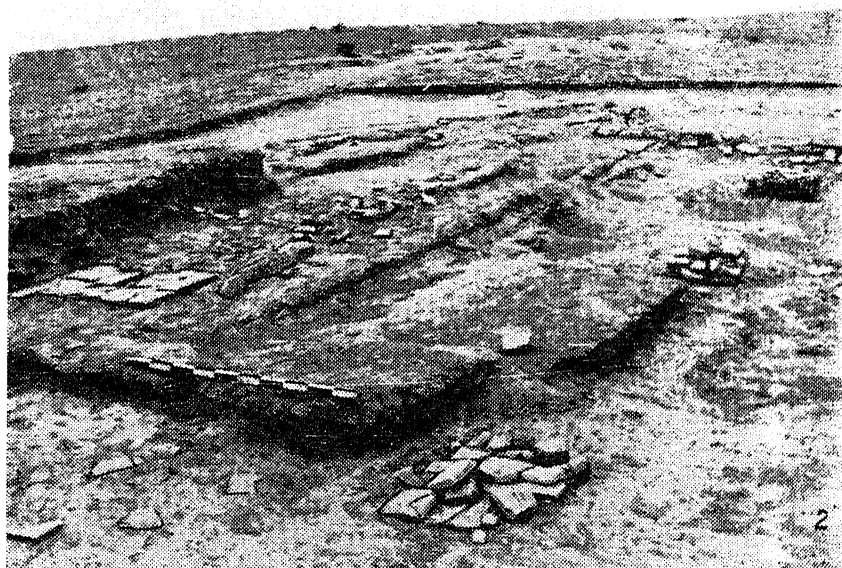
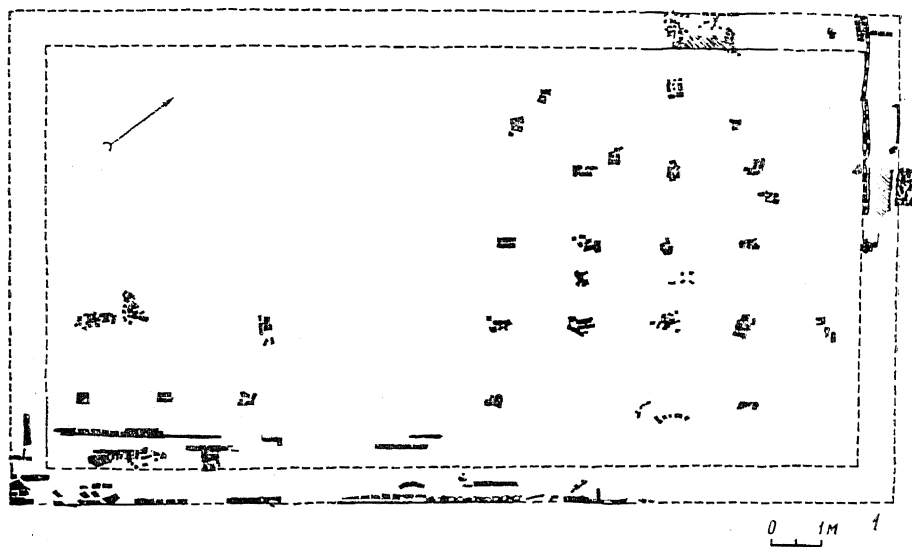

Рис. 56. План и общий вид мечети X—XII вв. на городище Куйрук-тобе

1,45 м. В северо-западном углу находится заком, в юго-западном углу — суфа. На полах имелись земляные очаги. С лавками были связаны небольшие закомы с вкопанными хумами. Наличие хумов в лавках Куйрук-тобе заставляет вспомнить сообщение ал-Макдиси о «винных лавках» Кедера [Бартольд, т. 1, с. 234]. Не исключено, что раскопаны именно они.

В указанный период в городах Южного Казахстана появились бани. Несколько раньше их стали строить в Средней Азии. В больших городах насчитывалось по несколько десятков бань [Большаков, 1973, с. 308—309]. В ряду общественных построек они занимали видное место [Орбели, 1938, с. 159; Массон М. Е., 1949а, с. 13].

Раскопками в рабаде Отрара открыты две бани XI—XII вв. Несмотря на плохую сохранность, выяснена в общих чертах планировка бани на территории северного рабада (рис. 57).

Баня сооружена на выровненной площадке, покрытой слоем глины. Размеры ее по линии север — юг 11,5 м и по линии восток — запад 16,5 м, ориентирована по сторонам света. В основе планировки бани лежит фигура креста. Центральное помещение соединено с расположенными на пересекающихся осях четырьмя другими комнатами — помещениями для мытья, раздевалкой, комнатой отдыха. В восточной стороне бани располагались топка и помещения с цистернами для воды. Здесь же расчищено устье колодца, снабжавшего баню водой. Стены обложены жженым кирпичом. Сточная вода при помощи линии кубуров выводилась из бани за пределы помещений в поглощающую яму. Отопление осуществлялось при помощи жаропроводящих каналов (рис. 58, 2). Планировка бани имеет аналогии в Средней Азии, на Кавказе и Среднем Востоке [Воронина, 1951, с. 114—137].

Крестообразная планировка была характерна для бань XI—XII вв. и более позднего времени [Маньковская, 1980, с. 72—73]. Бани раннего времени не имели выработанного планировочного стандарта, их структура иная [Гулямов, Буряков, 1969, с. 273—276; Шишкина, 1973, с. 123—135].

Рядом с баней, южнее находилась постройка, которую, видимо, можно считать прачечной (рис. 58, 1). Она прямоугольная, двухкомнатная, размером 4×14,5 м. В одном помещении находится тандыр, два хума рядом, а в центре стояла тагора. В северном углу другого помещения в полу был выкопан водоем размером 2,5×1,2 м и глубиной 0,7 м. У южной и западной стен располагались высокие суфы, вымощенные жженым кирпичом размером 40×40×5 см. К постройке примыкала кладовая площадью 6 кв. м, где находились два хума. Рядом с ними в полу найдено четыре поливных чирага и бронзовая шестигранная подставка для светильника с ажурными прорезями на гранях. Керамический материал, собранный при раскопках бани, караханидские монеты подтверждают типологическую датировку бани. Она не отличается от бань этого времени, известных по раскопкам среднеазиатских и восточных городов, но имеет пока нигде не встреченную пристройку, интерпретируемую нами как прачечная.

Вторая баня Отрара расположена на территории южного рабада в

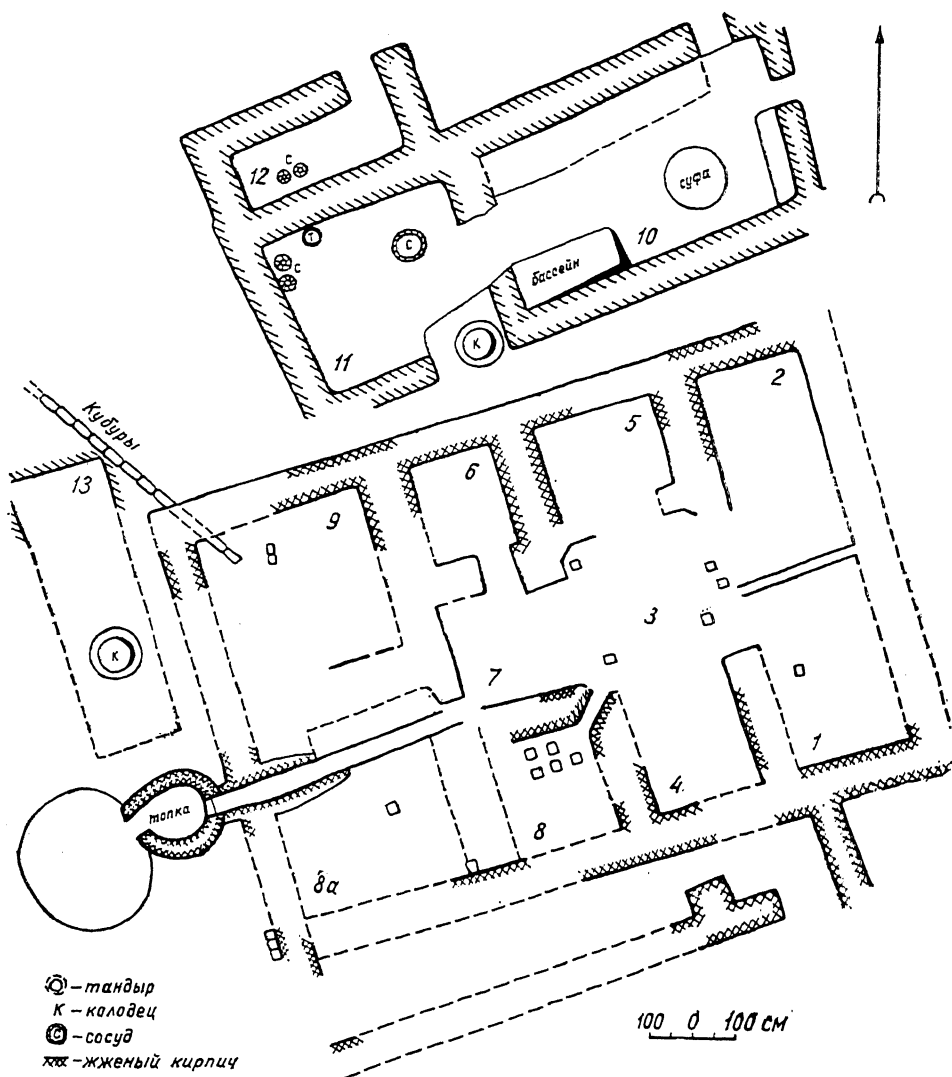

Рис. 57. План бани XI—XII вв. на городище Отрар-тобе

200 м от въезда, на берегу водохранилища; раскопана частично. Вскрыта топка и система цистерн для горячей воды. Нагревательная емкость представляет собой прямоугольную в плане цистерну со стенками и дном из жженого кирпича, обмазанных несколькими слоями водонепроницаемого алебаstra — кыра. В центре ее был вмазан железный котел, устье которого выходило на уровень дна цистерны, а дно и стенки были опущены в топку.

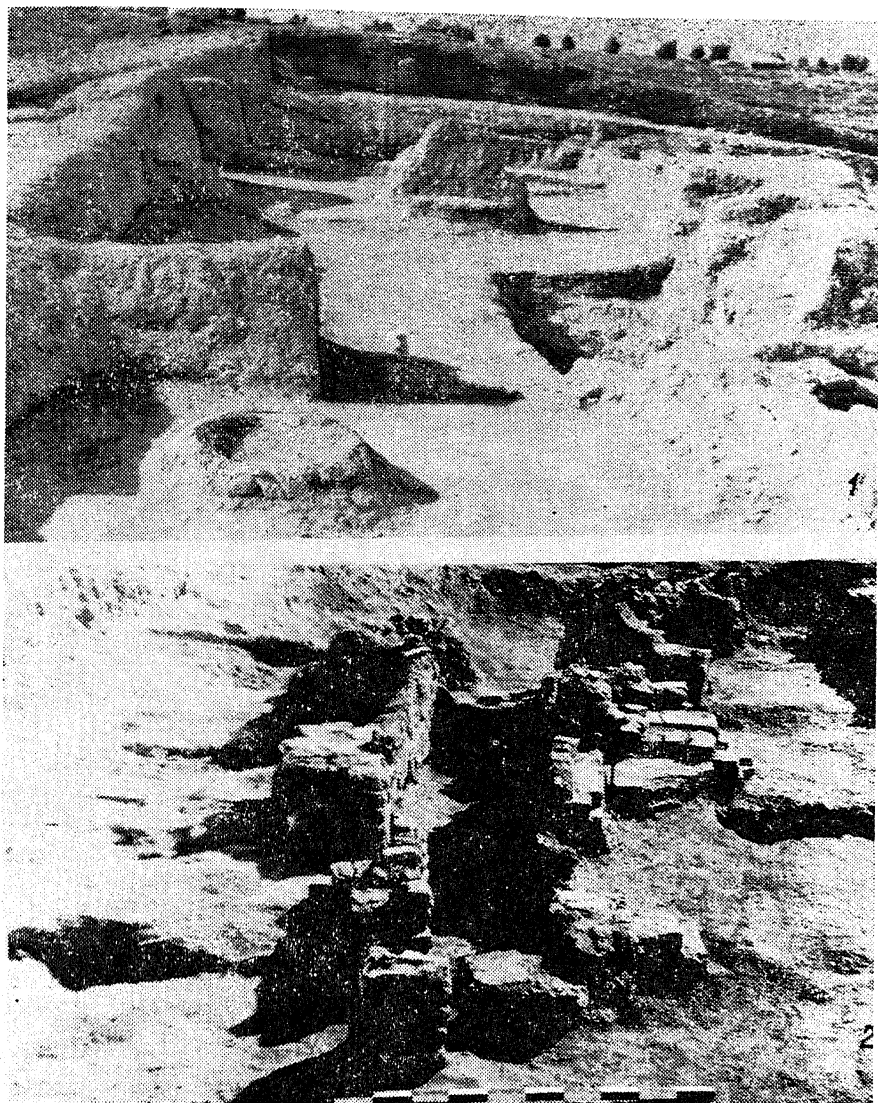

Рис. 58. Баня XI—XII вв. на городище Отрар: 1 — интерьер одного из помещений; 2 — остатки обогревательной системы

Баня датируется находками караханидских монет, комплексом керамики XI—XII вв. Здесь была найдена бронзовая подставка под светильник в форме кольца на трех ножках в виде звериных лап. По внешнему диаметру кольца находилось шесть выступов в виде трилистников. На поверхности кольца имеется гравированный растительный орнамент. Такие подставки широко известны в материалах X—XII вв. Семиречья

[Памятники культуры..., 1983, с. 71, рис. 279] и Средней Азии [Воронина, 1977, рис. 352]. Интересен набор керамики из бани. Это тазики с прямыми стенками, с ручками и без них, но с широкими венчиками. Собрано свыше трех десятков сфероконусов (рис. 59), служащих для хранения и перевозки лечебных ртутных препаратов [Джанполадян, 1982, с. 11—13].

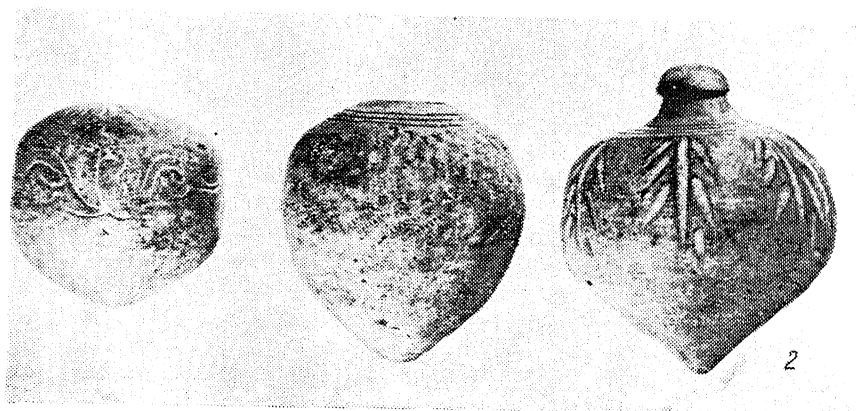
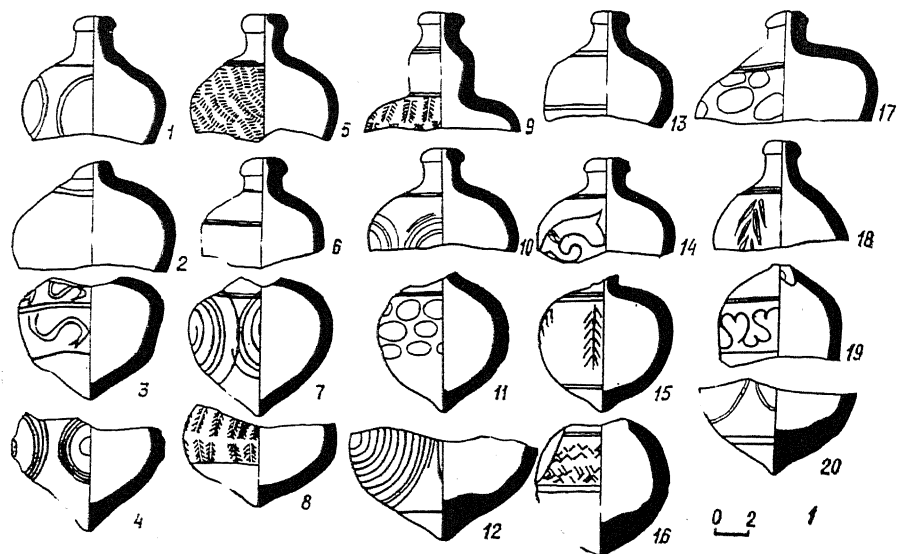

Рис. 59. Отрап. Сфероконысы из второй бани XI—XII вв.

Некоторые данные получены по **фортификации** города.

Разрезы крепостной стены на шахристане Отрапа выявили, что она была возведена еще в VI—VIII вв. и существовала до IX—X вв. Стена была сложена из пахсовых блоков, ширина ее 10 м, сохранившаяся высо-

та 4,5 м. В конце X — начале XI в. стена ветшает, превращается в место свалки, в ее тулово врезаются бадрабы и мусорные ямы.

Стена Отрара XI — начала XII в. на вскрытых участках не обнаружена. Видимо, сообщаемый источниками факт уничтожения крепостных стен Отрара монголами [Juvaini, 1958, p. 86] действительно имел место.

Разрез стены рабада позволил выяснить, что она была возведена на насыпной платформе высотой 1 м. Основание стены шириной 6,2 м сделано из трех рядов сырцового кирпича. На краю кирпичной кладки поставлены пахсовые блоки, по два с каждого края. Пространство между блоками заполнено строительным мусором и землей. Выше стена наращивалась 5—7 слоями битой глины и кладкой из сырцового кирпича. Датируется стена X—XII вв.; последний ремонт выполнен в конце XII — начале XIII в. [Байпаков, 1972а, с. 506].

Представление о характере городских укреплений дают раскопки на других городищах. Так, стена шахристана Баба-Аты в X в. была одета в «рубашку» из двух рядов кирпича. Расстояние между массивом прежнего вала и «рубашкой» плотно забито строительным мусором. По краю вала устроен парапет из кирпичей.

Башни Баба-Аты сооружались на восьмигранном монолите из сырцового кирпича. Одна из башен раскопана полностью. Высота ее 5,1 м, верхний диаметр 3,4 м, нижний — 4,6 м. Внутри имелось помещение треугольной формы с закругленными углами и плоским перекрытием. На верху башни, как и на стене, имелся парапет.

Раскопками стены рабада Баба-Аты установлено, что она была построена в XI—XII вв. из пахсовых блоков.

Разрезы крепостной стены шахристана Актобе I выявили, что и она была сооружена в IX—первой половине XI в. из пахсовых блоков. Сохранилась стена на высоту 2,25 м. Башни имели трапецевидную в плане форму. За внешний фас они выступают на 3—3,5 м [Мерциев, 1969, с. 140—144].

В целом в период с IX по начало XIII в. произошли заметные изменения в топографии и застройке южноказахстанского города, выразившиеся в формировании рабадов, в увеличении площади кварталов. Кроме того, у многих городов меняется характер застройки цитаделей, которые теперь заняты рядовой застройкой. Новыми элементами в структуре города явились мечети и общественные бани.

В юго-западном Семиречье также отмечены изменения в застройке цитаделей. На цитадели Красной Речки, где в VII — первой половине IX в. находился дворцовый комплекс с мощными укреплениями, появляются жилые комплексы.

Обходная галерея делится на отдельные отсеки-помещения. Часть старых стен используется в новых постройках, другие ремонтируются путем прикладов из длинномерного сырцового кирпича.

Всего на цитадели вскрыто 5 помещений второго строительного горизонта. В помещении 2 обнаружен уровень пола или суфы. В восточном углу расчищен очаг-тандыр, стенки которого сделаны из полос глины толщиной 5 см и высотой 25 см. Диаметр тандыра 80—85 см. Дымо-

ход пробит в тулове стены цитадели и выведен наружу вертикальным колодцем.

Позднее все помещения были забутованы сырцовым кирпичом и на образовавшейся платформе возведена постройка дворцового типа, к сожалению, испорченная современными работами. От верхнего строительного горизонта сохранилось четыре помещения с полами, вымощенными жженым кирпичом. В основание одной из стен были «вмонтированы» два несторианских кайрака, датированные VIII в. Керамика позволяет отнести верхний строительный горизонт к XI—XII вв. [Байпаков, Горячева, 1980, с. 481].

На цитадели городища Актобе Степнинское были вскрыты помещения с очагами, с михрабной нишей, резной штукатуркой [Шалекенов, Елеуов, Алдабергенов, 1978, с. 161—179; Шалекенов, 1980, с. 15—16]. На наш взгляд, здесь находилась богатая городская усадьба X—XII вв.

Раскопки на цитадели Бураны тоже выявили массив рядовой городской застройки X—XI вв., что несколько неожиданно, поскольку город Баласагун являлся резиденцией Караханидов. Возможно, их дворец располагался в нижней части города, у комплекса мечети, что было характерно, например, для средневековых арабских городов [Большаков, 1982, с. 164].

В застройке городов имелись общественные бани. Две раскопаны в Таразе. Первая баня размером 13,4×12,4 м имела семь помещений различного функционального назначения, отапливалась системой жаропроводящих каналов. Остатки интерьера: суфы, скамьи, корытца, ванны, нишки, полихромные росписи — свидетельствуют о богатом внутреннем оформлении таразской бани. Датируется она XI в. [Бернштам, 1940, с. 183], но предлагается и более ранняя хронология [Пугаченкова, 1949, с. 245], что, видимо, более соответствует действительности, поскольку баня еще не приобрела крестообразную планировку, характерную для аналогичных построек в XI—XII вв.

Остатки второй бани открыты неподалеку от первой. Планировка ее не выяснена: раскопан лишь небольшой участок. Баня отапливалась, как и первая, системой жаропроводящих каналов.

Северо-восточное Семиречье. Раскопки городища Талгар позволили выявить в его застройке отдельные кварталы. Полностью открыт квартал XI — начала XIII в. Он состоял из домовладений, объединенных участком магистральной улицы, изолированных от остальной застройки глухими боковыми фасадами крайних домов (рис. 60).

Всего на участке площадью 3600—4000 кв. м (часть участка разрушена рекой) насчитывалось 12—14 домов, все они имеют выходы на улочку.

При сравнении квартала Талгара с синхронными по времени кварталами Куйрук-тобе обнаруживается, что площадь первого почти в 4 раза больше, хотя количество домовладений в кварталах одинаково. Это можно объяснить спецификой илийских городов, которые возникли в результате оседания кочевников и полукочевников, сохраняющих, однако, в своем укладе многие черты прежней жизни [Байпаков, 1978, с. 92—96].

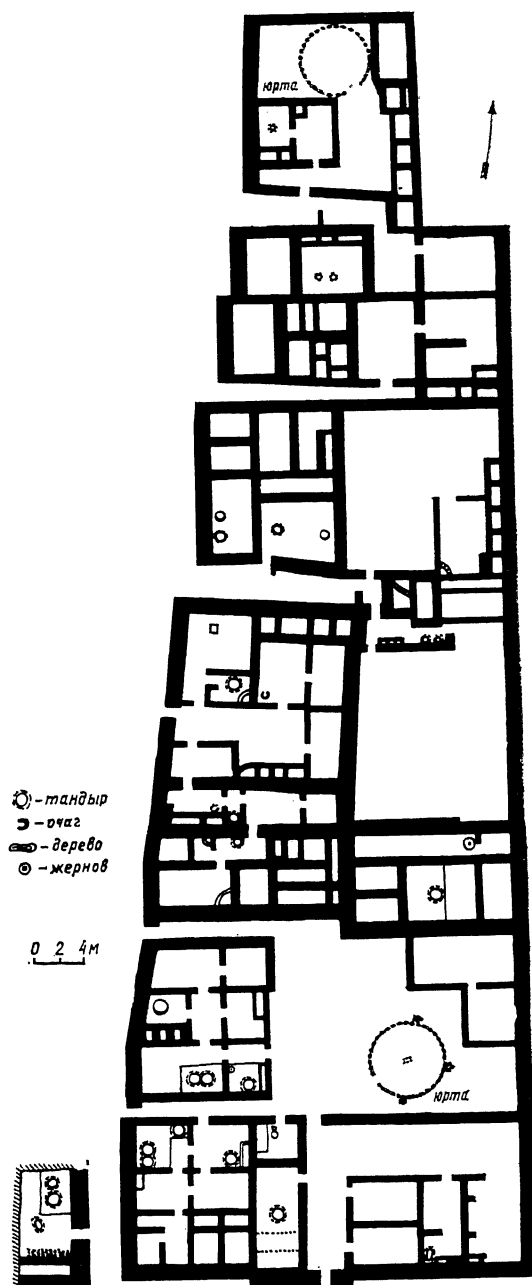

Рис. 60. Городище Талгар. План раскопанного городского квартала XI—XII вв.

Структурой илийский город удивительно напоминает позднесредневековый Пештак в Туркмении. Последний был основан осевшими туркменами и являлся центром экономической жизни края, удовлетворявшим интересы кочевых скотоводов и жителей оседлых оазисов. Население города было связано и с земледелием, и со скотоводством. Кварталы Пештака состояли из 10—15 домовладений, занимавших площадь от 5000 до 5500 кв. м. Они были замкнуты глухими стенами, дома объединялись внутриквартальными тупичками, через них же сообщались с городом [Левина, Овезов, Пугаченкова, 1953, с. 19—24, рис. 19, 20]. Близость структур этих городов свидетельствует об общих путях формирования и развития города у бывших кочевых народов.

Кварталы Талгара, видимо, тоже складывались как результат концентрации домов родственников. Они принадлежали семьям, находящимся в родстве и связанным сознанием происхождения от одного предка [Абрамзон, 1957, с. 32—34; Соколовский, 1926, с. 67].

В результате изучения городских укреплений городов северо-восточного Семиречья выяснилось, что стена Талгара была глинобитной, сооружена ленточной техникой. Ширина стены в основании 7 м, сохранившаяся высота до 4 м. В основание стены были положены каменные валуны.

Такая же конструкция характерна и для стены городища Сумбе. Первоначально на материке на расстоянии 3 м друг от друга сооружались две параллельные каменные стены высотой 2 м. В кладке использовались крупные окатанные булыжники, скрепленные глиняным раствором. Пространство между ними забили глиной, а выше стену наращивали слоями толщиной до 20 см. Глину брали по обеим сторонам стены, но в основном снаружи, в результате чего перед стеной образовался ров.

Развитие жилища и вопросы демографии

В Южном Казахстане во второй половине IX—X в. жилище продолжает традиции предшествующего времени. Это одно- и двухкомнатные дома осевой линейной планировки с тамбуровидными входами, с г- и п-образными суфами вдоль стен жилого помещения, отапливаемые очагами открытого типа с бортиком по периметру и каминами. Перекрытия плоские, одно- и четырехстолпные. Такие дома открыты в квартале «Г» на городище Куйрук-тобе (рис. 61). Наряду с описанными типами жилища появляется еще один — двухкомнатный дом с боковым коридором.

Один из них раскопан в квартале «Г». Из коридора шириной 1,2 м, длиной 11 м ведут входы в кладовую, расположенную в передней части дома, и жилое помещение. Площадь всего дома 52,5 кв. м. Большую часть пола жилого помещения занимает суфа, на которой устроены два прямоугольных очага размером 0,7×0,8 м с бортиками. Дом имел перекрытие, центральная осевая балка которого (центральный прогон) опи-

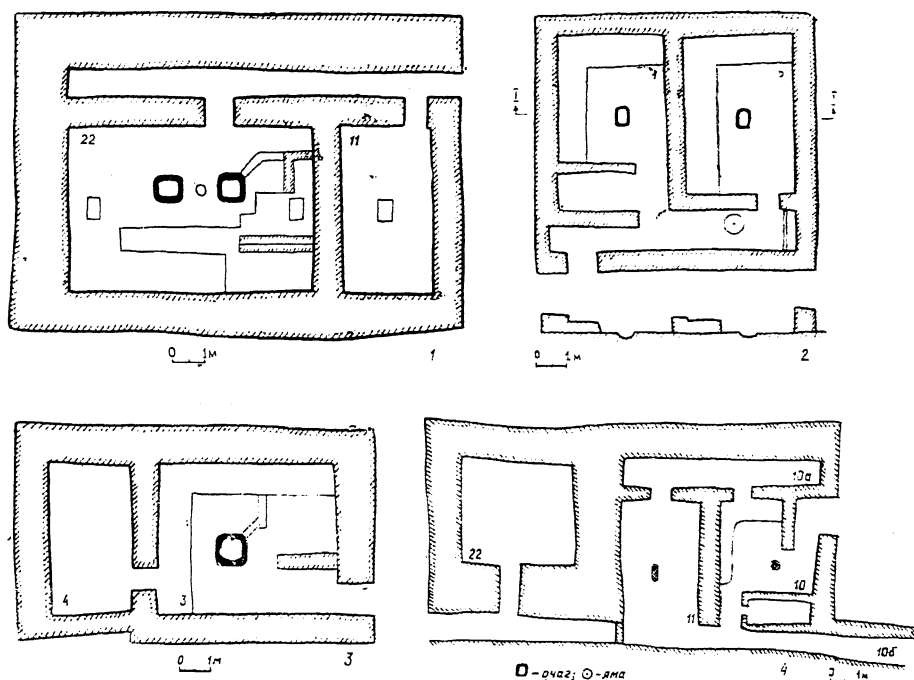

Рис. 61. Планы домов IX—X вв. на городище Куйрук-тобе

ралась на три деревянные колонны. Остатки колонн, укрепленных в прямоугольных ямках, сохранились на полах кладовой и жилой комнаты (рис. 61, 1).

Жилище второй половины X—XI в. известно по раскопкам кварталов «И» и «К» на городище Куйрук-тобе (рис. 62). Все дома здесь одного типа — двухкомнатные, состоят из жилого помещения и кладовой. В дом попадали через тамбур. В комнате вдоль стен идет п-образная суфа шириной 1—1,5 и высотой 0,3—0,4 м (рис. 63, 2). В центре на полу находился очаг в виде антропоморфной площадки с бортиком. Размер его 1,2×1,5 м, передняя часть оформлена двумя округлыми выступами, ближе к нему находилась жаровая ямка. Напротив входа находится отделенная бортиком хозяйственная площадка, где стояли мельничный постав и вкопанные в пол сосуды. Рядом, на краю суфы устроена тумба высотой 0,6 м с вмазанным в нее тандыром. Рядом с тандыром в стене устроены хозяйственные ниши. Перекрытие дома было, скорее всего, плоским и поддерживалось четырьмя столбами, от которых сохранились гнезда в полу. Интерьер других домов аналогичен, различается лишь деталями.

Появление тандыров в качестве очага для выпечки хлеба в Южном Казахстане относится, по нашим материалам, ко второй половине X в.,

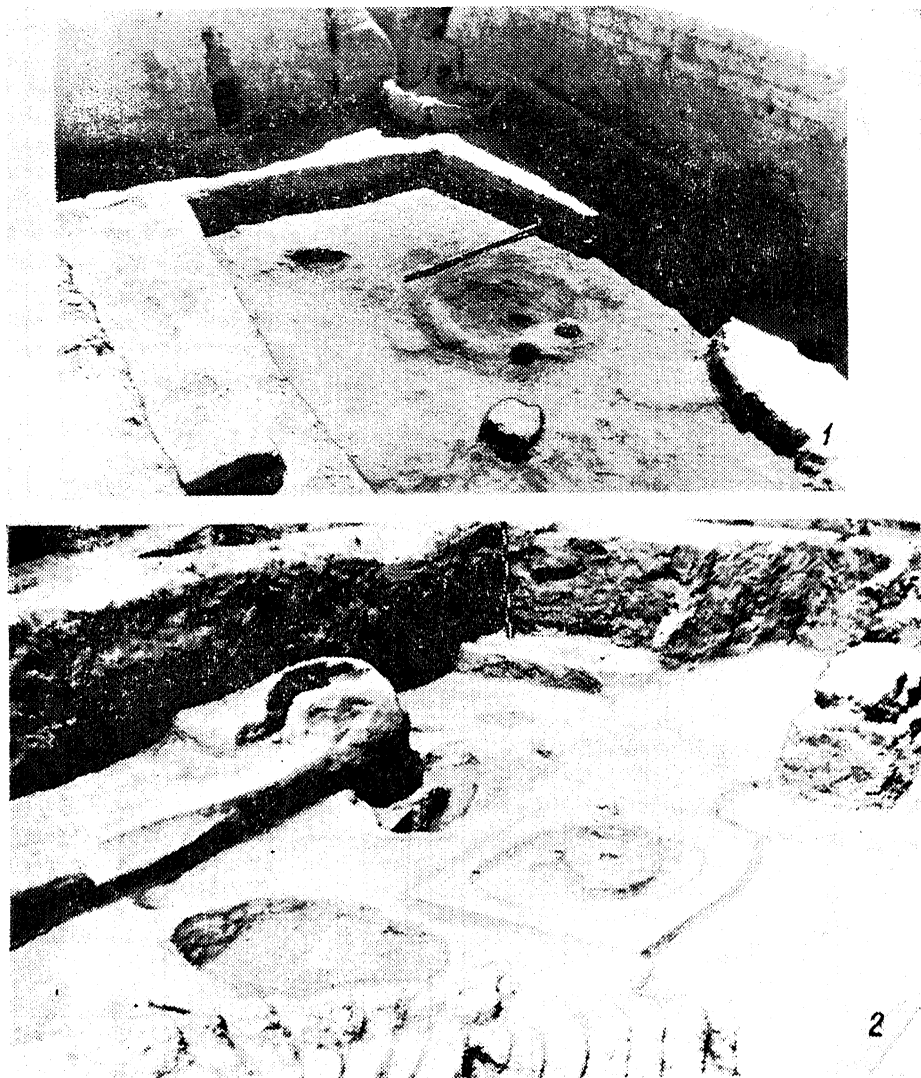

Рис. 62. Куйрук-тобе. Городское жилище X—XI вв. 1 — дом с овальным очагом; 2 — дом с прямоугольным очагом

хотя в среднеазиатских городах тандыры были известны в VII в. [Якубов, 1982, с. 118].

Антропоморфные очаги с налестами в виде груди, на наш взгляд, являются вариантом развития более ранних прямоугольных очагов с бортиками. Аналоги очага имеются в Хорезме на городище Джигирбент. Там в одном из помещений двухкомнатного дома X—XI вв. находился

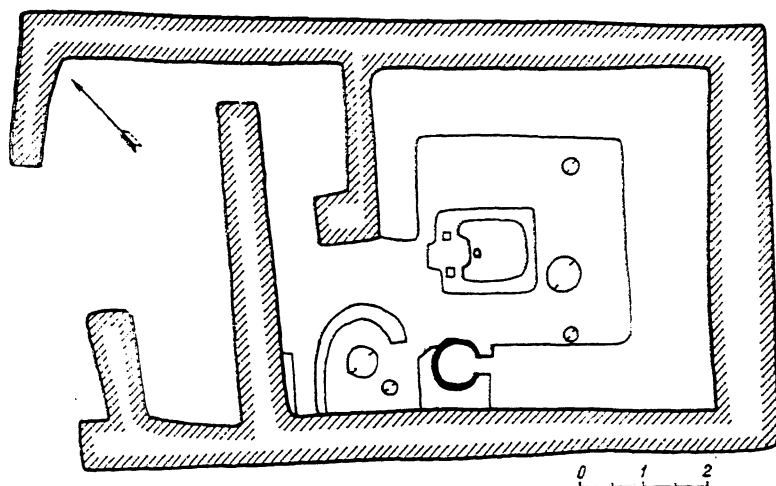

Рис. 63. Куйрук-тобе. План дома X—XI вв.

антропоморфный очаг, который считается культовым [Вишневская, Рапопорт, 1979, с. 105—112]. В позднее время очаги с бугорками-налепами встречены в северных районах Средней Азии [Писарчик, 1982, с. 78, рис. 1]. Возможно, реминисценцией антропоморфности очагов служат две шишки-чига (грудь) на тандыре ягнобцев.

Значительные изменения прослеживаются в жилищах XI — начала XII в., раскопанных в кварталах «Д», «Е» и «Ж» на Куйрук-тобе.

Сохраняется жилище с осевой (линейной, анфиладной) планировкой, состоящее, однако, из трех помещений, расположенных по длинной оси (рис. 64, 1, 2).

К новому типу относятся дома с помещениями, расположенными на пересекающихся осях (крестообразная планировка) (рис. 64, 3, 4), а также с помещениями, поставленными в один ряд, длинной осью перпендикулярно магистральной улочке. Число помещений в доме два-три (рис. 64, 5, 6).

В домах традиционных типов — с тамбуровидным входом и суфой вдоль трех или четырех стен — появляются новые очаги. Это круглые и прямоугольные жаровни, вкопанные в пол заподлицо, богато украшенные растительным, геометрическим и архитектурным декором (см. рис. 36—38). Наряду с жаровнями встречены круглые углубления в полу диаметром до 80 см с вертикальными стенками (рис. 65).

Жаровни и круглые углубления могут быть интерпретированы как сандалы, хорошо известные по этнографическим материалам [Писарчик, 1982, с. 93—100, 103]. Несомненно сходство богато орнаментированных жаровен и самаркандских очажков. Последние связываются с культом огня [Пугаченкова, Ремпель, 1972, с. 234]. Однако не исключено и ути-

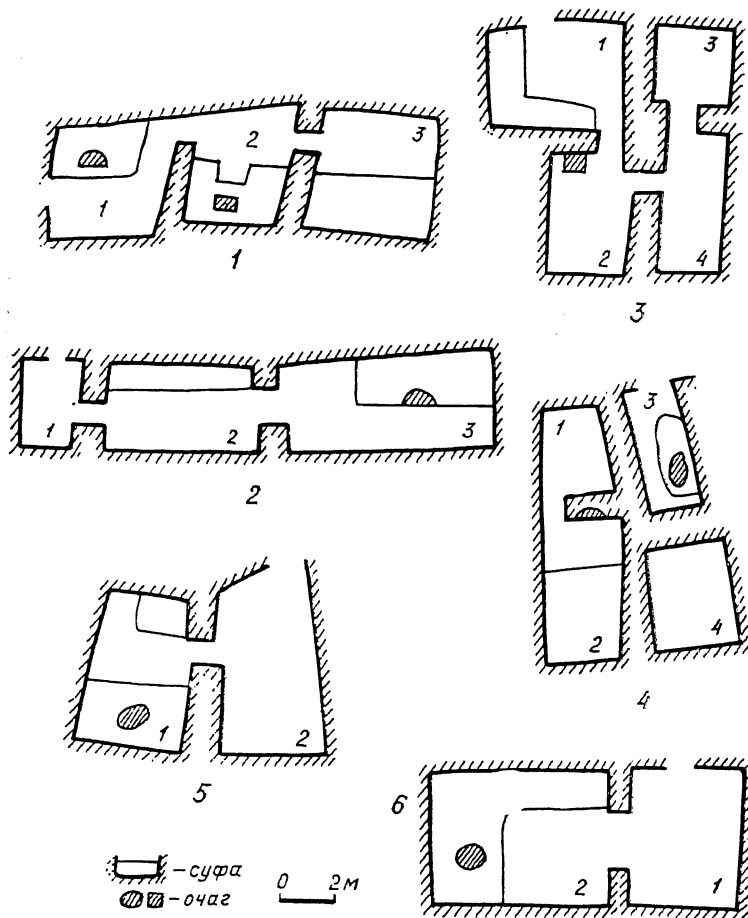

Рис. 64. Типы жилищ XI — начала XII в. на городище Куйрук-тобе

литарное назначение очажков как разновидности сандалов [Якубов, 1982, с. 119].

Наряду со стационарными встречены обломки переносных очагов в виде глиняных цилиндров без дна (см. рис. 36, 2). Внутренние стенки их богато украшены штампованным, наклепным и рельефным орнаментом. Встречаются также обломки подкововидных очажков.

В XII в. появляются ташнау. Первоначально оно представляло собой прямоугольное корытце с бортиками и сливом, подсоединенным к трубе или сосуду, впущенному в землю. В конце XII — начале XIII в. ташнау трансформируются в площадку, обычно вымощенную жженым кирпичом, один из которых закрывает выбитое дно крупного перевернутого сосуда, впущенного в землю. Вода стекала вниз через отверстие в

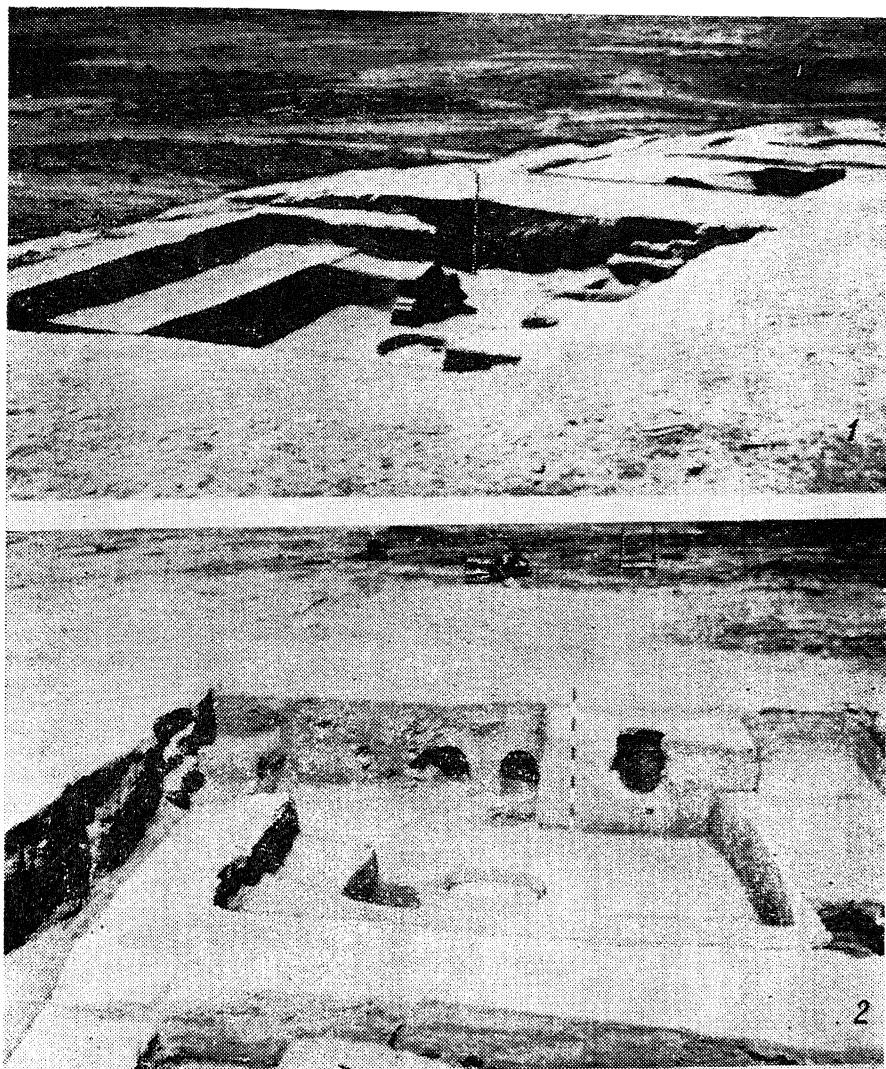

Рис. 65. Интерьер дома с углублением-очагом на Куйрук-тобе. XII в.

кирпиче и щели. Такой тип ташнау получил широкое распространение в XIII в. и последующие столетия.

В юго-западном Семиречье в IX — начале XIII в. также появляются и распространяются новые типы жилища. Для одного из них характерен центрический план: центральный зал или двор, из которого вели входы в жилые и хозяйственные помещения. Такая планировка харак-

терна и для богатых, и для рядовых домов, различия заключаются лишь в размерах постройки и характере интерьера.

Группа таких домов вскрыта на Краснореченском городище. Один из наиболее больших открыт на площади в 520 кв. м по уровню верхнего строительного горизонта. Общая площадь дома составляла не менее 1200 кв. м. Вход в здание находился с северной стороны и представлял собой пандус шириной 3 м. Он вел в вестибюль, имеющий вид коридора длиной 4 и шириной 3 м. Из вестибюля попадали во двор и в парадные помещения, расположенные анфиладой по линии восток — запад. Стены помещений сложены комбинированной кладкой из пахсовых блоков размером $50 \times 50 \times ?$ см и сырцового кирпича размером $40-42 \times 20-21 \times 10$ см. Местами сохранилась глиняная и алебастровая штукатурка. В завалах и на полах помещений собрано большое количество фрагментов резного раскрашенного штука, кусков штукатурки с росписями.

Западная часть пристройки была занята площадкой размером около 120 кв. м. В центре этого «двора» зачищены остатки круглого, слегка возвышенного основания юрты диаметром 7 м. Оно обложено жженым кирпичом, сверху обмазано слоем кыра толщиной 0,5 см.

Керамика, собранная при раскопках постройки, датируется X—XI вв. Найдены монеты Караханидов, чеканенные в XI в.

Аналогичная планировка характерна для усадеб, которые образуют компактную группу к югу от центральных развалин [Кожемяко, 1967, с. 53—90]. Это были многокомнатные постройки площадью 200—400 кв. м. Стены парадных помещений украшались резными алебастровыми панелями, резной штукатуркой, окрашенной в различные цвета [Горячева, Береналиев, 1979, с. 590].

Усадьбы этого же типа известны по раскопкам городища Актобе Степнинское. В усадьбе общей площадью 1 га имелся двор с хаусом в центре. Центральное квадратное помещение размером $3,3 \times 3,3$ м соединялось с расположенными вокруг него помещениями жилого и хозяйственного назначения. Верхний строительный горизонт усадьбы датируется X—XI вв. Дома отапливались переносными очажками и специальными тандырами с короткими дымоходами, проложенными в суфе и выведенными наружу при помощи вертикального колодца в стене (см. рис. 22, 2) [Кожемяко, 1967, с. 68, 86].

Планировка и характер описанных построек имеют аналогии в Средней Азии, в частности в Хорезме. По мнению исследователей, они обнаруживают известное сходство с Краснореченскими [Неразик, 1976, с. 189]. Выкладка полов жженым кирпичом, использование в интерьере парадных помещений резьбы и росписей по штукатурке известны в Ташкентском оазисе, Туркмении (Султан-кала, Чугундор, Мисриан) [Буряков, 1982, с. 143, 150—151; Лунина, 1969, с. 119; Атагарриев, 1968, с. 46; 1971, с. 96—98]. Некоторые исследователи считают, что резьба по глине в основном использовалась в Согде и Чуйской долине [Лунина, 1978а, с. 210].

Особенностью планировки домов другого типа является расположение всех построек по периметру центрального двора. Такие постройки

известны по раскопкам в округе Актобе Орловского [Бубнова, 1963, с. 135—137].

Часть домов, находящихся за пределами центральных развалин, служила, вероятно, летними усадьбами зажиточных горожан. Это касры — укрепленные усадьбы. Термин «каср», по мнению О. Г. Большакова, следует трактовать как павильон, небольшой дворец [Большаков, 1973, с. 264].

Наряду с богатыми загородными постройками на территории, окруженной длинными стенами, существовал еще один тип строений. Это двух- и трехкомнатные дома, которые и являлись основными компонентами сельской округи. Расположены они в одиночку, группами от пяти до двадцати, иногда образуют своеобразное каре с незастроенным внутри участком. Видимо, большинство таких домов, прежде всего расположенных на периферийных участках, принадлежало сельскому населению. Другие могли служить летними жилищами рядовому городскому населению, переселявшемуся на лето в пригород. Таким образом, городское жилище юго-западного Семиречья в указанный период отличается планировкой, наличием тандыров с короткими дымоходами, использованием крашеного резного штука, наличием юрт в составе помещений некоторых домов.

В северо-восточном Семиречье раскопки Талгарского городища открыли остатки девяти домовладений. Полностью раскопаны пять. Одна из усадеб (II) состояла из жилой части и двора. В усадьбу вело два входа: в западной стене основной, в южной — для скота, ведущий во двор.

Жилая часть усадьбы, насчитывающая 6 помещений, представляет углубленную в землю постройку, стены которой сложены из каменных булыжников и валунов, скрепленных раствором глины (рис. 66, 1). Три из них предназначались для жилья, остальные выполняли функции подсобных: это были кладовые, амбары с закромами. В двух жилых помещениях были суфы с вмазанными в них тандырами; в одном отмечено наличие открытого напольного очага. На суфах рядом с тандырами находились небольшие закрома (рис. 66, 2).

Одно из хозяйственных помещений (№ 3) площадью 32 кв. м наиболее интересно по планировке. В нем устроены 7 отсеков-закромов.

Восточную часть усадьбы занимал обширный двор площадью 180 кв. м, обнесенный каменной оградой. Все надворные постройки примыкали торцами к южной стене, ограждавшей двор. Направо от входа расположено четыре загона. Три из них (8, 12, 13) предназначались для мелкого рогатого скота — овец, коз, четвертый загон (11, 11а) размером 6,4×3,2 м с небольшим отсеком, на полу которого находился подковообразный очаг, — для крупного. Очаг служил для обогрева в холодное время года помещения, где находился молодняк.

Еще один загон (10) занимал юго-восточную часть двора. Вдоль западной его стены расположены 3 решетчатые кормушки. Вероятно, загон был открытого типа и служил стойлом для лошадей, верблюдов, ослов.

Рис. 66. Усадьба на городище Талгар XI—XII вв.: 1 — жилое помещение; 2 — комната с закромами

В двух из пяти раскопанных усадеб во дворах кроме построек для скота стояли стационарные юрты. В усадьбе III от юрты в юго-восточной части двора сохранилось круглое основание диаметром 5,8 м из плотной желтой глины, обложенное рядом крупных камней. В центре платформы — небольшое углубление от очага округлой формы с остатками золы и углей (рис. 67).

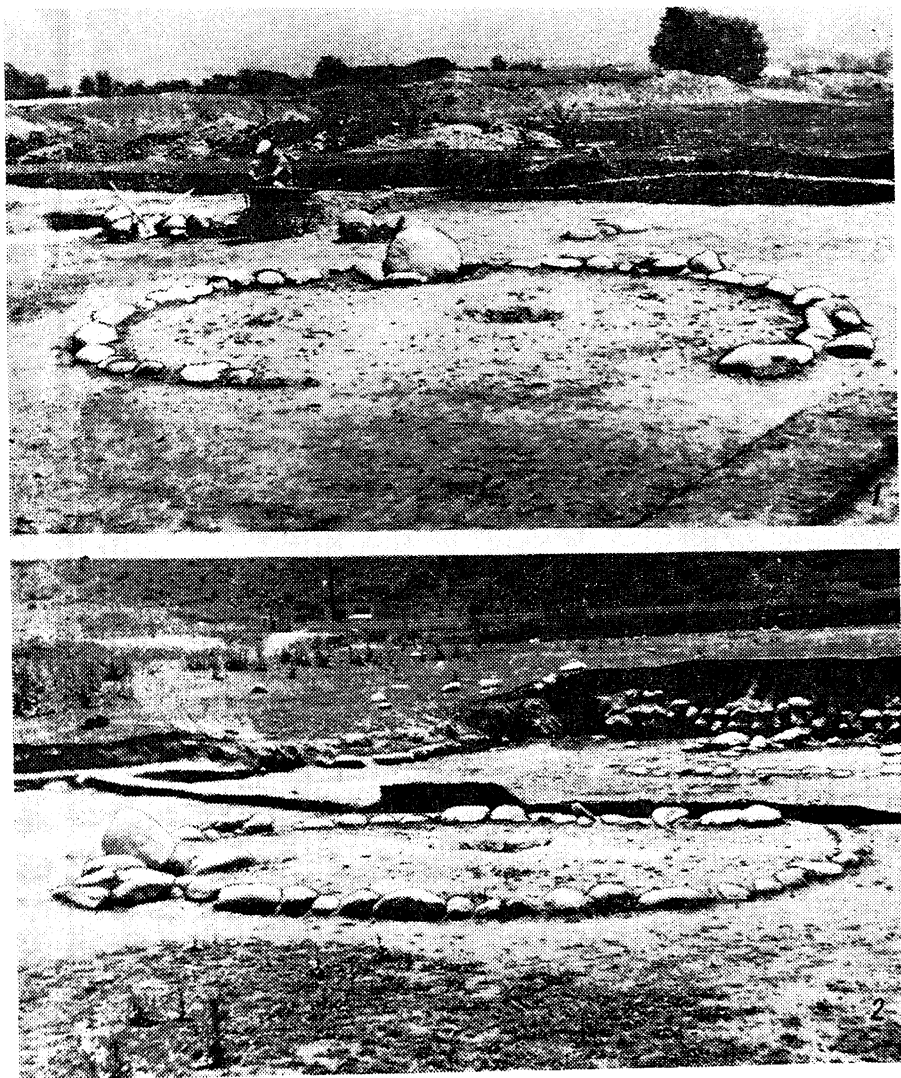

Рис. 67. Основание юрты во дворе дома на городище Талгар. XI—XII вв.

Остатки аналогичных усадеб открыты при раскопках илийских городищ Сумбе и Антоновское [Байпаков, 1968, с. 72, 74—75; 1973, с. 71—80]. По своей планировке усадьбы илийских городищ самобытны и вместе с тем сочетанием жилых и хозяйственных функций напоминают средневековые жилища Южного Казахстана. В основе талгарского жилища лежит однокамерная постройка, где были совмещены функции и жилья, и кладовой. Такие жилища характерны для сельского поселения Жаксылык, где открыты однокомнатные секции с выделенным при помощи перегородак очажным отделением.

Сочетание жилья и обширного двора для содержания скота характерно для населения, в хозяйстве которого сохраняется скотоводческий уклад [Неразик, 1976, с. 197]. Еще в первые века н. э. у усуней Илийской долины отмечены загоны для скота, входящие в состав жилищ зимних поселений [Акишев, 1969, с. 35—44]. Объединение жилища и двора — загона для скота было зафиксировано и в позднее время у приилийских казахов [Баскаков, 1971, с. 112—115, рис. 6].

Замечено, что казахи, решившие осесть, выбирали под поселения берега рек, озер. Главным материалом для постройки жилищ служили земля, камень-плитняк. Жилища обычно углубляли в землю, рядом размещался скотный двор. Если вначале двор был открыт, то постепенно в нем появлялись крытые сараи для различного скота: верблюдов, коров, лошадей, овец. Для молодняка строилось особое, отапливаемое, помещение. Жилище эволюционирует от землянки с кухонным отсеком до трех-, четырехкомнатного строения. Для хранения зерна устраивали амбары с закромами и выкапывали ямы [Глухов, 1927, с. 108—134; Руденко, 1927].

Многое сближает казахское жилище Западного Казахстана с домами-усадьбами средневекового Талгара. Это и углубление жилища в землю для лучшего аккумулирования тепла в холодное время года, наличие нескольких жилых отапливаемых помещений, использование одних и тех же строительных материалов. В домах выделяются обширные кладовые с отсеками для хранения зерна. Аналогично устроены скотные дворы с постройками для разных видов скота.

О скотоводческих и кочевнических традициях в хозяйстве населения Талгара свидетельствуют стационарные юрты, устраиваемые во дворах некоторых усадеб. Сочетание постоянных жилищ и юрт отмечено при раскопках золотоордынских городов Поволжья, где кочевые традиции были особенно сильны [Федоров-Давыдов, Вайнер, Мухамадиев, 1970, с. 71]. Юрта, как отмечалось выше, стояла во дворе богатого дома на Краснореченском городище.

Сосуществование юрты со стационарным зимним жильем характерно для перешедших к оседлости казахов, киргизов, туркмен, узбеков [Народы Средней Азии..., т. 2, с. 228, 231, рис. 69—70; Логашова, 1976, с. 57; Этнографические очерки..., с. 127, 131—132].

Таким образом, наличие юрты при стационарном жилище свидетельствует о процессах оседания в среде местного населения, о все еще значительной роли скотоводства в хозяйстве горожан. Последнее подтверждается и тем, что двор, составляющий половину всей усадьбы, был застро-

ен сооружениями для различных видов скота. В то же время многокамерные стационарные жилища, построенные из камня, пахсы, сырцового кирпича и дерева, свидетельствуют о прочной оседлости обитателей городов, жизнь которых была связана в первую очередь с занятием ремеслами, торговлей и земледелием [Байпаков, 1968, с. 82—84].

Бесспорен и тот факт, что в этом райсне город больше, чем в юго-западном Семиречье, сохранял не только сельскохозяйственные традиции, но и рудименты кочевого и полукочевого быта.

Вопросы демографии. Выяснение квартальной застройки и характера жилища позволяет рассмотреть вопросы демографической ситуации в этот период.

В IX—XII вв., судя по раскопкам Куйрук-тобе, произошло увеличение площади квартала до 1000 кв. м, выросло и число домовладений — до 8 в среднем. Как и прежде, жилище принадлежало индивидуальной семье. На шахристане Куйрук-тобе, площадь которого составляла 5 га, а селитебная — 4 га, размещались 40 кварталов, в каждом из которых проживало 40—48 человек. Население центральной части города, таким образом, составляло примерно 1600—1920 человек, а плотность — 320—380 человек на гектар застройки. Кроме того, население жило в рабаде, площадь которого была около 25 га. Если на 1 га рабада проживало в среднем 50 человек [Большаков, 1973, с. 265], то число жителей торгово-ремесленного предместья Куйрук-тобе (Кедера) составит 2500 человек, а общее число всех горожан 4100—4420 человек.

В то же время в Отраре (на центральном бугре площадью 20 га) насчитывалось 200 кварталов, в которых проживало 8000—9960 человек. По сравнению с VI—VIII вв. население здесь несколько сократилось, но в это время сформировался рабад площадью 170 га, в котором проживало 7500 человек, и общее население города составляло 15 500—17 460 человек. Таким образом, население города в IX—XII вв. по сравнению с предыдущим периодом увеличилось почти на 25%.

В оазисе кроме Отрара и Кедера были еще четыре города: Куюк-Мардан, Джалпак-тобе, Оксус — Весидж, Бозук-тобе (Бурух). Экстраполируя расчеты по Куйрук-тобе на эти памятники, можно вычислить, что в IX—XII вв. — в период максимального территориального роста — в каждом из них могло проживать в среднем соответственно 2000, 1800, 1700 и 2600 человек. Всего же в городах округа Фараб в IX—XII вв. насчитывалось около 29 000 жителей.

В Испиджабе — крупнейшем городском центре региона в шахристане площадью 28 га проживало в 210 кварталах 8400—10 080 человек и на 600 га рабада 30 000 жителей, а всего в городе было около 40 000 населения. Усбаникет, центр округа Кенджида, насчитывал около 7000 человек, из них 5000 жили в шахристане и 1850 в рабаде. В столице округа Шавгара, находящегося на месте Чуйтобе, проживало 4250 человек. В Сыгнаке численность населения составляла 5800 человек, в шахристане Янгикента было 4000 жителей. На северных склонах Каратау самым большим городом в IX—XII вв. был Кумкент. В его шахристане обитало 4800, а в рабаде 5000 жителей, всего около 10 000 человек.

Таким образом, столичные центры и наиболее крупные города насчитывали от 4000 до 10 000 человек, а Отрар и Испиджаб соответственно 16 000 и 40 000 жителей. В средних городах насчитывалось 1500—3000 человек и в городках до 1500 жителей. Всего же в городах Южного Казахстана проживало, по нашим подсчетам, 150 000—160 000 человек.

Численность сельского населения можно рассчитать путем экстраполяции показателей средней плотности сельского населения, известных по переписям и статистическим обзорам конца XIX — начала XX в. К сожалению, в разных изданиях наблюдаются значительные расхождения цифрового материала [Россия..., с. 857]. Численность кочевого населения, составляющего большинство сельских жителей, неизвестна, и поэтому сопоставление такого рода невозможно.

Демографические выкладки для городов юго-западного Семиречья будут условны до тех пор, пока не будет выяснен характер застройки центральной части городищ. Однако даже приблизительный вариант народонаселения небезынтересен.

По данным О. Г. Большакова, в Таразе насчитывалось около 10 000 человек [1973, с. 267]. Источники же IX в. сообщают, что при взятии Тараза было убито 10 000 и взято в плен 15 000 человек [Волин, 1960, с. 7, 78]. Видимо, сведения победной реляции, как это зачастую случается, были преувеличены.

Наши подсчеты, основанные на предложенных О. Г. Большаковым средних цифрах для трех зон застройки городов, приводят к следующим результатам⁵.

Центральные развалины Ак-Бешима, отождествляемого с Суябом, занимают около 8 гектаров, из них на долю цитадели приходится четверть гектара. На селитебной площади в 60 гектаров при плотности населения, определенной для среднеазиатского города в 250 человек на гектар, обитало 15 500 человек.

Центральные развалины Краснореченского городища занимают площадь 90 гектаров. С учетом только обжитой площади (68 га) в городе в X—XII вв. было не менее 17 000 жителей.

Согласно О. Г. Большакову, на Ак-Бешиме проживало 13 500 человек [Большаков, 1973, с. 267]. К. И. Петров, использовавший при своих подсчетах метод, в основе которого лежит площадь пахотных угодий и возможность дать пропитание конкретному количеству населения, определяет число жителей Суяба в 11 685, а Навакета — в 21 250 человек [Петров, 1981, с. 162]. Следует отметить, что цифры, предложенные К. И. Петровым, называют предел численности городов. Близость результатов наших и его подсчетов делают эти цифры более реальными.

Баласагун (городище Бурана) насчитывал 6000 жителей. Крупные города региона — Нузкет (Шиштобе) и Текабкет (Актобе Таласское) имели соответственно 5000 и 4000 человек.

В средних городах проживало от 1500 до 3000 жителей, а в малень-

⁵ Следует помнить, что часть населения, которая жила зимой в городе, а летом в пригороде, учитывается дважды, но определить коэффициент для уточнения расчетов пока невозможно.

них — до 1500 населения. Общая численность городского населения Чуйской и Таласской долин, по нашим данным, составляла около 100 000 человек.

В Илийской долине хорошо изучена структура городища Талгар. Для определения численности населения необходимо установить общее число отдельных усадеб на территории городища. На селитебной территории городища площадью 21 га могло поместиться 700 усадеб при средней площади каждой 0,3 га. Численность населения, таким образом, составляла 3500—4200 человек при плотности 130—150 человек на гектар жилой городской застройки.

Исходя из результатов демографических подсчетов в Талгаре можно определить количество населения городищ Чилика, Сумбе, Дунгене, Антоновского. Население Чилика насчитывало 4200—5000 человек, Сумбе — 2200 человек, Дунгене — 5600, Антоновского — 13 000 человек. Поскольку площадь Кок-Тумы неизвестна, то численность ее населения условно можно определить в 6400 человек (средняя для города). Таким образом, в городах Илийской долины проживало в XI — начале XIII в. 35 000 человек.

Проследить рост численности городского населения в период с IX по начало XIII в., к сожалению, пока невозможно из-за отсутствия точных размеров городищ.

Сопоставление численности населения рассматриваемой области и ее районов и среднеазиатских показывает, что по численности городского населения отдельные районы Южного Казахстана и Семиречья значительно уступали таким районам Средней Азии, как Ташкентский и Мервский оазисы, но все городское население области было не меньше, чем в названных оазисах. Наиболее крупный город Испиджаб был, по данным Ю. Ф. Бурякова, меньше Бинкета, в 3—4 раза меньше Мерва и в 2 раза меньше Самарканда. Столичные центры Баласагун, Каялык по числу жителей стояли наравне со средними городами Средней Азии. Средние же города Южного Казахстана и Семиречья уступали по числу жителей средним городам Ташкентского оазиса в 2—3 раза. Демографическая ситуация свидетельствует о более низком уровне урбанизации в Южном Казахстане и Семиречье, чем в ведущих историко-культурных областях Средней Азии.

Развитие ремесла, торговли, сельского хозяйства

Рост числа городов, их территориальное расширение, увеличение численности городского населения сказалось на дальнейшем развитии ремесла и торговли. Снабжение выросшего населения городов сельскохозяйственной продукцией требовало роста товарности сельского хозяйства.

Изменяется состав потребителей ремесленной продукции: если в VII—VIII вв. это были богатые купцы и дехкане, то теперь — ремесленно-торговое население [Большаков, 1973, с. 269].

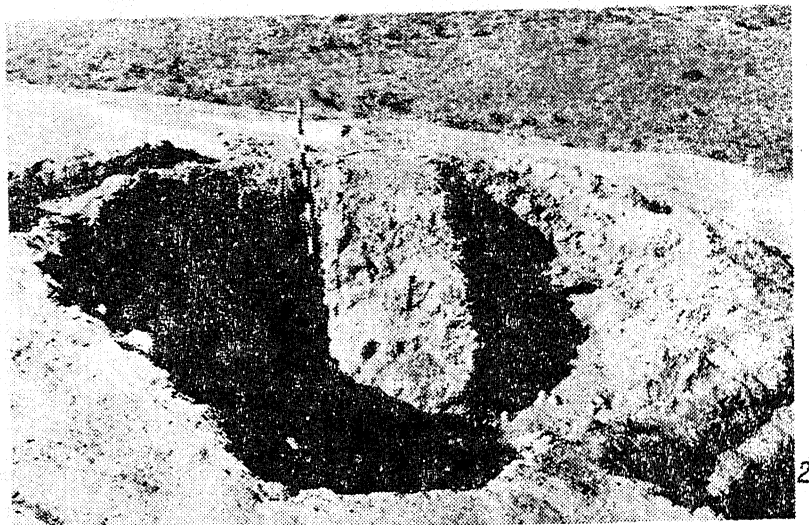
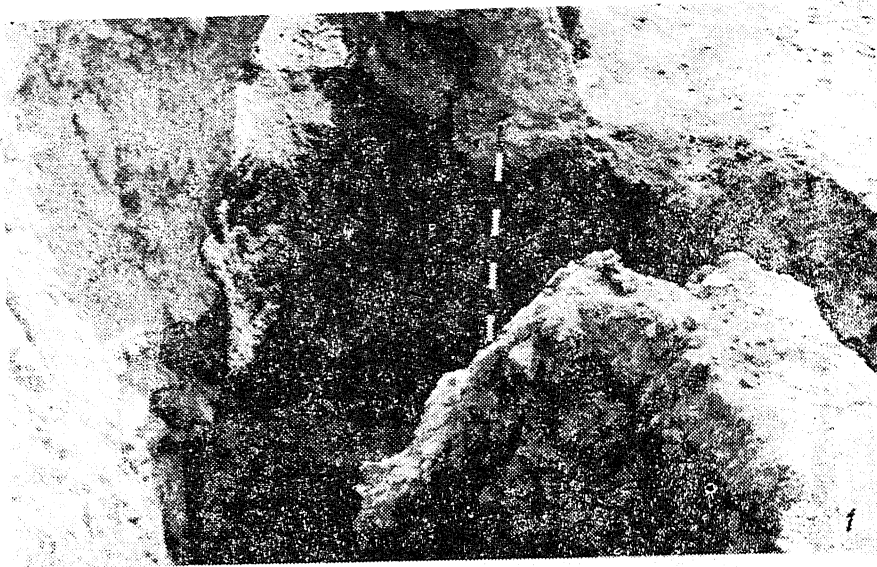

Рис. 68. Гончарные печи XI в.: 1 — на Отраре; 2 — на Куйрук-тобе

О некоторых изменениях в ремесленном производстве и торговле городов Южного Казахстана и Семиречья можно судить по археологическим материалам.

Почти ничего не известно о состоянии городского текстильного производства. Есть лишь замечание у ал-Макдиси о том, что из Испиджаба вместе с рабами вывозились «белые ткани» [Волин, 1960, с. 82]. Бесспор-

но, однако, что текстильное производство было развито, о чем свидетельствуют массовые находки пряслиц.

Гончарное производство известно по находкам керамики, раскопкам отдельных печей и мастерской в квартале гончаров XI в. на Куйрук-тобе. Мастерская состоит из двух частей — производственной и жилой. В производственной части два помещения. В одном из них, площадью 24 кв. м, находились три отсека для хранения глины и других компонентов производства. Южная часть помещения свободна; в полу имелись мусорные ямы, заполненные керамикой. Соседнее помещение 13 площадью 22,5 кв. м имело в северной части, ближе к углу, гончарную печь (рис. 68, 2). Топка ее имела грушевидную в плане форму, обжиговая камера не сохранилась. Топка разделена на две части стенкой толщиной 0,5 м и длиной 1,7 м, которая служила опорой для пода обжиговой камеры.

Жилая часть мастерской состояла из трех помещений, соединенных боковым коридором.

Одна мастерская не позволяет сделать какие-либо заключения о характере организации ремесла и его специализации. А это очень важный момент, поскольку он определяет степень развития ремесла и происходящие в нем качественные изменения. Пока можно лишь по материалам раскопок кварталов гончаров в Мерве сделать вывод, что в XI—XII вв. появляются небольшие ремесленные мастерские, где было занято не менее 10 человек [Большаков, 1973, с. 284]. По мнению С. Б. Луиной, существовали товарищества мастеров и отсутствовала четкая специализация [1962, с. 408]. Опираясь на материалы раскопок кварталов гончаров и отдельных мастерских на городище Афрасиаб, датированных X — началом XIII в., Ш. Ш. Шарахимов считает, что в это время уже существовала узкая специализация мастерских, а гончары были объединены в цеховые организации [1975, с. 19—20].

Наши материалы позволяют лишь косвенно говорить о специализации. Например, ямы квартала гончаров, заполненные керамическим браком, отходами производства, битой керамикой, содержат определенные наборы посуды. В одних случаях в них была только кухонная керамика, в других — только столовая. Если ямы принадлежали разным мастерам, то специализация уже была.

О специализации свидетельствует раскопанная в Таразе небольшая печь, где производился обжиг только сфероконусов [Пацевич, 1956, с. 76—79].

Стеклоделие. Массовые находки стеклянных изделий в городах Казахстана и Семиречья относятся к X в. Замечено, что с этого времени и до начала XIII в. формы, типы и наборы стеклянных изделий не меняются. Обнаруживается и близкое сходство их с аналогичными изделиями разных районов Средней Азии.

подавляющая часть стеклянной посуды сделана методом свободного выдувания, остальная — путем отливки в форме. Посуда, отливаемая в форме, имеет на стенках и донце орнамент в виде пчелиных сот, концентрических линий, розеток. Посуда, которая выдувалась, орнаменти-

ровалась наварными манжетами, стеклянными нитями и полосками, реже инкрустировалась разноцветными стеклянными напайками.

Массовые находки стекла свидетельствуют о том, что стеклянное производство в средневековых городах достигло высокого уровня и обслуживало самые различные слои населения.

Классификация изделий позволяет выделить несколько основных видов посуды. Это кринкообразные сосуды с округлым удлиненным туловом, резко суживающимся к шейке, венчик прямой (рис. 69, 1).

Наиболее массовой формой изделий из стекла являются графины нескольких типов из прозрачного зеленоватого либо голубого стекла. Графины часто украшались наварными нитями темно-зеленого, красноватого либо темно-синего цвета. Графины из исследуемого региона имеют прямые параллели в материалах среднеазиатских городов [Абдуразаков, Безбородов, 1966, с. 37, рис. 1; Брыкина, 1974, рис. 57, 5].

Вслед за графинами широко распространены кувшины (рис. 69, 2).

Чаши характеризуются невысокими стенками и широким устьем. У одних стенки плавно расширяются, у других вогнуты, у третьих имеют сложный фигурный профиль (рис. 70, 2). Некоторые чаши украшены орнаментом в виде расположенных в шахматном порядке ромбов и овалов. Аналогичные чаши представлены в коллекции стекла из Нисы [Давидович, 1949, с. 380—381, рис. 3] и Узгента [Заднепровский, 1960, с. 239, рис. 2]. Известны чаши в материалах городища Хульбук [Гулямова, 1961, с. 19].

Распространены сделанные из стекла тубеки. Аналогичные сосуды найдены в Хорезме на городище Шах-Сенем в слое XII — начала XIII в. [Трудновская, 1958, с. 425—426, рис. 2].

Бокалы и кружки имеют цилиндрическое или шаровидное тулово с прямыми тонкими стенками (рис. 70, 1). У кружек в отличие от бокалов петлевидная ручка расположена на середине тулова. Стенки украшались орнаментом в виде ромбов, овалов, шестиугольников (сотовый узор). При вдувании в форму на дне отпечатывался узор в виде завитков или кругов. Сходные изделия есть в Шаше [Буряков, 1977, рис. 7, 4, 5, 9], в Самарканде [Ташходжаев, 1967, рис. 2], в Карабулаке [Брыкина, 1974, с. 82, рис. 57, 4] и в других среднеазиатских городах [Аминжанова, 1965, с. 154—155].

Рюмковидные сосуды — цилиндрические в основе, с мягким абрисом емкости на ножках. Аналогичные изделия обнаружены в Нисе [Давидович, 1949, с. 377—378, табл. I], в Узгенте [Заднепровский, 1960, рис. 58, 4], в Куве [Абдуразаков, Безбородов, 1966, рис. 9].

Флакончики имеют горло с венчиком-раструбом, плавно переходящее в округлое тулово на вогнутом поддоне (рис. 71). Флаконы из различных центров имеют много общего [Давидович, 1949, с. 384; Аминжанова, 1965, рис. 3; Шарахимов, 1973, рис. 1, 5; Вяткин, 1927, табл. 72, 13, 14, 15].

Редкие формы стеклянных изделий представлены обломками сфероконуса из голубоватого толстого стекла и аламбиками — алхимическими сосудами в виде колпачка с трубкой-отводом для испаряющегося веще-

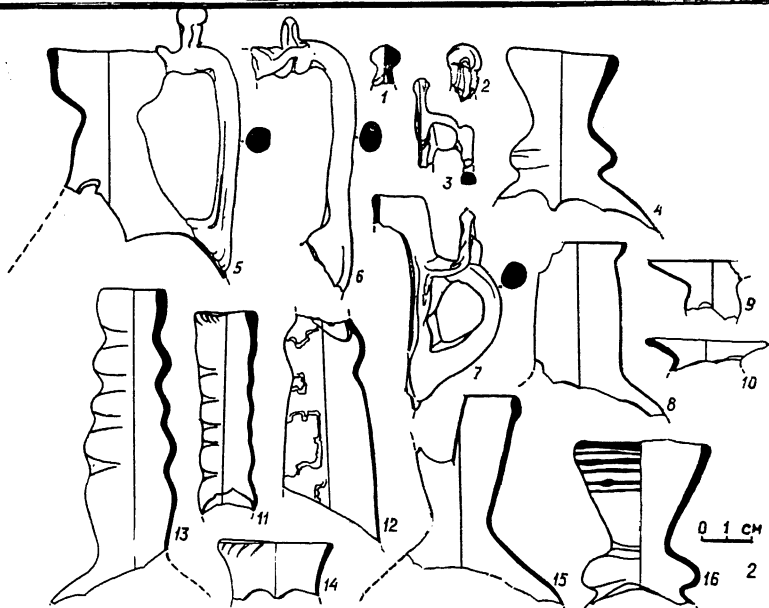
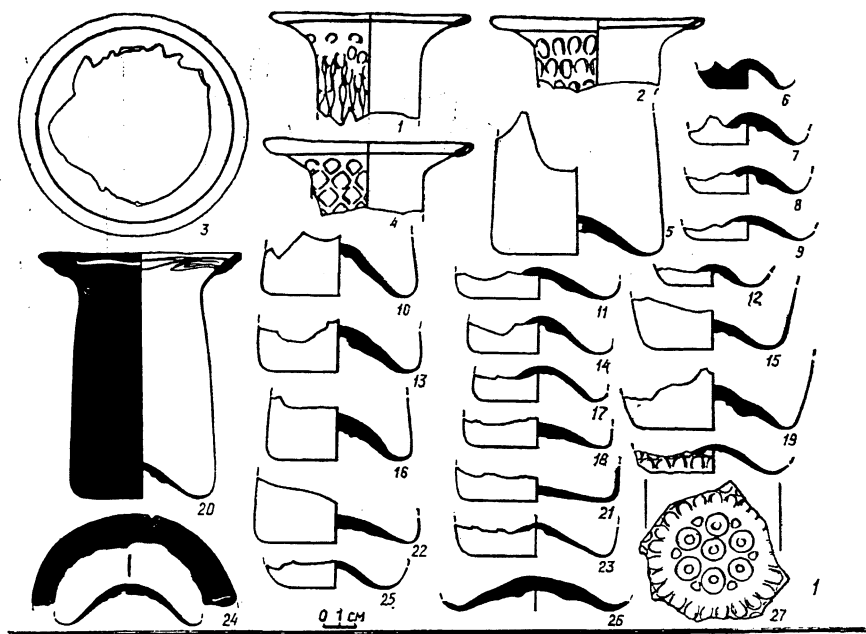

Рис. 69. Стекло́нные изделия XI—XII вв. из Отра́ра и Ку́йрук-то́бе: 1 — кры́нкообразные сосу́ды; 2 — ку́вшинны

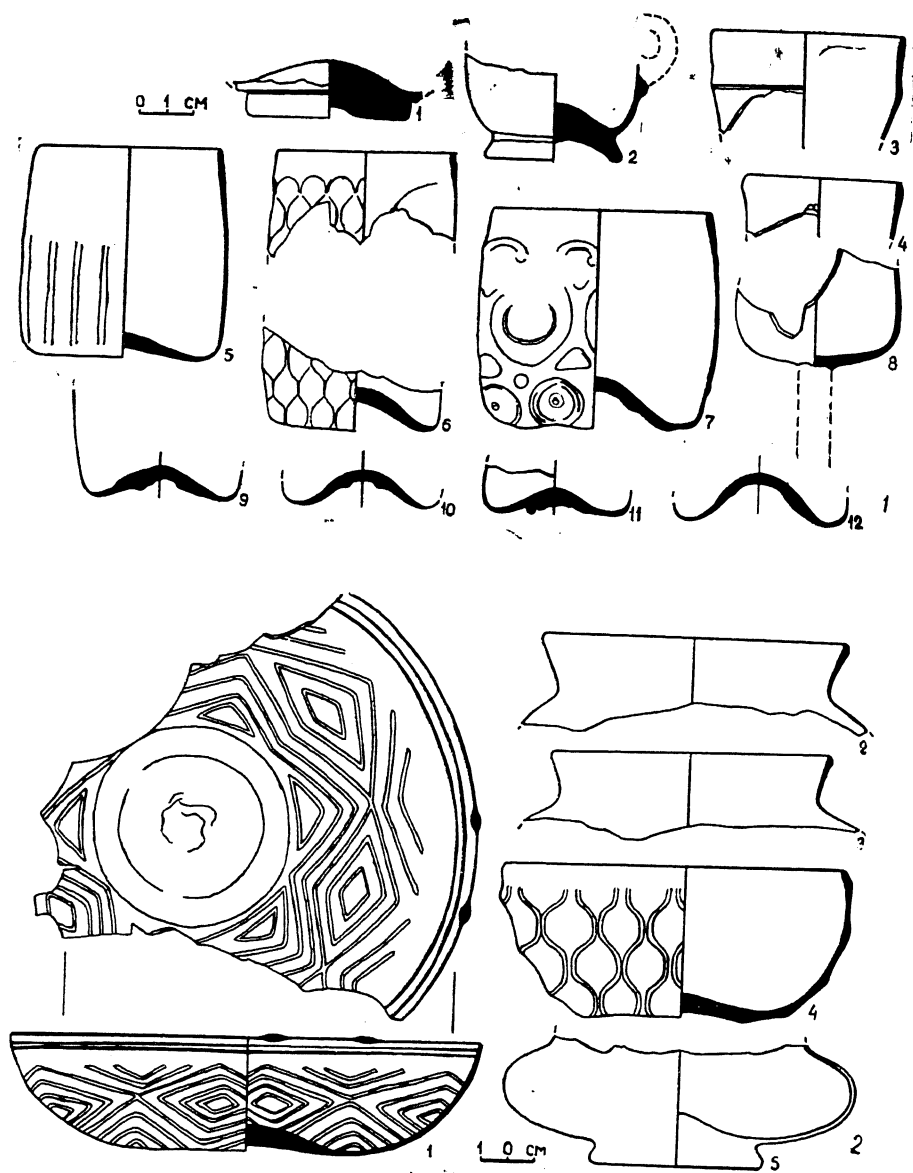

Рис. 70. Стекланные изделия XI—XII вв. из Куйрук-тобе: 1 — бокалы; кружки
2 — чаши

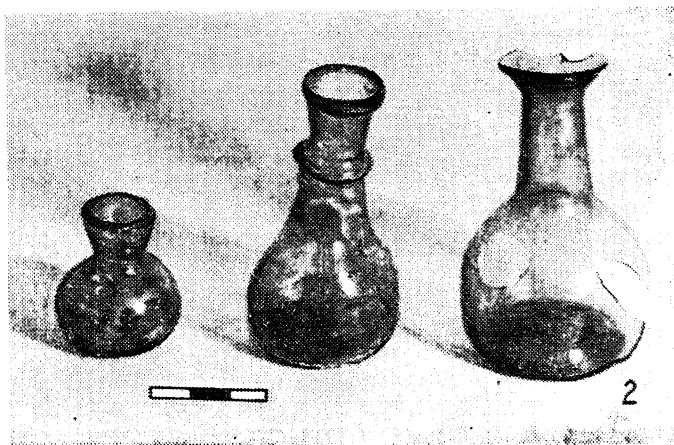
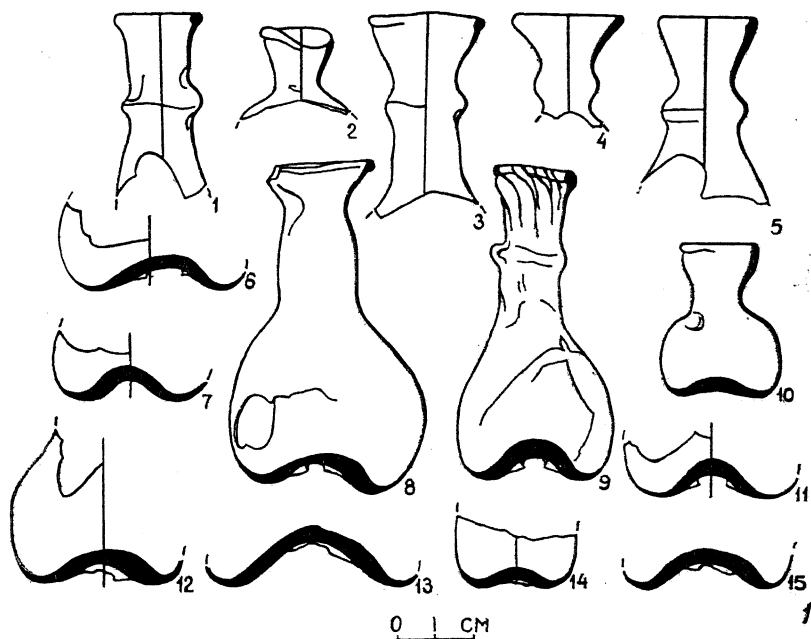

Рис. 71. Стекланные флакончики из Отрара, Куйрук-тобе. XI—XII вв.

ства. Аламбики — обычная находка в комплексах стеклянных изделий средневековых городов [Абдуразаков, Безбородов, 1966, рис. 6].

Кроме посуды стеклоделы умели изготавливать оконное стекло в виде небольших дисков. Обломки их белого, матового, зеленого и розового цвета были обнаружены в Таразе [Агеева, 1970, рис. 2].

Кузнечное дело, связанное с изготовлением железных изделий, было, как свидетельствуют находки, широко распространенным городским ремеслом. Городские кузнецы обычно селились в отдельных кварталах. Такие кварталы зафиксированы в Термезе [Князев, 1945, с. 163]. В источниках упоминаются базары кузнецов в Мерве и Нишапуре [Большаков, 1973, с. 286].

Установлено, что железную руду обрабатывали на местах добычи. Здесь же плавил металл [Массон М. Е., 1953, с. 25, 38; Литвинский, 1954, с. 165]. В кузницы железо попадало в виде криц, заготовок и железного лома. Существовали крицы двух видов, одна из них — так называемая спецкрица — представляла собой неоднородный по составу, сильно загрязненный пористый слиток металла, облитый шлаком, т. е. еще сырой материал [Колчин, Круг, 1965, с. 209]. Такую крицу необходимо дополнительно обработать — выжать шлак, сварить железо в монолитный кусок, поддающийся ковке. Из полученного плотного куска железа делали пруты, полосы, бруски — заготовки будущих изделий. Такие крицы были найдены в кузнице на городище Алматы. Они представляют собой болванки железа прямоугольных сечений размером 10—15×5—7 см. Некоторые из криц несут следы разрубов, сделанных для определения качества металла (рис. 72, 1). В Талгарской кузнице найдены полуфабрикаты — полосы и брусковидные подковки (рис. 73).

В качестве поделочного материала использовался лом железных и чугунных изделий. Так, в кузнице Алматы вместе с крицами находились обломки чугунного котла.

Устройство мастерских из-за плохой их сохранности представить трудно. Горн для плавки железа в алматинской кузнице сложен из сырцового кирпича, имел цилиндрическую форму, диаметр основания около 2 м. Он заполнен золой, углями и кусками жженого кирпича от рухнувшего перекрытия. Рядом с горном находились сосуды — четыре водоносных кувшина (рис. 72, 2). В них держали воду или растворы для закалки изделий. Здесь же находился толстостенный керамический тигель.

В мастерских Талгара и Алматы собраны инструменты кузнецов. Среди них зубило, наковаленка и лопатка-тигель. Судя по найденным в мастерских изделиям, узкой специализации еще не было. Так, в кузнице Александровского городища [Чуйская долина] набор готовых изделий был следующим: топоры, наконечники пахотных орудий, кетмени, струги, чоты, ножины, гвозди, скобы, стамески и боевой шлем [Розина, 1944, с. 158]. Разнообразны поделки талгарской и алматинской кузниц: кованные и литые наконечники пахотных орудий, кетмени, топоры, кирки (рис. 74, 75). Из железа также делались чоты — плотничьи топорики.

При раскопках городищ найдено много ножей, как правило, черешковых, с затупленной спинкой. Бытовой инвентарь представлен ножницами, гвоздями, скобами, цепями, крючьями.

Из железа изготавливались котлы с ручками-выступами [Чуйская долина, табл. I—XXXVIII].

Медницкое ремесло. Производство изделий из меди было распространено в городах повсеместно, тем более что разработки полиметаллов

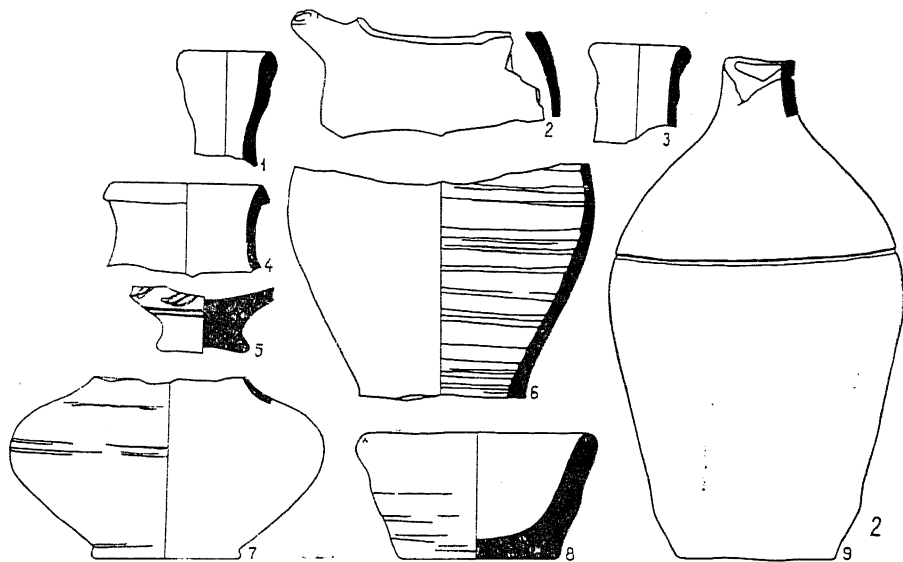
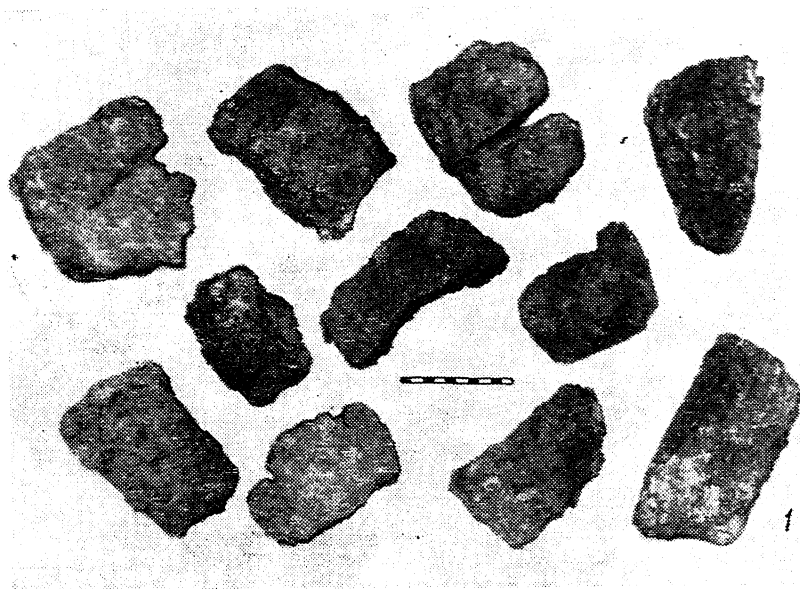

Рис. 72. Крны и сосуды из кузницы городища Алматы. XI—XII вв.

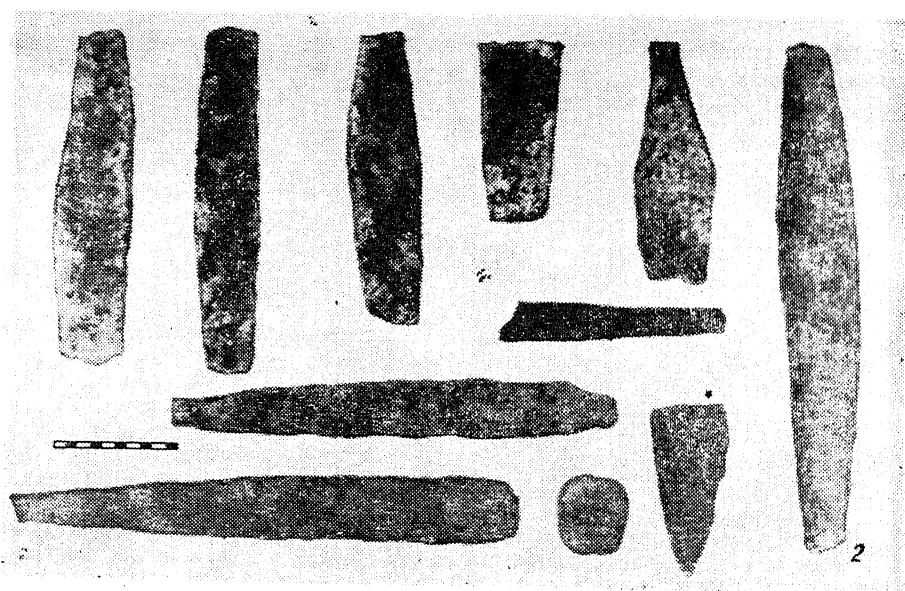
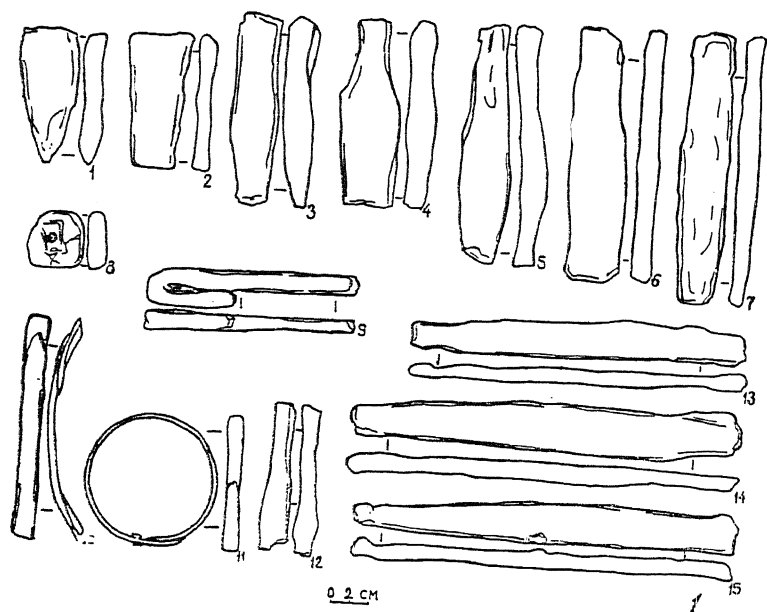

Рис. 73. Кузнечные заготовки из Талгара. XI—XII вв.

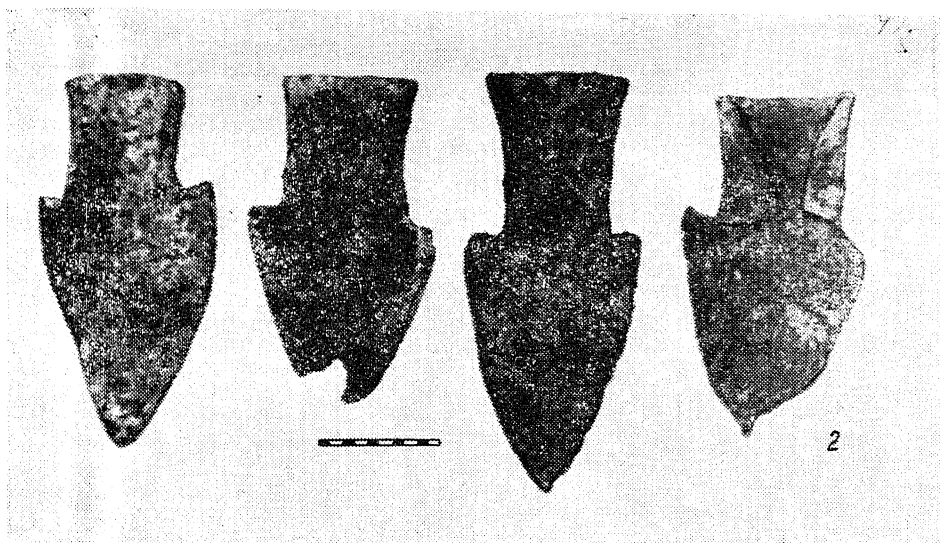
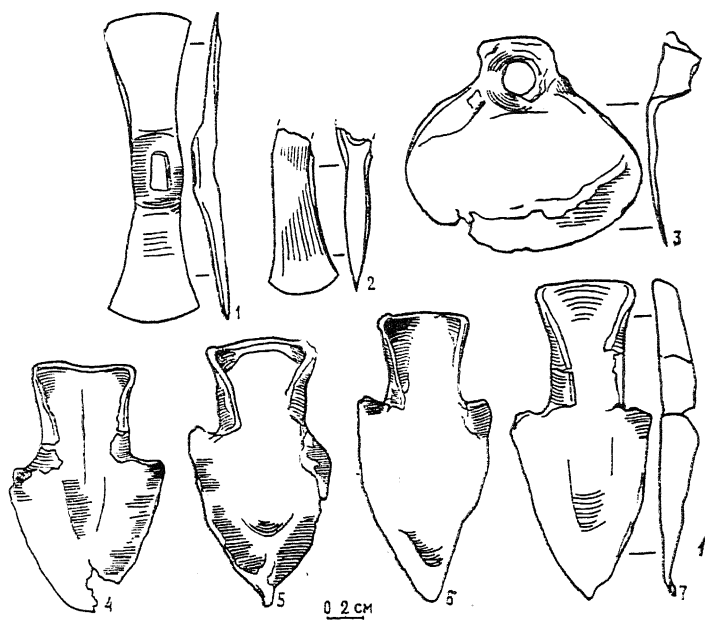

Рис. 74. Кузнечные изделия из Талгара. XI—XII вв.

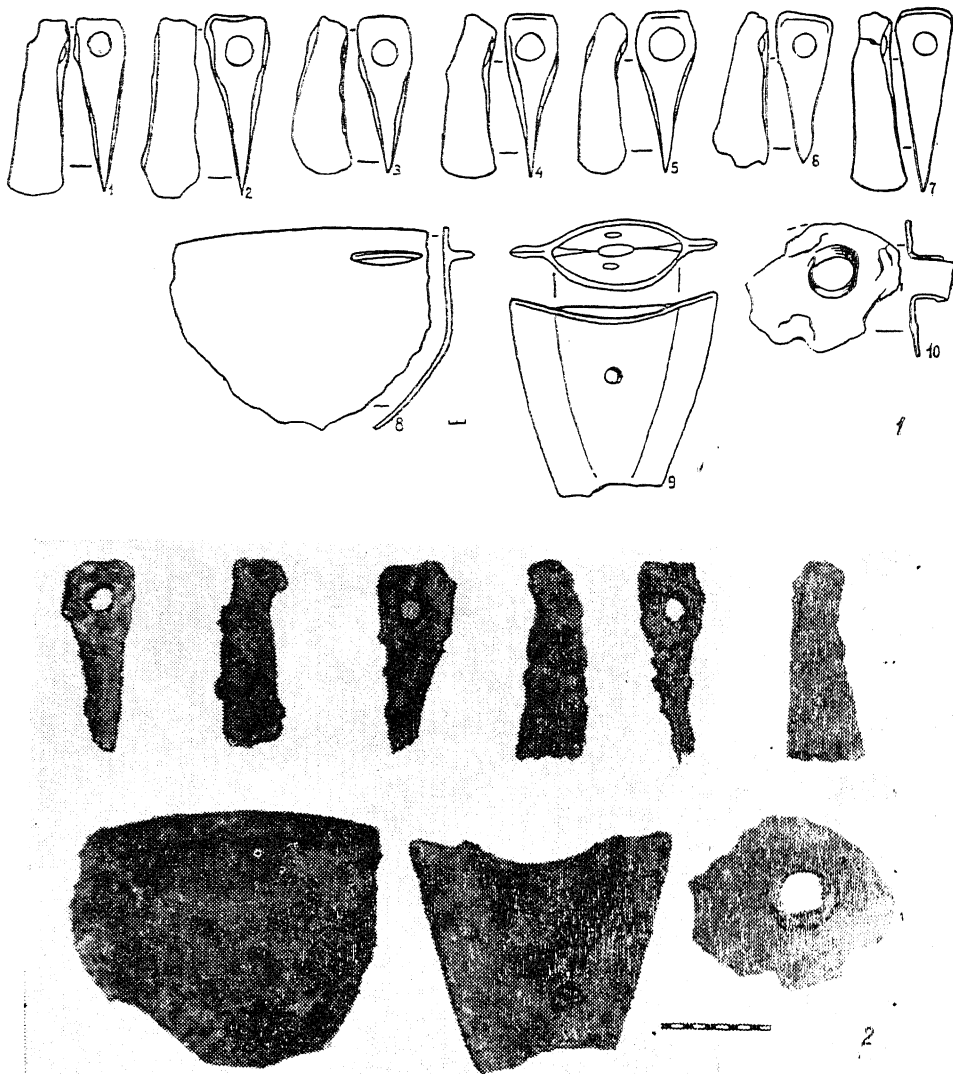

Рис. 75. Кузнечные изделия из Алматы. XI—XII вв.

и меди находились неподалеку от городских центров, в Каратау, Киргизском, Заилийском и Таласском Алатау.

Медническое дело, как полагают исследователи, было одним из главных по важности и многочисленности мастеров специальностью [Большаков, 1973, с. 287]. По сравнению с предшествующим периодом увеличилось число изделий из меди.

Медники изготавливали посуду, подсвечники, чираги, украшения. Зачастую они были и ювелирами [Большаков, 1973, с. 288].

При раскопках городищ Семиречья и Южного Казахстана найдены изделия из меди и бронзы. Многие поделки попали в музеи как случайные находки.

Изделия из металла IX—XII вв. представлены главным образом бронзовыми светильниками и подставками для них [Сенигова, 1968, с. 208—225]. С большим художественным вкусом сделаны подставки под светильники. Они состоят из высокой, до 25—35 см, полой колонки, круглой или многогранной, опирающейся на полукруглый поддон с тремя ножками. Наверху плоская чаша, куда ставился светильник [Воронина, 1977, с. 134—136]. Подставки покрывались гравированным растительным и буквенным орнаментом [Чуйская долина, табл. ХСІ, ХСІІ]. Интересны бронзовые подставки из Отрара, найденные при раскопках бани X—XII вв.

Художественные изделия из металла представлены кувшинами. К местной продукции медников относятся два бронзовых кувшина, найденных в слое XI в. в Куйрук-тобе. Кувшины этого типа подражают высокохудожественным изделиям Ближнего Востока, известным по музейным собраниям Эрмитажа и Метрополитен Музеума и датируемым X в. [Маршак, 1972, с. 73]. Куйрукские сделаны позднее.

Из Семиречья (район Тараза) происходит кувшин с грушевидным туловом, верхняя часть которого выполнена в виде волчьей головы. Глаза волка инкрустированы красной медью. На кончике носа выгравировано изображение двух пальметт и сердцевидных растительных завитков с четырьмя точками внутри. Уши животного также украшены сердцевидными завитками. На тулове узор в виде медальона с вписанными в него кольцами с двенадцатью ямками в каждом (возможно, гнезда для инкрустаций самоцветами или стеклом). Л. И. Ремпель датирует кувшин XI—XII вв. и предлагает считать его производством местного ремесла [1952, с. 81].

Ювелирное ремесло. Из бронзы, серебра и золота делались браслеты, подвески, серьги, бляшки. Интерес представляют витые серебряные браслеты со сканью из Чимкентского клада и Чуйской долины, относящиеся к X—XI вв. [Спицын, 1906, с. 249—258; Кожемяко, 1959, табл. XV, 12]. Такие браслеты, характерные для семиреченско-сырдарьинского региона, продолжали изготавливаться и в более позднее время.

Интересная коллекция украшений, относящихся к началу XIII в., найдена на Отраре. Это бронзовый браслет с восьмигранными головками на концах, налобная тесьма с нашивками из бронзовых шариков, образующих довольно сложный узор, бусы из полосчатого стекла и голубой пасты [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972, с. 58—59, рис. 15]. В Отраре же найдены литые поясные бляшки XI в. из бронзы, с арабскими надписями [Настич, 1975, с. 97—105].

При раскопках Жаксылыка в слое XI в. обнаружен бронзовый перстень со щитком, на котором имелась руническая надпись [Аманжолов, 1971, с. 64—66].

Часть украшений отливалась в формочках. Две такие формочки обнаружены в слое X—XII вв. Тараза [Сенигова, 1972, с. 165—166, рис. 37], одна — на городище Куйрук-тобе.

Наиболее многочисленная группа украшений — бусы, сделанные главным образом из стекла и цветного камня — сердолика, агата, хрустала, лазурита, гагата, яшмы, кораллов, перламутра. Они найдены при раскопках Отрара, Куйрук-тобе, Красной Речки, Талгара, Сумбе и Антоновки.

Кроме описанных были развиты ремесла, связанные с переработкой продуктов скотоводства, — кожевенное, шерстобитное, связанное с производством кошмы, войлока. Однако продукция этих ремесел не сохранилась.

Обработка кости и косторезное ремесло документируются находками заготовок рогов диких и домашних животных со спилами, снятым роговым слоем. Найдены костяные накладки на лук; на Куйрук-тобе в одной из мусорных ям обнаружено большое число обрезков кости, пластин, заготовок для будущих изделий. Костяные булавки, шахматные фигурки найдены на Талгаре.

Обработка камня в основном сводилась к производству жерновов — одной из наиболее распространенных находок на средневековых городищах. Форма их, выработанная в раннем средневековье, сохранилась на протяжении всех последующих столетий.

Торговля. В IX—XII вв. по-прежнему активно функционирует Шелковый путь, связывающий Запад и Восток. Но теперь от него отходят многочисленные ответвления, главным образом на север, к кочевникам, через города, расположенные вдоль Сырдарьи, Таласа, Чу, Или.

Казахстанский участок Шелкового пути начинался в Газгирде, шел на Испиджаб, в Тараз, затем в Кулан, далее в Навакет, Баласагун и через перевалы Бедель и Аксу в Восточный Туркестан. Из Тараза через перевалы Беш-таш и Кугарт попадали в Ферганскую долину [Россия..., с. 565], а через города Адахкос и Дех-Нуджикес — к кимакам [Волин, 1960, с. 77]. Отсюда же торговые пути тянулись на Енисей к хакасам, куда каждые три года приходил караван с шелком.

Из Испиджаба караваны через Усбаникет, Кедер, Сыгнак направлялись в Янгикент [Бартольд, т. 1, с. 233—237]. Из Усбаникета, Кедера и Сыгнака шли пути к городам на северных склонах Каратау — Баладжу и Сузаку, оттуда через Бетпак-Далу — в Дашт-и Кыпчак. Из Янгикента начинался известный маршрут к кимакам, который вел на Сарысу к предгорьям Улутау и по берегам Ишима в долину Иртыша [Ахинжанов, 1968, с. 429; Кумеков, 1972, с. 50—52].

В X в. прокладываются караванные пути через Илийскую долину. Сюда попадали из Чуйской долины через перевалы Курдай, Кастек и Санташ. В Тальхизе караванный путь разветвлялся. Южноилийский шел через городища Иссык, Чилик на Кегень и далее в Восточный Туркестан. Другой отрезок из Чилика вел к городищу Сумбе и далее в Алматы. Североилийский путь шел на городище Жаксылык, к ущелью Тамгалы-Тас на переправу через Или. Затем через города Ики-Огуз и Кая-

лык дорога шла по берегу Алакуля в Алмалык, через Тарбагатай в долину Иртыша к кимакам. Северный и южный пути соединялись дорогой, которая из Чилика шла на Борохудзир, где имелась переправа через Или, и далее через долину Коктала, Усека и Хоргоса выходила на Алмалык [Байпаков, 1968а, с. 21—25].

Наиболее крупными центрами торговли являлись Испиджаб, Кедер, Отрар и Янгикент на юге Казахстана; Тараз и Баласагун в юго-западном, Талгар и Каялык в северо-восточном Семиречье. В Испиджабе функционировали крытые рынки и рынок полотна [Волин, 1960, с. 80]. Среди других торговых заведений Испиджаба названы тимы — большие караван-сарай со специальными помещениями, где шла торговля тканями — карбас [Смирнова, 1970, с. 132—133]. Рабаты, о которых сообщает ал-Макдиси, являлись караван-сараями [Смирнова, 1970, с. 139]. Некоторые из них были населены нахшебцами и самаркандцами. В то же время купцы из Испиджаба добирались с товарами до Багдада, где жили в рабаде Харба ибн Абдаллаха ал-Балхи вместе с купцами из Мерва, Балха, Бухары и Хорезма [Волин, 1960, с. 74].

Свидетельством торговых связей Южного Казахстана и Семиречья с Ближним и Средним Востоком служат два бронзовых кувшина, найденных в Семиречье.

Первый кувшин имеет грушевидное тулово, опирающееся на низкий кольцевой поддон. Высота кувшина 30 см, наибольший диаметр тулова 14 см. Горло переходит в вытянутое ладьевидное устье с плоским бортиком. Изогнутая s-видная ручка соединяет горло и тулово. На верхней части ее выступ в виде зерна граната. Средняя часть ручки псевдовитая. Нижняя часть, которая крепится к тулову, выполнена в виде стилизованной головы козла с рогами (рис. 76).

Форма этого сосуда восходит к сасанидским серебряным прототипам. Такие сосуды известны в коллекциях достаточно широко и датируются в диапазоне от IX до начала XIII в. [Маршак, 1972, с. 77].

Ручка семиреченского сосуда аналогична ручке кувшина из Лувра, который Б. И. Маршак датирует серединой XI — началом XII в. [1972, с. 89]. Кувшин из Семиречья, таким образом, следует датировать XII в.

Второй кувшин из золотистой бронзы имеет реповидное тулово, переходящее в горло с раструбом. Высота кувшина 33 см, диаметр тулова 15 см. Опирается кувшин на торовидный поддон. Венчик отогнут под прямым углом. Ручка расширяется у венчика и в месте крепления к тулову. Она украшена шестью объемными бусинами. На верхней части ручки прикреплен плод граната.

Горло украшено орнаментом, расположенным в трех поясах, разделенных тремя выпуклыми полосками, причем средняя из них инкрустирована красной медью. Верхний пояс шириной 3 см заполнен арабской благожелательной надписью на фоне растительных побегов, закрученных в спираль. От внешнего кольца спирали отходят прямоугольные отростки. Средний пояс, ширина которого 6 см, занят гравированными изображениями полупальметт. Нижний пояс шириной 3 см занят гравирован-

ной арабской надписью на фоне спиралевидных растительных завитков (рис. 77).

Отогнутый борт венчика инкрустирован тремя кружками красной бронзы, обрамленными двойной окружностью. Ближе к ручке имеются два клювовидных выступа, на поверхности которых с помощью гравировки и инкрустации красной медью изображены птичьи головки.

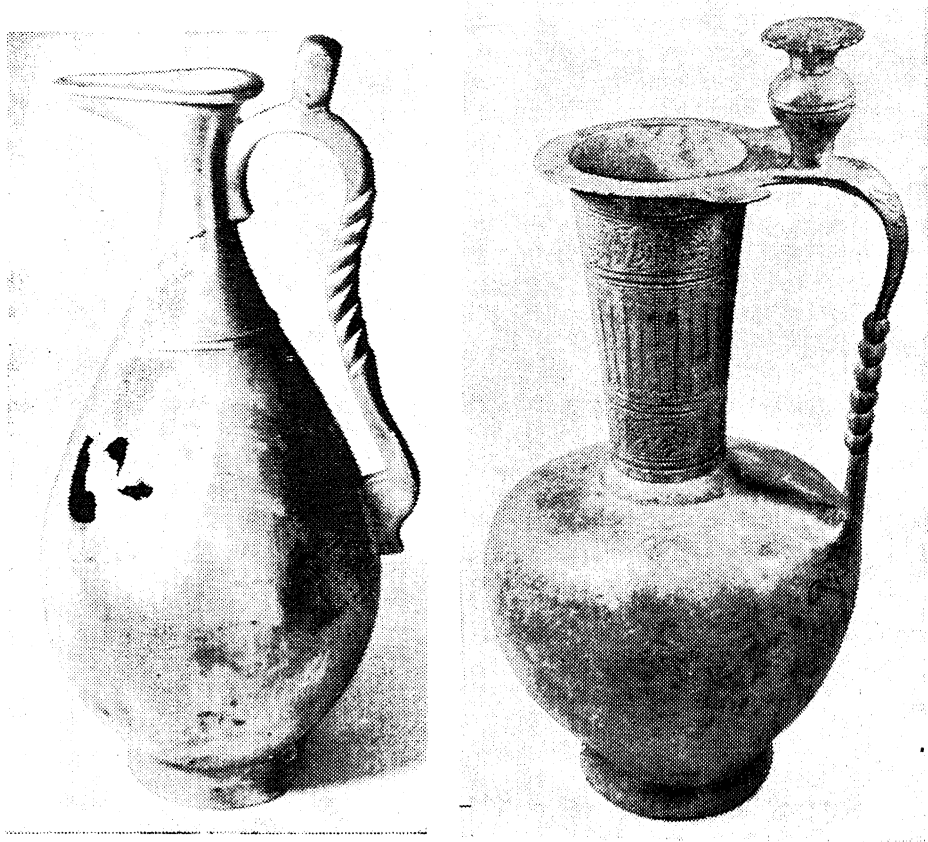

Рис. 76, 77. Бронзовые кувшины XI—XII вв. Случайные находки из Семиречья

На верхней площадке ручки гравировкой и инкрустацией выполнен фигурный картуш, в верхней части которого выгравированы полупальметты. На ручке ниже картуша фигура трилистника в обрамлении полупальметт. По ребру ручки идет полоска красной меди, оконтуренная с двух сторон гравированными линиями. В месте прикрепления основания ручки к тулову инкрустацией и резьбой выполнена пальметта.

К верхней площадке ручки прикреплен цветок граната. На его венчике в медальоне изображена птица с человеческим лицом на фоне растительных побегов (рис. 78) [Пугаченкова, Ремпель, 1961, рис. 192].

Техника исполнения орнамента на кувшине из Центрального музея Казахстана—гравировка и инкрустация красной медью—является одной из черт нового художественного стиля в производстве металлической посуды. Он складывается в конце XI — начале XII в. [Большаков, 1973, с. 31; Маршак, 1972, с. 85—86]. В целом же такие черты, как наличие орнаментальных лент с благожелательными надписями, фестончатых арок, растительных побегов с прямоугольными отрезками, изображение сирен и сфинксов, позволяет датировать кувшины, аналогичные описанному, XII — началом XIII в. Место их изготовления — Ближний и Средний Восток [Маршак, 1972].

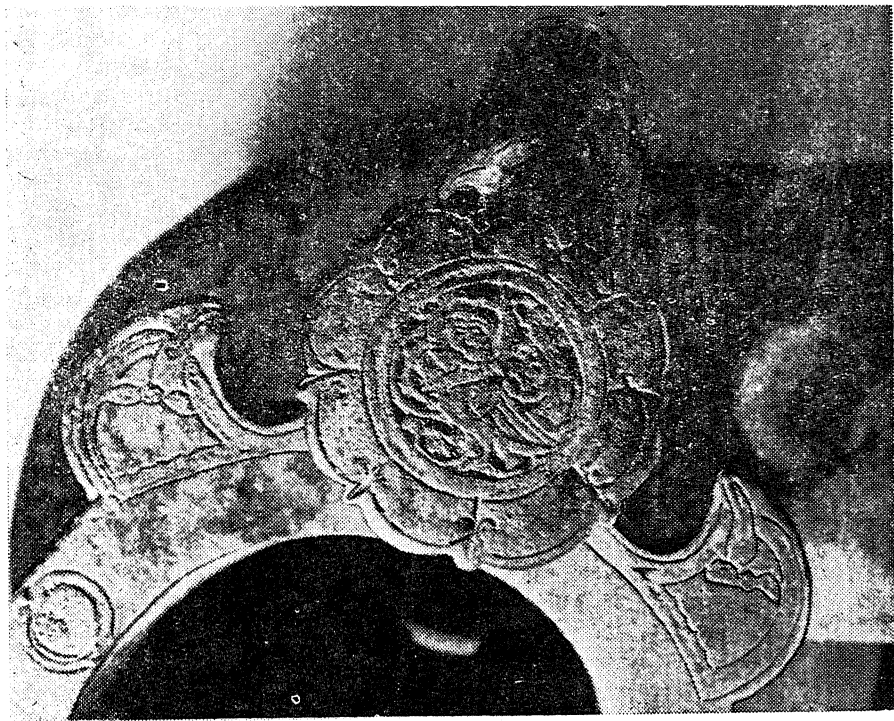

Рис. 78. Изображение на ручке бронзового кувшина из Семиречья

Про Отрарский оазис в источниках X в. сказано, что «Фараб — богатый округ, главный город его называется Кедер... это место стечения купцов» [Волин, 1960, с. 80]. В структуре застройки Кедера (Куйрук-тобе) выделены торговые лавки—дуканы.

В низовьях Сырдарьи известным торговым центром становится Янгикент, где существовала колония хорезмских купцов [Бартольд, т. 1, с. 235].

Крупным центром транзитной торговли по-прежнему оставался Тараз, о котором источники пишут как «о месте торговли мусульман с тюрками» и как о «городе купцов» [Волин, 1960, с. 79, 73]. Купцы Тараза имели свою колонию в Исфагане, а жители последнего жили в Шельджи, в Таласской долине [Волин, 1960, с. 8, 82]. Из Семиречья через Тараз вывозили серебро, которое добывали в верховьях Таласа. Центрами производства серебра являлись города Шельджи, Текабкет и Куль [Волин, 1960, с. 83]. Открытие здесь шлаков плавильных печей подтверждает сообщения источников [Бубнова, 1963, с. 225—262].

В Илийской долине торговыми центрами были Талгар и Каялык. Ярким показателем международных торговых связей илийских городов может служить клад вещей из Талгарского городища. Он состоял из китайских фарфоровых чаш и двух медных блюдец, одно из которых украшено гравированными изображениями сфинксов и «звериного гона». Датируется блюдо XII — началом XIII в. и, видимо, сделано оно в Иране [Байпаков, 1968б, с. 87—91; Нифонтова, 1948, с. 116—124].

В IX — начале XIII в. получает широкое развитие торговля между городом и его округой. Не случайно при характеристике городов средневековые авторы прежде всего описывали его рынки, сообщали о ценах на характерные для данной местности товары [Волин, 1960, с. 81—82]. В город из округи поступала продукция сельского хозяйства, главным образом зерно, фрукты, мясо. Земледельческое население получало изделия городских ремесленников — керамику, стекло, ювелирные изделия, украшения.

Большое значение в жизни города играла торговля со степью — своеобразной сельской округой городов. Торговля приносила обоюдную выгоду. Об этом повествует один из сельджукских документов: «Товары и предметы их [кочевников], дающие прибыль, являются причиной увеличения благоденствия, довольства и пользы оседлых людей. Знать и простой народ имеют свою долю в этих благах и преимуществах» [Агаджанов, 1969, с. 100].

Торговля, носившая характер ярмарок, велась наиболее интенсивно в пограничных с кочевым миром городах — Сауране, Янгикенте, Дех-Нуджикесе. Через Дех-Нуджикес скот с продуктами животноводства поступал в Испиджаб [Волин, 1960, с. 80].

Сауран был центром торговли с огузами. Ибн Хаукаль отмечает, что в Сауран огузы приезжали для торговли [МИТТ, т. 1, с. 183]. Торговые операции огузы осуществляли также в городах Баладж и Берукет. Через Янгикент огузы вели торговлю с Хорезмом, который выступал в роли посредника между казахстанской степью, Поволжьем, Хазарией и славянским миром [Бартольд, т. 2, ч. 1, с. 240].

Население оазисов и городов получало лошадей, скот, шерсть, сырые кожи, кошмы, войлоки, молочные продукты, невольников. Отдельные города специализировались на вывозе товаров, получаемых непосредственно от кочевников либо вырабатываемых из привозного сырья. Ал-Макдиси сообщает, что «из Шаша (вывозятся) высокосортные шагреньевые седла, колчаны для стрел и палатки. Кожи привозятся от тюрков и

дубятся... Из Ферганы и Испиджаба — рабы из тюрок вместе с белыми тканями, оружием, мечами и железом. Из Тараза — козьи шкуры. Из Шельджи — серебро. Из Туркестана, так же как и из Хутталя, в эти места попадают лошади и мулы» [Волин, 1960, с. 83]. Особенно ценились тюркские лошади [Мандельштам, 1956, с. 231—232]. Кимаки разводили коней на продажу [Кумеков, 1972, с. 91]. Славилась тюркские овцы. По сообщению Истахри, «бараны в Хорасан поступают от халаджей, а мясо привозится в Мавераннахр от огузов и карлуков... в количестве большем, чем нужно им» [МИТТ, т. 1, с. 178].

Важной статьей кочевнической торговли были мускус и меха [МИКК, с. 17; Кумеков, 1972, с. 93], а также невольники [Волин, 1960, с. 82]. Степные племена поставляли в города и металл. Одним из центров его производства был Центральный Казахстан [Маргулан, 1973, с. 3—42]. Ал-Идриси сообщает о добыче железа, серебра и золота кимаками [Кумеков, 1972, с. 96—97]. В обмен на свои товары кочевники получали из городских центров одежду, ткани, зерно, изделия городских ремесел, предметы роскоши.

Для IX—XII вв. характерен рост товарно-денежных отношений, которые вытесняли товарообмен. В крупных городах функционировали монетные дворы [Давидович, 1968]. С некоторыми перерывами до первой половины XI в. чеканил монету Испиджаб [Босворт, 1971, с. 157]. Продолжал чеканить монету Отрар. В найденном в 1967 г. Самаркандском кладе обнаружены саманидские монеты Бараба 222—232 гг. [Давидович, 1977а, с. 112—115, 124; 1977б, с. 124—126]. Такие же монеты были найдены и при раскопках городищ Отрар и Куйрук-тобе [Байпаков, Настич, 1978, с. 45—46]. Монетный двор в этом городе продолжал функционировать при Караханидах и хорезмшахах. Недавно обнаружен караханидский чекан Фараба 1164/65—1173/74 гг., который, по мнению исследователей, мог продолжаться до 1210/11 гг. [Кочнев, 1983, с. 119]. Известны монеты Мухаммеда ибн Текеша, чеканенные в Отраре в 1210 и в 1217—1218 гг. [Давидович, 1977б, с. 126—128; Байпаков, Настич, 1978, с. 47—48]. Недавно выявлен хорезмшахский чекан Ясы [Настич, 1983, с. 144—145].

В конце 20-х гг. XI в. в Мавераннахре произошло резкое ухудшение качества дирхемов: содержание серебра в них уменьшилось до 20%. К концу XI в. «серебряный кризис» охватил весь мусульманский восток, в том числе и города исследуемой области. Поэтому в XI—XII вв. курс монеты выражался в золоте, ставшем в большей мере, чем раньше, мерилом стоимости. Возросла его роль как средства обращения [Давидович, 1966, с. 116].

Земледелие. Рост городского населения потребовал усиления товарности сельского хозяйства, большей интенсификации использования земли, поскольку в ряде оазисов Южного Казахстана, а также в пределах длинных стен городов юго-западного Семиречья площади удобных для возделывания земель были ограничены. По подсчетам К. И. Петрова [1981, с. 178], общая площадь обрабатываемой земли в Чуйской долине составляла 70 кв. км; столько же земли обрабатывалось в конце XIX —

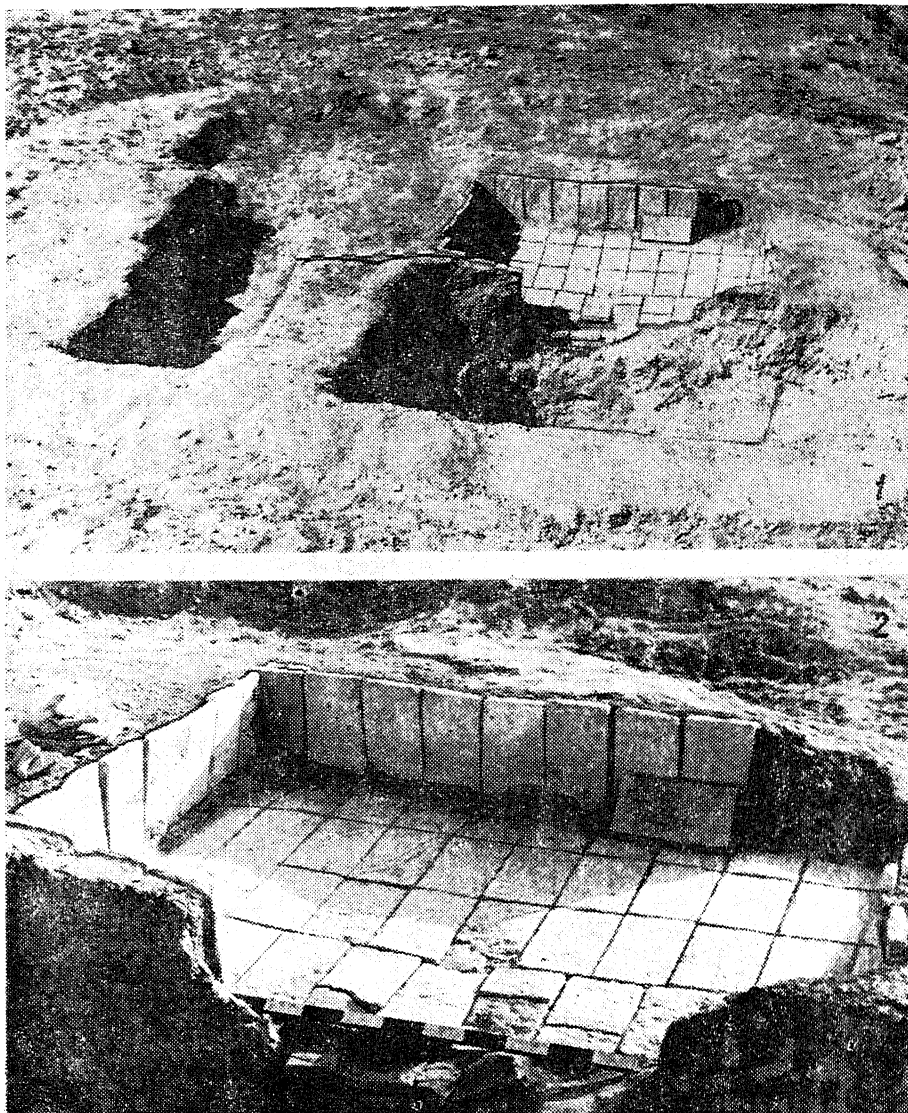

Рис. 79. Винодельня на Актобе Степнинском. XI—XII вв.

начале XX в., т. е. лишней земли не было. Это, бесспорно, требовало от каждого земледельческого участка большей товарной отдачи. В связи с этим развивается и совершенствуется система искусственного орошения.

В Отрарском оазисе в X — начале XIII в. оросительные системы дополняются новыми элементами: возводятся два головных сооружения, появляются головной и промежуточный сбросы, от основного распреде-

лительного канала отводятся длинные и узкие распределители ветвистой конфигурации. Распространение ветвистых систем орошения позволило значительно расширить посевные площади, повысить полезную отдачу орошаемых земель [Грошев, 1980, с. 11].

В X—XII вв. получает развитие ирригация в низовьях р. Или [Акишев, Байпаков, 1969, с. 84—96].

Как и раньше, горожане возделывали на своих участках садовые и бахчевые культуры, занимались виноградарством и придомным скотоводством. При раскопках найдены остатки виноделен в Нижнем Барсхане [Сенигова, 1972, с. 68], на Краснореченском городище [Чуйская долина, с. 44], две винодельни раскопаны на Актобе Степнинском (рис. 79).

В домах горожан в закромах хранились запасы зерна, сухих фруктов.

Горожане держали также домашних животных — лошадей, коров, овец, коз. В ряде раскопанных жилищ выделяются загоны и специальные помещения для скота. Наиболее показательны в этом отношении усадьбы Талгара.

Таким образом, археологический материал свидетельствует о важной роли сельскохозяйственных занятий у жителей городов области.

Трансформация городской культуры, традиции и инновации

После разгрома восстания Муканны в Мавераннахре окончательно утвердился ислам. В пору наместничества Мамуна Средняя Азия стала для него опорой. Среднеазиатская служилая знать играла все большую роль при дворе халифов. Происходит интенсивное сближение Средней Азии и Ближнего Востока. Все это не могло не способствовать установлению единства культуры различных народов, вошедших в халифат. Особенно интенсивно шло слияние культур Хорасана и Мавераннахра [Большаков, 1973, с. 132].

Южный Казахстан и Семиречье не остались в стороне от этих процессов. И хотя ни Средняя Сырдарья, ни Семиречье не вошли в состав халифата, исламизация их происходила достаточно интенсивно, так же как и вовлечение их в сферу политических, экономических и культурных отношений арабского халифата, а затем Саманидского и Караханидского государств.

Исследованиями советских археологов подчеркивается значительное внутреннее единство средневековой городской цивилизации Средней Азии как части городской цивилизации мусульманского мира [Массон В. М., 1970, с. 3]. В это время изменилось положение города. Из резиденции феодала, каким он был в VI—VIII вв., город становится административным центром, резиденцией властей, представляющих государство. К началу IX в. сложился тип города, который без принципиальных изменений просуществовал на протяжении всего средневековья [Большаков, 1973, с. 162].

Важную роль в развитии городской культуры стала играть новая религия — ислам. Источники, повествующие о событиях IX — середины X в., свидетельствуют об исламизации населения Южного Казахстана. В 840 г. Нух ибн Асад подчинил себе Испиджаб [Волин, 1960, с. 75], в 859 г. его брат Ахмед ибн Асад совершил поход на Шавгар, где произошло избиение нескольких тысяч человек [Бартольд, т. 1, с. 268]. Завоевания сопровождалось распространением ислама.

Карлуки, захватившие в 766 г. политическое господство в Семиречье и на юге Казахстана, наиболее подверглись влиянию мусульманской культуры. Есть мнение, что они приняли ислам еще при халифе Махди (775—785 гг.) [Бартольд, т. 2, ч. 1, с. 39]. Видимо, это относилось лишь к какой-то части их, так как в 893 г. Исмаил ибн-Ахмад взял Тараз и «обратил главную церковь этого города в мечеть» [Бартольд, т. 1, с. 282].

В начале X в. ислам принял родоначальник династии Караханидов Сатук, а в 960 г. его сын Богра-хан Харун б. Муса объявил ислам государственной религией [Бартольд, т. 1, с. 315—316, 318]. В первую очередь мусульманство распространялось в городах. Ибн Хордадбех сообщает об отрядах мусульман в главном городе Фараба Кедере [МИТТ, т. 1, с. 44], ибн Хаукаль — о тюрках-мусульманах, кочевавших между Фарабом, Кенджидой и Шашем. Ал-Макдиси, перечисляя города Южного Казахстана и Семиречья конца X в., называет мечети в качестве обязательных построек городов [Волин, 1960, с. 80—83].

Археологические исследования подтверждают сведения нарративных источников. Соборная мечеть, датируемая X — началом XIII в., обнаружена и раскопана на городище Куйрук-тобе. К несколько более позднему времени относятся остатки мечети и минарета в Баласагуне [Денике, 1927, с. 15; Горячева, 1975, с. 131—133], культовые постройки мусульманского зодчества на Нижней Сырдарье [Толстов, 1962, с. 281] и в Таразе [Бернштам, 1956, с. 86—95].

Мечеть и минарет символизировали административную власть и религиозную преданность властей. В то же время, как отмечает исследователь мусульманской культуры Р. Шнайдер, мечеть — это не только олицетворение власти, это категория общественных сооружений [Шнайдер, 1981, с. 226].

Начиная с X в. распространяется мусульманский погребальный обряд. Наиболее ранние мусульманские захоронения, относящиеся к X—XI вв., обнаружены вблизи Куйрук-тобе [Нурмуханбетов, 1974, с. 85—94]. В XI — начале XIII в. мусульманский обряд захоронения становится господствующим на юге Казахстана и в Семиречье [Чуйская долина, с. 30—31, 34—37].

Наряду с распространением ислама в среде городского населения сохраняются языческие культы. Исследователи отмечают, что «ислам отнюдь не исчерпывал духовно-религиозные представления» среднеазиатских народов [Литвинский, 1981а, с. 116]. Об этом свидетельствуют и археологические материалы.

В группе неполивной керамики IX—XII вв. из южноказахстанских городищ имеется коллекция посуды с изображением баранов и птиц

[Байпаков, 1980, с. 35—37, рис. 2, 3]. Это навершия крышек в виде протом барана, выполненные реалистически и стилизованно, — барана можно определить лишь по гипертрофированным рогам. Среди изображений птиц на крышках довольно уверенно, по характерному гребню, можно определить петуха. Встречаются фигурки собаки. Особенно многочисленна группа таких крышек в керамике Отрара, Куйрук-тобе и Оксуса из слоев X—XI вв.

Кульτ барана, который прослеживается в сырдарьинском регионе с древних времен, был связан с зороастрийским фарном. У разных народов фарн до недавнего времени выступал в роли высшей благодати, богатства, счастья, здоровья, защиты от дурных сил и процветания домашнего очага [Литвинский, 1968, с. 46—58]. Показательно, что изображения барана встречаются на кухонной посуде, крышках котлов.

Широко распространен культ барана у огузов и туркмен. Происхождение огузского племени «барани» исследователи связывают с почитанием барана как покровителя рода или племени [Агаджанов, 1969, с. 137—138]. Баран использовался как жертвенное животное в шаманских обрядах. Кровь зарезанного барана шаман лил на больного [Басилов, Ниязклычев, 1975, с. 126, 129—130]. В культовых воззрениях казахов баран выступал в качестве жертвенного животного и оберега [Валиханов, 1958, с. 154]. Таким образом, в IX — начале XIII в. происходит слияние реликтов тотемизма и сложных представлений, связанных с сакрализацией животного мира и элементами зороастризма.

Петух в Авесте — ближайший помощник доброго божества Сраоши, защищающего людей от козней демонов. В доме, где имеются дети, для их защиты от злых сил необходимо держать петуха [Иностранцев, 1907, с. 203—204].

Важную роль играли баран и петух в духовных представлениях тюркских племен, которые активно внедрялись в городскую среду. Петух и курица у узбеков Хорезма использовались в шаманских камланиях и свадебных ритуалах, олицетворяли плодородие [Снесарев, 1966, с. 323—324].

На городище Куйрук-тобе в слое XI в. найдена фигурка кабана. Изображения этого животного, датируемые более ранним временем, связываются с самым воинственным божеством авестийского пантеона — Веретрагной, выступающим в различных ипостасях, в том числе и в виде кабана. Находки изображений кабанов — достаточно распространенное явление на Сырдарье [Усова, Буряков, 1981, с. 44]. Очевидна связь куйрукского кабана с реминисценциями древних верований в этом регионе.

По-прежнему в городской среде распространен культ огня, отмеченный в раннем средневековье. Наиболее яркое тому доказательство — наличие в домах Куйрук-тобе и Отрара XI—XII вв. богато украшенных очагов нескольких типов. Это, во-первых, так называемые очажки, хорошо известные в археологической литературе и неоднократно привлекавшие внимание исследователей [Пугаченкова, Ремпель, 1972, с. 206—234], вмазанные в пол жаровни-тазики, украшенные резным и штампо-

ванным орнаментом растительного, геометрического и архитектурного характера, очаги в виде цилиндров с широким выступом-упором внизу.

Большинство исследователей связывают богато украшенные очажки с культом огня [Вяткин, 1927, с. 52]. Г. А. Пугаченкова и Л. И. Ремпель, анализируя символику изображений на очажках, образно писали об отсветах великих огней маздаизма, которые «продолжали теплиться в особых очажках в домах согдийцев, даже тех, в которых утвердился уже ислам и принята была арабская письменность» [1972, с. 234].

На наш взгляд, в богатом оформлении очажков, которые могли выполнять и утилитарные функции, нашли отражение культ огня и реминисценция религиозно-мифологической концепции древнего населения сырдарьинского региона. Культ огня был широко распространен у тюркских народов. Так, у древних тюрков существовал культ Умай, полисемантического божества, тесно связанного с огнем [Потапов, 1973, с. 280]. У киргизов культ огня «переплетается, а иногда просто сливается с культом Умай» [Баялиева, 1969, с. 12]. Казахи называют огонь авлие (святой), а также мать [Валиханов, 1958, с. 151—153].

Особенно сильны были традиции древних религиозных верований в Семиречье, где, несмотря на распространение ислама, по-прежнему сохранялись зороастризм, христианство несторианского толка, буддизм. В среде населения сильны были традиции шаманизма и других древних тюркских культов [Бартольд, т. 2, ч. 2, с. 294].

О распространении несторианства свидетельствуют находки кайраков с несторианскими надписями, относящиеся к домонгольскому времени. Возможно, несторианам принадлежала винодельня, раскопанная на городище Актобе, в сооружении которой использовался жженный кирпич с изображениями крестов.

В X в. в Семиречье усилились позиции манихейства. По словам ан-Недина, манихеи жили в Самарканде и преимущественно в Нукате (Навакете) [Литвинский, Зеймаль, 1971, с. 129].

Эпиграфические и археологические находки подтверждают синкретизм духовной и материальной культуры.

Таким образом, археологические материалы свидетельствуют о бурном росте городов, увеличении их числа на юге Казахстана и в юго-западном Семиречье в IX — начале XIII в. В IX—XII вв. городская культура распространяется на северо-восток Семиречья. Происходит территориальный рост городов. В Южном Казахстане у городов формируются рабады, в юго-западном Семиречье уплотняется застройка внутри длинных стен, в северо-восточном в XI—XII вв. складывается застройка за пределами торткулей. Увеличение числа городов и расширение их площадей шло за счет интенсивного оседания кочевников, принесших в город многие элементы своей культуры.

Увеличивается объем ремесленного производства, развивается такой вид ремесла, как стеклоделие. Рост числа ремесленников, видимо, способствовал появлению в ряде ремесел, например в гончарстве, более узкой специализации.

Получает развитие международная караванная торговля, торговля между городом и округой, городом и кочевой степью.

Наблюдается интенсификация орошаемого земледелия.

Среди горожан и кочевников распространяется ислам, изменивший в значительной мере идеологию и культуру общества. Однако в среде городского населения юга Казахстана и особенно юго-западного Семиречья были сильны пережитки языческих культов, сохранялись зороастризм, буддизм и христианство.

Глава V.

ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ В РАЗВИТИИ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Расположенные на стыке степи и оседло-земледельческих областей Средней Азии, города Южного Казахстана и Семиречья связывали эти обширные различные в хозяйственном отношении зоны. По ним же проходила многовековая граница между миром городских цивилизаций, частью которых была Средняя Азия, и кочевым миром.

Проблеме взаимоотношения оседлых и кочевых народов, земледельческой и городской культур уделялось большое внимание.

Как известно, существовало мнение о сугубо отрицательной, губительной роли кочевников в судьбах населения земледельческих областей, а постоянные нападения объяснялись «особым психологическим складом» кочевника. Убедительная критика этих взглядов дана Т. А. Жданко [1968, с. 278—279]. Установлено, что неправомерно рассматривать «кочевой мир» обособленно от соседнего с ним оседло-земледельческого и городского. Между ними существовали тесные этнические, экономические и культурные связи. «...После выделения пастушеских племен, мы находим готовыми все условия для обмена между членами различных племен, для его развития и упрочения как постоянного института» [Маркс, Энгельс, т. 21, с. 160].

Ключ к истории политических взаимоотношений между кочевниками и горожанами Казахстана и Средней Азии следует искать прежде всего в их тесных хозяйственных связях.

Торговля, спрос на продукты животноводства были важными факторами расширения скотоводческого хозяйства. Во взаимной торговле, сбыте продукции ремесла и сельского хозяйства было заинтересовано население городов и оазисов [Толстов, 1948, с. 275; Жданко, 1968, с. 278; Плетнева, 1982, с. 147—153].

Не всегда, конечно, отношения кочевников и земледельцев были мирными. Распри, междоусобные войны были обычным явлением в эпоху феодализма. Письменные источники свидетельствуют не только о нашествиях кочевников, но и о том, что во многих случаях кочевники вынуждены были военным путем восстанавливать сложившееся экономическое равновесие, нарушенное правителями соседних владений. Не менее опустошительными были походы в глубь степи владельцев среднеазиатских государств [Пищулина, 1969, с. 41—45; 1977, с. 82—86]. История также знает примеры, когда кочевники и население земледельческих областей выступали вместе против внешних врагов [Кляшторный, 1964, с. 136—155, 179; Петрушевский, 1977, с. 120, 130]. В целом же историческое развитие оседлых областей и городов Средней Азии и Казахстана и кочевников определялось тесными экономическими связями, зачастую в рамках одного государства, одной экономической структуры.

И еще одна важная закономерность отмечается исследователями: на всем протяжении древней и средневековой истории под действием различных факторов наблюдаются переход кочевников к оседлой и городской жизни и сильное этническое взаимовлияние [Жданко, 1968, с. 279].

Города Южного Казахстана и Семиречья были не только торговыми факториями, где совершался обмен продукции кочевников и горожан. Они возникли на почве земледельческих оазисов, заселенных тюркским населением [Большаков, 1973, с. 195]. Эти города были административными, ремесленными, торговыми и культурными центрами.

Определения причин процесса урбанизации общества имеются в трудах классиков марксизма-ленинизма: «Урбанизация — это целостный процесс, содержанием которого являются изменения культурного значения и социальных функций, городской концентрации населения, орудий производства, капитала, наслаждений, потребностей» [Маркс, Энгельс, т. 3, с. 50]. Наиболее важной функцией города является концентрация и перераспределение прибавочного продукта [Большаков, 1984, с. 9—12].

Древние и средневековые города «фокусировали территориальную структуру общества либо вокруг некоторой точки пересечения ряда социальных функций (культовой, административной, экономической, представленных соответственно храмом, дворцом, рынком), либо вокруг одной из них (культовый центр, торговый центр и т. д.). Независимо от характера первоначального «толчка» развитие города приводило к тому, что в нем (и вокруг него) концентрировались разные социокультурные функции, на первоначальное ядро как бы наслаивались разнородные пласты. Архаический и средневековый город оказался многофункциональным...» [Долгий, Левада, Левинсон, 1974, с. 25].

В исторической и археологической литературе по Средней Азии хронологические рамки раннесредневекового периода охватывают VI—середину VIII в. [Якубовский, 1949, с. 30—43; Раннесредневековая культура..., 1977], V—VIII вв. [Гафуров, 1972, с. 295]. О. Г. Большаков проводит верхнюю границу через VIII в. и связывает ее с началом движения Абу Муслима. С разгромом движения Муканна (776—780 гг.) начинается новый этап истории [Большаков, 1973, с. 123—135]. Он характеризу-

ется исламизацией Средней Азии, интенсивным слиянием культур Хорасана и Мавераннахра. Однако в Южном Казахстане и Семиречье эти процессы начались несколько позднее. Ни южноказахстанские, ни семиреченские города не были завоеваны арабами, а внедрение ислама в среду городского населения началось здесь лишь с утверждением в Средней Азии династии Саманидов, которые распространили свое влияние в области в середине IX в. Это послужило для нас основанием расширения хронологических рамок периода до середины IX в.

Вопрос об уровне развития города поры раннего феодализма является дискуссионным в истории Средней Азии и Казахстана. По мнению С. П. Толстова, городская жизнь в этот период находилась в упадке: «...в городах сосредоточена относительно незначительная часть населения, преимущественно феодальная знать и ее слуги. Лишь постепенно начинает зарождаться прослойка городских ремесленников, которые живут в особых кварталах» [1962, с. 249]. Эта точка зрения была подержана рядом исследователей [Лавров, 1950, с. 53; Сухарева, 1958, с. 28; Кожемяко, 1959].

П. Н. Кожемяко считал, что вплоть до IX в. в Чуйской долине городов не было. Они стали формироваться лишь в X—XII вв. [Кожемяко, 1959, с. 183]. Эта точка зрения была взята под сомнение А. М. Беленицким. Опираясь на материалы Пенджикента, он поставил вопрос о пересмотре сложившегося в исторической науке представления о характере и структуре среднеазиатского города в преарабское время и иной интерпретации материалов, полученных при исследовании Пенджикента. Он доказывает наличие в городе развитых ремесел, торговли, культуры [1965, с. 191].

Высокий уровень развития раннесредневекового города подтверждается материалами не только Пенджикента, но и всей Средней Азии [Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973, с. 131; Гафуров, 1972, с. 299; Буряков, 1982, с. 179—182]. Сравнение согдийского города и села обнаружило существенную разницу в характере топографии города и села, городского и сельского жилища, присутствие в городе и отсутствие в селе ремесленных мастерских и базарчиков [Распопова, 1979, с. 22—26].

Новые археологические материалы свидетельствуют о том, что городская культура Южного Казахстана и Семиречья, как и других районов Средней Азии, в целом развивалась в едином русле.

Как и города Средней Азии, город Южного Казахстана и Семиречья предстает сложным и многозначным социально-политическим, экономическим и культурным организмом. Главной функцией города VII—VIII вв. была административная, тогда как его торгово-ремесленная деятельность носила второстепенный характер [Большаков, 1973, с. 148; Якубовский, 1951, с. 10]. Письменные источники подчеркивают самостоятельность городов, управлявшихся независимыми друг от друга владельцами [Зувев, 1960, с. 90—91]. На Средней Сырдарье в начале VIII в. известно кангарское владение, а затем округ Фараб с центром в Отраре, где сидел свой «царь». В юго-западном Семиречье владелец города Керминкент носил титул кутегин-лабана; во главе Барсхана стоял пра-

витель, именуемый манап или тебин-барсхан; владетель Навакета носил титул ялан-шах, Семекны — йинал-тегин. Каждый из владетелей городов имел вооруженную дружину [Бартольд, т. 2, ч. 1, с. 37—38; Таласская долина, с. 183]. Свою независимость владетели города и округа подчеркивали выпуском монет.

Раскопки цитаделей свидетельствуют об их центральном месте в структуре города. Они имеют мощную систему фортификации, сочетающуюся с пышностью парадных залов, наличием помещений для гарнизона и большими хранилищами. Вместе с тем существуют локальные особенности в развитии городов исследуемой области.

Выделяются два района формирования здесь городской культуры. На юге Казахстана оседло-земледельческая культура имеет древние традиции, которые восходят к эпохе кангюев, оставивших каунчинскую, отрарско-каратаускую и джетысарскую культуры [Литвинский, 1968, с. 14—23; Бернштам, 1949, с. 90; Кляшторный, 1964, с. 170; 174—175; Буряков, 1982, с. 108—113]. Сейчас выделяется единая культурно-хозяйственная зона, объединяющая области от Приаралья до Ферганской долины, включая весь юг Казахстана. Для нее характерна оседлая земледельческо-скотоводческая экономика, монументальная архитектура, городища, ограниченность денежного обращения [Массон В. М., 1979, с. 6; Буряков, 1982, с. 108—113]. Наиболее близки в культурном, экономическом отношении были Отрарский и Ташкентский оазисы. Можно констатировать, что их развитие на протяжении всего средневековья шло в едином русле.

Масштабные археологические исследования памятников отрарско-каратауской культуры еще не развернуты. Однако разведки с целью выявления и картографирования городищ и поселений показывают широкое распространение их в предгорьях Таласского Алатау, долине Ар-ыси [Подушкин, 1970], на Средней Сырдарье [Левина, 1971], на склонах Каратау. Выявляются отдельные микрорайоны с крупными городищами, выполнявшими роль центров. Это урочище Кок-Мардан, Отрарский, Мардан-Куюкский, Бузукский и Туркестанский оазисы.

Ранние городища лежат в основе Отрар-тобе, Куйрук-тобе, Мардан-Куюка, Оксуса, Бузука правобережного, в основе подавляющего большинства средневековых городищ Южного Казахстана. Отмечено существование в VII — первой половине IX в. двух археологических комплексов, один из которых (кок-мардановский) сохраняет древние каунчинские традиции, другой характеризуется наличием элементов тюркско-согдийского культурного комплекса.

В VII — первой половине IX в. на юге Казахстана складывается городская культура, сочетающая в себе древние традиции и согдийские инновации. Округлая планировка городищ, характерная в основном для Южного Казахстана [Агеева, Пацевич, 1958, с. 71; Воронина, 1959, с. 103], на наш взгляд, обуславливалась тем, что средневековые городища наследуют традиционную округлую планировку поселений отрарско-каратауской и джетысарской культур.

В планировке жилища традиции прослеживаются в таких деталях,

как тамбуровидный вход, прямоугольные напольные очаги с бортиком и камины, тумба для мельничного постава, круглые и овальные емкости из полос сырой глины. Наряду с ними встречаются новые элементы, например выступы-эстрады на суфах, характерные для жилища Согда.

В керамике появляется «гибридная» группа с зубчатыми ручками, темно-вишневым и черным лощением и вдавленным геометрическим орнаментом. Ручки в виде баранов, лисиц, собак и других животных, присущие сосудам каунчинской, отарско-каратауской и джетыасарской культур [Левина, 1971], продолжают бытовать, но уже как навершия крышек [Байпаков, 1980, с. 33—37, рис. 2, 4]. Таким образом, можно констатировать наличие древней оседло-земледельческой традиции в культуре раннесредневекового города на юге Казахстана.

Наряду с ней распространяются новые элементы городской культуры Согда, согдийские эталоны, которые не заслонили местное, самобытное, а вошли как компонент в раннесредневековую городскую культуру Южного Казахстана. Распространение согдийских эталонов шло и путем непосредственного расселения согдийцев по трассе торгового пути вдоль Сырдарьи, о чем свидетельствуют сохранившиеся согдийские названия городов Испиджаб, Фараб, Шавгар, но главным образом посредством культурных контактов населения Южного Казахстана с Чачем и Согдом.

В юго-западном Семиречье не было столь развитых оседлых и земледельческих традиций, известны лишь единичные поселения в Таласской долине, близкие по характеру планировки и керамическому материалу отарско-каратауской культуре [Левина, 1971, с. 195; Мерцнев, 1968, с. 37—50; 1970, с. 79—92]. В Чуйской долине обнаружены единичные находки керамики на городищах, связываемой с оседлой частью усуньских племен [Чуйская долина, с. 71—72; Кожемяко, 1959, с. 81]. Поэтому в развитии здесь городской и оседло-земледельческой культуры VII—VIII вв. важную роль играла транзитная торговля. Само размещение городов показывает их привязку к Шелковому пути, проходившему через Семиречье. Однако, будучи одним из главных факторов развития городов, торговля отнюдь не заменяла других функций — административной, ремесленной и сельскохозяйственной. Такие крупные города, как Тараз, Суяб и Навакет, были ставками тюркских каганов, в других «сидели» более мелкие независимые друг от друга феодалы, легко вступавшие в борьбу в период внешних опасностей и междоусобиц. Не случайноистики подчеркивают, что здесь «...часто воюют. Вообще же все землепашцы носят шлемы и щиты, берут друг друга в плен и обращают в рабство» [Зуев, 1960, с. 93].

Важную роль в распространении городской культуры и согдийских культурных эталонов в юго-западном Семиречье играли согдийцы, которые расселялись по всей трассе Шелкового пути. Они основали города Хамукат, Навакет, Кирмирау, Бунджикет, Семекну. Жителями городов были и тюрки. Об этом свидетельствуют тюркские названия городов Кулан, Барсхан, Джикиль. Крупнейший город Тараз известен и как «город славных и благословенных тюрков-чаруков», и как «город бухарцев» [Кляшторный, 1964, с. 131].

Таким образом, процесс сложения городской культуры в Семиречье определялся не только «согдийской колонизацией». В ее формировании принимали самое активное участие тюркские племена, оседавшие в городах Семиречья, а также в оазисах и городах Средней Азии. Их культура являлась одним из слагаемых раннесредневековой культуры всего среднеазиатско-казахстанского региона. Процесс формирования ее получил название «среднеазиатско-тюркского синтеза» [Гафуров, 1972, с. 222—223].

В юго-западном Семиречье выделяется смешанный, тюркско-согдийский, культурный комплекс. Для него характерны, с одной стороны, топография городищ подчетыреугольных очертаний, согдийская строительная традиция, керамика, с другой — тюркские металлические и ювелирные изделия, вооружение. Выделяются и своеобразные группы керамики, изготовленной в подражание тюркской торевтике. Такая особенность отмечается в городской культуре района, и это отличает ее от культуры Южного Казахстана при общей тенденции их развития.

Отличия наблюдаются и в топографии семиреченских и южноказахстанских городищ. У городищ Чуйской и Таласской долин сельскохозяйственная округа обнесена длинными стенами протяженностью иногда свыше двух десятков километров. Такие же стены отмечены в группе южноказахстанских городищ, которые расположены в предгорной полосе Таласского Алатау и базируются на водах горных рек, вытекающих из ущелий.

Объяснение этому явлению, на наш взгляд, можно найти в специфике природных условий районов распространения городов с длинными стенами.

Как известно, на Сырдарье издревле находились зимовки степняков Центрального Казахстана. Проходы к Сырдарье были свободными, поскольку оазисы и города не перекрывали пути кочевий в пойму реки. К тому же города и культурные земли оазисов расположены не в самой пойме — она свободна, и интересы горожан, земледельцев и кочевников не сталкивались. Стада последних не вытаптывали поля и сады оседлых жителей.

В предгорной зоне юго-западного Семиречья города с сельскохозяйственной округой занимали лучшие земли конусов выносов и практически перекрывали входы в ущелья, где проходили пути сезонных кочевий. Кочевники с их стадами никак не могли миновать сельскохозяйственные угодья горожан и сельского населения. С целью защиты своих посевов, садов и огородов от потравы оседлое население и горожане вынуждены были строить оградительные стены. Разрезы, проведенные через валы, показывают, что, как правило, стены достигали 1,5—3 м в ширину и 2 м в высоту. Отсутствие башен говорит о том, что их основная функция — не фортификационная. Такой же причиной объясняется строительство стен в предгорной зоне Южного Казахстана.

К особенностям городов Южного Казахстана и юго-западного Семиречья следует отнести большую роль земледелия в их хозяйстве по сравнению с городами Средней Азии. Связь горожан с сельским хозяйством

характерна для всех феодальных городов Востока. Этот факт был подчеркнут К. Марксом, который писал, что «...история Азии—это своего рода нерасчлененное единство города и деревни» [Маркс, Энгельс, т. 46, ч. 1, с. 470]. Но то, что аграризация городов была присуща в большей степени именно исследуемой историко-культурной области, видимо, следует объяснить прежде всего спросом кочевого рынка, для которого важнейшим продуктом являлось зерно. Имелся еще ряд причин, в частности немногочисленное в сравнении с кочевым оседлое население. Письменные источники подавляющее большинство городов юго-западного Семиречья называют «богатыми» и «большими» селениями [Волин, 1960, с. 76—77], а также сообщают, что среди горожан «тех, кто возделывает поля, и тех, кто преследует выгоду, — поровну» [Зуев, 1960, с. 91]. Это также подтверждается и относительно большим, по сравнению с другими историко-культурными областями, количеством городов, что само уже, по мнению О. Г. Большакова, должно свидетельствовать об их сельском облике [Большаков, 1973, с. 200]. Кроме того, можно указать на отсутствие четких границ между рабадами и сельской округой.

И, наконец, уже отмечавшийся выше факт сезонного переселения горожан из скученного города в пригород, к садам, огородам и посевам.

В IX — начале XIII в. наблюдается общий подъем городской культуры Средней Азии, характеризующийся ростом количества городов, их территориальным расширением, развитием ремесла и торговли, увеличением населения [Якубовский, 1949, с. 41; Гафуров, 1972, с. 418—432; Буряков, 1982, с. 141—165; Большаков, 1973, с. 351—352]. Подъем городской культуры происходит и в Южном Казахстане и Семиречье. Источники называют ряд новых городских центров. На юге Казахстана это Хурлуг, Маданкет (Манкет), Джумишлагау, Арсубаникет, Кедр, Весидж, Бурук, Ясы, Сауран, Сыгнак, Шагильджан, Карачук, Янгикент, Джснд, Барлыкент, Сюткент, Ашнас, Баладж, Берукет. Общее число городов здесь увеличивается на 12%. В юго-западном Семиречье — Баласагун, Джикиль, Балу (Бехлу), Шельджи, Куль, Сус, Кенджак-Сенгир, Такабкет.

Появляется новый — третий район городской культуры области. Он охватывает территорию северо-восточного Семиречья. В IX—XII вв. здесь, по письменным источникам, уже существуют города Тальхиз (Тальхир), Ики-Огуз, Каялык, Лабан. Начало формирования их, судя по археологическим данным, относится к IX в., а в X—XI вв. это уже крупные городища с характерной топографией. Они расположены в удобных стратегических точках, на перекрестках дорог, у горных перевалов, у переправ через большие реки, у входов в горные ущелья. Вначале городища являлись ставками феодальной верхушки и убежищами на случай опасности. Городская культура продвигается далеко на север в Центральный Казахстан, в долины Нуры, Кенгира, Сарысу. Здесь выявлены торткули, топография которых аналогична илийским. Сходен был и путь развития этих городов [Маргулан, 1978, с. 3—38].

В IX—XII вв. наблюдается территориальный рост городов. Например, площадь Отрара увеличилась за счет рабада до 200 га, выросла

территория Испиджаба, Куйрук-тобе, Оксуса. В городах Чуйской долины растет пригородная территория, становится плотнее застройка вокруг центральных развалин. Расширяются городища Илийской долины, к примеру, Талгар увеличивает свои размеры с 9 до 28 га.

Подсчитано, что наиболее крупные города имели в IX—XII вв. следующее число жителей: Испиджаб — 40 тыс., Отар — 16 тыс., Тараз — 10 тыс., Баласагун — около 10 тыс., Каялык — 10 тыс. человек. Преобладали города с населением от 1—1,5 до 3 тыс. человек.

Археологические материалы дают представление о росте городских ремесел, главным образом гончарства, стеклоделия, кузнечного дела и обработки металла, ювелирного ремесла, производства художественных бронз. В структуре городской застройки выделены кварталы гончаров.

Города в IX—XII вв. являлись центрами международной и местной торговли. Важную роль играла торговля между городом и степью. Кладовые илийских домов вмещали запасы зерна, превышающие потребности семьи. Излишки продавали кочевникам.

В Испиджабе, Отраре, Таразе и Баласагуне чеканилась монета.

В описываемое время расширяются и усиливаются связи региона со Средней Азией, Ближним и Средним Востоком. В среду городского населения внедряется ислам. В структуре городской застройки появляются мечети, общественные бани. Рядом с городами формируются мусульманские некрополи с монументальными культовыми постройками. Происходит сближение культуры Южного Казахстана, Семиречья, Средней Азии. Как и раньше, в крупных центрах складываются культурные образцы, которым следуют повсеместно.

В целом второй этап развития городской культуры Южного Казахстана и Семиречья характеризуется наиболее интенсивным подъемом городской жизни. Ему присущи количественный рост городов, появление нового района городской жизни. Число городов становится максимальным, расширяются их площади, более плотной становится застройка, растет численность городского населения. Появляются большие ремесленные мастерские и кварталы. О видах ремесла (кузнечное, медницкое, стеклодельное, ювелирное, ткацкое, кожевенное, оружейное) рассказывает массовый археологический материал.

Однако, несмотря на общие тенденции в развитии городской культуры Средней Азии, Южного Казахстана и Семиречья, в исследуемой области в XI—XII вв. рост городов шел более быстрыми темпами за счет оседания кочевников. Об этом достаточно убедительно свидетельствуют арабо-персоязычные источники, которые называют жителями городов тюркские племена карлуков, чигилей, ягма, огузов, кимаков, кипчаков и др. Карлукам в IX в. принадлежал Тараз [Волин, 1960, с. 76]. В X в. они жили в Фарабе и Сюткенте [МИТТ, т. 1, 1939, с. 144]. В юго-западном Семиречье, согласно сведениям Худуд ал-Алана, карлукскими считались города Кулан, Мирки, Нузкет, Карминкет, Барсхан [МИКХ, с. 42—43]. На границе джигилей и карлуков (в северо-восточном Семиречье) находились Тальхиз и Тон [МИКХ, с. 43]. В XII в. центром карлукского владения был город Каялык [Бартольд, т. 2, ч. I, с. 51]. Жите-

лями городов в предгорьях Каратау, Средней и Нижней Сырдарьи были огузы [МИТТ, с. 220—222; Толстов, 1947, с. 55—57; Агаджанов, 1969, с. 72—76, 133—135]. Названия тюркских племен носили города Джикиль, Барсхан, Ягма [Волин, 1960, с. 84].

О городах кимаков, расположенных на побережье озера Алакуль и по Иртышу, подробно пишет ал-Идриси [Кумеков, 1972, с. 98—108]. Кипчакам в XII — начале XIII в. принадлежали города Дженд, Сыгнак, Барчкент на юге Казахстана, Кенджак—Сенгир в Таласской долине [Волин, 1960, с. 84].

К XI в. согдийское население семиреченских городов было отюречено. Махмуд Кашгарский пишет, что жители Баласагуна, Тараза и Испиджаба говорят по-согдийски и по-тюркски [Волин, 1960, с. 83].

Тенденция к оседлости, к городской жизни, которая усилилась в XI в., сформулирована Юсуфом Баласагунским в «Кудатгу Билиг», где он восхваляет земледельцев, ремесленников и торговцев [Валитова, 1943, с. 133, 134]. Новые археологические материалы подтверждают эту особенность развития городской культуры исследуемой области.

Об этом свидетельствует прежде всего появление нового района городской и оседло-земледельческой культуры в северо-восточном Семиречье. В XI—XII вв. здесь насчитывалось около 70 городов, тогда как в IX—X вв. — всего 12. Из них шесть были городскими центрами, остальные — сельскими поселениями, убежищами и караван-сараями. Ориентировочные демографические подсчеты показали, что численность оседлого населения в этом районе выросла с 1200—3000 человек в IX—X вв. до 35 000—45 000 [Байпаков, 1974, с. 188—200].

Появление торткулей в VIII—XII вв. было отмечено в Чуйской и Таласской долинах, в Южном Казахстане. В Чуйской долине их насчитывается около 40, в Таласской — около 50, в Южном Казахстане — 12.

Торткули — яркие свидетельства оседания кочевников и полукочевого населения на юге Казахстана и Семиречья, давшего импульс развитию оседло-земледельческой и городской жизни. Показателем вливания кочевников в число городского населения служат в первую очередь такие категории материальной культуры, как жилище и керамика. На юге Казахстана в XI в. появляются три типа жилища — анфиладный, крестовидный и с помещениями, поставленными в ряд. В качестве новых деталей интерьера отмечены суфы, занимающие угол или половину помещения, очаги-ямки и каминчики на краю суфы. Е. Е. Неразик связывает появление таких жилищ в Хорезме с влиянием огузско-кипчакских обитателей засырдарьинских степей [Неразик, 1982, с. 164—170, 176]. Думается, что новые типы жилищ XI в., открытые на Куйрук-тобе, характеризуют процессы оседания кочевников в городе.

Свидетельством проникновения элементов кочевого быта в среду городского населения юго-западного и северо-восточного Семиречья является юрта во дворе стационарного дома, используемая в качестве летнего жилья.

Среди керамики, которую можно считать кочевнической, выделяется группа лепных и станковых кухонных и столовых горшков, датированных

X—XI вв., украшенных наlepными валиками с насечками, прочерченным «кочевническим» орнаментом. В северо-восточном Семиречье выделяется группа лепной керамики X—XI вв. — кувшины, горшки, банки, украшенные вдавленным геометрическим орнаментом. Эти группы посуды имеют параллели в кочевнической керамике города Саркела, где ее считают кочевнической [Плетнева, 1959, с. 231—239].

На наш взгляд, под влиянием вкусов кочевников в X—XII вв. вырабатывается стиль украшения крышек — богатым резным, штампованным и наlepным орнаментом в виде различного рода розеток, солярных знаков, ж- и s-образных отисков. Навершиями таких крышек часто служат фигурки баранов и птиц.

В Таразе в X в. под воздействием тюрков появляется керамика, украшенная орнаментом, имитирующим тиснение по коже.

Совокупность указанных данных подтверждает массовое оседание кочевников в городской среде Южного Казахстана и Семиречья.

Несмотря на общее внутреннее единство городской культуры Южного Казахстана и Семиречья, в каждом из трех выделенных здесь районов прослеживаются своеобразные черты, обусловленные древними традициями, различными темпами экономического и культурного развития. Так, в южноказахстанском городе в характере жилища, в идеологии, в частности в реликтах домусульманских верований, по-прежнему прослеживается традиция каунчиноидных культур. В юго-западном Семиречье сохраняется синкретизм в духовной культуре города, вызванный тем, что здесь были сильны традиции буддизма и несторианства.

Кочевническая, степная струя более всего прослеживается в материальной культуре илийского города и прежде всего в жилище, совмещенном со скотным двором, и стоящей рядом с домом юрте.

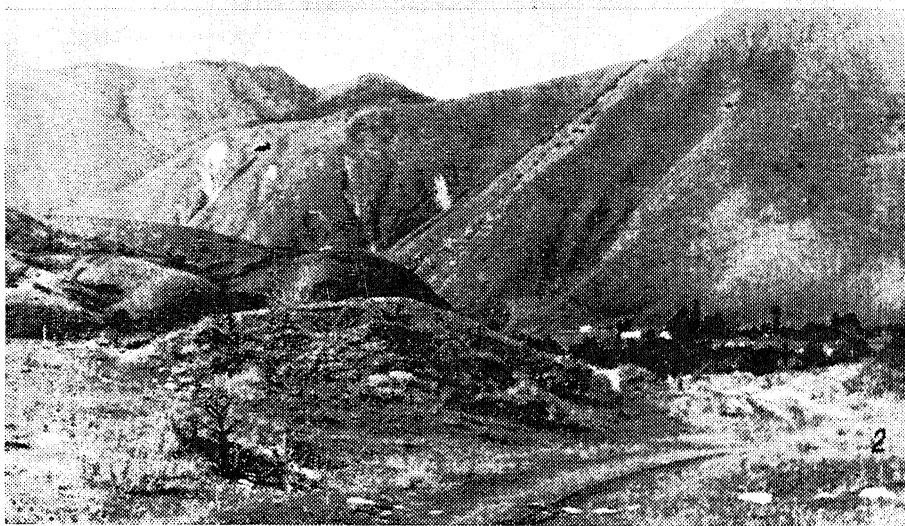

Рис. 80. Городище Талгар: 1 — общий вид; 2 — юго-западная башня

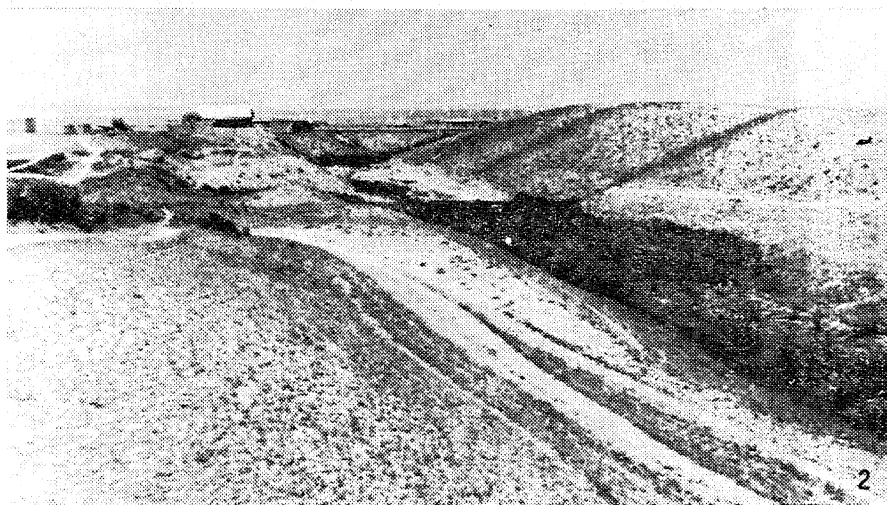
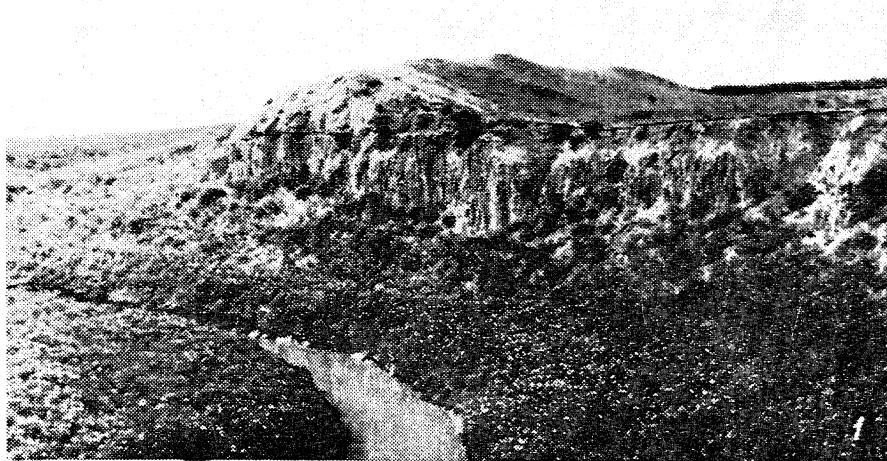

Рис. 81. 1 — Вал городища Жаналык; 2 — городище Сумбе

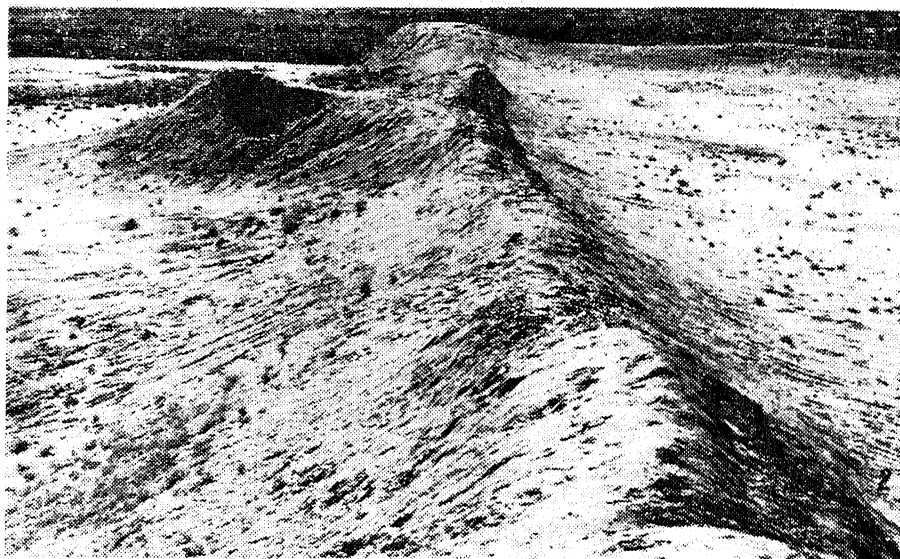
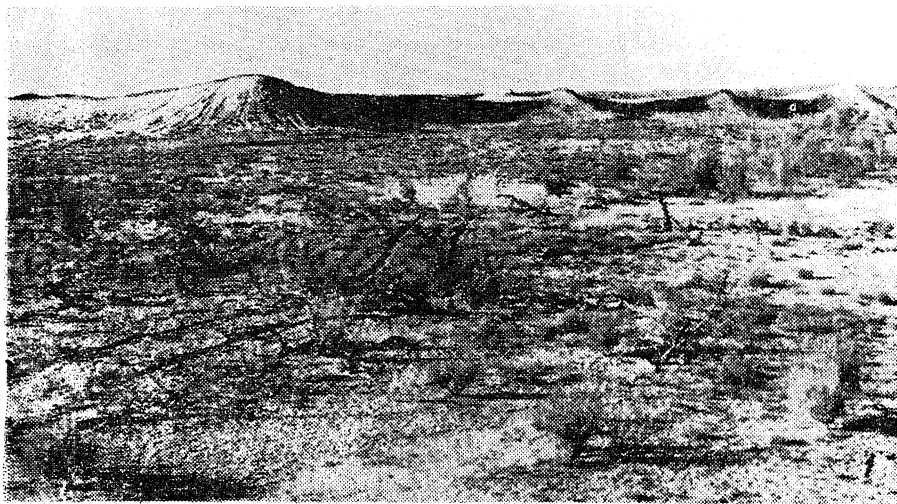

Рис. 82. 1 — Городище Актам; 2 — въезд на городище Агашаяк.

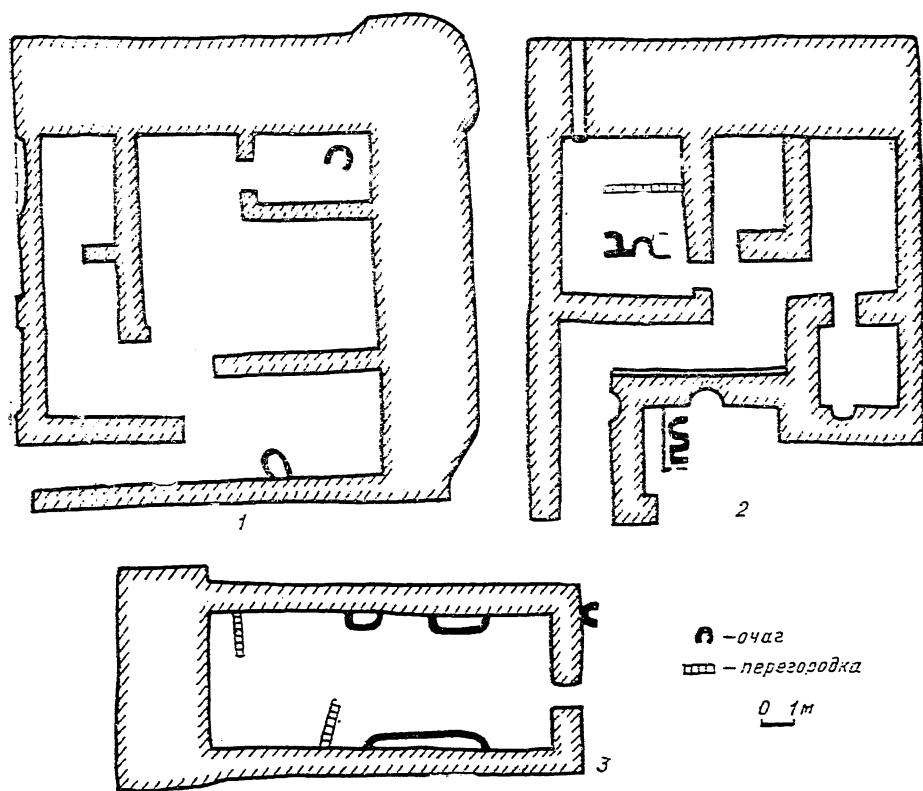

Рис. 83. Городище Жаксылык. Планы домов X в.

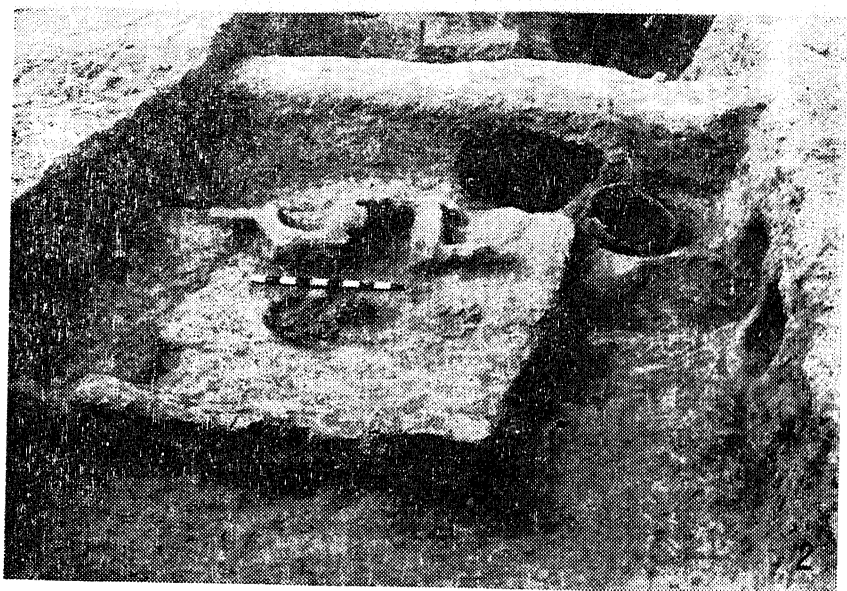
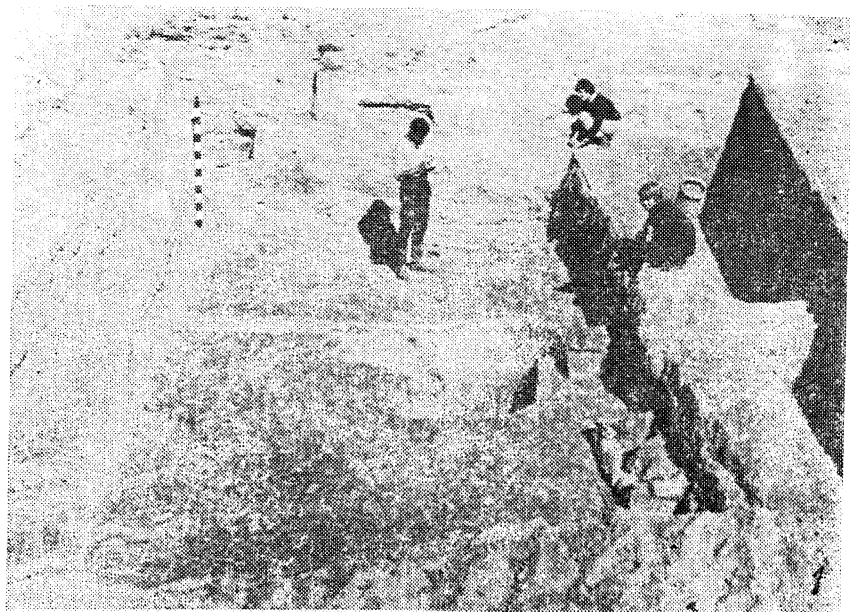

Рис. 84. Городище Жаксылык: 1 — однокомнатный дом X в.; 2 — кухонное помещение в доме X в.

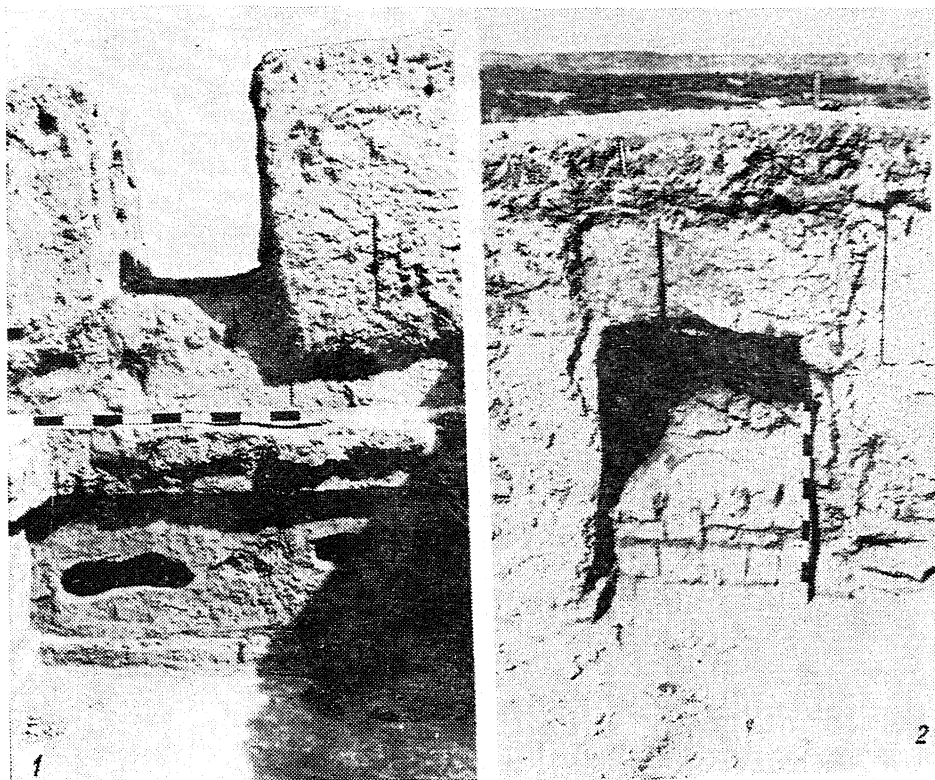

Рис. 85. Актобе Степнинское. Детали интерьера центрального помещения усадьбы 3 по нижнему строительному горизонту. VII—VIII вв.

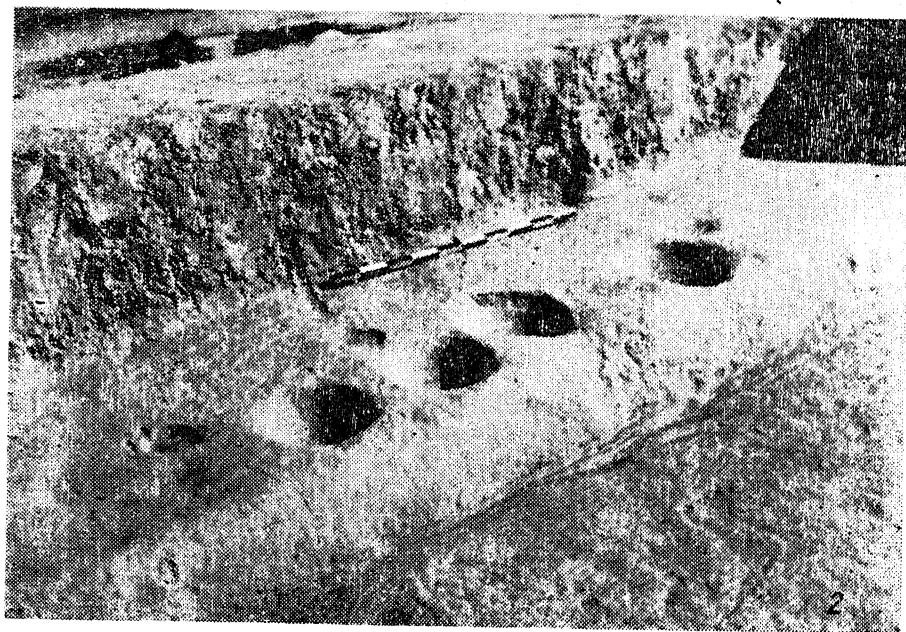
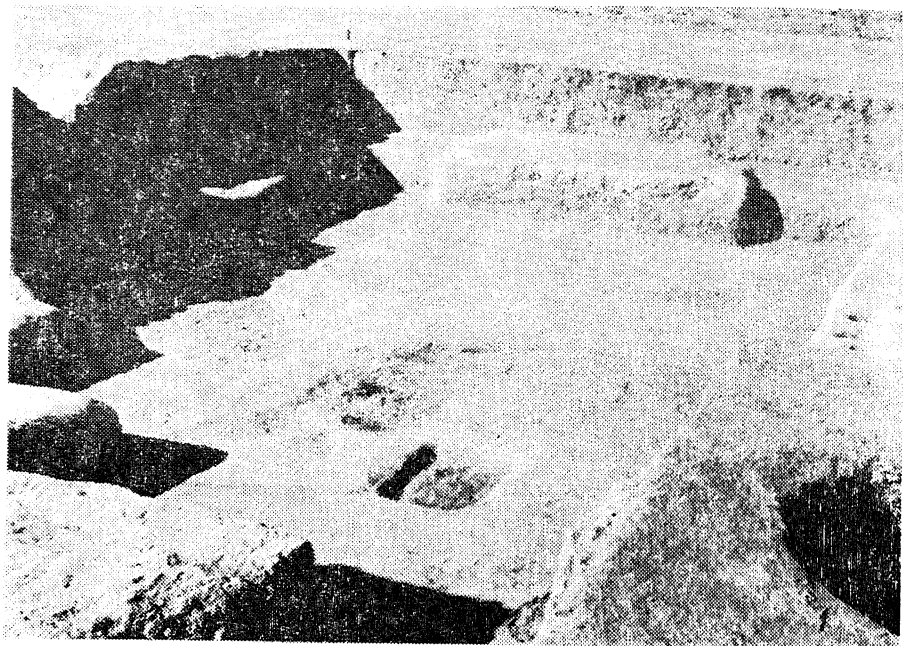

Рис. 86. Куйрук-тобе. Городской дом VII—VIII вв.: 1 — общий вид жилого помещения, 2 — ямки-углубления на суфе

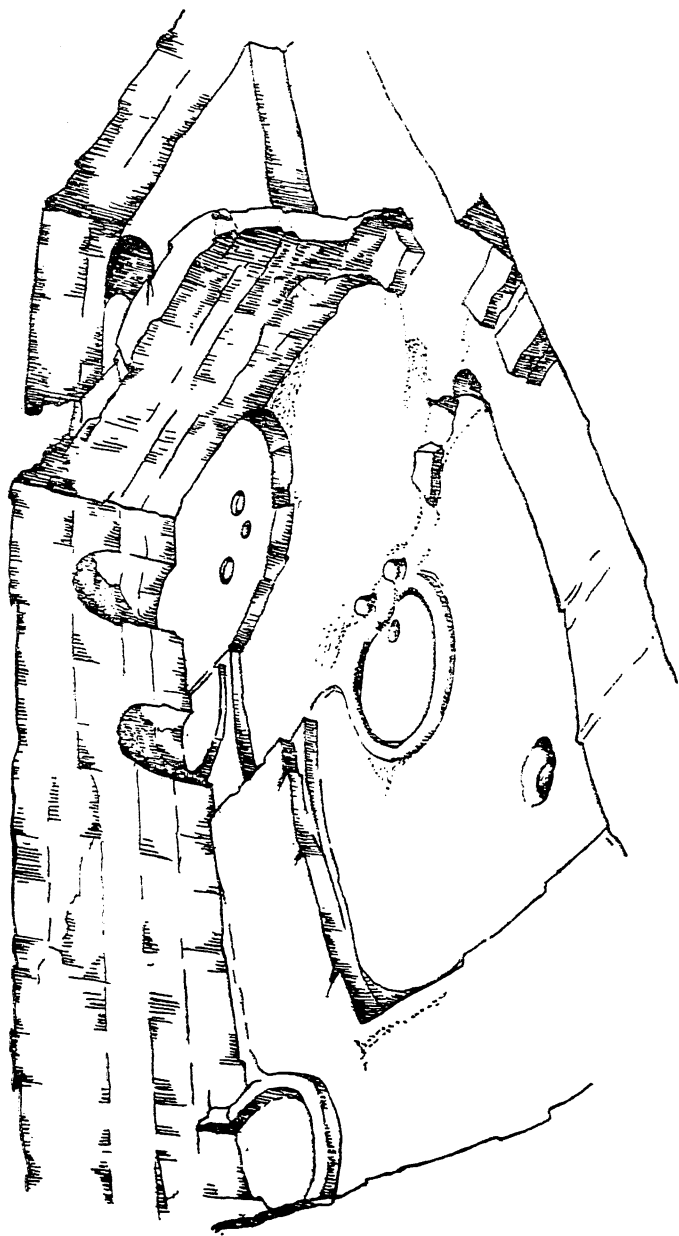

Рис. 87. Куйрук-тобе. Интерьер дома X — первой половины XI в.

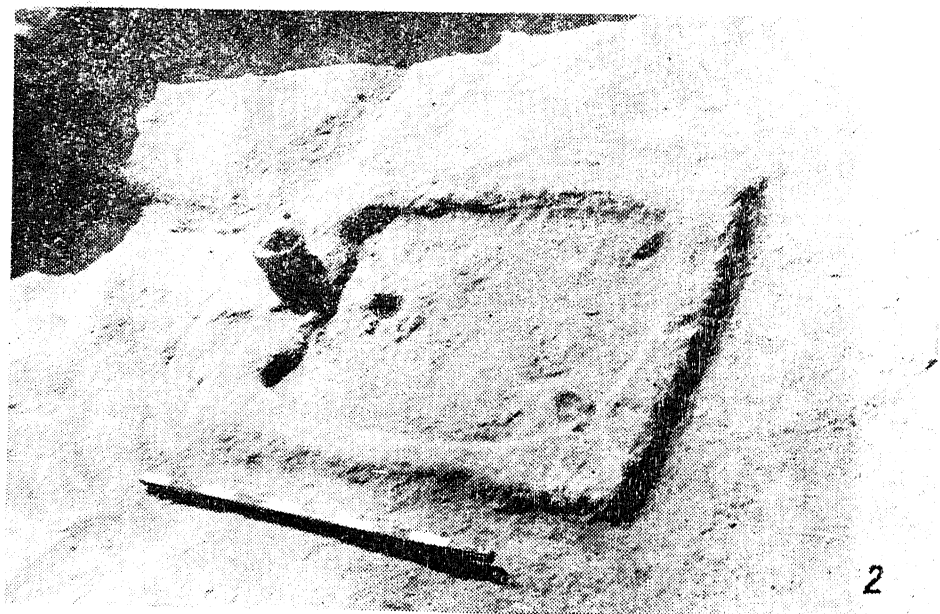
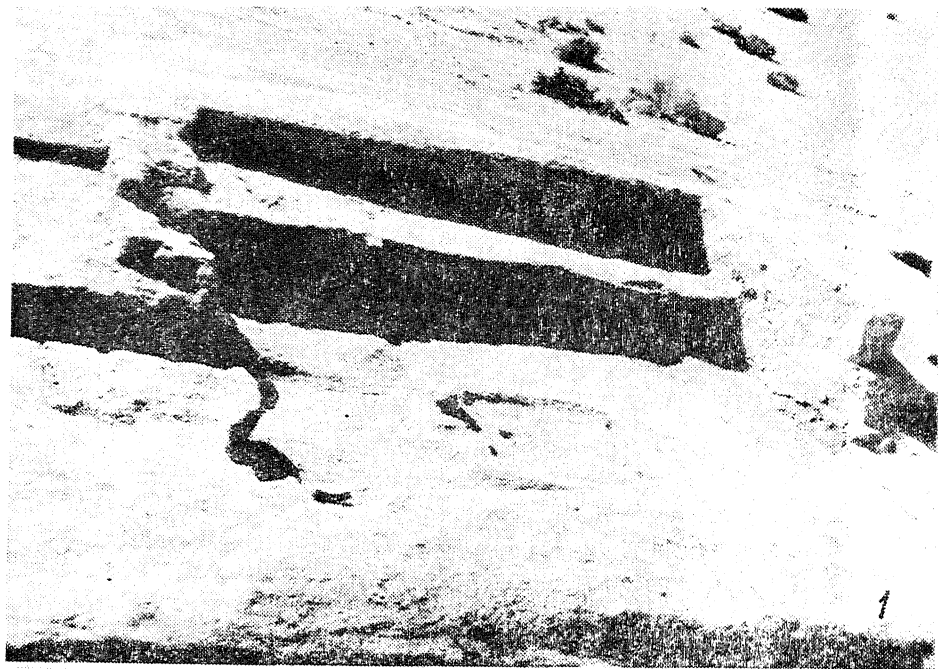

Рис. 88. Куйрук-тобе. Интерьер дома X — первой половины XI в.

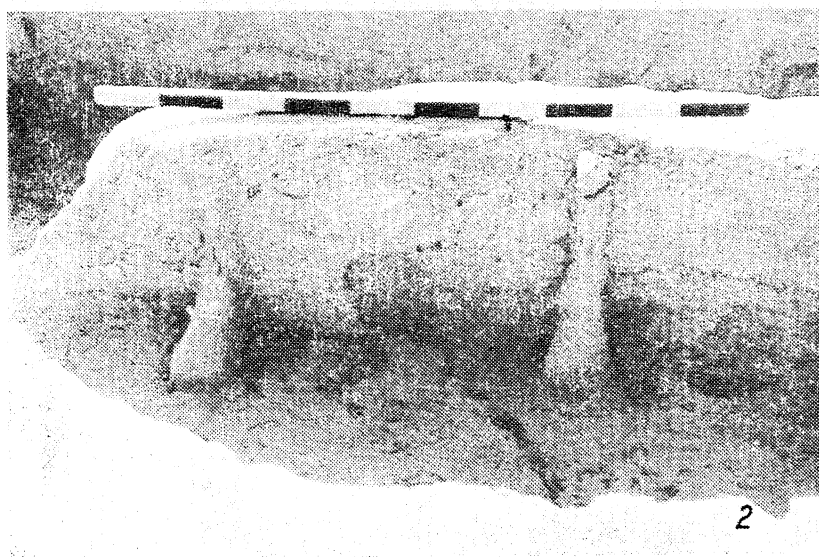

Рис. 89. Куйрук-тобе: 1 — жилое помещение в доме X — первой половины XI в.; 2 — налп на стене жилого помещения

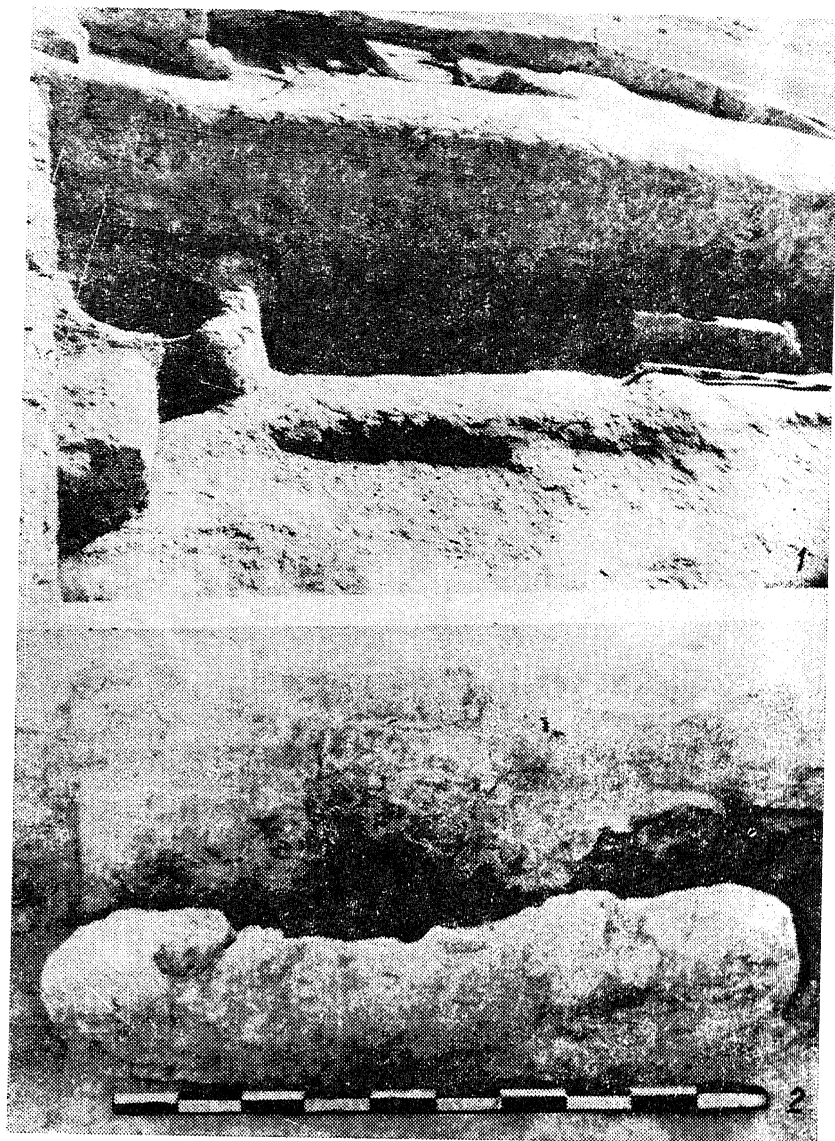

Рис. 90. Очаги в домах XI — начала XII в. на городище Куйрук-тобе

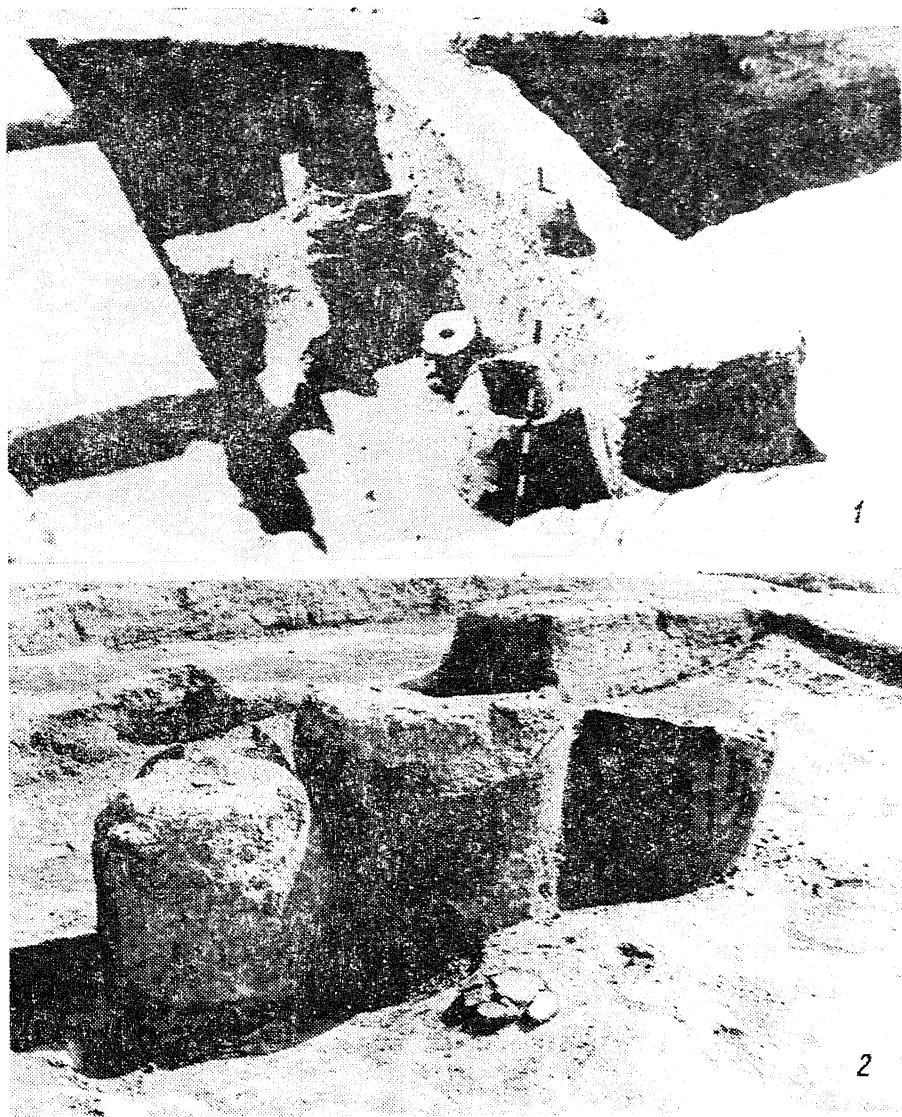

Рис. 91. Кок-Мардан. Хумы и емкости для хранения продуктов в домах VI — первой половины VII в.

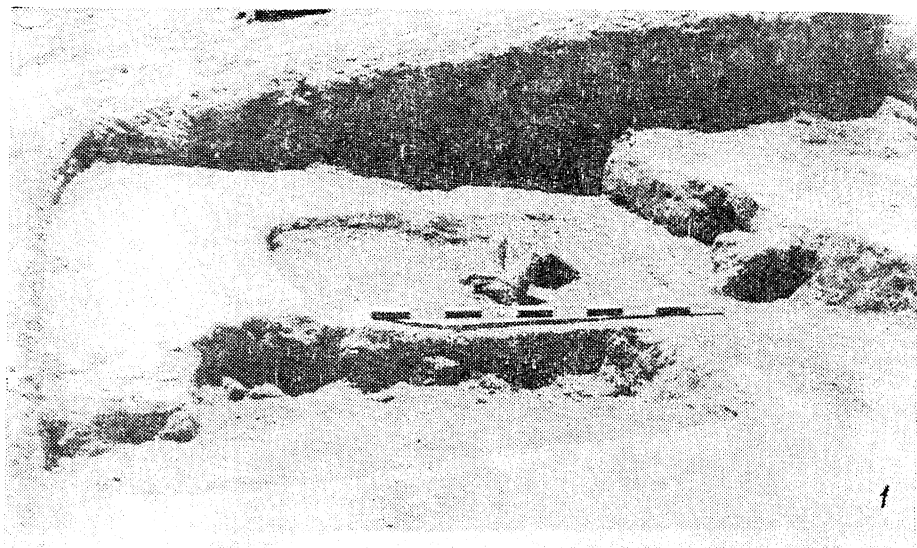

Рис. 92. Кок-Мардан. Очажные подставки в виде головы быка. VI — первая половина VII в.

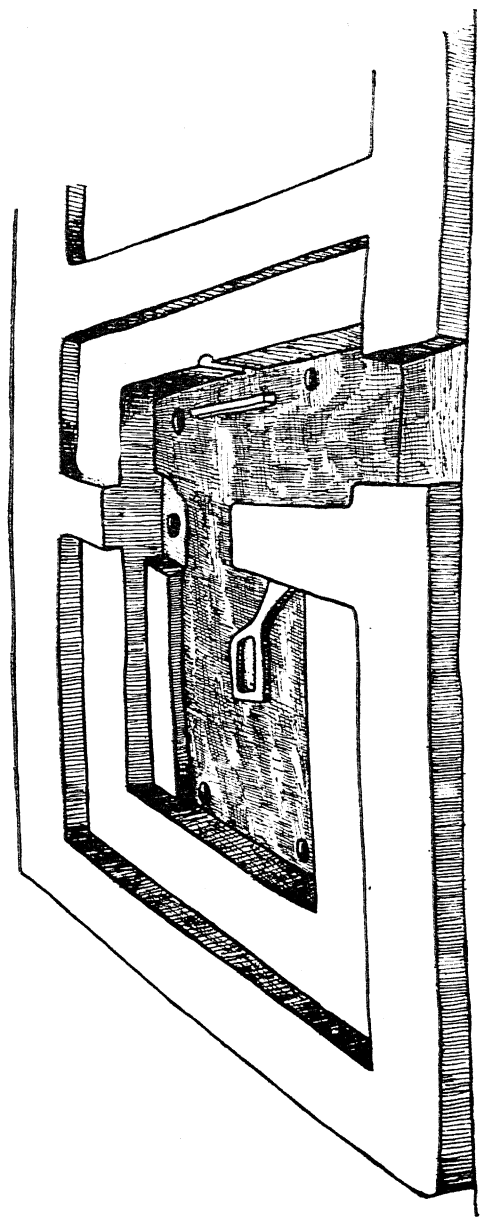

Рис. 93. Кок-Мардан. Интерьер дома с двусторонней суфой

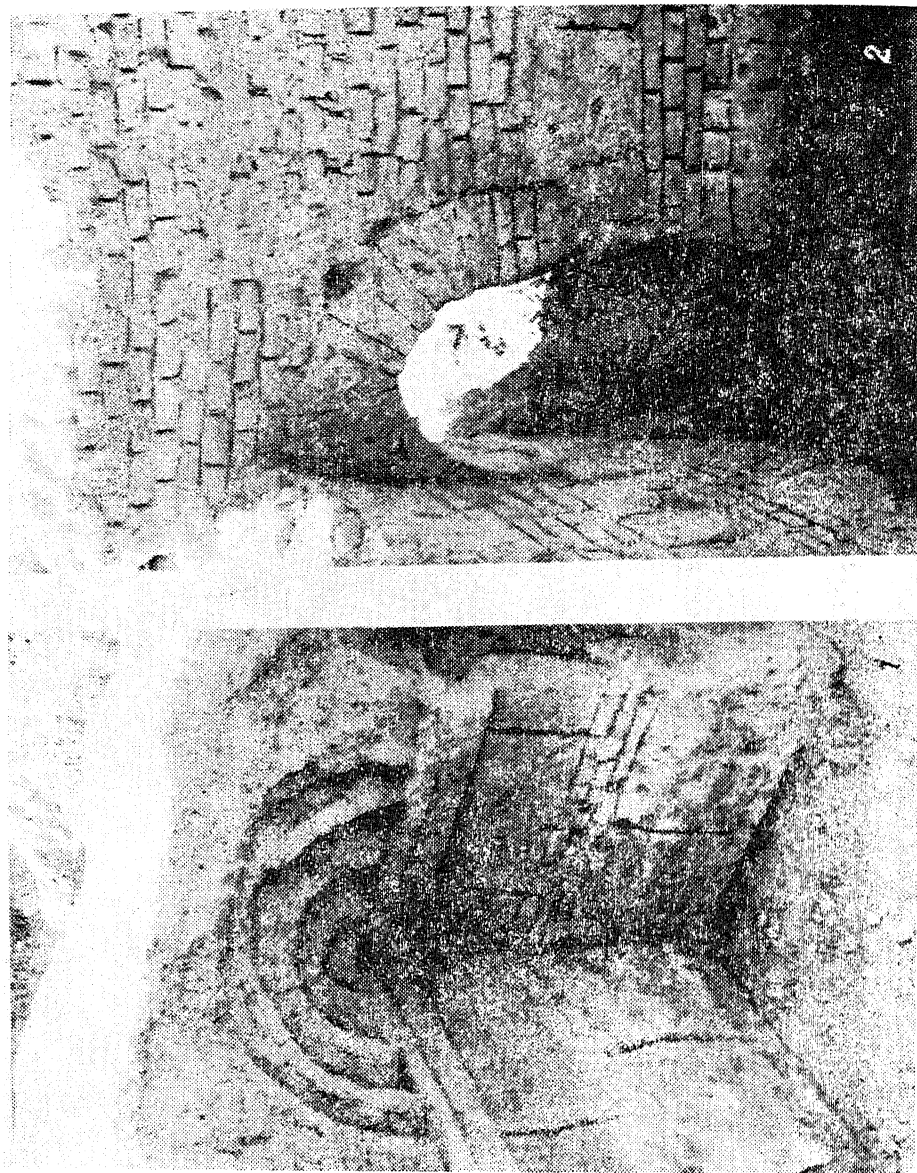

Рис. 94. Луговое А: 1 — аро́чный проход; 2 — тромп купольного перекрытия VII—VIII вв.

Рис. 95. Колодцы в Отрарской бане XI—XII вв.

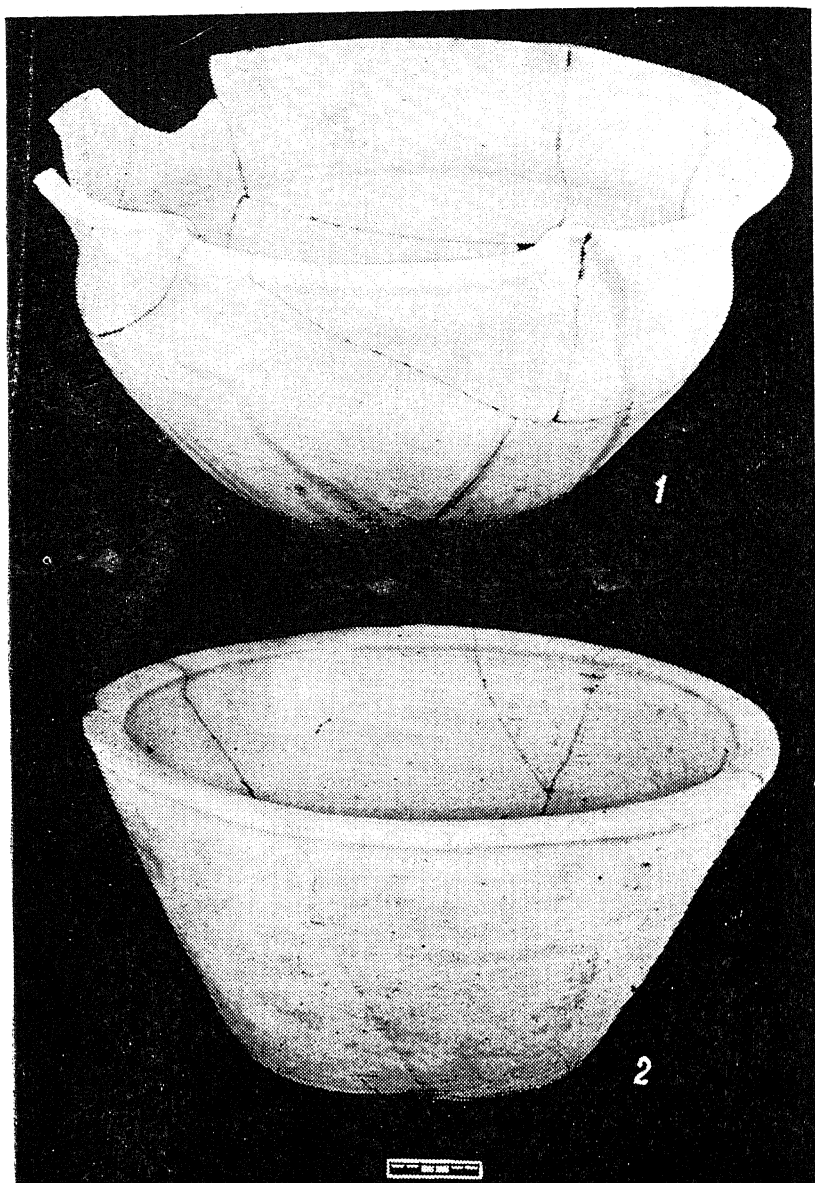

Рис. 96. Куйрук-тобе. Чаши IX—X вв.

Рис. 97. 1 — Керамика «кангарского» типа VII — первой половины IX в.; 2 — очажная подставка в виде барана. VII — первая половина IX в.

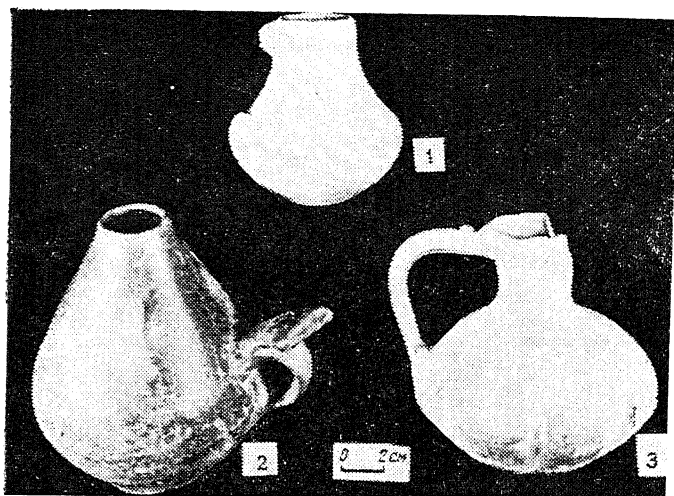

Рис. 98. Городище Красная Речка. Кружки VII—VIII вв.

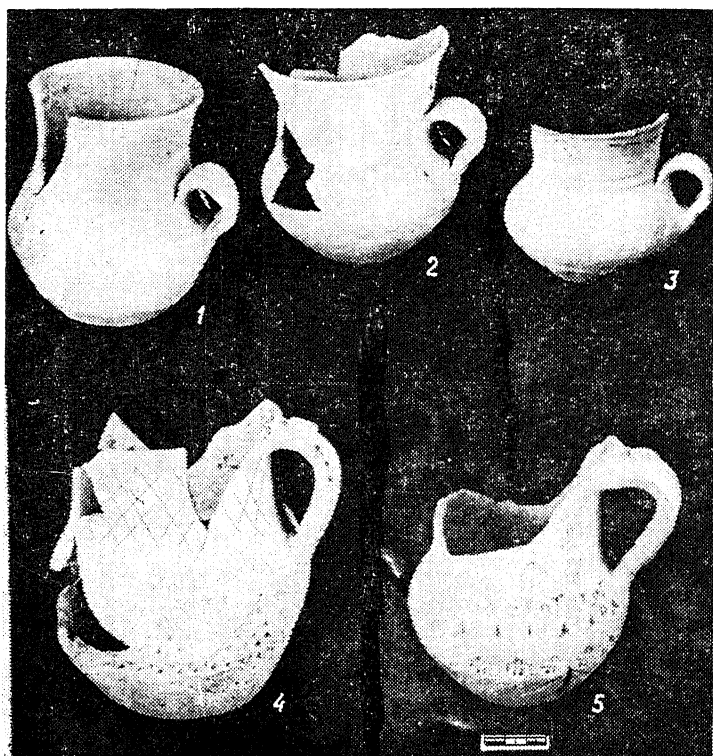

Рис. 99. Куйрук-тобе. Кружки второй половины IX—X вв.

Рис. 100. Куйрук-тобе. Кувшины IX—X вв.

Рис. 101. Куйрук-тобе. Двуручные кувшины XI—XII вв.

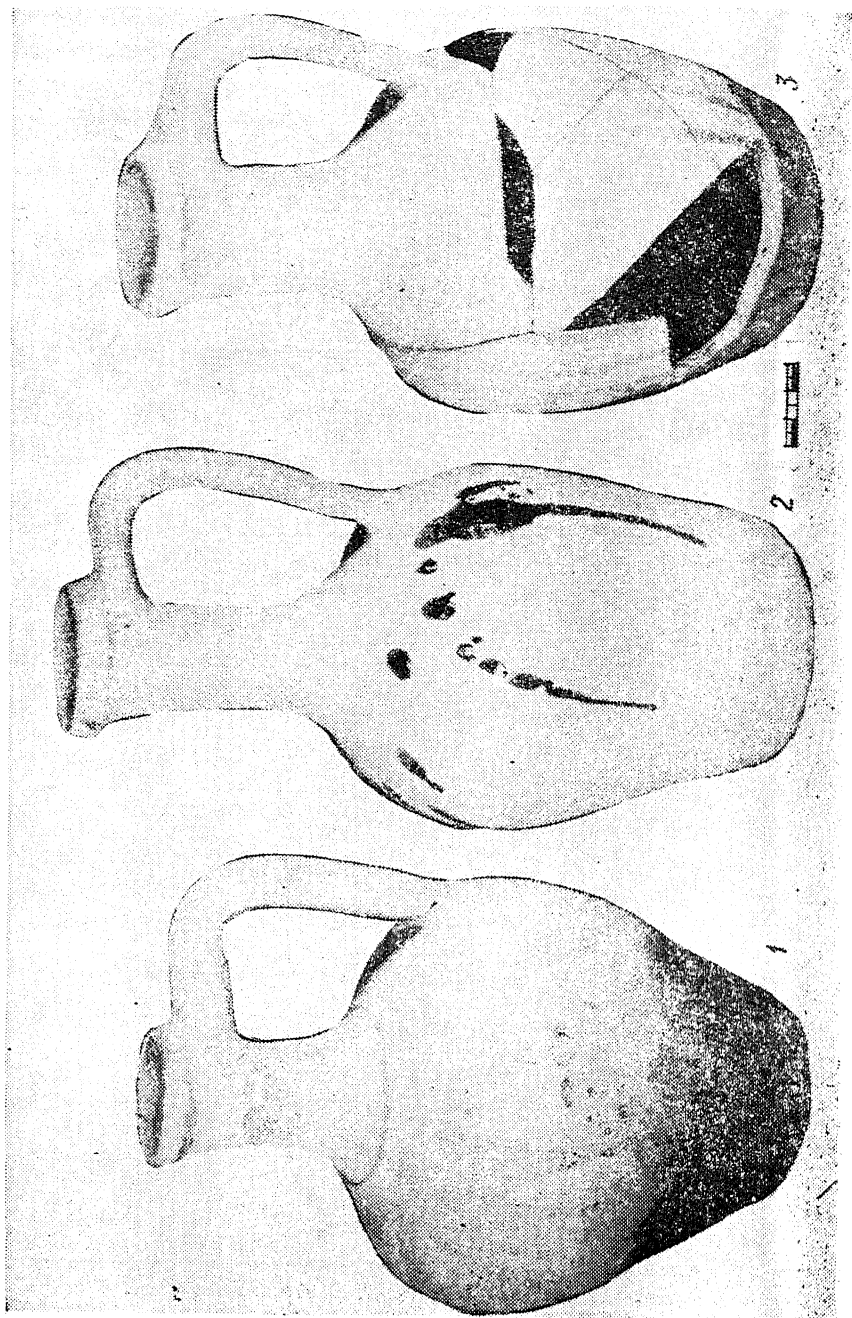

Рис. 102. Куїрук-тобе. Кувшы XI—XII вв.

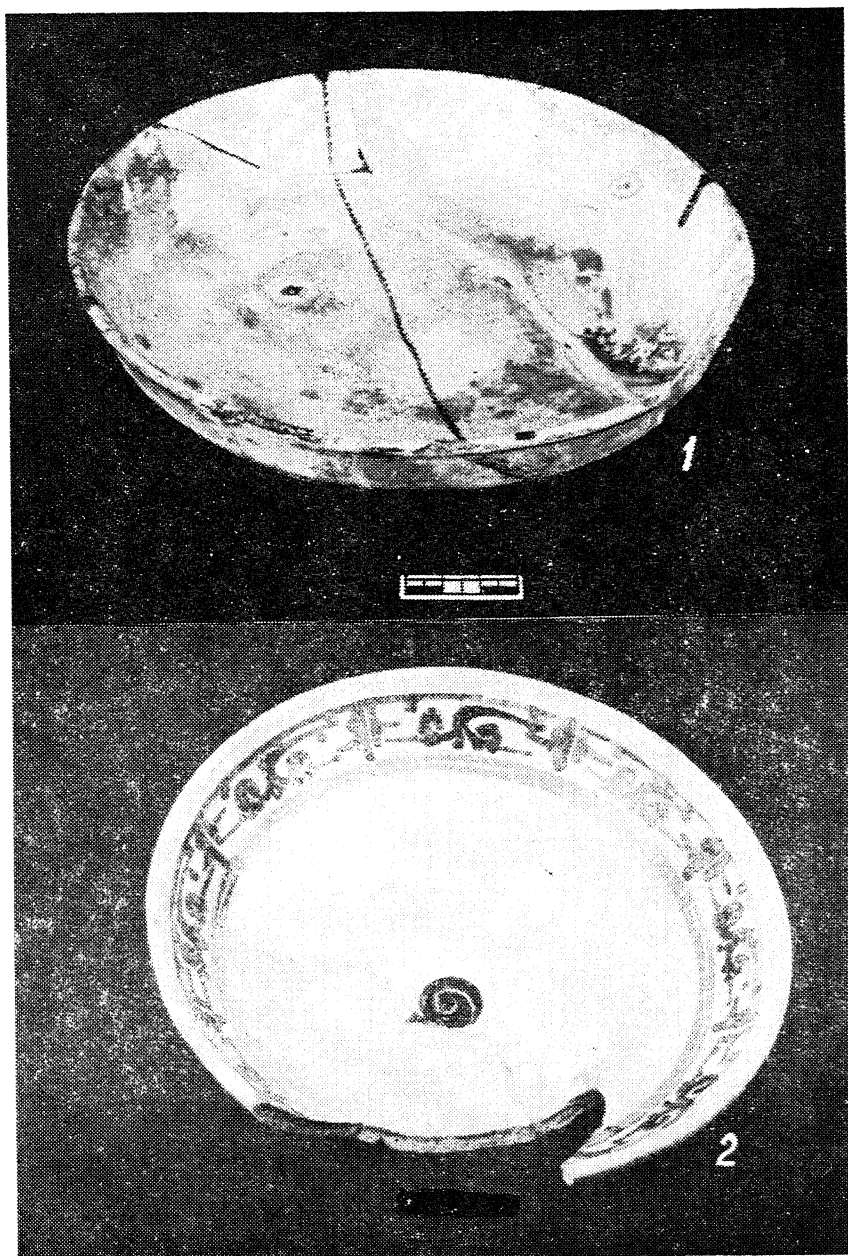

Рис. 103. Куйрук-тобе. Полувная керамика X—XI вв.

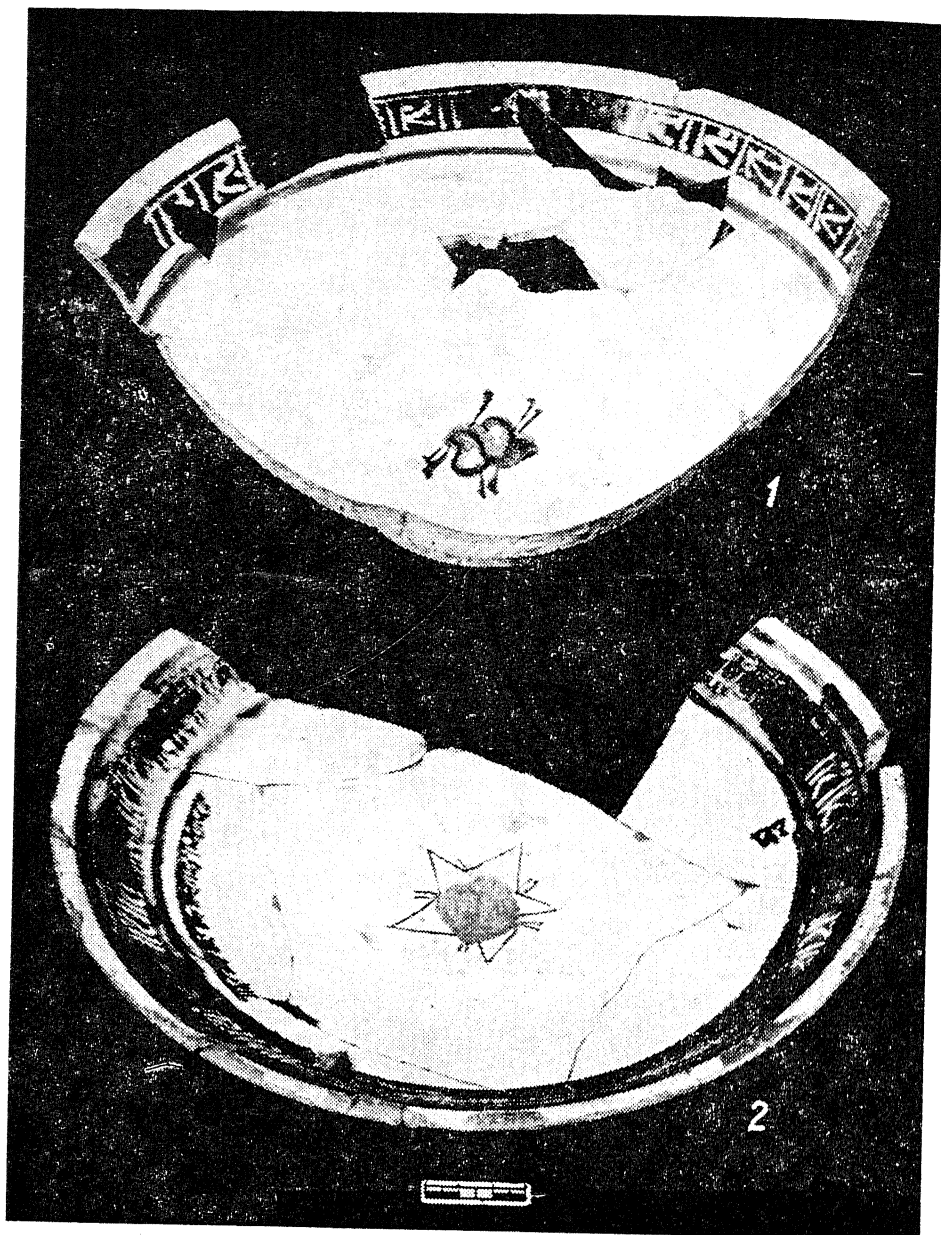

Рис. 104. Куйрук-тобе. Поливные чаши X—XI вв.

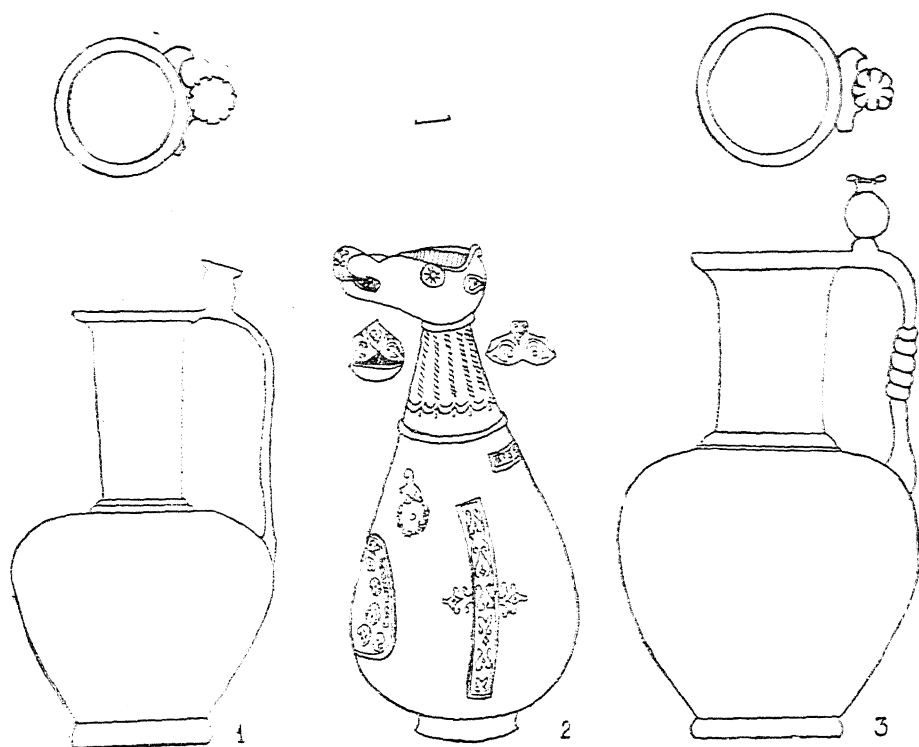

Рис. 105. Кувшины XI—XII вв.: 1, 3 — из Южного Казахстана, 2 — из Семиречья

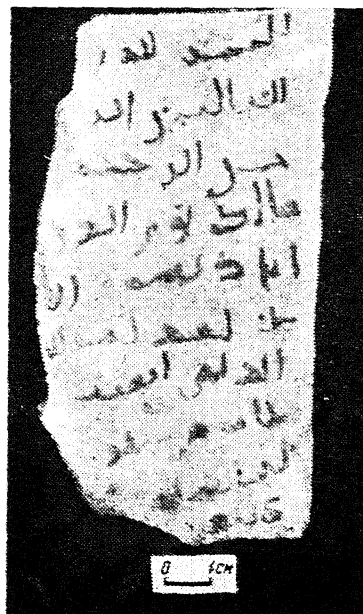

Рис. 106. Куйрук-тобе. Черепок с арабской надписью X в.

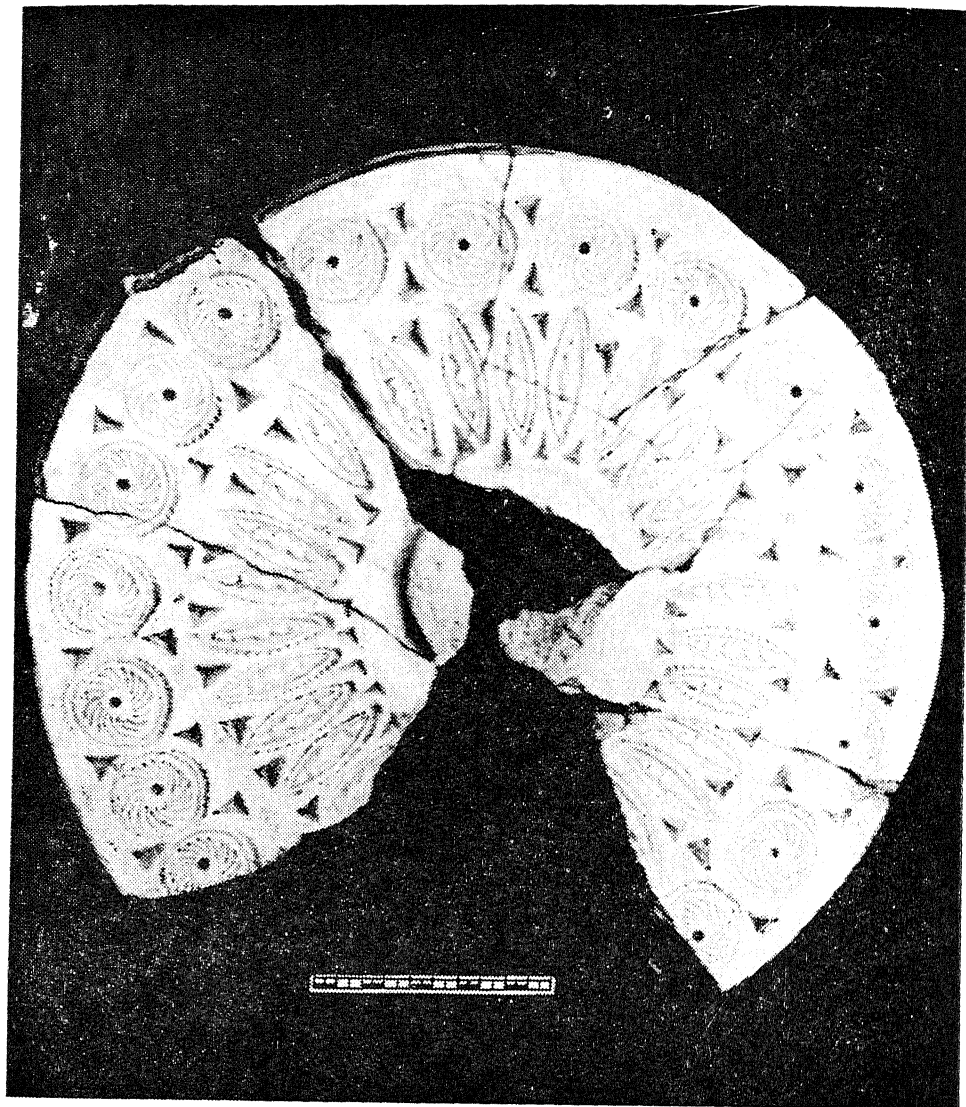

Рис. 107. Крышка со штампованным орнаментом. XII в.

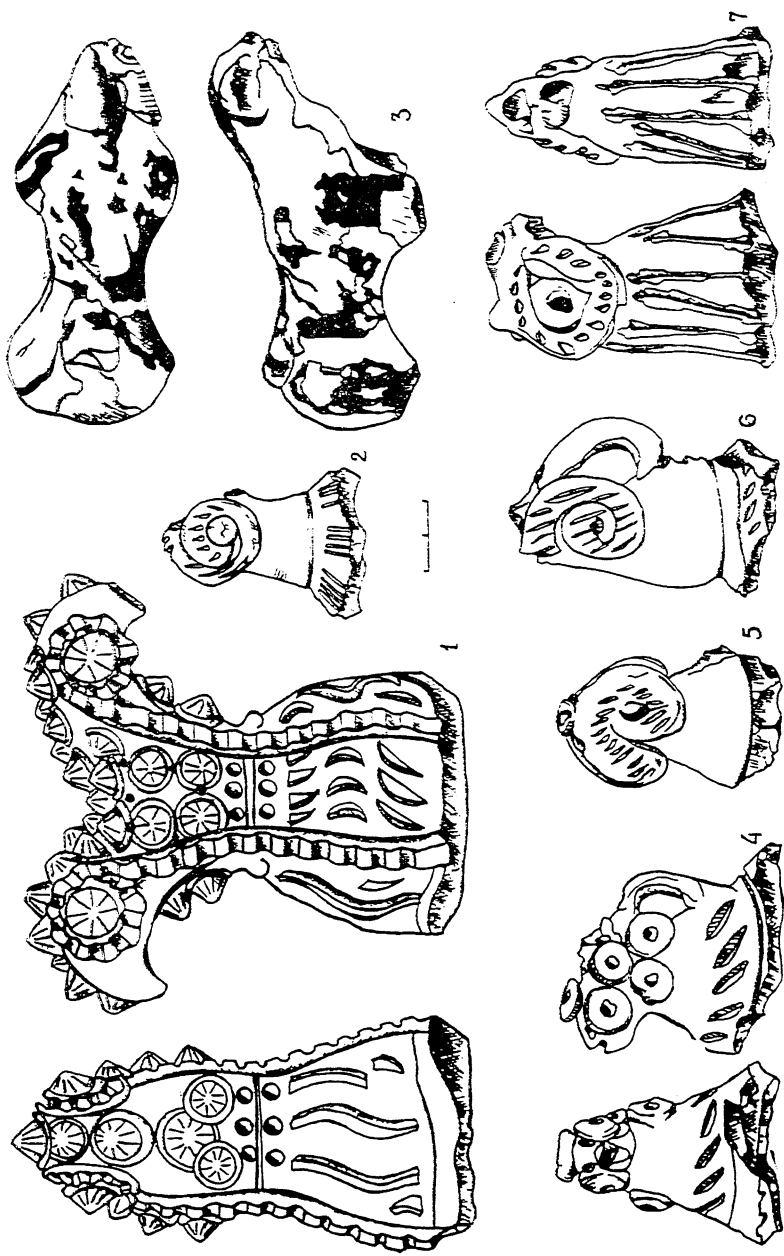

Рис. 108. Накершнія крывішкі в выглядзе баранок из Отара и Куйрук тубы. X—XII вв.

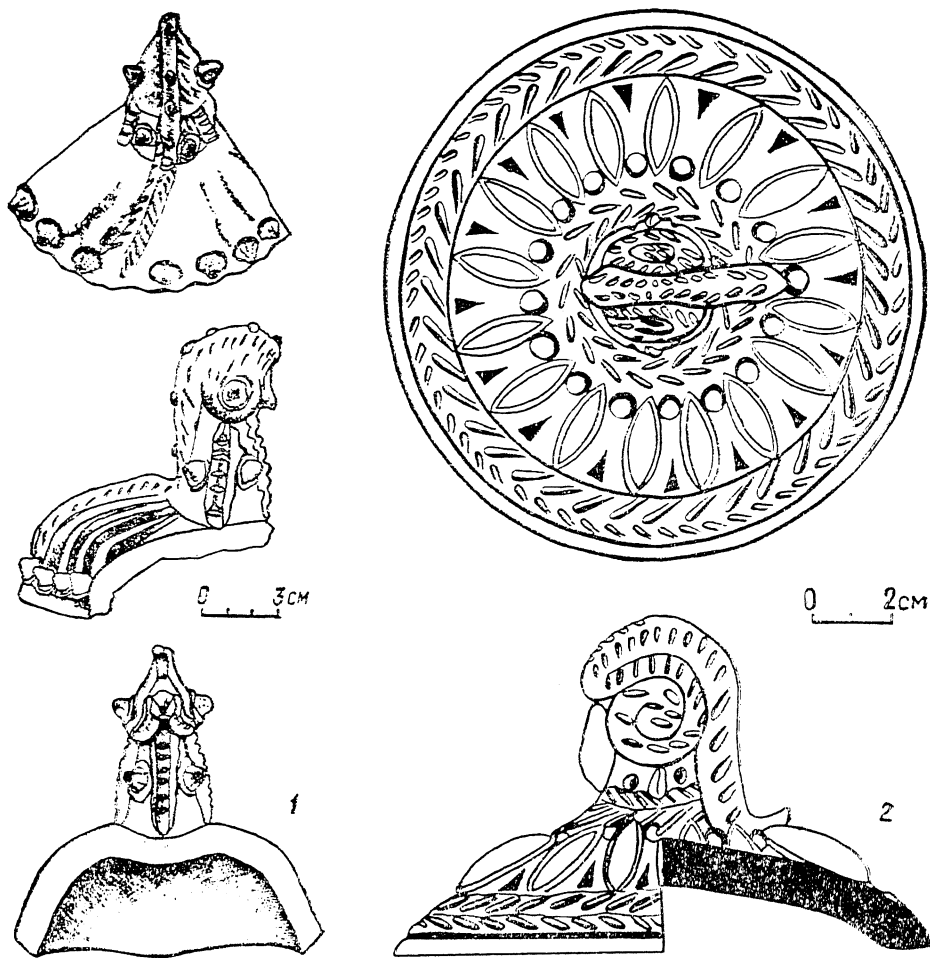

Рис. 109. Крышки с изображением петуха из Отрара. X—XII вв.

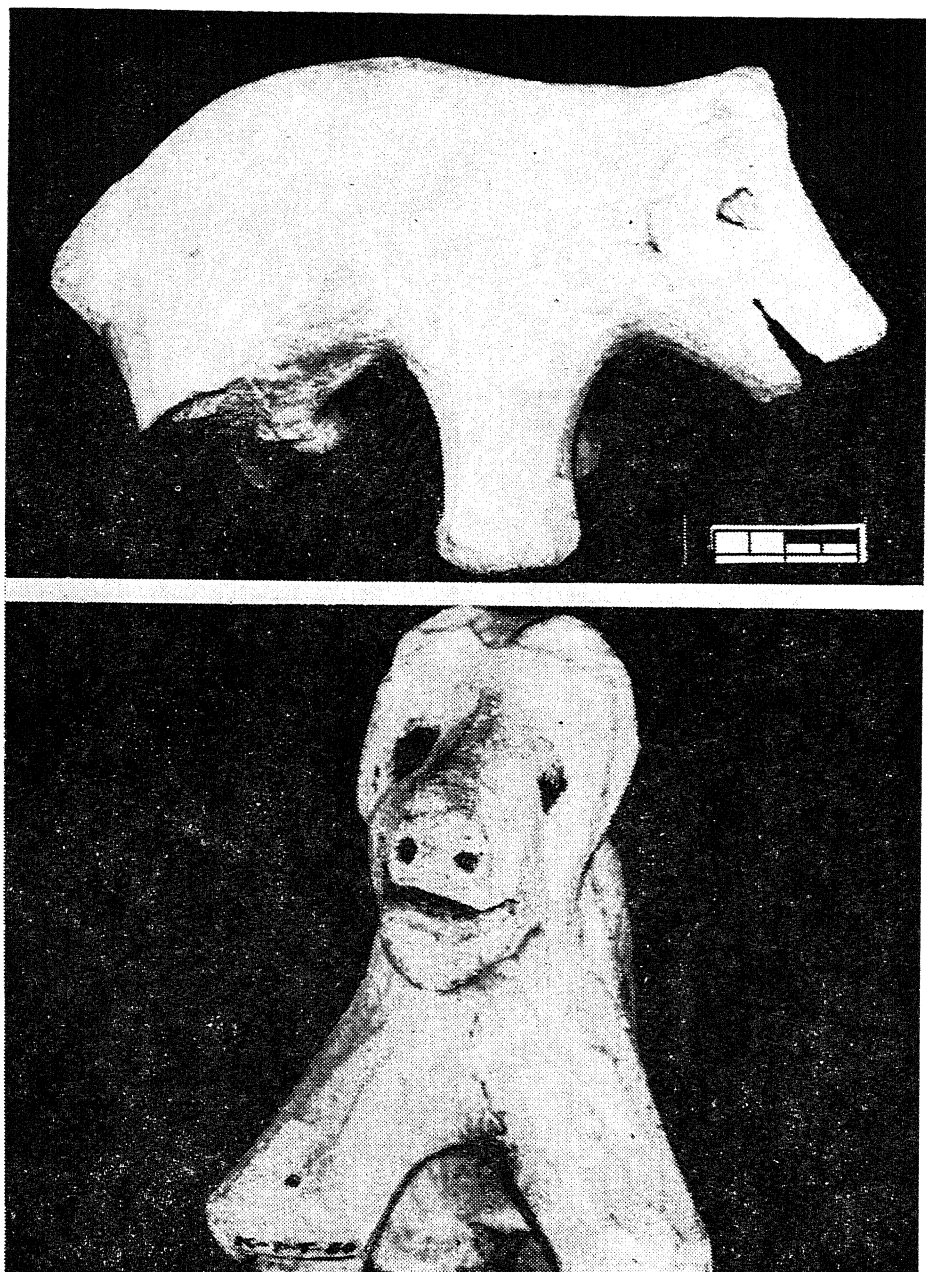

Рис. 110. Терракотовая фигурка кабана из Куйрук-тобе. XI—XII вв.

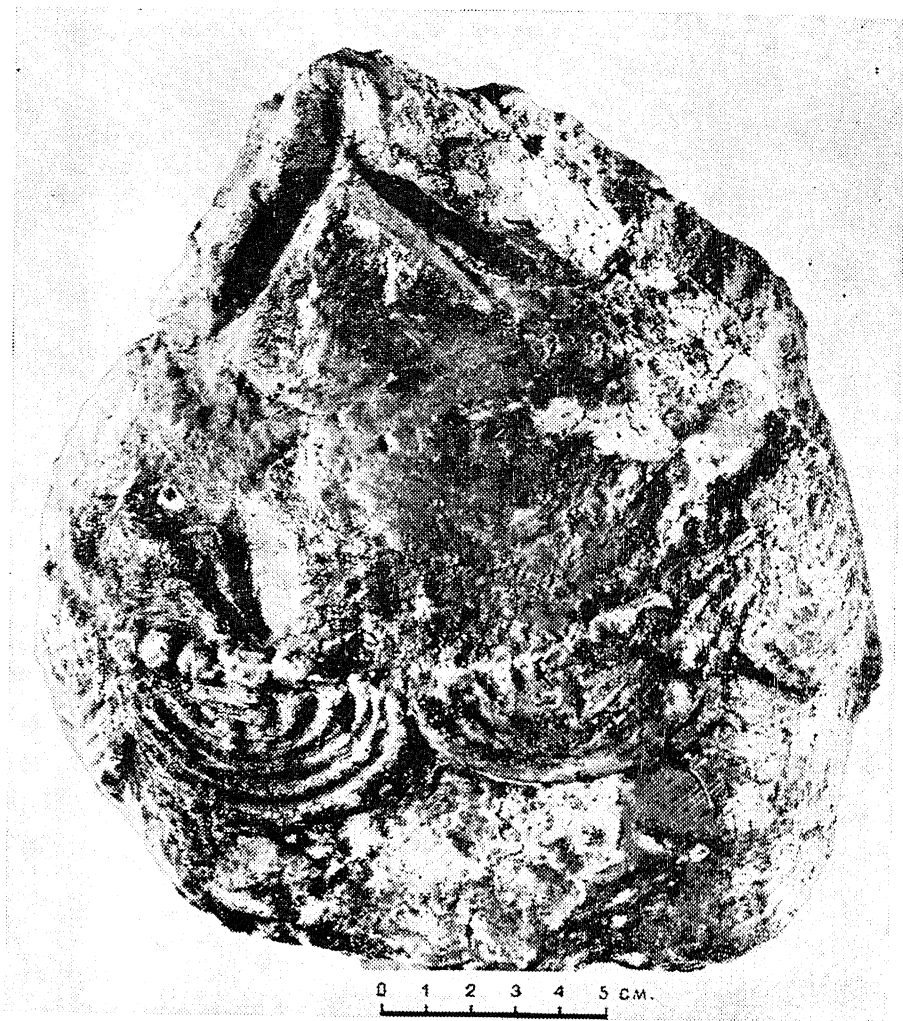

Рис. 111. Красная Речка. Фрагмент головы скульптуры из второго буддийского храма

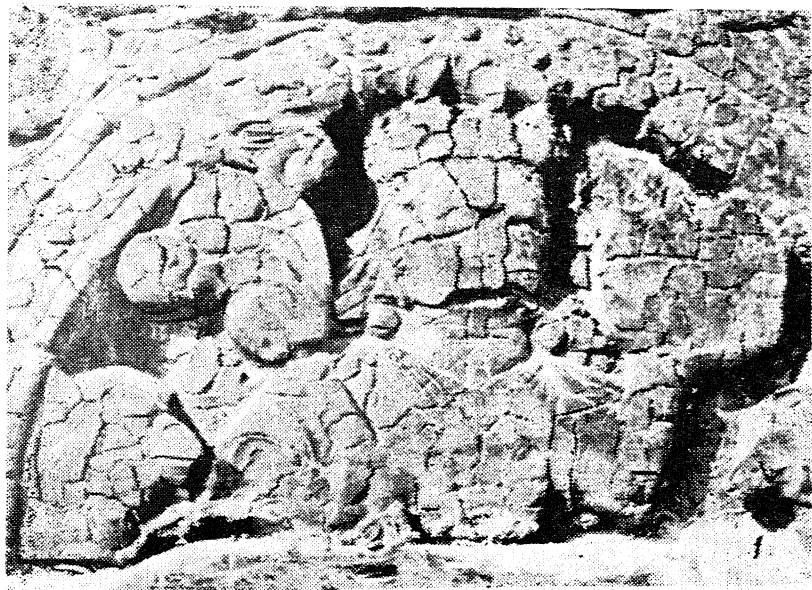

Рис. 112. Куйрук-тобе. Фрагмент доски с изображением богов на зооморфных тронах.
VII — первая половина IX в.

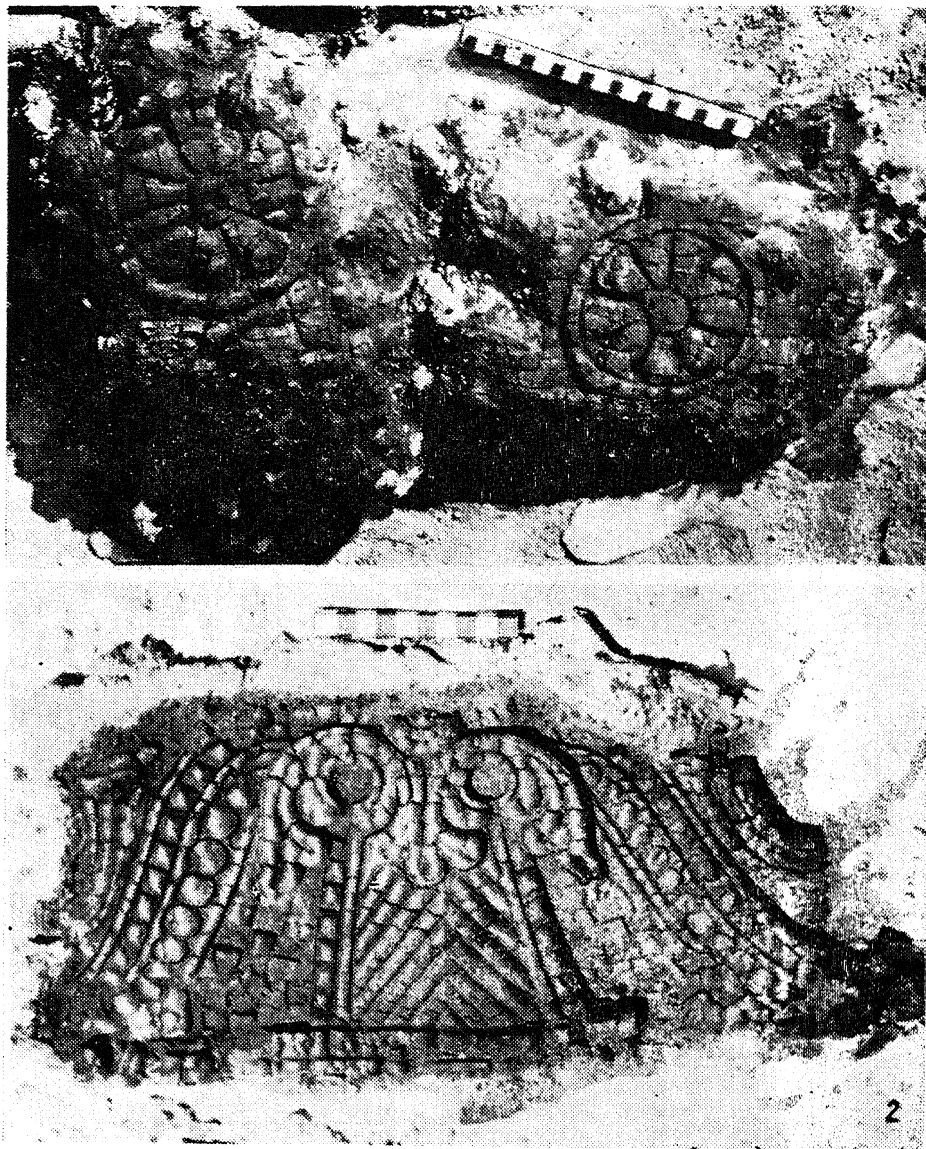

Рис. 113. Куйрук-тобе. Резное дерево VII — первой половины IX в.

Рис. 114. Куйрук-тобе. Терракотовые фигурки фравашей из цитадели. VII — первая половина IX в.

Рис. 115. Сердоликовая печать с изображением конегрифона из цитадели Куйрук-тобе
VII—VIII вв.

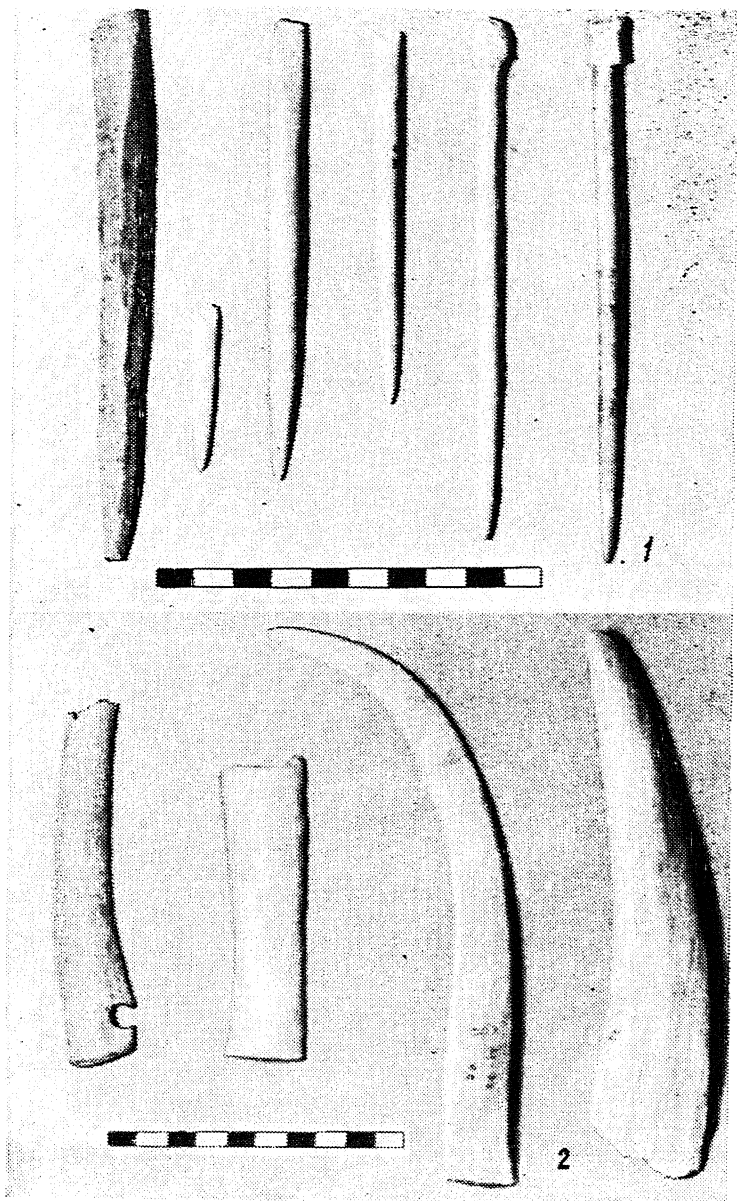

Рис. 116. Кок-Мардан. Изделия из кости. VI — первая половина VII в.

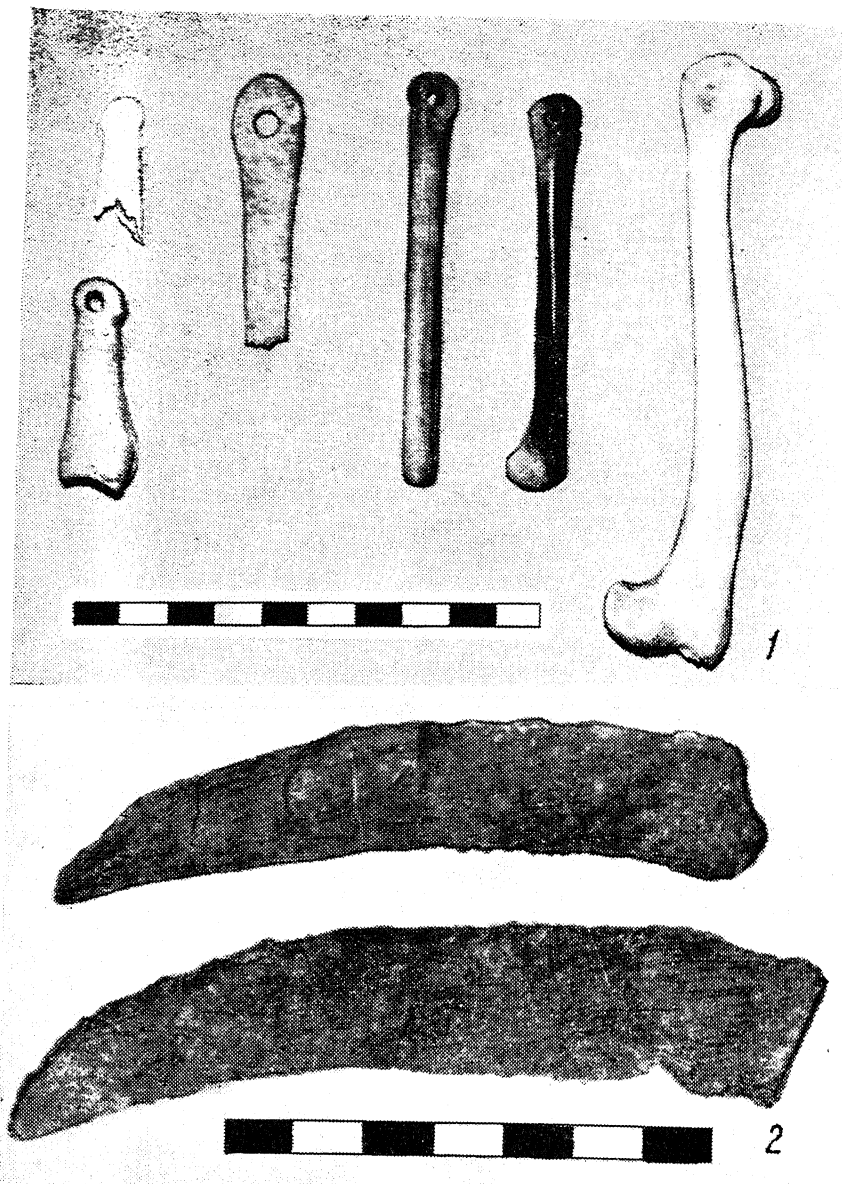

Рис. 117. Кок-Мардан: 1 — амулеты; 2 — серпы. VI — первая половина VII в.

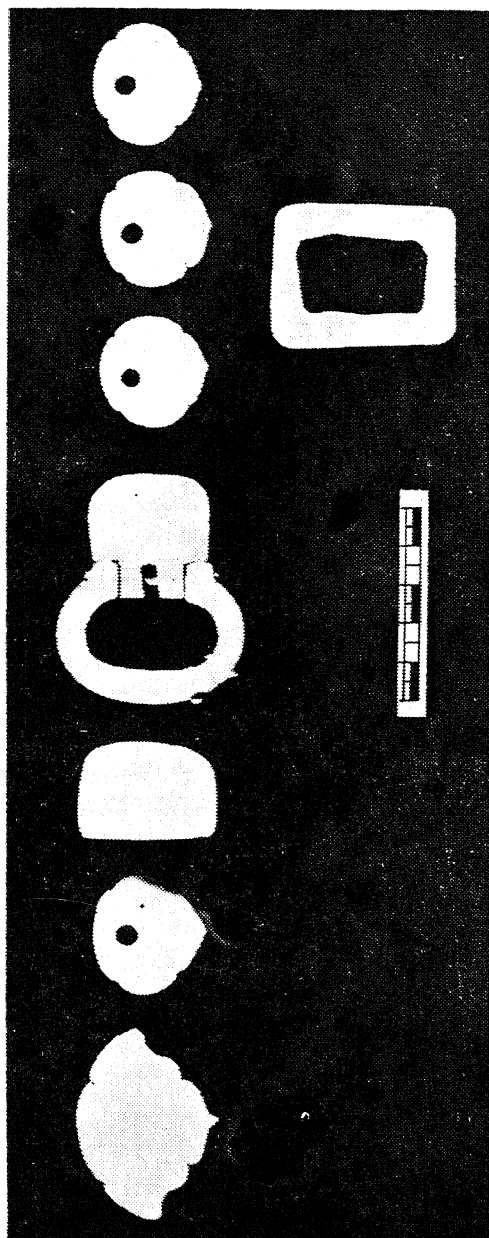

Рис. 118. Северо-восточное Семиречье, Нефритовые накладки на пояс X—XII вв.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение городской культуры Южного Казахстана и Семиречья позволяет говорить о существовании трех районов или трех зон ее развития. В раннем средневековье, в VI — первой половине IX в. формируются две зоны — Южный Казахстан и юго-западное Семиречье. В первой городская культура имеет древние традиции и складывается на базе каунчинской, оттарско-каратауской и джетыясарской культур. Во второй зоне, где не было развитых оседло-земледельческих традиций, важное значение в развитии городской культуры имела международная торговля. Большую роль в этом процессе сыграло распространение тюркско-согдийских культурных эталонов, происходившее в результате процесса культурной интеграции и в итоге переселения в Семиречье согдийцев.

В IX—X вв. формируется третья зона городской культуры на северо-востоке Семиречья. Она складывается и развивается как результат интенсивного оседания кочевых племен. Этот процесс был характерен и для более раннего времени, но именно в это время и позднее, в XI—XII вв., он охватывает все новые районы. Происходит нивелирование культуры до уровня образцов крупных городских центров Средней Азии. Важную роль в этом процессе сыграло распространение ислама.

Развитие городов и городской культуры было нарушено вторжением сюда татаро-монголов. В результате городская культура гибнет в конце XIII в. в северо-восточном Семиречье, в начале XV в. — в юго-западном Семиречье и остается лишь в Южном Казахстане. Происходит обратный процесс — города гибнут в первую очередь в зоне более позднего формирования культуры: в северо-восточном Семиречье — в силу меньшей ее традиционности, в юго-западном Семиречье — в силу зависимости от караванной торговли, и выживают там, где оседло-земледельческие традиции были более глубокими. Позднее города сыграли важную роль в процессе формирования и развития Казахского ханства.

ABSTRACT

The book deals with a total of general and specific features of the dynamical development of mediaeval urban culture in South Kazakhstan and Semirechye, beginning from the 6th and up to the early 13th century.

The monograph is based on a newly arranged materials collected during archaeological investigations headed by the author in the course of 26 recent years. Stationary excavations were performed on Otrar-tobe, Kuiruk-tobe, Kok-Mardan, Taraz, Lugovoe, Aktobe, Krasnaya Rechka, Talgar and Sumbe, together with wide reconnaissances carried out in the valleys of Syrdaria, Arys, Talas, Chu, Ili, as well as in the foothills of Talasski, Kirgizski, Zailiiski and Dzhungarski Alatau and on the northern and southern slopes of the range of Karatau.

From the natural-geographic point of view, South Kazakhstan and Semirechye constitute a complex region occupying the territory from the Aral sea in the west to Alakul in the east, and from Balkhash and vast deserts of Moinkum and Betpakdala in the north to the Tien-Shan mountain chains in the south, and dividing into three large areas, to wit: South Kazakhstan (the Syrdaria valley), south-western Semirechye (the Chu-Talas basin), and north-eastern Semirechye (the Ili valley).

The investigations of urban culture in this region showed that it had been developing in three different zones, corresponding to the above mentioned geographic areas. Two of them (viz. South Kazakhstan and south-western Semirechye) were formed from the 6th to the first half of the 9th century. The urban culture of South Kazakhstan had adopted the ancient traditions based on the Kaunchi, Otrar-Karatau, Jetyasar archaeological cultures of settled agriculture.

Most of the sites of ancient houses have a roundish lay-out. Houses with tambour-like entrances, opened floor hearths and fire-places, narrow suffas along the walls, pantries with round and oval vessels made of clay strips and installed to preserve food-stuffs witness the succession of ancient house-building traditions. Ceramics found on the sites are also traditional in shape.

At the same time new elements spread in the material culture: buttresses on the suffas in dwelling-houses, pottery, building constructions borrowed from Sogd, as well as metallic jewellery and arms of Turkish origin. As a result of the integration of the above mentioned components, the South Kazakhstan urban culture was formed. The largest towns in this area were Ispidjab, Otrar-Farab and Shawghar.

In south-western Semirechye where settled agriculture had no stable and developed traditions the role of caravan trade was most important. It was based on the Turkish and Sogdian cultural standards and developed both through cultural integration and migration of Sogdian tribes settling along the Great Silk Route and living together with the Turks in the same towns.

The Turk and Türgesh khaqans had their staffs at Taraz, Navaket and Suyab.

In the 9th and 10th centuries the third zone of urban culture is formed in the north-east of Semirechye, where towns emerge and grow due to intensive settling of nomads — the process, in essence, having taken place long before but gaining considerable scope at that time, especially in the 11th—12th centuries. A new type of towns appears, the so-called tortkul, rectangular in shape, without a citadel, surrounded with walls fortified with towers. Being originally staffs of feudal nobles, they soon become centres of handicraft, trade and culture, having much in common with those of Central Kazakhstan, Tuva and Mongolia.

The process of the sedentarization of nomads can be observed in the first two zones of urban culture where the tortkuls have also been formed. Nomadic elements can be found in house-building and pottery too.

The 11th and 12th centuries are noted with the further development of towns, establishment of new centres and grow of old ones, flourishing of handicrafts, trade and culture, consolidation of connections of the region not only with Central Asia but also with the Near and Middle East. It is during this period that Islam has penetrated and spread; the new religion has influenced the structure of ancient towns, where mosques, cult buildings and necropoles appear. Trade reaches still higher development, and new caravan trails are blazed. Sciences come to be promoted in the towns, the largest and best-known of them being Ispidjab, Otrar, Yassy, Sauran, Syghnag in South Kazakhstan; Taraz, Mirki, Nuzket, Balasaghun in south-western Semirechye; Iki-Oghuz and Qayalyg in north-eastern Semirechye.

The development of urban culture in the region was interrupted by the Mongol invasion. In South Kazakhstan many towns fell into decay, and most of them turned to life only gradually afterwards. Handicrafts and tra-

de were then animated again. As to the towns in north-eastern Semirechye, they went under early in the 14th century, and those in south-eastern Semirechye extinguished another century later. The process seemed to be reversed: urban culture decayed first in the zone where it had emerged last, due to its unstable traditions and the considerable influence of nomadic customs. The fall of urban culture in south-western Semirechye might be connected with its dependence upon caravan trade. Thus it was preserved only in the zone of its most ancient distribution, namely in the Syrdaria valley.

The reasons mentioned for the sketched processes, however, are certainly not sole (though most important, to the author's opinion), for they effected alongside with many other factors.

This is the way, in a nutshell, we may conceive the course of the development of urban culture in South Kazakhstan and Semirechye, elaborated as a result of long-term and comprehensive studies, archaeological in the first place.

Библиографические ссылки

- Маркс К. Немецкая идеология. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 3.
- Маркс К. Капитал. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 25, ч. 1, 2.
- Маркс К. Письмо К. Маркса — Ф. Энгельсу, 2 июня 1853 г. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 28.
- Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 46, ч. 1.
- Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-изд., т. 21.
- Абдуразаков А. А., Безбородов М. А. Средневековые стекла Средней Азии: (Опыт химической характеристики). Ташкент: Фан, 1966.
- Аболин Р. И. От пустынных степей Прибалхашья до снежных вершин Хан-Тенгри: Геоботаническое и почвенное описание южной части Алма-Атинского округа Казахской АССР. Ч. 1. — Тр. Ин-та почв. и геоботан. САГУ. Л., 1930, вып. 5.
- Абрамзон С. М. К вопросу о патриархальной семье у кочевников Средней Азии. — КСИЭ, 1957, № 28, с. 28—34.
- Абрамов Н. А. Алматы, или укрепление Верное, с его окрестностями. — Записки РГО по общей географии, 1867а, с. 255—268.
- Абрамов Н. А. Древнее укрепление при речке Чингильды. — Тобольские губернские ведомости, 1867б, № 50.
- Абрамов Н. А. Древние курганы и укрепления в Семипалатинской и Семиреченской областях. — Изв. об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Моск. ун-те. 1876, т. 20, с. 5—6.
- Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад: Ылым, 1969.
- Агеева Е. И. Керамика городов и поселений среднего течения Сырдарьи и Каратау. — Изв. АН КазССР. Сер. археол., 1949, вып. 2, с. 100—118.
- Агеева Е. И. Керамика Отрара. — Изв. АН КазССР. Сер. археол., 1951, вып. 3, с. 98—110.
- Агеева Е. И. Некоторые новые данные по археологии Семиречья. — КСИИМК, 1960, № 80, с. 65—69.
- Агеева Е. И. Памятники средневековья (раскопки на городище Баба-Ата). Цитадель. Оборонительные сооружения и рабады. Некрополь. Общий обзор находок. — В кн.:

- Археологические исследования на северных склонах Каратау: Тр. ИИАЭ АН КазССР, 1962, т. 14, с. 117—153, 166—215.
- Агеева Е. И. Средневековое стекло из Тараза. — В кн.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1970, с. 7—21.
- Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 г. — Тр. ИИАЭ АН КазССР, 1956, т. 1, с. 33—60.
- Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. — Тр. ИИАЭ АН КазССР, 1958, т. 5, с. 33—215.
- Акишев К. А. Археология Казахстана за советский период. — СА, 1967, № 4, с. 62—78.
- Акишев К. А. Зимовки-поселения и жилища древних усуней. — Изв. АН КазССР. Сер. обществ., 1969, № 1, с. 29—47.
- Акишев К. А. К проблеме происхождения кочевничества в аридной зоне древнего Казахстана. — В кн.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1972, с. 31—46.
- Акишев К. А., Байпаков К. М. Работы Семиреченской экспедиции. — АО 1977. М.: Наука, 1978, с. 510—511.
- Акишев К. А., Байпаков К. М. Земли древнего орошения в низовьях Или. — В кн.: Земли древнего орошения. М.: Наука, 1969, с. 81—96.
- Акишев К. А., Байпаков К. М. Кяризы Саурана. — ВАН КазССР, 1973, № 4, с. 76—78.
- Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Новое в средневековой археологии Южного Казахстана — В кн.: Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1969, с. 5—42.
- Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. Алма-Ата: Наука, 1972.
- Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Отрар XVI—XVIII вв. по итогам раскопок Отрара в 1971—1973 гг. — В кн.: Древности Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1975, с. 3—48.
- Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Отчет о раскопках на городище Отрар в 1974 году. — В кн.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата: Наука, 1976, с. 5—35.
- Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Позднесредневековый Отрар. Алма-Ата: Наука, 1981.
- Альбаум Л. И. Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент: Изд-во АН УССР, 1960.
- Альбаум Л. И. Живопись Пенджикента. Ташкент: Фан, 1975.
- Аманжолов А. С. Руническая надпись на бронзовом кольце (р. Или). — ВАН КазССР, 1971, № 1, с. 64—65.
- Аминжанова М. Среднеазиатское средневековое стекло в собрании Эрмитажа. — ИМКУз, 1965, вып. 6, с. 153—158.
- Андрянов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья. М.: Наука, 1969.
- Андрянов Б. В., Левина Л. М. Некоторые вопросы исторической этнографии Восточного Приаралья в I тысячелетии н. э. — В кн.: Этнография и археология Средней Азии. М., Наука, 1979, с. 94—95.
- Аничков И. В. О некоторых местностях Казалинского уезда, интересных в археологическом отношении. — ПТКЛА, 1898, вып. 3, прил., с. 51—55.
- Арзютов Н. Отчет о раскопках, произведенных в 1937 г. на месте золотоордынского города Сарайчика: — ИАН КазССР, № 67. Сер. археол., вып. 2, 1949, с. 126—134.
- Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1960.
- Археологические исследования на северных склонах Каратау. — Труды ИИАЭ, т. 14. Алма-Ата: Наука, 1962.
- Атагарриев Е. А. Обследование средневековых памятников и раскопки на городище Чугундор. — КД, 1968, вып. 1, с. 43—47.
- Атагарриев Е. Средневековое городище Шехр-Ислам: (результаты работ 1961—1964 гг.). — МКТ, 1971, вып. 1, с. 136—171.
- Ахинжанов С. М. Древние караванные пути кимаков. — В кн.: Материалы 1-й научной конференции молодых ученых АН Казахской ССР. Алма-Ата: Наука, 1968, с. 429.
- Ахраров И. Е. К истории появления поливной керамики в Средней Азии. — ИМКУз, 1965, вып. 6, с. 147—152.

- Байпаков К. М.* Раскопки раннесредневековой мастерской в Семиречье. — ВАН КазССР, 1964, № 7, с. 88—91.
- Байпаков К. М.* О локализации главного города Отрарского оазиса в IX—XII вв. — В кн.: Археологический сборник. Л.: Изд-во ЛГУ, 1964а, с. 105—110.
- Байпаков К. М.* Средневековые города и поселения Семиречья: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Алма-Ата: ИИАЭ АН КазССР, 1966.
- Байпаков К. М.* Раскопки средневекового замка в Семиречье. — ВАН КазССР, 1966а, № 8, с. 61—66.
- Байпаков К. М.* Раннесредневековые города и поселения Семиречья. — Изв. АН КазССР. Сер. обществ., 1966б, № 2, с. 68—84.
- Байпаков К. М.* Раннесредневековые города и поселения северо-восточного Семиречья. — В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1968, с. 68—84.
- Байпаков К. М.* О локализации городов северо-восточного Семиречья. — ВАН КазССР, 1968а, № 7, с. 21—25.
- Байпаков К. М.* Талгарское блюдо. — Изв. АН КазССР. Сер. обществ., 1968б, № 6, с. 87—91.
- Байпаков К. М.* Керамика Кулана. — В кн.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1972, с. 77—97.
- Байпаков К. М.* Работы первого отряда ЮККАЭ. — АО 1971. М.: Наука, 1972а.
- Байпаков К. М.* Раскопки усадьбы на городище Талгар. — В кн.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1973, с. 71—80.
- Байпаков К. М.* О численности оседлого населения в Илийской долине. — В кн.: В глубь веков. Алма-Ата: Наука, 1974, с. 188—200.
- Байпаков К. М.* Рецензия на кн.: Левина Л. М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи. — СЭ, 1974а, № 3, с. 182—185.
- Байпаков К. М.* О локализации средневековых городов Южного Казахстана. — В кн.: Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата: Наука, 1977, с. 81—92.
- Байпаков К. М.* Городища типа «торткуль». — В кн.: Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1978, с. 80—96.
- Байпаков К. М.* Культ барана у сырдарьинских племен. — В кн.: Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1980, с. 32—45.
- Байпаков К. М.* Раскопки городища Куйрук-тобе. — АО 1980. М.: Наука, 1981, с. 431—432.
- Байпаков К. М.* О формировании средневекового города Илийской долины. — ВАН КазССР, 1982, № 5, с. 21—28.
- Байпаков К. М.* Работы на Куйрук-тобе. — АО 1981. М.: Наука, 1983, с. 432—433.
- Байпаков К. М., Горячева В. Д.* Исследования городища Красная Речка. — АО 1979. М.: Наука, 1980, с. 483—484.
- Байпаков К. М., Горячева В. Д.* Раскопки Краснореченского городища. — АО 1980. М.: Наука, 1982, с. 494.
- Байпаков К. М., Горячева В. Д.* К вопросу о локализации Навакета. — В кн.: Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции «Культура и искусство Киргизии». Вып. 1. Л., 1983, с. 74—75.
- Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Рецензия на кн.: Беленицкий А. М., Бептович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. — СА, 1976, № 2, с. 283—286.
- Байпаков К. М., Настич В. Н.* Новые данные по истории Отрара X—XIII вв. — Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук, 1978, № 2, с. 45—49.
- Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — Соч. М.: Наука, 1963, т. 1.
- Бартольд В. В.* Общие работы по истории Средней Азии, работы по истории Кавказа и Восточной Европы. — Соч. М.: Наука, 1963а, т. 2, ч. 1.
- Бартольд В. В.* Работы по отдельным проблемам Средней Азии. — Соч. М.: Наука, 1964, т. 2, ч. 2.
- Бартольд В. В.* Работы по исторической географии. — Соч. М.: Наука, 1965, т. 3.
- Бартольд В. В.* Работы по археологии, нумизматике, эпиграфике и этнографии. — Соч. М.: Наука, 1966, т. 4.
- Бартольд В. В.* Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. — Соч. М.: Наука, 1968, т. 5.
- Бартольд В. В.* Ближайшие задачи изучения Туркестана. — Соч. М.: Наука, 1977, т. 9.
- Баскаков Н. А.* Жилища приилийских казахов. — СЭ, 1971, № 4, с. 104—115.

- Басилов В. Н., Ниязклычев К. Пережитки шаманства у туркмен-човдуров. — В кн.: Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М.: Наука, 1975, с. 123—137.
- Баялиева Г. Пережитки магических представлений и их изживание у киргизов. — В кн.: Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. Фрунзе: Илим, 1969, с. 114—132.
- Беленицкий А. М. Из итогов последних лет раскопок древнего Пенджикента. — СА, 1965, № 3, с. 178—195.
- Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1973.
- Беленицкий А. М., Маршак Б. И. Черты мировоззрения согдийцев VII—VIII вв. в искусстве Пенджикента. — В кн.: История и культура народов Средней Азии. М.: Наука, 1976, с. 75—89.
- Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И. Согдийский город в начале средних веков. — СА, 1981, № 2, с. 94—110.
- Бентович И. Б. Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII—VIII вв.). — МИА, 1964, № 124, с. 265—298.
- Берг Л. С. Предварительный отчет об исследовании озера Балхаш летом 1903 г. — Избранные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1960, т. 3.
- Бернштам А. Н. Бани древнего Тараза и ее датировка. — Тр. ОВГЭ. Л., 1940, т. 2, с. 177—183.
- Бернштам А. Н. Согдийская колонизация Семиречья. — КСИИМК, 1940а, вып. 6, с. 34—43.
- Бернштам А. Н. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата: Изд-во КазФАН СССР, 1941.
- Бернштам А. Н. Прошлое района Алма-Аты. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1948.
- Бернштам А. Н. Изображение согдийца в коропластике Чуйской долины. — КСИИМК, 1948а, вып. XXX, с. 61—65.
- Бернштам А. Н. Памятники старины Алма-Атинской области. — Изв. АН КазССР, 1948б, № 48. Сер. археол., вып. 1, с. 79—91.
- Бернштам А. Н. Советская археология Средней Азии. — КСИИМК, 1949, вып. 28, с. 5—17.
- Бернштам А. Н. Древний Отрар. — Изв. АН КазССР, 1951, № 107. Сер. археол., вып. 3, с. 81—97.
- Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — МИА, 1952, № 26.
- Бернштам А. Н. К происхождению мавзолея Бабаджи-Хатун. — КСИИМК, 1956, вып. 61, с. 86—95.
- Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950, т. 1, 2.
- Болдырев А. Н. Зайнабдин Васифи. Душанбе: Таджикгосиздат, 1957.
- Большаков О. Г. Поливная керамика Мавераннахра VIII—XII вв. как историко-культурный памятник: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Л.: Гос. Эрмитаж, 1954.
- Большаков О. Г. Город в конце VIII — начале XIII в. — В кн.: Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1973, с. 132—352.
- Большаков О. Г. К истории Таласской битвы. — Страны и народы Востока, 1980, вып. XII, с. 132—136.
- Большаков О. Г. Средневековый арабский город. — В кн.: Очерки истории арабской культуры V—XV вв. М.: Наука, 1982, с. 156—214.
- Большаков О. Г. Средневековый город Ближнего Востока VII — середины XIII в. М.: Наука, 1984.
- Большаков О. Г., Негматов Н. Н. Раскопки в пригороде древнего Пенджикента. — МИА, 1958, № 66, с. 152—192.
- Боронин К. М. Находка клада монет близ с. Мамаевка в Чимкентском уезде в 1893 г. — Среднеазиатский вестник, 1896, № 9, с. 17—18.
- Босworth К. Е. Мусульманские династии. М.: Наука, 1971.
- Брыкина Г. А. Раскопки замка в Карабулаке. — КСИА, 1966, вып. 108, с. 116—122.
- Брыкина Г. А. Карабулак. М.: Наука, 1974.

- Брыкина Г. А. Юго-западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры. М.: Наука, 1982.
- Бубнова М. А. Средневековое поселение Ак-тобе I у с. Орловка. — В кн.: Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1963, с. 125—144.
- Бубнова М. А. Горно-металлургическая область Шельджи в IX—XII вв.: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Л.: Изд-во АН СССР, Ленингр. отд-ние, 1963а.
- Бурнашева Р. З. Монета Сулеймана б. Дауда с городища Талгар. — В кн.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1972, с. 182—186.
- Бурнашева Р. З. Монеты с городища Отрар-тобе и Отрарского оазиса (материалы 1969—1970 гг.). — В кн.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1973, с. 81—96.
- Бурнашева Р. З. Монеты раннего средневековья с городища Отрар-тобе и Отрарского оазиса (1969—1972 гг.). — В кн.: Древности Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1975, с. 60—69.
- Бурнашева Р. З. Два клада джанидских тенег XVII в. с территории Южного Казахстана. — В кн.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата: Наука, 1976, с. 59—80.
- Бурнашева Р. З. Монеты из Отрар-тобе (1973 г.). — В кн.: Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата: Наука, 1977, с. 22—34.
- Буряков Ю. Ф. Археологические материалы городища Кавардан. — ИМКУз, 1977, вып. 13, с. 70—86.
- Буряков Ю. Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент: Фан, 1982.
- Вайнберг Б. И. К истории туркменских поселений XIX в. в Хорезме. — СЭ, 1959, № 5.
- Вактурская Н. Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.). — КСИЭ; 1955, вып. 22, с. 88—98.
- Вактурская Н. Н. Классификация средневековой керамики Хорезма. — Тр. ХАЭЭ, 1959, т. IV, с. 261—342.
- Вактурская Н. Н. Новые данные о городище Асанас. — В кн.: Этнография и археология Средней Азии. М.: Наука, 1979, с. 127—132.
- Валитова А. А. К вопросу о классовой природе Караханидского государства. — Тр. КиргФАН СССР, 1943, т. 1, вып. 1, с. 127—136.
- Валиханов Чокан. Избранные произведения. Алма-Ата: Казгоспздат, 1958.
- Верецагин В. В. От Оренбурга до Ташкента. 1867—1868. — Всемирный путешественник, 1874, № 5, с. 1—118.
- Византийские историки /Сост. С. Дестунис. Спб., 1860.
- Винник Д. Ф. К исторической топографии средневековых поселений Иссык-Кульской котловины. — В кн.: Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. Фрунзе: Илим, 1967, с. 91—113.
- Вишневская О. А., Рапопорт Ю. А. Следы почитания огня в средневековом хорезмийском городе. — В кн.: Этнография и археология Средней Азии. М.: Наука, 1979, с. 105—111.
- Волин С. Л. Сведения арабских и персидских источников IX—XVI вв. о долине реки Талас и смежных районов. — Тр. ИИАЭ АН КазССР, 1960, т. 8, с. 72—92.
- Воронина В. Л. Об узбекских банях. — СЭ, 1951, № 1, с. 114—137.
- Воронина В. Л. Архитектурный орнамент древнего Пенджикента. — В кн.: Скульптура и живопись древнего Пенджикента. М.: Изд-во АН СССР, 1957, с. 87—138.
- Воронина В. Л. Раннесредневековый город Средней Азии. — СА, 1959, № 1, с. 84—104.
- Воронина В. Л. Архитектура древнего Пенджикента: (Результаты раскопок 1954—1959 гг.). — МИА, 1964, № 124, с. 51—87.
- Воронина В. Л. Бронзы Ахикета из коллекции А. И. Смирнова. — В кн.: Средняя Азия в древности и средневековье. М.: Наука, 1977, с. 133—137.
- Востров В. В., Муканов М. С. Родоплеменной состав и расселение казахов. Алма-Ата: Наука, 1968.
- ВИА: Всеобщая история архитектуры. М.: Госстройиздат, 1958, т. 1.
- Высоцкий А. М. Христианский памятник на городище Ак-Бешим. — В кн.: Бактрия и Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. М.: Наука, 1983, с. 25—26.
- Вяткин В. Л. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда: Археологический очерк. Ташкент, 1927.

- Галкин М. Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. Спб., 1869.
- Гандзакеци Киракос. История Армении /Перевод, предисловие и комментарии Л. А. Ханларян. М.: Наука, 1976.
- Гафуров Б. Г. Таджики: Древнейшая, древняя и средневековая история. М.: Наука, 1972.
- Глухов А. Н. Зимнее жилище актюбинских и адаевских казаков. — В кн.: Казаки: Материалы особого комитета по исследованию союзных и автономных республик. Л.: Изд-во АН СССР, 1927, вып. 11, с. 108—134.
- Голубев А. Д. Озеро Алакуль. — Зап. РГО, 1867, № 1, с. 349—361.
- Городецкий В. Д. Серебряные сосуды из курганов села Покровка Пишпекского уезда. — Изв. Средазкомстариса, 1926, вып. 1, с. 77—81.
- Горячева В. Д. О локализации города Баласагуна. — В кн.: Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе: Илим, 1975, с. 130—141.
- Горячева В. Д. Городские центры и монументальная архитектура средневековой Киргизии: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Фрунзе: Ин-т истории АН КиргССР, 1976.
- Горячева В. Д., Байпаков К. М. Раскопки Краснореченского городища. — АО 1980, М.: Наука, 1981, с. 483—484.
- Горячева В. Д., Берегалиев О. Раскопки Краснореченского городища. — АО 1978. М.: Наука, 1979, с. 590—591.
- Григорьев В. В. Старая погудка на новый лад. М., 1867, № 40.
- Грошев В. А. Основные моменты динамики оросительной сети Отрарского оазиса в XV—XVIII вв. — В кн.: Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1978, с. 140—150.
- Грошев В. А. Ирригация Южного Казахстана в средние века: (по материалам Отрара и северных склонов Каратау): Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1980.
- Грушка Э. Развитие градостроительства. Братислава: Изд-во Словацкой АН, 1963.
- Губаев А. К вопросу о зарождении феодальных отношений в Южном Туркменистане. — В кн.: История и археология Средней Азии. Ашхабад: Ылым, 1978, с. 259—269.
- Гудкова А. В. Раскопки городища Ток-кала в 1960—1961 гг. — Вестник Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР, 1962, № 3, с. 71—79.
- Гуляев С. О. О древностях, открываемых в Киргизской степи. — Вестник РГО, 1853, ч. 8, кн. 3, отд. 7, с. 22—55.
- Гулямов Я. Г., Бураков Ю. Ф. Об археологических исследованиях на городище Афрасиаб в 1967—1968 гг. — В кн.: Афрасиаб. Ташкент: Фан, 1969, вып. 1, с. 268—293.
- Гулямова Э. Стекло с городища Хульбук. — Изв. АН ТаджССР. Отд. обществ. наук, 1961, вып. 1, с. 11—24.
- Давидович Е. А. Стекло из Нисы. — Тр. ЮТАКЭ, 1949, т. 1, с. 379—399.
- Давидович Е. А. Денежное обращение в Мавераннахре при Саманидах. — НЭ, 1966, т. 6, с. 103—134.
- Давидович Е. А. Нумизматические заметки (Караханиды, Чингиз-хан, Шейбаниды). — Изв. АН ТаджССР. Отд. обществ. наук, 1968, № 3, с. 70—84.
- Давидович Е. А. Денежное хозяйство Средней Азии в XIII в. М.: Наука, 1972.
- Давидович Е. А. Новые данные по истории Саманидов: (Клад медных монет IX—X вв. из Самарканда). — В кн.: Средняя Азия в древности и средневековье. М.: Наука, 1977а, с. 112—125.
- Давидович Е. А. Бараб — новый среднеазиатский двор Саманидов и Ануштегинидов. — ПВ, 1977б, № 72, с. 124—128.
- Давидович Е. А. Дискуссионные вопросы в книге А. М. Беленицкого, И. Б. Бентович, О. Г. Большакова «Средневековый город в Средней Азии». — В кн.: Древность и средневековье народов Средней Азии. М.: Наука, 1978, с. 103—116; Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М.: Наука, 1979, с. 131—147.
- Давидович Е. А. Предисловие. — В кн.: Киргизия при Караханидах. Фрунзе: Илим, 1983, с. 3—9.
- Давыдов А. С. Традиционное жилище таджиков Верхнего Зеравшана. — СЭ, 1969, № 6, с. 92—101.
- Давыдов А. С. Жилище. — В кн.: Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана. Душанбе: Дониш, 1973.

- Даркевич В. П. Художественный металл Востока. М.: Наука, 1976.
- Даркевич В. П., Маришак Б. И. О так называемом сирийском блюде из Пермской области. — СА, 1974, № 2, с. 213—232.
- Денике Б. П. Искусство Средней Азии. М.: Центр. изд-во народов СССР, 1927.
- Джанполадян Р. М. Сфероконические сосуды из Двина и Ани. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1982.
- Диваев А. А. Несколько слов о могиле Хорхут-Ата. — ПТКЛА, 1897, № 2, с. 10—13.
- Диваев А. А. Мавзолей Кок-Кесене: (Историко-археологическая заметка). — ПТКЛА, 1905, № 10, с. 40—42.
- Диваев А. А. О значении названия Кок-Кесене: (Историко-археологическая заметка). — ПТКЛА, 1909, № 13, с. 11—13.
- Долгий В. М., Левада Ю. А., Левинсон А. Г. Урбанизация как социокультурный процесс. Урбанизация мира. — ВГ, 1974, № 96, с. 19—31.
- Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969.
- Дьяконова Н. В., Смирнова О. И. К вопросу о культе Наны (Анахиты) в Согде. — СА, 1967, № 1, с. 74—83.
- Ерзакович Л. Б. Городище Аспара в послемонгольское время (Чуйская долина). — Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук, 1965, вып. 3, с. 81—91.
- Ерзакович Л. Б. Поливная керамика городища Сузак XII—XVIII вв. — ВАН КазССР, 1966, № 5, с. 78—81.
- Ерзакович Л. Б. О позднесредневековом городище Сузак. — Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук, 1966а, вып. 3, с. 81—91.
- Ерзакович Л. Б. Некоторые черты оседлой культуры позднего средневековья. — В кн.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1972, с. 98—106.
- Жданко Т. А. Номадизм в Средней Азии и Казахстане. — В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968, с. 274—281.
- Жданко Т. А. Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана в историко-этнографическом атласе. — В кн.: Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1975, с. 6—12.
- Жирмунский В. М. Огузский героический эпос и «Книга Коркута» — В кн.: Книга моего деда Коркута. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962, с. 131—358.
- Жолдасбаев С. Материальная культура казахов в XV—XVIII вв.: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Алма-Ата: ИИАЭ АН КазССР, 1975.
- Жолдасбаев С. Типы оседлых поселений казахов по данным археологических исследований Южного и Центрального Казахстана (XV—XIX вв.). — В кн.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата: Наука, 1976, с. 46—58.
- Заднепровский Ю. А. Древняя Фергана: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Л., 1954.
- Заднепровский Ю. А. Археологические работы в Южной Киргизии в 1954 г. — Тр. КАЗЭ, 1960, т. 2, с. 164—268.
- Заднепровский Ю. А. Типология и динамика развития городских поселений древней Ферганы. — В кн.: Древний город Средней Азии. Л., 1973, с. 17—19.
- Зуев Ю. А. Китайские известия о Суябе. — Изв. АН КазССР. Сер. ист., археол. и этногр., 1960, вып. 3(14), с. 87—96.
- Зяблин Л. П. Второй буддийский храм Ак-Бешимского городища. — Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1961.
- Иванов П. П. К вопросу об исторической топографии Старого Сайрама. — В кн.: В. В. Бартольд — туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927, с. 151—164.
- Илийская долина, ее природа и ресурсы. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963.
- Иностранцев К. А. Материалы из арабских источников для культурной истории сасанидской Персии: Приметы и поверья. — Зап.-Вост. отд. Русск. археол. об-ва, 1907, т. XVIII, вып. 2—3.
- История Казахской ССР. Алма-Ата: Наука, 1977, т. 1; 1979, т. 2.
- История народов Узбекистана: С древнейших времен до начала XV в. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1950, т. 1.
- История таджикского народа. М.: Наука, 1964, т. 2, кн. 1.
- Кабанов С. К. Раскопки жилого квартала в западной части городища Варахша. — Тр. ИИА АН УзССР, 1956, вып. 8.

- Казахстан: Природные условия и естественные ресурсы СССР. М.: Наука, 1969.
- Каллаур В. А. Археологическая поездка в селение Беш-Агач Аулие-Атинского уезда. — ПТКЛА, 1896а, № 1, с. 22—24.
- Каллаур В. А. Ахыр-Таш. — ПТКЛА, 1896б, № 1, с. 25—27.
- Каллаур В. А. Археологическая поездка по Аулие-Атинскому уезду. — ПТКЛА, 1897а, № 2, приложение, с. 1—7.
- Каллаур В. А. Древние местности Аулие-Атинского уезда на старом караванном пути из Тараза (Таласа) в Восточный Туркестан. — ПТКЛА, 1897б, № 2, приложение, с. 1—9.
- Каллаур В. А. Древние города Саганак (Сунак), Ашнас, или Эшнас (Асанас), и другие в Перовском уезде, разрушенные Чингиз-ханом в 1219 г. — ПТКЛА, 1900а, № 5, приложение, с. 6—19.
- Каллаур В. А. О следах древнего города «Джент» в низовьях р. Сырдарьи. — ПТКЛА, 1900б, № 5, приложение, с. 78—89.
- Каллаур В. А. Древние города, крепости и курганы по реке Сырдарье в Восточной части Перовского уезда. — ПТКЛА, 1901, № 6, приложение, с. 69—78.
- Каллаур В. А. Развалины «Сырлы-там» в Перовском уезде. — ПТКЛА, 1901а, № 6, с. 14—17.
- Каллаур В. А. Мавзолей Кок-Кесене в Перовском уезде. — ПТКЛА, 1901б, № 6, с. 98—101.
- Каллаур В. А. К истории города Аулие-Ата. — ПТКЛА, 1903, № 8, приложение, с. 11—18.
- Каллаур В. А. Древние местности Аулие-Атинского уезда на древнем караванном пути на запад от Аулие-Ата к границе Чимкентского уезда. — ПТКЛА, 1904, № 9, приложение, с. 48—55.
- Каллаур В. А. Древние киргизские легенды о постройке Ахыр-Таша. — ПТКЛА, 1905, № 10, с. 29—36.
- Каллаур В. А. По поводу сообщения А. А. Диваева о древних сооружениях Тек-Турмас и Кок-Кесене. — ПТКЛА, 1908, № 12, с. 32—34.
- Каргер М. К. Становление советской археологии: Тезисы докладов на сессии Отделения истории АН СССР, посвященной 50-летию ленинского декрета о создании РАИМК—Института археологии АН СССР и итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1968 г. Л., 1969, с. 1—6.
- Карпини Иоан де Плано. История Монгалов. Рубрук Вильгельм. Путешествие в восточные страны /Пер. и прим. Малеина. Спб., 1911.
- Квитко А. З. Этапы эволюции и практика скотоводства Киргизии. Фрунзе: Кыргызстан, 1981.
- Кисляков Н. А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969.
- Кларе К. А., Черкасов А. А. Древний Отрар и раскопки, произведенные в развалинах его в 1904 г. — ПТКЛА, 1904, № 9, с. 13—39.
- Кляшторный С. Г. Историко-культурное значение Суджинской надписи. — ПВ, 1955, № 5, с. 162—169.
- Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964.
- Книга Большому Чертежу /Подготовка к печати и редакция К. И. Сербиной. М.; Л., 1950.
- Князев П. И. Разведочно-археологические работы в квартале металлостов древнего Термеза. — Тр. АН УзССР. Сер. 1. История, археология, 1945, т. 2, с. 163—175.
- Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе: Киргизгосиздат, 1959.
- Кожемяко П. Н. Отчет о раскопках на городище Красная Речка в 1961 году. — Архив ИИ АН КиргССР.
- Кожемяко П. Н. Оседлые поселения Таласской долины. — В кн.: Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе: Киргизгосиздат, 1963, с. 145—224.
- Кожемяко П. Н. Раскопки жилищ горожан X—XII вв. на Краснореченском городище. — В кн.: Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. Фрунзе: Илим, 1967, с. 53—90.

- Козлов В. И. Динамика численности народов. М.: Наука, 1969.
- Колосовский В. В Каратавских горах Чимкентского уезда. — ПТКЛА, 1901, № 6, с. 89—97.
- Колчин Б. А., Круг О. Ю. Физическое моделирование сыродутного процесса производства железа. — В кн.: Археология и естественные науки. М.: Наука, 1965, с. 196—215.
- Кондауров А. Н. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
- Кочнев Б. Д. Караханидский чекан Параба (Отрара). — В кн.: Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата: Наука, 1983, с. 109—119.
- Кумеков Б. Е. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Наука, 1972.
- Курылев В. П. Семейно-родственные группы у казахов конца XIX — начала XX в.: (по некоторым литературным источникам). — В кн.: Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1978, с. 132—143.
- Кызласов Л. Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. — Тр. КАЭЭ, 1959, т. 2, с. 155—242.
- Кызласов Л. Р. Средневековые города Тувы. — СА, 1959а, № 3, с. 66—80.
- Кызласов Л. Р. Городище Ден-Терек. — В кн.: Древнемонгольские города. М.: Наука, 1965, с. 59—122.
- Лаврентьев В. Краткий перечень бугров (курганов), находящихся в черте г. Аулие-Ата. — ПТКЛА, 1900, № 5, с. 39—45.
- Лавров В. А. Градостроительная культура Средней Азии. М.: Госстройиздат, 1950.
- Левина В. А., Овезов Д. М., Пугаченкова Г. А. Архитектура туркменского народного жилища. — Тр. ЮТАКЭ, 1953, т. 3.
- Левина Л. М. Керамика и вопросы хронологии памятников джетыясарской культуры. — В кн.: Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1966, с. 45—90.
- Левина Л. М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э. М.: Наука, 1971.
- Лерх П. И. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году. Спб., 1870.
- Лившиц В. А. Согдийский брачный контракт начала VIII в. — СЭ, 1960, № 5, с. 76—91.
- Лившиц В. А. Правители Пенджикента VII — начала VIII в. — В кн.: Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана: Тезисы Всесоюзной научной конференции в г. Пенджикенте ТаджССР 26—31 августа 1977 г. Душанбе: Дониш, 1977, с. 43—47.
- Литвинский Б. А. Древнейшие страницы истории горного дела Таджикистана и других республик Средней Азии. Душанбе: Таджикгосиздат, 1954.
- Литвинский Б. А. Кангуйско-сарматский фарн. Душанбе: Дониш, 1968.
- Литвинский Б. А. Кушанский город: Индийско-среднеазиатские параллели. — В кн.: Древний Восток и мировая культура. М.: Наука, 1981, с. 121—124.
- Литвинский Б. А. Семантика древних верований и обрядов у памирцев (I). — В кн.: Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М.: Наука, 1981а, с. 90—121.
- Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Аджина-тепа. М.: Искусство, 1971.
- Логашова Б.—Р. Туркмены Ирана. М.: Наука, 1976.
- Лукин Б. В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Ташкент: Узбекгосиздат, 1958.
- Лукин Б. В. К топографии и описанию древних монетных кладов и отдельных монетных находок на территории Узбекистана. — ИМКУз, 1969, вып. 8, с. 169—192.
- Лунина С. Б. Гончарное производство в Мерве. — Тр. ЮТАКЭ, 1962, т. 11, с. 303—418.
- Лунина С. Б. Археолого-стратиграфическое изучение городища Султан-Кала, его обводов и западной части пригородов. — Тр. ЮТАКЭ, 1969, т. 14, с. 109—171.
- Лунина С. Б. Формы специализации в средневековом гончарном ремесле Средней Азии. — СА, 1978, № 3, с. 127—137.
- Лунина С. Б. Резная глина в Средней Азии. — В кн.: История и археология Средней Азии. Ашхабад: Ылым, 1978а, с. 203—211.
- Лькошин Н. С. Догадка о прошлом Отрара. — ПТКЛА, 1899, № 4, с. 171—174.
- Люблинская А. Д. Типология раннего феодализма в Западной Европе и проблема романо-германского синтеза. — СВ, 1968, № 31, с. 9—17.

- Люшин Д. Н. От Чиназа до Перовска по Сырдарье. — Изв. Туркестанского отд. РГО, 1913, т. 9, с. 84—105.
- Максимова А. Г. Средневековые погребения Семиречья. — В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1968, с. 147—158.
- Максимова А. Г. Гробница типа науса у с. Чага (Шага). — В кн.: В глубь веков. Алма-Ата: Наука, 1974, с. 95—118.
- Максимова А. Г., Мерицьев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Древности Чардары. Алма-Ата: Наука, 1968.
- Макшеев А. И. Остатки старинного города на Сырдарье. — Санкт-Петербург. губ. ведомости, 1867, № 60.
- Маллицкий С. Г. Историко-архитектурное значение мечети Хазрета Ясевичского в г. Туркестане. — ПТКЛА, 1908, № 12, с. 6—28.
- Мандельштам А. М. Характеристика тюрок IX в. в «Послании фатху б. хахану» ал-Джахиза. — Тр. ИИАЭ, 1956, т. 1, с. 227—252.
- Маньковская Л. Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX — начало XX в.). Ташкент: Фан, 1980.
- Маргулан А. Х. Оседлые поселения VIII—XIII вв. на северных склонах Каратау. — Изв. АН КазССР. Сер. археол., 1948, вып. 1, с. 109—115.
- Маргулан А. Х. Отчет о работах Центрально-Казахстанской археологической экспедиции 1947 г. — Изв. АН КазССР. Сер. археол., 1949, вып. 2, с. 3—36.
- Маргулан А. Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата: Казгосиздат, 1950.
- Маргулан А. Х. Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане. — Изв. АН КазССР. Сер. археол., 1951, вып. 3, с. 3—52.
- Маргулан А. Х. Дзезказган — древний металлургический центр (городище Милыкдук). — В кн.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1973, с. 3—42.
- Маргулан А. Х. Остатки оседлых поселений в Центральном Казахстане. — В кн.: Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1978, с. 3—37.
- Марков А. К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. Спб., 1896.
- Маршак Б. И. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII—VIII вв. — Тр. ГЭ, 1961, т. 5, с. 177—201.
- Маршак Б. И. Керамика Согда V—VII вв. как историко-культурный памятник: (К методике изучения керамических комплексов): Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1965.
- Маршак Б. И. Бронзовый кувшин из Самарканда. — В кн.: Средняя Азия и Иран. Л., 1972, с. 61—90.
- Маршак Б. И., Распопова В. И. Согдийцы в Семиречье. — В кн.: Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции «Культура и искусство Киргизии». Вып. 1. Л., 1983, с. 78—80.
- Масанов Е. А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата: Наука, 1966.
- Массон В. М. Успехи среднеазиатской археологии и изучение средневекового города. — В кн.: Средневековые города Средней Азии и Казахстана. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1970, с. 3—5.
- Массон В. М. Кушанские поселения и кушанская археология. — В кн.: Бактрийские древности: Некоторые результаты работ Бактрийской экспедиции в 1973—1975 гг. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1976, с. 3—16.
- Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1976а.
- Массон В. М. Согдийская эпоха и культурная интеграция. — УСА, 1979, № 4, с. 3—7.
- Массон М. Е. Старый Сайрам. — Изв. Среднеазиатского музея, 1928, вып. 3, с. 23—42.
- Массон М. Е. Городища старого Термеза и их изучение. — Тр. ТАКЭ, 1940, сер. 1, вып. 2, с. 5—122.
- Массон М. Е. К исторической топографии Герата XV в. — В кн.: Великий узбекский поэт. Ташкент: Узбекгосиздат, 1948, с. 120—145.
- Массон М. Е. Городища Нисы в селении Багир и их изучение. — Тр. ЮТАКЭ, 1949, т. 1, с. 16—115.

- Массон М. Е. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция 1946 г. — Тр. ЮТАКЭ, 1949а, т. I, с. 5—15.
- Массон М. Е. К истории горного дела на территории Узбекистана. Ташкент: Узбекгосиздат, 1953.
- Массон М. Е. Архитектурно-планировочный облик Самарканда времени Навои. — Тр. САГУ. Археология Средней Азии. Нов. серия, 1956, вып. 81, кн. 12, с. 57—84.
- Массон М. Е. Краткий очерк изучения Средней Азии в археологическом отношении. — Тр. САГУ. Археология Средней Азии. Нов. серия, 1956а, вып. 81, кн. 12, с. 39—40.
- Массон М. Е. Среднеазиатская археологическая школа ТашГУ. — Тр. ТашГУ, 1966, вып. 295. Археология Средней Азии, кн. VII, с. 3—14.
- Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. Шахриябз при Тимуре и Улугбеке. — Тр. САГУ. Нов. сер., 1953, вып. 49, с. 17—97.
- Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М.: Наука, 1975.
- Мерциев М. С. К вопросу о стратиграфии нижних слоев Тараза. — В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1968, с. 37—50.
- Мерциев М. С. Городище Актобе I (IV—нач. XIII в.). — В кн.: Древности Чардары. Алма-Ата: Наука, 1968а, с. 120—173.
- Мерциев М. С. Поселение Кызыл-Кайнартобе I—IV вв. и захоронение на нем воина IV—V вв. — В кн.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1970, с. 79—92.
- МИКХ: Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII вв.: Извлечение из персидских и тюркских сочинений. Алма-Ата: Наука, 1969.
- МИКК: Материалы по истории киргизов и Киргизии. М.: Наука, 1973, вып. 1.
- МИТТ: Материалы по истории туркмен и Туркменин. Т. I. VII—XV вв. Арабские и персидские источники /Под ред. С. Л. Волина, А. А. Ромаскевича, А. Ю. Якубовского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939.
- Миронов А. М. Организационная, научная и практическая деятельность Среднеазиатского археологического института. — Изв. Среднеазиатского археологического института, 1926, вып. 1, с. 18—48.
- МИУТТ: Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. I. Л.: Изд-во АН СССР, Ленингр. отд-ние, 1932.
- Михайлова А. И. Новые эпиграфические данные для истории Средней Азии IX в. — ЭВ, 1951, т. 5, с. 10—20.
- Мухамедов Х. Из истории древних оборонительных стен вокруг оазисов Узбекистана. «Стена Кампирак» древнебухарского оазиса: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Ташкент: Узбекгосиздат, 1961.
- Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. М.: Наука, 1968.
- Народы Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1962, т. 1; 1963, т. 2.
- Настич В. Н. Поясная накладка из Отрара. — В кн.: Древности Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1975, с. 97—105.
- Настич В. Н. К периодизации монетной чеканки Отрара и о ее роли в денежном хозяйстве города и области. — В кн.: Ближний и Средний Восток: Товарно-денежные отношения при феодализме. М.: Наука, 1980, с. 162—171.
- Настич В. Н. Новые факты из истории монетного производства и денежного обращения в Южном Казахстане (XIII—XVII вв.). — В кн.: Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата: Наука, 1983, с. 143—152.
- Негматов Н. Н. и др. Средневековый Шахристан. Душанбе: Дониш, 1966.
- Негматов Н. Н. и др. Уртакурган и Тирмизактепе. Душанбе: Дониш, 1973.
- Нершахи Мухаммад. История Бухары /Пер. с перс. М. Лыкошина. Ташкент, 1897.
- Неразик Е. Е. Сельские поселения афригидского Хорезма. М.: Наука, 1966.
- Неразик Е. Е. О некоторых направлениях этнических связей населения Южного и Юго-Восточного Приаралья в IV—VIII вв. — В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968, с. 197—206.
- Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.). М.: Наука, 1976.
- Неразик Е. Е. К проблеме развития городов Хорезма. — В кн.: Культура и искусство древнего Хорезма. М.: Наука, 1981, с. 219—227.
- Неразик Е. Е. Средневековые сельские постройки Хорезма в связи с формированием некоторых типов жилищ оседлого населения Средней Азии. — В кн.: Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1982, с. 164—178.

- Нильсен В. А. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V—VIII вв.) Ташкент: Наука УзССР, 1966.
- Нифонтова Л. К. Последние археологические поступления в Центральный государственный музей Казахской ССР. — Изв. АН КазССР, № 46. Сер. археол. 1948, вып. 1, с. 116—124.
- Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М.: Наука, 1972.
- Нурмуханбетов Б. Н. Некоторые итоги раскопок Борижарского могильника. — В кн.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1970, с. 108—120.
- Нурмуханбетов Б. Н. Раннемусульманское кладбище близ города Куйрык-тобе. — В кн.: В глубь веков. Алма-Ата: Наука, 1974, с. 85—94.
- ОАК за 1901 г. СПб., 1902.
- ОАК за 1902 г. СПб., 1903.
- ОАК за 1906 г. СПб., 1907.
- Орбели И. А. Баня и скоморох XII в. — В кн.: Памятники эпохи Руставели. Л.: Изд-во АН СССР, Ленингр. отд-ние, 1938, с. 159—170.
- Остроумов Н. П. Археологическая поездка в селение Мамаевку. — ПТКЛА, 1899, № 4, с. 118—137.
- Пальгов Н. Н. Через прибалхашские пески Сары-Ишик-Отрау. — Изв. Гос. Географ. об-ва, 1930, т. XIV, вып. 1—6, с. 481—498.
- Памятники культуры и искусства Киргизии: Каталог выставки. Л.: Искусство, Ленингр. отд-ние, 1983.
- Пантусов Н. Н. Фергана по «Запискам султана Бабура». — Записки РГО, 1880, т. 6, с. 167—199.
- Пантусов Н. Н. Город Алмалык и мазар Туглук Тимур-хана. — В кн.: Кауфманский сборник. М., 1910, с. 161—188.
- Пацевич Г. И. Монеты древнего Тараза. — Коммунист, 1940, № 116.
- Пацевич Г. И. Раскопки древнего города Тараза. — Коммунист, 1940а, № 274.
- Пацевич Г. И. Зороастрийское кладбище на Тик-Турмасе. — Изв. АН КазССР. Сер. археол., 1948, вып. 1, с. 98—104.
- Пацевич Г. И. Гонимая печь на городище Сарайчик. — Тр. ИИАЭ АН КазССР, 1956, т. 1, с. 221—226.
- Пацевич Г. И. Раскопки на территории древнего города Тараза в 1940 г. — Тр. ИИАЭ АН КазССР, 1956а, т. 1.
- Пашино П. И. Туркестанский край в 1868 г. СПб., 1868.
- Петров К. И. Очерки социально-экономической истории Киргизии VI—начала XIII в. Фрунзе: Илим, 1981.
- Петровский Н. Ф. Еще заметка к статье В. В. Бартольда «О христианстве в Туркестане в домонгольский период». — Зап. ВОРАО, 1894а, т. VIII, с. 354—358.
- Петровский Н. Ф. Башня Бурана близ Токмака. — Зап. ВОРАО, 1894б, т. VIII, с. 351—354.
- Петрушевский И. П. Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219—1224 гг. и его последствия. — В кн.: Татаро-монголы в Азии и Европе. М.: Наука, 1977, с. 107—139.
- Пигулевская Н. В. Византия на путях в Индию. — В кн.: Из истории торговли Византии с Востоком в IV—VI вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951.
- Пигулевская Н. В. Культура сирийцев в средние века. М.: Наука, 1979.
- Писарчик А. К. Традиционные способы отопления жилищ оседлого населения Средней Азии. — В кн.: Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1982, с. 69—110.
- Пищулина К. А. Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV—XVIII вв. — В кн.: Казахстан в XV—XVIII вв. Алма-Ата: Наука, 1969, с. 5—49.
- Пищулина К. А. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV—начале XVI в. Алма-Ата: Наука, 1977.
- Плетнева С. А. Керамика Саркела — Белой Вежи. — МИА, 1959, № 75, с. 212—242.
- Плетнева С. А. От кочевий к городам: (Салтово-маяцкая культура). — МИА, 1967, № 142.
- Плетнева С. А. Кочевники средневековья. М.: Наука, 1982.

- Подушкин Н. П.* Ранние оседлые поселения долины Арыси (I—VIII вв.): Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Алма-Ата: ИИАЭ АН КазССР, 1970.
- Подушкин Н. П.* К вопросу о керамике раннеземледельческих поселений Арыси I—IV вв. н. э. — В кн.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1970а, с. 93—107.
- Пославский И. Т.* Развалины города Отрара. — ПТКЛА, 1898, № 3, с. 236—238.
- Потапов Л. П.* Умай — божество древних тюрков. — В кн.: Тюркологический сборник. 1972. М.: Наука, 1973, с. 265—286.
- Пугаченкова Г. А.* Архитектурные памятники Нисы. — Тр. ЮТАКЭ, 1949, т. 1, с. 201—259.
- Пугаченкова Г. А.* Резные камни античной поры в музее истории Узбекистана. — Тр. ТашГУ, 1963, вып. 200, т. VI, с. 65—85.
- Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И.* Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1961.
- Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И.* Самаркандские очажки. — В кн.: Из истории великого города. Ташкент: Изд-во лит-ры и иск-ва им. Г. Гуляма, 1972, с. 206—234.
- Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана: Тезисы Всесоюзной научной конференции в г. Пенджикенте. Душанбе: Дониш, 1977.
- Распопова В. И.* Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины. — Тр. КАЭЭ, 1960, т. IV, с. 138—163.
- Распопова В. И.* Поясной набор Согда VII—VIII вв. — СА, 1965, № 4, с. 78—91.
- Распопова В. И.* Согдийский город и кочевая степь в VII—VIII вв. — КСИА, 1970, № 122, с. 86—91.
- Распопова В. И.* Металлообрабатывающее ремесло раннесредневекового Согда: (Опыт ист.-соц. интерпретации по материалам Пенджикента): Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1971.
- Распопова В. И.* Один из базаров Пенджикента VII—VIII вв. — В кн.: Страны и народы Востока. М.: Наука, 1971а, вып. X, с. 67—85.
- Распопова В. И.* Ремесло и домашние промыслы раннесредневекового Согда. — СА, 1972, № 4, с. 145—157.
- Распопова В. И.* Археологические данные о согдийской торговле. — КСИИМК, 1974, вып. 138, с. 79—86.
- Распопова В. И.* К вопросу о специфике города и сельского поселения Согда. — УСА, 1979, вып. 4, с. 22—25.
- Распопова В. И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1980.
- Распопова В. И.* Стронтельное дело Согда и Тохаристана в раннем средневековье. — В кн.: Бактрия — Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. М.: Наука, 1983, с. 73—74.
- Ремпель Л. И.* Интересная археологическая находка в долине Таласа. — ВАН КазССР, 1952, № 4, с. 79—81.
- Ремпель Л. И.* Археологические памятники в дальних низовьях Таласа. — Тр. ИИАЭ АН КазССР, 1956, т. 1, с. 61—72.
- Ремпель Л. И.* Каменный сосуд из Торткуль-тепе. — В кн.: Художественная культура Средней Азии IX—XIII вв. Ташкент: Изд-во лит-ры и иск-ва им. Г. Гуляма, 1983, с. 169—176.
- Розина Л. Г.* Железные изделия караханидского периода XI—XII вв. — Тр. ИИЯЛИ КиргФАН СССР, 1944, вып. 1, с. 157—161.
- Россия: Полное географическое описание нашего отечества. Т. XIX. Туркестанский край. СПб., 1913.
- Ртвеладзе Э. В.* К вопросу о типологии городских поселений кушанского времени на территории Сурхандарьинской области. — В кн.: Древний город Средней Азии. Л.: Наука, 1973, с. 24—26.
- Рубрук Вильгельм.* Путешествие в Восточные страны /Пред., введ. и прим. А. М. Маленко. СПб., 1911, с. 65—201.
- Руденко С.* Очерк быта казахов бассейна рек Уила и Сагыза. — В кн.: Казаки: Материалы особого комитета по исследованию союзных и автономных республик. М.: Изд-во АН СССР, 1927, вып. 3.

- Руднев Н. Следы древних городов на Сырдарье. — ПТКЛА, 1900, № 5, с. 57—62.
- Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887.
- Савельева Т. В. Обзор литературы по археологии Казахстана (1963—1972 гг.). — В кн.: В глубь веков. Алма-Ата: Наука, 1974, с. 207—222.
- Савельева Т. В. Охрана и изучение древностей Казахстана Туркомстарисом (Средазком-старис). — В кн.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата: Наука, 1976, с. 227—233.
- Савельева Т. В. Всесоюзное совещание в Алма-Ате. Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии. — Информационный бюллетень, 1982, № 3, с. 96—99.
- Сенигова Т. Н. К изучению технических особенностей керамики низовьев Сырдарьи. — Тр. ИИАЭ АН КазССР, 1959, т. 7, с. 215—232.
- Сенигова Т. Н. Осветительные приборы Тараза и их связь с культом огня. — СА, 1968, № 1, с. 208—225.
- Сенигова Т. Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата: Наука, 1972.
- Сенигова Т. Н. Керамика городища Туркестан из верхнего строительного горизонта. — В кн.: Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1978, с. 171—187.
- Симонов А. Джеты-Асар. — ПТКЛА, 1900, № 5, с. 96—101.
- Си-ю-цзи, или описание путешествия на запад. — Тр. членов русской духовной миссии в Пекине, 1866, т. IV, с. 259—436.
- Смирнова О. И. Каталог монет с городища Пенджикент. Л.: Изд-во АН СССР. Ленингр. отд-ние, 1963.
- Смирнова О. И. Очерки из истории Согда. М.: Наука, 1970.
- Смирнова О. И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М.: Наука, 1981.
- Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1966.
- Соколовский В. Г. Казахский аул. Ташкент, 1926.
- Соловьев В. С. Городище Кафыр-кала: (к характеристике раннесредневекового города Северного Тохаристана). — УСА, 1979, вып. 4, с. 60—62.
- Спиридонов П. Поездка на развалины Джанкента. — ПТКЛА, 1898, № 3, с. 68—72.
- Спицын А. Из коллекции Эрмитажа (Чимкентский клад). — ЗВОРАО, 1906, т. 8, вып. 1, с. 249—258.
- Средневековые города Средней Азии и Казахстана: (Тезисы докладов совещания в г. Фрунзе). Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1970.
- Средняя Азия: Природные условия и естественные ресурсы СССР. М.: Наука, 1968.
- Ставиский Б. Я. О международных связях Средней Азии в V — середине VIII в. — ПВ, 1960, № 5, с. 108—118.
- Ставиский Б. Я., Большаков О. Г., Мончадская Е. А. Пенджикентский некрополь. — МИА, 1953, № 37, с. 64—98.
- Стасов В. В. Рецензия на книгу Н. Симакова «Искусство Средней Азии». — Художественные новости, 1883, № 4, с. 132.
- Стасов В. В. Собрание сочинений. Спб., 1894, т. 2.
- Стужина Э. П. Китайский город IX—XIII вв. М.: Наука, 1979.
- Сухарева О. А. К истории городов Бухарского ханства. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1958.
- Сухарева О. А. Квартальная община позднефеодального города Бухары. М.: Наука, 1976.
- Сухарева О. А. Традиции сочетания городских и сельских занятий в Средней Азии конца XIX — начала XX в. — В кн.: Товарно-денежные отношения на Ближнем Востоке и Средней Азии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1979, с. 203—212.
- Сухарева О. А., Бикжанова М. А. Прошлое и настоящее селения Айкыран. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1955.
- Сухарева О. А., Турсунов Н. О. Из истории городских и сельских поселений Средней Азии. — В кн.: Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1982, с. 10—47.
- Сюзюмов М. Я. Проблема возникновения средневекового города в Западной Европе. — СВ, 1968, № 31, с. 77—87.
- Ташиходжаев Ш. С. Художественная поливная керамика Самарканда IX — начала XIII в. Ташкент: Фан, 1967.

- Тереножкин А. И. Холм Ак-тепе близ Ташкента. — Тр. ИИА АН УзССР, 1948, т. 1, с. 71—133.
- Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956.
- Толстов С. П. Города гузов. — СЭ, 1947, № 3, с. 55—102.
- Толстов С. П. Древний Хорезм. М.: Изд-во МГУ, 1948.
- Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.: Изд-во АН СССР, 1948а.
- Толстов С. П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция в 1948 г. — Изв. АН КазССР. Сер. истории и философии, 1949, т. 4, № 3, с. 246—262.
- Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. — Тр. ХАЭЭ, 1958, т. 2, с. 7—258.
- Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Наука, 1962.
- Трудновская С. А. Стекло с городища Шах-Сенем. — Тр. ХАЭЭ, 1958, т. 4, с. 421—430.
- Усова Е., Буряков Ю. Ф. Терраотовые поделки с городища Канка. — ИМКУз, 1981, вып. 16, с. 44—51.
- Федоров-Давыдов Г. А. Раскопки торгово-ремесленного квартала XV—XII вв. на городище Таш-Кала в Ургенче. — Тр. ХАЭЭ, 1958, т. 2, с. 505—528.
- Федоров-Давыдов Г. А., Вайнер И. С., Мухамадиев А. Г. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959—1966 гг. — В кн.: Поволжье в средние века. М.: Наука, 1970, с. 68—171.
- Федчина В. Н. Как создавалась карта Средней Азии. М.: Наука, 1967.
- Филипович М. И. Ташкент: Зарождение и развитие города. Ташкент: Фан, 1983.
- Фишер Г. А. Озеро Балхаш и течение р. Или от выселка Илийского до ее устьев. — Зап. Зап.-Сиб. отд. РГО, 1884, кн. VI, с. 1—21.
- Флоринский В. М. Топографические сведения о курганах Семиреченской и Семипалатинской областей. — Изв. Томского университета, 1889, кн. 1, отд. 2, с. 15—31.
- Ходжикиев К. Древнейшие памятники Семиречья. — Тр. Казахского института национальной культуры, 1935, т. 1, с. 42—50.
- Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX вв. Алма-Ата: Наука, 1980.
- Чабров Р. Н. Из истории изучения развалин древнего города Джанкента. — Тр. САГУ. Ист. науки, кн. 25, 1957, вып. III, с. 187—192.
- Черкасов А. А. Поездка на развалины Отрара. — ПТКЛА, 1903, № 3, с. 70—74.
- Чугуевский Л. И. Новые материалы к истории согдийской колонии в районе Дунхуана. — В кн.: Страны и народы Востока. М.: Наука, 1971, вып. 10, с. 147—156.
- Чуйская долина /Сост. под рук. А. Н. Бернштама. — МИА, 1950, № 14.
- Чупахин В. М. Физическая география Тянь-Шаня. Алма-Ата: Наука, 1964.
- Чупахин В. М. Природное районирование Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1970.
- Шалекенов У. Х., Елеуов М. Е., Алдабергенов Н. О. Раскопки цитадели городища Актобе. — В кн.: Вопросы истории социалистического и коммунистического строительства в Казахстане. Алма-Ата: КазГУ, 1978, с. 161—179.
- Шалекенов У. Х. Актобе — средневековый памятник. — В кн.: История материальной культуры Казахстана. Алма-Ата: КазГУ, 1980, с. 13—20.
- Шарахматов Ш. Ш. Новые стеклянные сосуды с Афрасиаба. — В кн.: Афрасиаб. Ташкент: Фан, 1973, вып. 2, с. 224—228.
- Шарахматов Ш. Ш. Гончарное производство средневекового Самарканда: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Ташкент: Ин-т истории АН УзССР, 1975.
- Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья. М.; Л.: Наука, 1966.
- Шефер Э. Золотые персики Самарканда: Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. М.: Наука, 1981.
- Шишкин В. А. Варахша. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
- Шишкина Г. В. Методика изучения городского квартала в свете работ на Афрасиабе. — В кн.: Средневековые города Средней Азии и Казахстана. Л., 1970, с. 15—18.
- Шишкина Г. В. Городской квартал VIII—IX вв. на северо-западе Афрасиаба. — В кн.: Афрасиаб. Ташкент: Фан, 1973, вып. 2, с. 117—156.
- Шнайдер Р. Политические центры и художественные силы в сельджукском Иране. — В кн.: Мусульманский мир. 950—1150. М.: Наука, 1981, с. 221—230.
- Шуховцов В. К. Нескольким замечкам по топонимике Южного Казахстана. — В кн.: Материалы республиканской научно-практической конференции молодых ученых по общественным наукам. Алма-Ата: Наука, 1978, с. 152—154.
- Этнографические очерки узбекского сельского населения. М.: Наука, 1969.

- Юридические документы и письма / Чтение, пер. и коммен. В. А. Лившица. М.: Наука, 1962, вып. 2.
- Юсупов Х. Средневековые крепости на Большом Балхане. — СА, 1968, № 2, с. 210—219.
- Якубов Ю. Раскопки Гардони-Хисора. — УСА, 1979, вып. 4, с. 46—49.
- Якубов Ю. Раннесредневековые бытовые очаги из поселения Гардони-Хисор. — В кн.: Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1982, с. 111—120.
- Якубовский А. Ю. Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века (VI—XV вв.) — КСИИМК, 1949, вып. 28, с. 30—43.
- Якубовский А. Ю. Главные вопросы истории развития городов Средней Азии. — Тр. ТаджФАН СССР, 1951, т. XXIX (история, археология, этнография, язык и литература), с. 3—17.
- Bosworth C. E. The Ghaznavids. Their empire in Afghanistan and Eastern Iran, 994—1040. Edinburgh, 1963.
- Bretschneider E. Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. Fragments towards the knowledge of the geography and history of Central and Western Asia from the 13th to the 17th century. Vol. I—II. London, 1910.
- Clauson G. Ak-Beshim — Suyab. — Труды XXV Международного конгресса востоковедов. М.: Наука, 1965, с. 126—127.
- Gabain A. von. Der Buddhismus in Zentralasien. Abt. 1. — Handbuch der Orientalistik. Bd. VIII. Leiden — Köln, 1961, S. 496—514.
- Giles L. A Chinese geographical text of the ninth century. — BSOS, vol. VI, 1930, p. 825—846.
- Huudud al'Alam. The Regions of the World. A Persian Geography 372 A. H. — 982 A. D. Transl. and explained by V. Minorsky, with the preface by V. V. Barthold. Translated from Russian. London, 1937 (GMS, N 5, XI).
- Juvaini. The History of the World—Conqueror by Ala-ad-Din Ata-Malik Juvaini. Transl. from the text of Mirza Muhammad Qazvini by J. A. Boyle. Vol. II—III. Manchester, 1958.
- Johnson G. A. A test of the Utility of central place theory in Archaeology. — Man, Settlement and Urbanism. London, 1972, p. 766—791.
- McGovern W. M. The Early Empires of Central Asia. Chapel Hill, 1939.
- Pelliot P. Le «Cha tcheou tou/tou/fou t'ou King» et la colonie sogdienne de la region du Lob Nor. — JA, 1916, sér. 11, c. VII, p. 111—123.
- Pulleyblank E. G. A sogdian colony in Inner Mongolia. — TP, 1952, vol. 41, p. 317—383.

Р у к о п и с и

- Городецкий В. Д. Древности Семиречья (Джетысуйской) области. — Архив ИИАЭ АН КазССР, ф. 2, д. 3.
- Дублицкий Б. Н. Хроника археологических разведок и находок на территории Казахской ССР. — Архив ИИАЭ АН КазССР, ф. 2, д. 161—162.
- Кожемяко П. Н. Отчет о раскопках на городище Красная Речка в 1961 г. Рукопись Института истории АН КиргССР.
- Пацевич Г. И. Памятники междуречья Талас — Чу. — Архив ИИАЭ АН КазССР, ф. 2, д. 6.
- Таласская долина (1936—1938) / Под ред. А. Н. Бернштама. — Архив ИИАЭ АН КазССР, ф. 2, д. 1.

Список сокращений

АО	— Археологические открытия. М.
ВАН КазССР	— Вестник Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата.
ВГ	— Вопросы географии. М.
ВДИ	— Вестник древней истории. М.
ВИ	— Вопросы истории. М.
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры.
ГИМ	— Государственный исторический музей.
ГЭ	— Государственный Эрмитаж.
ЗВОРАО	— Записки восточного отдела Русского археологического общества. Спб.
ИАН КазССР	— Известия Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата.
ИЗ	— Исторические записки. М.
ИИАЭ	— Институт истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР.
ИИЯЛИ	— Институт истории, языка, литературы и искусства Киргизского филиала Академии наук СССР.
ИМКУз	— История материальной культуры Узбекистана. Ташкент.
КазГУ	— Казахский Государственный университет.
КАЭЭ	— Киргизская археолого-этнографическая экспедиция.
КД	— Каракумские древности. Ашхабад.
КСИА	— Краткие сообщения института археологии.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии.
МГУ	— Московский Государственный университет.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР.
МКТ	— Материальная культура Туркменистана.
НЭ	— Нумизматика и эпиграфика. М.
ОАК	— Отчеты Археологической комиссии. Спб.
ОВГЭ	— Отдел истории культуры и искусства Востока, Государственного Эрмитажа.
ОНУз	— Общественные науки Узбекистана. Ташкент.
ПВ	— Проблемы востоковедения. М.

ПТКЛА	— Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. Таш- кент.
РГО	— Русское географическое общество.
СА	— Советская археология. М.
САГУ	— Среднеазиатский государственный университет.
САЭ	— Семиреченская археологическая экспедиция.
СВ	— Средние века. М.
СЭ	— Советская этнография. М.
ТАКЭ	— Термезская археологическая экспедиция.
ТАЭ	— Таджикская археологическая экспедиция.
Тр. ИЭ	— Труды Института этнографии.
УСА	— Успехи среднеазиатской археологии.
ХАЭЭ	— Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция.
ЮККАЭ	— Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция.
ЮТАКЭ	— Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспеди- ция.
ЭВ	— Эпиграфика Востока. М.; Л.
BSOS	— Bulletin of the School of Oriental Studies. London Institution (Uni- versity of London).
GMS	— E. J. W. Gibb Memorial Series.
JA	— Journal Asiatique. Paris.
TP	— T'oung Pao.

Оглавление

От автора	3
Глава I. ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАЙОНИРОВАНИЕ ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА И СЕМИРЕЧЬЯ. ИСТОРИОГРАФИИ АРХЕОЛО- ГИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЫ	7
Историко-географическое районирование	—
Историография средневековой археологии Казахстана	12
Глава II. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ГОРОДОВ	23
Локализация городов Южного Казахстана	—
Локализация городов юго-западного Семиречья	28
Локализация городов северо-восточного Семиречья	35
Глава III. ГОРОДА В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ	39
Политическая обстановка	—
Вопросы хронологии, выделение археологических комплексов	41
Количество городов, топография и типология	63
Структура городов	71
Городское жилище и вопросы демографии	83
Функции городов	89
Городская культура: составные компоненты и проблема культурного синтеза	92
Глава IV. РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ IX — начале XIII в.	99
Политическая история региона	—
Вопросы хронологии, археологические комплексы	101
Рост количества городов, типология, топография городищ	126
Изменения в структуре городов	133
Развитие жилища и вопросы демографии	148
Развитие ремесла, торговли, сельского хозяйства	161
Трансформация городской культуры, традиции и инновации	181

Глава V. ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ В РАЗВИТИИ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ	186
Заключение	232
Abstract	233
Библиографические ссылки	236
Список сокращений	252

12795

Карл Молдахметович Байпаков
СРЕДНЕВЕКОВАЯ ГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА
ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА И СЕМИРЕЧЬЯ

*Утверждено к печати Ученым советом
Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова
Академии наук Казахской ССР*

Рецензенты: кандидаты исторических наук
Ю. Ф. Буряков, В. Д. Горячева, Л. Б. Ерзакович, Б. Е. Кумеков

Зав. редакцией *Л. И. Дробжева*
Редактор *В. В. Сирождинова*
Худ. редактор *Н. Ф. Чурсин*
Оформление художника *Л. И. Матвеева*
Техн. редактор *В. М. Муromцева*
Корректор *С. Г. Жанабекова*

ИБ № 1723

Сдано в набор 9.07.85. Подписано в печать 5.11.85. УГ10142.
Формат 70×90¹/₁₆. Бум. тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать
Усл. п. л. 18,7. Усл. п. кр.-отт. 18,7. Уч.-изд. л. 18,4. Тираж 1100.
Заказ 147. Цена 3 р. 10 к.

Издательство «Наука» Казахской ССР.
480100, Алма-Ата, Пушкина, 111/113.
Типография издательства «Наука» Казахской ССР.
480021, Алма-Ата, Шевченко, 28.